

ISSN 1999-2629

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЛИНГВИСТИКА**

POLITICAL LINGUISTICS

1(27)'2009

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

1(27)'2009

Научное издание

Екатеринбург 2009

УДК 409.34
ББК Ш 107
П 50

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: доктор филол. наук, проф. А. П. ЧУДИНОВ (Екатеринбург)

Заместители главного редактора:

кандидат филол. наук, доцент Э. В. БУДАЕВ (Нижний Тагил)

Члены редакционной коллегии:

доктор философии, профессор Р. АНДЕРСОН (Лос-Анджелес, США)

доктор филол. наук, профессор В. Н. БАЗЫЛЕВ (Москва)

доктор философии, профессор Д. ВАЙС (Цюрих, Швейцария)

доктор философии, профессор Дж. ДАНН (Глазго, Великобритания)

ректор УрГПУ, доктор пед. наук, профессор Б. М. ИГОШЕВ (Екатеринбург)

доктор философии, профессор И. ИНЬИГО-МОРА (Севиля, Испания)

доктор филол. наук, профессор Э. ЛАССАН (Каунас, Литва)

доктор филол. наук, профессор Н. Б. РУЖЕНЦЕВА (Екатеринбург)

доктор филол. наук, профессор В. В. ХИМИК (Санкт-Петербург)

доктор филологии, профессор П. ЧЕРВИНЬСКИ (Катовице, Польша)

Технические редакторы: А. И. СУЕТИНА,

кандидат филол. наук, доцент М. Б. ВОРШИЛОВА

Политическая лингвистика / Гл. ред. А. П. Чудинов; ГОУ ВПО
П 50 «Урал. гос. пед. ун-т» – Екатеринбург, 2009. Вып. (1)27. – 194 с.
ISSN 1999-2629

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает три основных раздела – «Политическая коммуникация», «Язык – политика – культура» и «Классика политической лингвистики». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 409.34
ББК Ш 107

Благодарим РГНФ за материальную поддержку проекта (грант 07-04-02002а – Метафорический образ России в отечественном и зарубежном политическом дискурсе).

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА ВЫПУСК (1)27

Подписано в печать 02.03.2009. Формат 60x84/16.
Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.
Усл. печ. л. – 24,25. Тираж 500 экз. Заказ 2745
Оригинал макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета
620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
E-mail: uspu@uspu.ru

P.S. Статьи выходят в авторском варианте, редакция не несет ответственности за их содержание и оформление.

ISSN 1999-2629

© ГОУ ВПО «УрГПУ», 2009

© Политическая лингвистика, 2009

Ural State Pedagogical University

POLITICAL LINGUISTICS

1(27)'2009

Editor-in-Chief

Anatoliy P. Chudinov, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg)

Deputy Editor-in-Chief :

Edward V. Budaev, Ph.D., Assoc. Prof. (Nizhniy Tagil)

Editorial Board

Richard Anderson Jr., Ph.D., Prof. (Los Angeles, USA)

Vladimir N. Bazylev Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)

Petr Cerwinski Ph.D., Prof. (Katowice, Poland)

John Dunn, Ph.D., Prof. (Glasgow, the UK)

Boris M. Igoshev, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)

Isabel Iñigo-Mora, Ph.D., Prof. (Seville, Spain)

Vasiliy V. Khimik , Ph.D., Prof. (Saint-Petersburg, Russia)

Eleonora Lissan, Ph.D., Prof. (Kaunas, Lithuania)

Natalia B. Ruzhentseva, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)

Daniel Weiss, Ph.D., Prof. (Zurich, Switzerland)

Ekaterinburg 2009

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ		6
<u>РАЗДЕЛ 1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ</u>		
Аникин Е.Е. Париж, Франция	Спортивная метафора как средство концептуализации президентских выборов США во французских СМИ	7
Бенуа У. Колумбия, США	Моделирование посредством темпоральной метафоры: «Мосты» Боба Доула и Билла Клинтона в их предвыборных обращениях 1996 г.	13
Будаев Э.В., Чудинов А.П. Екатеринбург, Нижний Тагил, Россия	Лингвистическая советология как научное направление	25
Вайс Д. Цюрих, Швейцария	Животные в советской пропаганде: вербальные и графические стереотипы (часть 2)	39
Кара-Мурза Е.С. Москва, Россия	Лингвистическая экспертиза как процедура политической лингвистики	47
Матыгина Е.Б. Челябинск, Россия	Сказка о справедливой войне в официальных заявлениях Кондолизы Райс	72
Нахимова Е.А. Екатеринбург, Россия	Прецедентное поле «Монархи» в дискурсе современных российских СМИ	85
Онищенко М.С. Ульяновск, Россия	Национальная специфика концепта <i>свободная страна</i> в русском, немецком и американском когнитивном сознании	91
Плотникова С.Н., Домышева С.А. Иркутск, Россия	Политическое дискурсивное пространство: принципы структурирования	103
Романова Т.В. Нижний Новгород, Россия	Коммуникативный имидж и речевой портрет современного политика	109
Серио П. Лозанна, Швейцария	От любви к языку до смерти языка	118
Сивенкова М.А. Минск, Беларусь	Ответы на вопросы в британских и российских парламентских дебатах	124
Червиньски П. Катовице, Польша	Язык советской действительности: семантика позитива в обозначении лиц	132
<u>РАЗДЕЛ 2. ЯЗЫК – ПОЛИТИКА – КУЛЬТУРА</u>		
Быкова Л.В. Сургут, Россия	Отражение творчества немецких и австрийских композиторов в прецедентных феноменах российской прессы	148
Елисеева С.В. Сургут, Россия	Прецедентные феномены, относящиеся к субфере «Литературная сказка», в российских и американских СМИ	152
Иванова Ю.М. Волгоград, Россия	Стратегическая структура игрового взаимодействия (на материале текстовых ролевых игр)	159
Надель-Червиньска М. Катовице, Польша	Две России глазами «дачника с 1918 года» Игоря Северянина	169
<u>РАЗДЕЛ 3. КЛАССИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ</u>		
Лассвелл Г. Нью Хейвен, США	Стратегия советской пропаганды	179
де Сола Пул И. Стэнфорд, США	Символы демократии	185
Правила предоставления рукописей авторами в журнал «Политическая лингвистика»		191

CONTENTS

EDITORIAL		6
<u>PART 1. POLITICAL COMMUNICATION</u>		
Anikin E. E. Paris, France	Sports metaphor as a means of conceptualizing the 2008 us presidential election in the french media	7
Benoit W. Columbia, USA	Framing through temporal metaphor: the "bridges" of bob dole and bill clinton in their 1996 acceptance addresses	13
Budaev E.V., Chudinov A.P. Ekaterinburg, Nizhny Tagil, Russia	Linguistic sovietology as a scholarly trend	25
Weiss D. Zurich, Switzerland	Animals in Soviet Propaganda: Verbal and Graphical Stereotypes (2)	39
Kara-Murza E. S. Moscow, Russia	Linguistic Expertise as a Procedure of Political Discourse	47
Matygina E.B. Chelyabinsk, Russia	The fairy tale of the just war in Condoleezza Rice's official rhetoric	72
Nakhimova E. A. Yekaterinburg, Russia	Precedent Field "Monarchs" in the Discourse of Present-day Russian Mass Media	85
Onishchenko M.S. Ulyanovsk, Russia	National Specificity of the Concept of a Free Country in the Russian, German and American Cognitive Consciousness	91
Plotnikova S. N., Domysheva S. A. Irkutsk, Russia	Political Discourse Space and its Structural Organization	103
Romanov T.V. Nizhniy Novgorod, Russia	The Communicative Image And Linguistic Portrait Of A Contemporary Politician	109
Seriot P. Lausanne, Switzerland	From the love of the language to the death of the language	118
Sivenkova M.A. Minsk, Belarus	Answers to questions in british and russian parliamentary debates	124
Chervinsky P. Katowice, Poland	Language of the soviet reality: semantics of positive in designation of persons	132
<u>PART 2. LANGUAGE – POLITICS – CULTURE</u>		
Bykova L.V. Surgut, Russia	The representation of works of German and Austrian composers in precedent phenomena of the Russian press	148
Eliseeva S. V. Surgut, Russia	The Characteristics of Functioning and Actualization of the Precedent Phenomena Referring to the Sub-domain «Fairytale» of the Source Domain «Literature»	152
Ivanova J.M. Volgograd, Russia	Strategies in communicative games (based on on-line text RPGs)	159
Nadel-Chervinsky M. Katowice, Poland	Two russias by eyes of «summer-rezident since 1918», Igor Severyanin	169
<u>PART 3. FROM THE HISTORY OF POLITICAL LINGUISTICS</u>		
Lasswell H. D. New Haven, the USA	The strategy of soviet propaganda	179
I. de Sola Pool Stanford, USA	Word Democracy	185
Manuscripts requirements		191

ПРЕДИСЛОВИЕ

Редакционная коллегия представляет двадцатый седьмой выпуск «Политической лингвистики» – узко специализированного журнала, ориентированного на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах.

Нам приятно, что для очередного выпуска предложили свои статьи известные зарубежные специалисты по политической лингвистике профессора Уильям Бенуа (США), Даниэль Вайс (Швейцария), Патрик Серियो (Швейцария), Петр Червиньски (Польша), доктора наук Евгений Аникин (Франция), Маргарита Надель-Червиньска (Польша) и Мария Александровна Силенкова (Беларусь)

Мы благодарны за предоставленные для публикации исследования ведущим российским специалистам, работающим в различных регионах России: доктору филологических наук, профессору Татьяне Владимировне Романовой (Нижний Новгород), доценту Юлии Михайловне Ивановой (Волгоград), доценту Елене Станиславовне Кара-Мурза (Москва), доценту Марии Сергеевне Онищенко (Ульяновск).

Уральскую школу политической лингвистики и лингвокультурологии представляют профессор Анатолий Прокопьевич Чудинов (Екатеринбург), доценты, докторанты Эдуард Владимирович Будаев (Нижний Тагил) и Елена Анатольевна Нахимова (Екатеринбург), аспиранты Людмила Владимировна Быкова (Сургут), Светлана Викторовна Елисеева (Сургут), Елена Борисовна Матыгина (Челябинск).

В разделе «Из истории политической лингвистики» представлены созданные в середине прошлого века публикации знаменитых профессоров из США – Г.Лассвелла и И. де Сола Пул. Эти статьи призваны показать особенности восприятия Советского Союза американскими учеными в период холодной войны, однако редакционная коллегия «Политической лингвистики» вовсе не во всем согласна с выводами, сделанными американскими советологами.

Мы выражаем особую благодарность переводчикам – кандидату филологических наук Евгению Евгеньевичу Аникину, кандидату филологических наук Елене Борисовне Плаксиной, аспирантам УрГПУ Татьяне Вячеславовне Таратыновой, Ксении Леонидовне Филатовой и Софье Сергеевне Чистовой, Каждый наш переводчик активно занимается политической

лингвистикой, а поэтому хорошо знает соответствующую методологию и терминологию.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса. Вынуждены подчеркнуть, что сам факт анализа политических текстов, созданных Биллом Клинтонем, Борисом Немцовым, Кондолизой Райс, Александром Прохановым, Н. С. Хрущевым или Г.А. Зюгановым, вовсе не свидетельствует о том, что автор публикации или редакционная коллегия в какой-либо степени солидарны с политическими взглядами соответствующего политического лидера или журналиста.

С содержанием предшествующих выпусков данного журнала можно познакомиться на сайте cognitiv.narod.ru, а также на сайте Уральского государственного педагогического университета usru.ru. На сайте cognitiv.narod.ru размещены другие публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральской школы политической лингвистики. Мы готовы удовлетворить заявки и на пересылку этого и предшествующих выпусков в отпечатанном варианте.

Контакты. Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Телефоны (343) 2357612 (кафедра); (343) 3361592 (главный редактор А. П. Чудинов).

Факс (343) 3361592.

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru.

Приятно сообщить, что наш журнал теперь включен в Каталог Роспечати и можно оформить подписку на него в любом почтовом отделении России (индекс 81955).

Наш журнал включен также в международную систему научных журналов (ISSN), где имеет индекс ISSN 1999-2629.

В январе 2009 года журнал «Политическая лингвистика» был включен в состав базы данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

**С уважением и надеждой
на сотрудничество:**

Профессор Анатолий Прокопьевич Чудинов
Доцент Эдуард Владимирович Будаев
Доцент Мария Борисовна Ворошилова
Техн. редактор Анастасия Игоревна Суетина

РАЗДЕЛ 1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯАникин Е. Е.
Париж, ФранцияAnikin E. E.
Paris, France**СПОРТИВНАЯ МЕТАФОРА
КАК СРЕДСТВО КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ
ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ США 2008 ГОДА
ВО ФРАНЦУЗСКИХ СМИ****SPORTS METAPHOR
AS A MEANS OF CONCEPTUALIZING
THE 2008 US PRESIDENTIAL ELECTION
IN THE FRENCH MEDIA**

УДК 81'373.612.2

ГСНТИ 16.21.27, 16.41.21

Код ВАК 10.02.05

Аннотация. Настоящая статья посвящена когнитивному анализу спортивной концептуальной метафоры, использованной французскими СМИ с целью концептуализации хода и результатов президентских выборов 2008 года в США. В результате проведенного анализа автор приходит к выводу, что особенности использования спортивной метафоры демонстрируют склонность французских СМИ отдавать предпочтение Б. Обаме над Дж. Маккейном и, таким образом, оценивать факт его избрания президентом положительно.

Ключевые слова: концептуальная метафора, метафорическая модель, фрейм, слот, концептуализация образа.

Сведения об авторе: Аникин Евгений Евгеньевич, кандидат филологических наук, докторант.

Место работы: Университет Париж–13.

Контактная информация: 7, rue de l'Ermitage, la Chapelle-en-Serval, 60520, France.

E-mail: ewganik_chel@mail.ru

Abstract. The paper is dedicated to the cognitive study of sports conceptual metaphor, used by the French media in order to conceptualize the course and the results of the 2008 US Presidential election. In the course of analysis, the author comes to the conclusion, that the peculiarities of use of the sports metaphor demonstrate the French media's penchant towards favoring B. Obama over J. McCain, and thus his election is conceptualized as a positive development.

Key words: conceptual metaphor, metaphoric model, frame, slot, conceptualization of the image.

About the author: Anikin Evgeny Evgenievich, candidate of philology, doctoral student.

Place of employment: Université Paris–13.

Президентские выборы 2008 года в США были особыми во многих отношениях. Впервые в истории женщина и бывшая первая леди (Хиллари Клинтон) имела реальные шансы на победу. На течение кампании сильное влияние оказало развитие финансового кризиса, который многими оценивается как самый серьезный со времен Великой Депрессии, что означает, что ситуация оказалась новой для большинства избирателей. Кампания развивалась на фоне российской военной интервенции в Республику Грузия, являющуюся одним из основных союзников США на постсоветском пространстве. Многие на Западе расценили ситуацию как отступление США со своих позиций (поскольку США не вмешались, не считая громких протестов) и возврат советской угрозы. И, наконец, впервые в истории темнокожий кандидат (Барак Обама) был избран президентом США.

Учитывая все эти «новшества» и «давно забытые старые вещи», задача понимания (т.е. концептуализации) того, что происходило в течение кампании и к чему приведут результаты президентских выборов-2008, представляется весьма сложной как в США, так и во всем мире. Настоящее исследование посвящено анализу того, как указанные президентские выборы концептуализируются во французских печатных СМИ (Le Monde, La Liberation, Le Figaro) и – под их влиянием – французской публикой.

Концептуализация США как государства и отношений этого государства с Францией практически со дня создания США в конце XVIII века

стало проблемой, будоражащей умы французских мыслителей. Проблема привлекала внимание таких известных мыслителей, как А. де Токвилль и Стендаль в XIX веке, Р. Арон, А. Дандье, Ж.-П. Сартр в веке XX, и до сих остается в фокусе французских исследователей (Ф. Роже, П. Бодри, Э. Тодд). Новости об основных событиях внутренней и внешней политики США занимают почетное место на передовицах французских газет. Данный интерес можно объяснить, с одной стороны, тем фактом, что процесс концептуализации данной страны (которая – в соответствии со всеми законами природы – должна быть так похожа на Францию, но в реальности – и это кажется непостижимым – настолько отличается от нее) продолжается до сих пор и привлекает огромное внимание публики. С другой стороны, США являются бесспорным лидером практически во всех сферах (военной, финансовой, политической и т.д.) международной жизни, и поэтому другим странам и народам представляется исключительно важным понимание и концептуализация того, что конкретно происходит в США и как эти события повлияют на остальной мир.

Президентские выборы зачастую являются поворотным событием в жизни любой страны, но когда речь идет о США, мы полагаем, что, в значительной степени, о них можно говорить как о поворотном событии для всего земного шара и 6,7 миллиардов людей, населяющих его. Данные выборы – это исключительно важное событие для Грузии, поскольку никто не знает, поддержит ли новый президент США

кавказскую республику в ее споре с Россией за сепаратистские регионы Абхазии и Южной Осетии. Это исключительно важное событие для России, поскольку она не может быть уверена, окажет ли США поддержку Грузии в ее стремлении вступить в НАТО (возможно, вместе с Украиной, что стало бы тяжелейшим ударом по российскому самоуважению и национальной безопасности). Данное событие исключительно важно для латиноамериканских стран (Венесуэлы, Никарагуа, Эквадора и многих других), которые надеются на нормализацию отношений с США.

Франция – не исключение. Останутся ли в силе договоренности ВТО об исключительности культурной продукции в международной торговле, или же французская культура будет поглощена голливудской киноиндустрией? Будет ли американский президент достаточно деликатен и мудр для того, чтобы не подтолкнуть мир к третьей мировой войне? Будет ли новый американский президент вести равноправный диалог с французскими и другими европейскими лидерами? Вот далеко не полный список вопросов, на которые Франция хотела бы получить ответы, поскольку все эти вещи окажут влияние на жизнь ее граждан в течение как минимум четырех или восьми последующих лет.

Настоящее исследование посвящено тем способам, посредством которых французские СМИ пытаются интерпретировать (т.е. концептуализировать) то, что происходило во время американских выборов и сразу после их завершения, в частности, посредством спортивной концептуальной метафоры.

Спортивная концептуальная метафора в политическом дискурсе широко распространена, и поэтому привлекает внимание как отечественных, так и зарубежных ученых. Исследование Д.А. Хербек посвящено изучению спортивной метафоры как средства концептуализации операции «Буря в пустыне» в американских СМИ [Herbeck 2004]. В исследовании А.В. Касловой [2003] приводится сопоставительный анализ спортивной метафоры как средства концептуализации российских и американских президентских выборов 2000 г. Исследование Т.И. Литвиновой посвящено «спортивным» и «игровым» метафорам в немецком политическом дискурсе [Литвинова 2008].

Популярность спортивных метафор как средства концептуализации политических событий может быть объяснена несколькими причинами. С одной стороны, спорт и политика могут быть охарактеризованы такими общими чертами, как жесткое противоборство, конфронтационный характер и огромное желание победить. Как отмечает А. Каслова, «точка соприкосновения политического дискурса со спортивно-игровым – элемент агональности, состязательности, который проявляется как непрекращающийся диалог-поединок между пар-

тией власти и оппозицией» [Каслова 2003: 101]. Данная особенность приобретает особое значение при описании такого важного события политической жизни, как выборы: «состязательная сущность как выборов, так и профессионального спорта представляется достаточной основой для метафоризации выборов через спорт» (“... the competitive nature of both elections and professional sport seems a sufficient basis for metaphorisation of elections through sport” (перевод – автора)). [Fetzer, Lauerbach 2007: 87].

Кроме того, концептуальная метафора представляет собой мощный инструмент убеждения, и, вследствие того, что политическая коммуникация является по своей природе увещательной формой коммуникации, спортивная метафора становится средством политической пропаганды с возможностью воздействия на способ восприятия политических событий, политиков и их действий аудиторией.

Еще одним важным фактором является желание СМИ и политиков превратить выборы в захватывающее зрелище, заразить публику энтузиазмом. Достижение данной цели помогает СМИ реализовать свою продукцию (газеты, телепередачи и т.д.), а политическим элитам – убедить людей в том, что они играют важную роль в управлении своей страной. Театральность (т.е. зрелищность) политической коммуникации отмечается многими учеными (А.А. Касловой, А.П. Чудиновым, Е.И. Шейгал и др.). По этому поводу Д.А. Хербек замечает: «Смешивая политику и спорт, данные метафоры превращают политические события в увлекательное зрелище. И хотя это и дает прекрасный материал, подобная метафоризация подрывает участие широкой публики, не способствует политическим дебатам по существу и укрепляет существующий политический режим» (“By blending politics and sports, these metaphors transform political events into entertainment spectacles. While this makes for good copy, it undermines public participation, discourages substantive discussion of the issues, and reinforces the existing political order” (перевод – автора)). [Herbeck [http](#)].

Анализ спортивной концептуальной метафоры в публикациях французской прессы (Le Monde, La Liberation, Le Figaro), посвященных президентским выборам 2008 г. в США, позволил нам выявить следующие фреймы, ведущие к реализации спортивной модели:

Фрейм 1. Игра/Соревнование;

Фрейм 2. Спортсмены;

Фрейм 3. Результаты соревнований.

Перейдем к подробному анализу каждого фрейма, ведущего к реализации спортивной метафоры в публикациях французской прессы, ставящих целью концептуализацию президентских выборов США 2008 г.

Фрейм 1. Игра / Соревнование

Президентские выборы США 2008 г. концептуализируются как спортивная игра или соревнование. К реализации фрейма ведут два слота:

- Слот 1. Проведение соревнований / игры;
- Слот 2. Спортивный инвентарь / атрибуты.

Слот 1. Проведение соревнований / игры. Американская политическая жизнь в общем и выборы в частности концептуализируются как игра:

Le renouvellement du Sénat (100 membres, 2 par Etat, élus pour six ans au scrutin majoritaire uninominal à un tour) se fait par tiers tous les deux ans. Cette année, 35 sièges sont en jeu. (LE MONDE, le 04 Novembre 2008).

La base démocrate a joué le jeu, au point que la carte du vote Obama recouvre celle des fiefs traditionnels du Parti démocrate, notamment le Nord-Est des blue collars blancs. Les Républicains n'avaient nul intérêt à souligner qu'Obama était un Noir atypique. (LE FIGARO, le 10 novembre 2008).

Политикам необходимо играть хорошо, если они хотят добиться своих политических целей. Если у них это не получается, их ждет провал, как произошло с действующим президентом Дж. Бушем:

Obama affirme vouloir tout faire pour empêcher Téhéran de mener à bien son programme nucléaire, tout en proclamant sa volonté de discuter sans préalables avec les dirigeants de ce pays. Il a vivement critiqué la politique de George W. Bush consistant à jouer la confrontation à l'exclusion de la diplomatie. Il s'est dit prêt à rencontrer les «ennemis de l'Amérique», une position qui lui a été beaucoup reprochée. (LA LIBERATION, le 6 nov. 2008).

В отличие от Дж. Буша, Б. Обама играл хорошо, так как обладал всеми необходимыми качествами для победы в соревнованиях (коими являются выборы):

Du coup, les mots de changement, de réforme, de novation, d'audace et de créativité étaient passés à droite. Même si le terme n'a pas le même sens aux Etats-Unis, même si Barack Obama, un peu comme les Kennedy, est aussi un politicien éprouvé, centriste à beaucoup d'égards, dur dans la compétition et habile à la manœuvre, ces mots viennent de repasser à gauche. (LA LIBERATION, le 6 nov. 2008).

Слот 2. Спортивный инвентарь / атрибуты. Как продемонстрировало исследование А.А. Касловой, политическая жизнь США в американских СМИ зачастую концептуализируется как азартная игра, что, по мнению автора, может намекать на определенную бесчестность и даже противозаконность, свойственные американской политике [Каслова 2003: 105]. В этом вопросе представление выборов-2008 во французской прессе имеет определенную специфику: слот «азартные игры» как таковой не был обнаружен в ходе нашего исследования.

Тем не менее, некоторые атрибуты, характерные для азартных игр, все же могут быть отмечены:

Ce n'est pourtant pas une surprise tant la campagne d'Obama - conseillé par le cofondateur du réseau Facebook Chris Hughes, âgé de 25 ans - a joué la carte de l'interactivité avec des partisans qui se contactaient par SMS ou MSN, recueillaient des fonds en ligne ou se tenaient au courant de leurs activités quotidiennes via Twitter. (LE MONDE, le 19 nov. 2008)

Second atout majeur : il s'est opposé publiquement à la guerre en Irak en octobre 2002, alors qu'Hillary votait au Congrès pour autoriser l'invasion. Sa formidable victoire dans le premier Etat des primaires, l'Iowa, peuplé presque exclusivement de Blancs, lui assure le soutien massif des Noirs, qui jusqu'alors ne croyaient pas qu'il ait la moindre chance. (LA LIBERATION, le 6 nov. 2008)

Метафора *карты* в общем и *козырной карты* в частности, являющихся неотъемлемыми атрибутами множества азартных игр, могут нести в себе намек на негативные явления политической жизни США. С другой стороны, данные метафоры не слишком распространены во французском медиа-дискурсе, посвященном президентским выборам-2008. Можно заключить, что французские СМИ не склонны акцентировать внимание аудитории на неприятных вещах, сконцентрировавшись на приятных.

Другими метафорами, ведущими к реализации слота, являются метафоры «спортивного зала» (*"salle du sport"*) и «спортивной майки» (*"maillot"*):

L'ambiance est particulièrement «joyeuse» dans le bureau de vote installé dans la First Church of God d'Inglewood – curieux mélange de lieu de prière et de salle de sport – note Corine Fuller, qui veille au bon déroulement de l'opération. (LE MONDE, le 5 nov. 2008)

Les journalistes pro-Berlusconi étaient prêts à adorer aussi bien McCain qu'Obama. Dès l'annonce des résultats partiels, qui donnaient McCain vainqueur dans l'Ohio, l'équipe Mediaset a endossé le maillot républicain. Puis, lorsqu'on a appris qu'Obama l'emportait en Virginie, tout le monde l'a enlevé. (LA LIBERATION, le 15 nov 2008)

Подводя итог анализу фрейма «Игра / Соревнование» необходимо отметить, что его прагматическое значение можно оценить скорее как нейтральное, не предоставляющее позитивных или же негативных характеристик американской политической системы в общем и президентских выборов 2008 г. в частности. Метафору игры / соревнования как средство концептуализации политических событий следует рассматривать как стершуюся, особенно когда конкретные виды игр или соревнований не упоминаются.

То же самое относится и к метафоре «карты» («разыграть карту», «козырь»). Данная метафора в принципе может нести в себе на-

мек на бесчестность выборов (т.к. карты обычно ассоциируются с азартными играми), что и было продемонстрировано в исследовании А.А. Касловой [2003]. Но так как в рассматриваемом нами случае азартные игры как таковые не упоминаются, а метафора «карты» широко распространена в политическом дискурсе и может считаться стершейся, мы можем заключить, что она не несет конкретного негативного или позитивного прагматического значения. При этом ни для кого не является секретом то, что Старая Европа (и Франция в том числе) была более лояльно настроена по отношению к Б. Обаме, нежели его конкуренту Дж. Маккейну. Не исключено – если бы Маккейн победил, метафоры азартных игр были бы более частотны в публикациях, предоставляющих комментарий к результатам выборов.

Фрейм 2. Спортсмены

Фрейм реализуется посредством следующих слотов:

- Слот 1. Соперники;
- Слот 2. Лидеры и аутсайдеры;
- Слот 3. Спортивные команды.

Слот 1. Соперники. Слот реализуется посредством следующих метафор: «соперница в стане демократов» («*rivale démocrate*») и «несчастливая соперница» («*rivale malheureuse*»), «противник в праймериз» («*adversaire dans les primaires*»):

Le plus spectaculaire aura bien sûr été celui de sa *rivale démocrate* Hillary Clinton aux Affaires étrangères. Celle-ci s'est rendue jeudi en visite dans son futur ministère - où elle doit encore être confirmée par un vote du Congrès en janvier. (LE FIGARO, Le 19 décembre 2008)

C'est sans ironie que Hillary Clinton, sa rivale malheureuse à l'investiture démocrate, accusa Obama d'«*élitisme*» ! Ce n'est en définitive que par sa femme qu'Obama se rattache à la communauté afro-américaine. Les réticences d'un Jesse Jackson – et d'autres – en début de campagne s'expliquent par ce background. (LE FIGARO, le 10 nov. 2008)

Hillary Clinton, son adversaire dans les primaires, fera tout pour dépeindre le sénateur noir en disciple de l'effrayant pasteur Jeremiah Wright, pour qui le 11 Septembre serait une «*punition divine*». (LA LIBERATION, 6 nov. 2008)

Прагматическое значение слота состоит в представлении кандидатов в Президенты как соперников, стремящихся к победе в соревнованиях, и таким образом слот эксплуатирует общие для спортивных соревнований и выборов черты, а именно жесткое соперничество, неуступчивость, страстное желание победить.

Слот 2. Лидеры и аутсайдеры. По вполне объяснимым причинам французская пресса уделяет значительно больше внимания победителю – избранному Президенту Б. Обаме – и его соратникам, или команде. Особое внимание

уделено бывшему вице-президенту Альберту Гору (потенциальному кандидату на должность специального представителя президента США по вопросам экологии), который представлен исключительно как «чемпион окружающей среды» («*champion de l'environnement*») или «чемпион в борьбе против глобального потепления» («*champion de la lutte contre le réchauffement climatique*»):

Conseillé par Al Gore, qui a participé à plusieurs de ses étapes de campagne, il s'est dit prêt à devenir un «*champion de l'environnement*» et à faire en sorte que le pays prenne l'initiative sur cette question dans le monde. (LA LIBERATION, le 6 nov. 2008)

Al Gore, ancien vice-président démocrate et champion de la lutte contre le réchauffement climatique, est pressenti pour être représentant spécial du président pour les questions écologiques. (LE FIGARO, le 7 nov 2008)

Тем не менее, даже в стане команды-победителя могут быть спортсмены, потерпевшие поражение в предыдущих турах соревнований:

Le sénateur du Massachusetts, 64 ans, malheureux «*loser*» du scrutin présidentiel de 2004 face à George W. Bush, a clairement fait savoir à Barack Obama qu'il aimerait être son prochain ministre des Affaires étrangères. (LA LIBERATION, le 6 nov. 2008)

Слот 3. Спортивные команды. В соответствии с традиционным пониманием спортивных состязаний, их участники – или игроки – должны быть объединены в команды (данная особенность касается исключительно командных видов спорта, а выборы, по мнению проанализированных французских СМИ, являются именно таким видом). Во французском медиадискурсе мы встречаем такие метафоры, как «команды двух кандидатов в Белый Дом» («*équipes des deux candidats à la Maison-Blanche*») или «команда кампании» («*équipe de campagne*»), для концептуализации выборов как командного вида спорта:

Entre les équipes des deux candidats à la Maison-Blanche, le républicain John McCain et le démocrate Barack Obama, les accusations pleuvent. Les premiers dénoncent une tentative démocrate de faire massivement enregistrer de faux électeurs. (LE MONDE, le 29 Octobre 2008)

Dans l'équipe présidentielle, Gibbs pourrait se voir attribuer le poste mais on cite également le nom de Dan Pfeiffer, qui était vice-directeur de la presse dans l'équipe de campagne. (LA LIBERATION, 6 nov. 2008)

Тем не менее, команды кампании являются не единственным видом команд в политике. После окончания выборов новоизбранному президенту необходимо собрать и – по ассоциативной связи – поставить игру другой команде – президентской (т.е. новой администра-

ции). Его успех в должности президента будет прежде всего оценен по скорости создания этой команды, а также по степени мудрости и деликатности, которую он проявит при решении данной задачи:

Le nouveau Président a soixante-dix-sept jours pour présenter ses ministres et collaborateurs, mais il sait qu'avec la crise économique pressante et deux guerres au bout du monde il doit rapidement former son cabinet. Il devra notamment définir très vite son équipe en charge de la Sécurité nationale ainsi que les responsables économiques. (LA LIBERATION, le 6 nov. 2008)

Et au nom d'un nouveau consensus, d'accueillir dans son équipe des républicains modérés, comme le sénateur Richard Lugar, spécialiste de politique étrangère ou de garder au Pentagone le secrétaire actuel, le très respecté Robert Gates. (LA LIBERATION, le 6 nov. 2008)

Прагматическая функция фрейма «Спортсмены» состоит в представлении Обамы как выдающегося спортсмена, выигравшего в состязании выборов, разбившего могущественных противников (как, например, Хиллари Клинтон в праймериз) и чья команда кампании объединяла поистине незаурядных деятелей (как, например, чемпион в борьбе за окружающую среду, бывший вице-президент Альберт Гор). Тем не менее, первым шагом Б. Обамы на посту президента только еще предстоит дать оценку, которая во многом будет зависеть от того, насколько быстро и мудро он сможет создать еще одну команду – президентскую – и от того, как хорошо он сможет «натренировать» ее.

Фрейм 3. Результаты соревнований

Фрейм реализуется посредством следующих слотов:

Слот 1. Промежуточные результаты;

Слот 2. Победа;

Слот 3. Поражение;

Слот 4. Результаты в долгосрочной перспективе.

Слот 1. Промежуточные результаты. Поскольку выборы являются соревнованием, необходимо вести счет для того, чтобы определить, кто выигрывает, а кто проигрывает, и, возможно, попытаться предсказать вероятный результат или поставить на кого-нибудь из соперников:

Selon les derniers sondages nationaux, Barack Obama possède quelques points d'avance sur John McCain. Mais le scrutin se joue en nombre de grands électeurs, proportionnel à la population de chaque Etat. (LA LIBERATION, le 2 Novembre 2008)

Une série de sondages Reuters/Zogby diffusés mardi indiquent que Barack Obama devance son rival John McCain dans cinq Etats-clés sur huit étudiés. (LE MONDE avec AFP, le 04 Novembre 2008)

Прагматическое значение слота, скорее, следует расценить как нейтральное, состоящее в констатации положения дел в президентской гонке для французской аудитории.

Слот 2. Победа. Слот реализуется за счет следующих метафорических выражений: «*одержать победу за явным преимуществом*» («*remporter une large victoire*»), «*праздновать победу*» («*fêter la victoire*»), «*одержать ошеломляющую победу*» («*prendre acte de l'écrasante victoire*»):

Barack Obama élu président : "C'est votre victoire". Le candidat démocrate a été élu président des Etats-Unis. Il remporte une large victoire face à John McCain. Moins d'une heure plus tard, il était sur la scène du Grant Park de Chicago, pour fêter sa victoire et assurer aux Américains que "le changement est arrivé". (LE MONDE avec AFP et Reuters, le 5 Novembre 2008)

Barack Obama a pris acte de l'écrasante victoire que lui ont offerte les millions d'Américains qui ont voté en faveur du « changement » que le candidat démocrate leur a promis durant la campagne. (LE MONDE, le 6 Novembre 2008)

Победа Б. Обамы в президентской гонке представляется как выдающееся достижение, поскольку ему удалось смять своих противников («*Barack Obama a pris acte de l'écrasante victoire*») и «победить за явным преимуществом / с разгромным счетом» («*il remporte une large victoire face à John McCain*»).

Слот 3. Поражение. Слот реализуется посредством следующих лексических единиц и выражений: «*историческое поражение*» («*défaite historique*»), «*поражение / провал*» («*échec*»), «*быть разбитым*» («*être battu*»):

Le républicain John McCain a reconnu, mardi 4 novembre, sa défaite face à son adversaire démocrate Barack Obama et l'a félicité pour sa victoire à l'élection présidentielle américaine, promettant de tout faire pour l'aider. "Nous nous sommes battus aussi dur que possible. Et bien que nous ayons échoué, cet échec c'est le mien, pas le vôtre", a déclaré le candidat à ses partisans rassemblés à Phoenix, capitale de son fief de l'Arizona. (LE MONDE avec AFP, le 5 Novembre 2008)

Défaite historique des républicains dans l'Ohio. (LE MONDE, le 6 Novembre 2008)

Французская пресса не скупится на эпитеты при описании поражения Республиканцев («*Nous nous sommes battus aussi dur que possible*», «*Défaite historique*») и, как кажется, испытывает чувство глубокого удовлетворения по этому поводу.

Слот 4. Результаты в долгосрочной перспективе. Американские президентские выборы 2008 г. представляют собой лишь этап в истории американского политического соперничества и политических игр. Если посмотреть на

всю историю американских президентских выборов как на продолжительный турнир, или чемпионат, то победа темнокожего кандидата может быть расценена как реванш («*revanche*») за унижение в предыдущих раундах борьбы за равные права и возможности:

Les innombrables commentateurs de la victoire d'Obama ont, sans crainte de saturer auditeurs et lecteurs, ressassé l'antienne que celle-ci était la grande revanche des Afro-Américains si longtemps humiliés. (LE FIGARO. le 10 Novembre 2008)

Победа Б. Обамы представляется выдающейся еще и потому, что он сумел побить несколько рекордов в плане мобилизации социальных классов, а также по скорости формирования президентской команды (администрации):

Un mois et demi après son élection, le futur président américain a achevé vendredi la première phase de la transition. Avec l'annonce des deux dernières nominations à son gouvernement, il a respecté son engagement d'aller vite, réussissant à boucler ce processus en un temps record, depuis trente-deux ans. Et sans fausse note, si l'on excepte le scandale du gouverneur de l'Illinois. (LE FIGARO, le 19 décembre 2008)

L'histoire d'Obama c'est une montée en puissance d'exploits : battre la machine Clinton, réinventer la période de transition, s'emparer des nouvelles technologies, exploser les records de levée de fonds, s'emparer d'Etats républicains, rassembler les électeurs marginaux... (LE FIGARO, le 17 décembre 2008)

Анализ слотов, ведущих к реализации фрейма «Результаты соревнований» подталкивает нас сделать вывод о том, что рассматриваемый фрейм предоставляет позитивную характеристику Б. Обамы и его победы. Так, его победа представляется выдающейся во многих отношениях, реваншем претендента (темнокожего населения США), никогда ранее не имевшего реальных шансов на победу, а реванш всегда подогревает интерес публики и, как следствие, обычно оценивается ею положительно. Сам же Б. Обама представляется рекордсменом и выдающимся лидером. Французская пресса, как кажется, получает чувство глубокого удовлетворения от поражения республиканцев, поскольку характеристика провала их кандидата – Дж. МакКейна – сопровождается рядом сильных эпитетов.

Подводя итог нашему исследованию, хотелось бы отметить, что спортивная метафорика скорее служит цели создания позитивного образа американских президентских выборов 2008 г. и их победителя Б. Обамы. Фрейм 1, по нашему мнению, не несет ярко выраженного позитивного или негативного прагматического значения, тогда как Фрейм 2 и Фрейм 3 в большинстве слотов проецируют положительный

образ победителя выборов, его команды и, как следствие, самих выборов. При этом, как отмечает Ж. Ваисс, «то сильное предпочтение, которое европейцы отдают Б. Обаме, в определенной степени основано на иллюзии» («*Cette forte préférence des Européens pour Barack Obama repose en partie sur une illusion*» (перевод – автора)). Именно поэтому представляется чрезвычайно интересным проследить то, каким образом с течением времени эволюционирует использование спортивной метафоры для концептуализации образа 44-го избранного президента США Б. Обамы.

ЛИТЕРАТУРА

Будаев Э. В. Метафорическое моделирование постсоветской действительности в российском и британском политическом дискурсе: Дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2006.

Каслова А. А. Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США: Дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2003.

Литвинова Т. И. Спортивная и игровая метафора в немецком политическом дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2008.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000): монография / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2001.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: монография. – Москва; Волгоград: «Перемена», 2000.

Ash, T. G. Anti-Europeanism in America // The New York Review of Books. – February 13, 2003.

Fetzer, A., Lauerbach, G.E. Political discourse in the media: cross-cultural perspectives. – Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins Pub. Co., 2007.

Herbeck, D. A. Sports Metaphors and Public Policy: The Football Theme in Desert Storm Discourse // Metaphorical World Politics. / ed. F. Beer. – East Lansing, MI: Michigan State University Press, 2004.

Herbeck, D. A. Punchless Debating. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://www.bc.edu/bc_org/rvp/pubaf/chronicle/v11/n14/herbeck.html.

Kagan, R. Paradise and power: America and Europe in the New World Order. – London: Atlantic Books; [New York]: Alfred A. Knopf, 2003.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 237 p.

Minsky, M. A framework for Representing Knowledge // The Psychology of Computer Vision. / ed. by P.M Winston. – McGraw Hill, New York, 1975.

Morisson, D. The Death of the French culture // The Time Magazine. – December 4, 2007.

Rifkin, J. Le choc des deux rêves // Le Monde. – le 20 novembre 2004.

Roger, P. L'Ennemi américain. Généalogie de l'antiaméricanisme français. – Paris: Seuil, 2002.

Vaïsse, J. L'Europe au miroir de Barack Obama // Questions d'Europe, n°118. – le 3 novembre 2008.

© Аникин Е. Е., 2009

Бенуа У.¹

Колумбия, США

Перевод Е.Е. Аникина

**МОДЕЛИРОВАНИЕ ПОСРЕДСТВОМ
ТЕМПОРАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ:
«МОСТЫ» БОБА ДОУЛА И БИЛЛА КЛИНТОНА
В ИХ ПРЕДВЫБОРНЫХ ОБРАЩЕНИЯХ
1996 ГОДА**

1. УДК 82-54

ГСНТИ 16.21.27, 16.41.21

Benoit W.

Columbia, USA

Translated by E. E. Anikin

**FRAMING THROUGH TEMPORAL METAPHOR:
THE "BRIDGES" OF BOB DOLE
AND BILL CLINTON
IN THEIR 1996 ACCEPTANCE ADDRESSES**

Код ВАК

10.02.04

Аннотация. В статье рассматривается удачное использование метафоры Биллом Клинтонем в предвыборном обращении 1996 г. В обращении Б. Доула содержалась метафора моста к спокойным временам прошлого. Две недели спустя Билл Клинтон заявил, что он поможет построить мост к будущему, отвергая доуловский «мост к прошлому». Метафоры Клинтоня эффективно функционировали как фреймы для положительной самопрезентации и негативной интерпретации Б. Доула.

Ключевые слова: метафора, риторическая критика, предвыборное обращение, Билл Клинтон, Боб Доул.

Сведения об авторе: Бенуа Уильям, доктор философии, профессор кафедры коммуникации.

Место работы: Университет Миссури.

Контактная информация: Department of Communication, University of Missouri, Columbia, Missouri, 65211-2310.
E-mail: BenoitW@missouri.edu

Сведения о переводчике: Аникин Евгений Евгеньевич, кандидат филологических наук, докторант.

Место работы: Университет Париж–13.

Контактная информация: 7, rue de l'Ermitage, la Chapelle-en-Serval, 60520, France.

E-mail: ewganik_chel@mail.ru

Abstract. This paper analyses Bill Clinton's skillful use of metaphor in 1996 Acceptance Address. Dole's Acceptance Address contained a suggestion that he would be a bridge to an earlier time of tranquility; essentially a bridge to the past. Two weeks later Clinton proposed that he would help build a "bridge to the future," rejecting Dole's "bridge to the past." Clinton's metaphors effectively functioned as frames for favorably interpreting himself and his agenda--as well as for unfavorably interpreting Dole and his agenda.

Key words: metaphor, rhetorical criticism, acceptance addresses, Bill Clinton, Bob Dole.

About the author: Benoit William, PhD, professor of the department of communication.

Place of employment: University of Missouri, of Communication, 115 Switzler Hall,

About the translator: Anikin Evgeny Evgenievich, candidate of philology, doctoral student.

Place of employment: Université Paris–13

Обращение кандидата представляет собой кульминацию политического съезда по выдвижению кандидатур (Benoit, Wells, Pier, & Blaney 1999; Smith & Nimmo 1991). Данная речь преследует несколько целей (единение партии, сплочение сил, утверждение общего плана предвыборной кампании) для ближайших сторонников и более обширной телеаудитории [Trent & Friedenberг 1995]. Она также представляет собой кульминационный момент весьма важного компонента всей кампании, так как

около 25% электората решает как голосовать во время партийного съезда по выдвижению кандидатур [Holbrook 1996]. Хотя важны и другие обращения, не может быть сомнений в том, что съезды срежиссированы таким образом, чтобы обращения выдвинутых кандидатов стали квинтэссенцией данных мероприятий. В настоящей исследовании рассмотрены обращения двух кандидатов и утверждается, что Билл Клинтон мастерски использовал свою речь для формирования восприятия электоратом не только себя, но и своего оппонента – Боба Доула. Клинтон удачно использовал метафору времени не только для создания соответствующего образа себя, своей программы, впечатления от своей речи, но также для моделирования образа Доула, его риторики и его программы.

Метафоры помогают нам понимать и интерпретировать мир и события, идеи и людей в нем. Метафоры определяют одни вещи в категориях других (коммунизм – это рак; Ричард – лев). Ричардс [1936] утверждал, что метафоры состоят из двух частей – содержания (комму-

¹ Уильям Бенуа – профессор университета Миссури, главный редактор журнала «Communication Studies», член редколлегии журналов «Journal of Applied Communication Research», «Southern Communication Journal», «Communication Quarterly», «Asian Journal of Communication», «Western Journal of Communication», «Journal of Broadcasting and Electronic Media»; автор «теории построения риторического дискурса» и «функциональной теории дискурса политической кампании», получивших широкое признание в США и других странах. Автор одиннадцати монографий, посвященных анализу политического дискурса избирательных кампаний, теории риторической критики, «конверсационной памяти» и теории убеждения. Настоящая статья впервые была опубликована в журнале Communication Studies в 2001 г.

низм, Ричард) и средства выражения (рак, лев). Метафоры, несомненно, представляют собой намного больше, чем просто украшение: они способны воздействовать на восприятие и интерпретацию аудиторией мира. Картина мира, смоделированная метафорой, функционирует как терминальный экран [Burke 1965, 1966], который – в данном случае – помог избирателям проинтерпретировать кандидатов, их высказывания и их программы. По мнению Шена, метафоры способны структурировать проблемы и «очерчивать пути к их решению» [Schön 1979: 255]. Таким образом, они предоставляют интерпретационную модель, влияющую на социальную политику. Я утверждаю, что метафора Клинтон сформировала у слушателей восприятие кандидатов в президенты и их программ.

С целью развития данной идеи я начну с краткого обзора литературы по метафоре и моделированию. Затем я кратко обращаюсь к жанру, в котором родились эти метафоры – жанру обращения выдвинутого кандидата. За рассмотрением данной проблемы последует анализ метафор в речи Доула и (особенно) в речи Клинтон. Затем я оценю эффективность и влияние данных метафор и, наконец, обращусь к значению данного анализа. Это исследование вносит вклад в непрерывающийся диалог о том, как риторическая критика может оценивать эффективность дискурсов, которые она изучает (см. Edwards 1996; Stromer-Galley & Schiappa 1998).

МЕТАФОРА. Аристотель объяснял в Поэтике, что «Метафора состоит в присвоении вещи имени, принадлежащего чему-то иному» [Aristotle 1954: 7-9]. Метафоры изначально понимались как украшение. Цицерон, например, утверждал, что метафора является «стилистическим украшением» [Cicero 1942: 3.42]. Значительный сдвиг в нашем понимании метафоры произошел, когда Ричардс [Richards 1936] выделил содержание и средство выражения, заявив, что значение выводится из взаимодействия этих частей и заметил, что контекст оказывает влияние на интерпретацию метафоры [см. также Black 1962].

Исследователи метафоры Осборн и Энингер писали, что при восприятии метафоры слушатель проходит через три стадии интерпретации: «Данное следствие реакции, часто именуемое интерпретацией, влечет три важных шага: обнаружение ошибки, замешательство и разрешение» [Osborn & Ehninger 1962: 226]. Тем не менее, я полагаю, что данный трехфазовый процесс применим только тогда, когда метафора сознательно обрабатывается аудиторией как метафора. Весьма вероятно, что метафоры обладают наибольшей воздействующей силой тогда, когда они воспринимаются буквально и аудитория не проходит через приведенную выше трехшаговую последовательность. Так, когда я использую метафору «канала» [Reddy: 1979] для утверждения «Я попы-

тался вложить свой смысл в слова», я использую метафору; однако, я не думаю, что большинство людей увидят ошибку, почувствуют замешательство или отшатнутся при моем высказывании. Значение существует в людях (не в словах или символах), и поэтому было бы правильнее сказать, что слова пробуждают значение в аудитории, чем сказать, что слова несут или передают значение. Но метафора канала и незаметна, и сильна потому, что она не воспринимается как таковая. Люди воспринимают ее как буквальное описание коммуникации (и потому не проходят через стадии, выделенные Осборном и Энингером). В других важных исследованиях анализируются архетипичные метафоры [Osborn 1967, 1977] и метафорические кластеры [Jamieson 1980].

Важно понимать, что, вследствие небуквальности метафор неприемлемо определять их ни как истинные, ни как ложные. Зарефски высказал схожую мысль, когда заметил, что решение президента Джонсона развернуть метафорическую войну с бедностью «значительно сократило бремя администрации по поводу поиска доказательств» [Zarefsky 1986: 32]. Метафоры скорее фигуральны, нежели буквальны, но это не означает, что они не имеют значения. Зарефски объяснял, что данная метафора «определяла цель и стимулировала вступление добровольцев в декларируемое дело; она определяла врага, против которого была направлена кампания и диктовала выбор оружия и тактик, с помощью которых будет вестись данная борьба» [Zarefsky 1986: 29]. Таким образом, метафора может влиять на то, как мы интерпретируем и реагируем на мир.

Метафорический анализ был применен и к дискурсу политических кампаний. Хенри проанализировал лейтмотив речи Марио Куомо от 1984 года, в которой автор бросался вызов метафоре Рональда Рейгана «сияющий город на вершине»: «На самом деле, господин Президент, наша нация – это скорее два города, чем сияющий город на вершине» [Henry 1988: 647]. Хенри показал, как метафора Куомо «продвигала взгляд на американские политические органы как на семью» [Henry 1988: 112]. Блэнкеншип [Blankenship 1973] проанализировал метафоры, использованные как кандидатами от демократической партии, так и в отношении них в 1972 году [см. также Medhurst, Ivie, Wander, & Scott 1998]. Таким образом, данная работа вносит вклад в исследование метафоры в политическом дискурсе посредством анализа обращений кандидатов в 1996 году.

МОДЕЛИРОВАНИЕ. Решение поддержать кандидата (предпочсть определенного кандидата), безусловно, представляет собой выбор: граждане голосуют за кандидата, представляющегося наиболее предпочтительным по какому-либо из критериев, важных для каждого избирателя [Benoit 1999; Benoit, Blaney, & Pier 1998]. Коротко говоря, избиратели должны ре-

шить, который из кандидатов будет лучшим президентом.

Гоффман утверждает, что фреймы представляют собой «принципы организации, руководят событиями – по крайней мере, социальными – и нашим личным участием в них» [Goffman 1974: 10-11]. Они «предоставляют базовое понимание событий» [там же: 22]. Он полагает, что наша модель оценки социальной реальности может модифицироваться двумя способами: через разъяснения и через махинацию. При разъяснении «предполагается, что участники деятельности знают и открыто признают то, что существует систематическое изменение, способное радикальным образом изменить их видение того, что происходит» [там же: 45]. Примеры подобных «разъяснений» включают «убеждения, конкурсы, церемониалы, технические модели, и рубежные точки» [там же: 48]. Первые из трех типов разъяснений очевидны. Технические модели включают демонстрации (для иллюстрации того, как что-нибудь будет сделано, без «реального» воплощения). Примером рубежной точки может служить будка для целования, где люди предлагают поцелуи, чтобы собрать деньги на цели благотворительности, и таким образом создается стимул для подобного типа поцелуев.

Второй формой трансформации является махинация – «целенаправленное усилие одного или более индивидуумов, направленное на то, чтобы у одного или группы других индивидуумов сложилось ложное представление о том, что происходит» [там же: 83]. К числу махинаций относят розыгрыши, фальсификацию экспериментальных данных и обман при стремлении сделать тренировку реалистичной. В дополнение к этим незлонамеренным махинациям, Гоффман приводит злонамеренные, при которых индивидуум предлагает «модель [фрейм] который однозначно противоречит личным интересам других индивидуумов» [там же: 102]. Мошенничество, в ходе которого искусный мошенник продает Бруклинский Мост как металлолом одному простофилю, иллюстрирует собой пример злонамеренной махинации. Гоффман так разъясняет отличие разъяснений от махинации: «Махинации – в отличие от разъяснений – подвержены особому рода дискредитации. Когда подвергшаяся обману сторона осознает, что происходит на самом деле, то, что казалось истинным мгновение назад, теперь воспринимается как обман и полностью уничтожено» [там же: 84-85]. Когда выявляется реальность и простофиля узнает, что Бруклинский Мост на самом деле не продается (что мошенник не имеет права продавать его), игра заканчивается. Таким образом, разъяснения и махинации представляют собой два способа трансформации фрейма для Гоффмана.

Моделирование играет очень важное значение при принятии решений. Интерпретация и реакция аудитории на личность, событие или

речь может быть сформирована той моделью, в рамках которой представлена данная информация. Например, Тверски и Канеман [Kahneman & Tversky 1984; Tversky & Kahneman 1988, 1981] утверждают: «Мы получили систематическую перемену предпочтений под влиянием изменений в структурировании действий, событий или результатов» [Tversky & Kahneman 1981: 453]. Моделирование особенно важно в политике: «Политические стимулы по природе неоднозначны; можно считать фактом, что политические проблемы характеризуются множественностью интерпретаций и точек зрения» [Iyengar, 1990: 20; см. также Rhee 1997]. Политические проблемы могут моделироваться способами, предполагающими предпочтительные политические решения. Безработица, к примеру, может быть описана как результат частных (леность) или системных (плохая экономическая ситуация) факторов. Последняя причина скорее может привести к правительственному вмешательству, чем первая.

Точно так же образы политических кандидатов могут быть смоделированы различными способами. Кандидат может считаться «опытным», что, скорее всего, хорошо, или «человеком из администрации», что может быть расценено менее благосклонно [см. Popkin 1994]. Образы кандидатов могут также моделироваться темпоральными метафорами. В следующем разделе приводится краткий анализ жанра двух речей, рассматриваемых в нашей работе.

ОБРАЩЕНИЕ ВЫДВИНУТОГО КАНДИДАТА. Многие исследователи занимались исследованием обращения выдвинутых кандидатов именно потому, что оно представляет собой крайне важную церемонию предвыборной кампании (см., напр., Fields 1996; Gustainis & Benoit 1988; Houck 1997; Norvold 1970; Ritter 1980, 1996; Scheele 1984; Smith 1971; Trent & Friedenberг 1995; Valley 1974, 1988; Wiethoff 1981). Смит и Ниммо [Smith & Nimmo 1991] утверждают, что современные съезды по выдвижению кандидата в президенты тщательнейшим образом срежиссированы и обращения выдвинутых кандидатов становятся кульминацией, подтверждающей принципы партии. Бэнуа, Уэллс, Пиер и Блэйни отмечают, что «некоторые праймериз проходят в обстановке жесточайшей конкуренции, так что ключевые фигуры партии готовы перегрызть друг другу глотки», и целью этих речей «является стремление отпраздновать (воссоздать) единство их партий» [Benoit, Wells, Pier & Blaney 1999: 247]. В своем анализе обращений выдвинутых кандидатов за период 1960-1996 гг. они обнаружили, что данные обращения чаще всего характеризуются самовосхвалением (72%) и атакой или критикой в адрес оппонентов (27%) с редкими случаями защиты от выпадов свой адрес (1%). Кандидаты обсуждают как политические меры (56%), так и социальную ситуацию (44%) в этих речах. В настоящем анализе утверждается, что

предвыборное обращение Клинтона представляет метафорическую модель образа обоих кандидатов, фрейм, который – что неудивительно – представляет Клинтона в более выгодном свете, чем Доула.

МЕТАФОРА И МОДЕЛИРОВАНИЕ В ПРЕДВЫБОРНЫХ ОБРАЩЕНИЯХ 1996 ГОДА. Съезд республиканской партии прошел первым (по традиции съезд партии-претендента предшествует съезду партии власти, а Клинтон был действующим президентом) в 1996 г. Обращение Доула состоялось 15 августа. В одном из его разделов он заявил: У возраста есть свои преимущества. Позвольте мне стать мостом в Америку, которую только несведущий называет мифом. Позвольте мне стать мостом во времена спокойствия, веры и уверенности в действиях. Тем, кто говорит, что так не было никогда и Америка никогда не была лучше, я говорю: «Вы ошибаетесь, а я знаю, потому что был там. Я это видел. Я помню» (с. 675).

В 1996 выдвижение от Республиканцев проходило в условиях жесточайшей конкурентной борьбы (кандидатами являлись Александер, Бьюканан, Доул, Дорнан, Форбс, Грэм, Кейес, Лугар, Спектер и Тэйлор). Таким образом, Доул имел основания стремиться к «спокойствию, вере и уверенности в действиях», чтобы эти кандидаты и их сторонники внутри партии с энтузиазмом поддержали его кандидатуру. Не совсем ясно, почему Доул решил сделать акцент на своем прошлом, когда он вызвал к единению. Возможно, он хотел таким образом отбиться от заявлений недоброжелателей, согласно которым он был слишком стар для президентства. Рейган с помощью юмора успешно справился с подобными нападками во время выборов на второй срок в 1984 г., когда он язвительно подметил: «Я не собираюсь играть на проблеме возраста в настоящей кампании. Я не буду эксплуатировать в политических целях тот факт, что мой оппонент молод и неопытен» (с. 110). Подобным образом Доул, возможно, пытался превратить свой возраст в преимущество посредством своей метафоры «мост в прошлое». Заметьте также, что, хотя он ясно ссылался на прошлое, фраза «мост в прошлое» так и не явилась в полном виде в его обращении.

Доул использовал слово «мост» нечасто: это произошло только трижды, причем лишь дважды (оба раза в данном абзаце) оно было употреблено в отношении прошлого. Обратите внимание на прошедшее в данных высказываниях: «Я был там. Я это видел». Даже высказывание в настоящем времени – «Я помню» – отчетливо сфокусировано на прошлом: мы помним прошлое, не настоящее или будущее.

Республиканский кандидат постоянно развивал тему обожествления прошлого, органично вписанную в его краткую метафору. Он уменьшал значение «ценностей настоящего»,

отмечая, что Америка «пережила революцию, гражданскую войну, расовую дискриминацию и экономическую катастрофу. ... То, что позволило нам превозмочь все это, имеет мало общего с ценностями настоящего» (с. 675).

Для контраста он заявил, что «честь и свобода должны быть вновь возведены» до тех вершин, положением на которых они пользовались в прошлом. Открыто превознося прошлое, он утверждал, что: Я здесь, чтобы сказать: «Америка! Не отказывайся от великих традиций которые тянутся от зари нашей истории, не руби тех мачт, на которых держатся данные убеждения, – семья, честь, долг, страна – которые вели нас сквозь время (с. 675).

Он развил данную тему, утверждая, что традиционные (былые) ценности более важны, чем ценности современности. Он заявил, что «старые ценности выжили», что, впрочем, противоречит его более раннему высказыванию о том, что наши прошлые достижения «имеют мало общего с современными ценностями» (последнее утверждение предполагает, что ценности современности отличны от ценностей прошлого – но как это может быть, если ценности прошлого дожили до наших дней?)

Переплетен с обожествлением прошлого Доулом и отказ от материального состояния как мерила успеха. Он утверждал, что честь важнее богатства, заявляя, что «Не все вещи происходят из богатства или бедности... Вещи происходят из правильных поступков». Он отвергает афоризм из кампании Клинтона 1992 года: «Это, как сказали бы победители четырехлетней давности, не экономика». Он открыто противопоставил богатство традиционным ценностям, когда провозгласил, что «причины триумфа этой нации заключаются не в материальном богатстве, а в храбрости, жертвенности и чести». Он обвинил Клинтона в том, что тот в 1992 году ввел избирателей в заблуждение, убедив их в том, что материальные блага важнее соображений нравственности и традиционных ценностей.

Таким образом, Доул мимоходом ввел метафору «моста в былые времена» в свое обращение. В своей речи Д.превозносил связь с прошлым, делая акцент на чести и «праведных поступках». Тем не менее, это обращение не было обращено к прошлому целиком. Например, в самом начале он утверждает, что «с нетерпением ждет возможности повести Америку в следующий век» (с. 674). Он анализирует результаты своей возможной экономической программы: «Мы с Джэком Кемпом ... вновь заставим экономику двигаться» (с. 676). В заключение своей речи он смешивает прошлое и будущее, заявляя, что кампания – «это мерило того, кто мы есть, откуда мы и куда мы идем. Потому что, сколько бы вдохновения мы ни черпали из нашего славного прошлого, мы понимаем, что Америка – это, несомненно, страна будущего» (с. 679). Таким образом, речь Доула сочетает в

себе акценты и на прошлое, и на будущее, хотя и тяготеет к прошлому.

У Билла Клинтона было две недели на то, чтобы продумать свое обращение к съезду по выдвижению кандидатур, которое состоялось 29 августа. В данной речи Клинтон (1996) явно и настойчиво провозгласил, что он станет мостом в будущее. Он начал с упоминания о своей поездке на съезд в Чикаго, до которого он добирался на поезде (по иронии судьбы, не самом футуристическом виде транспорта). Он использовал этот рассказ для того, чтобы плавно перейти к заявлению о том, что «Америка – на правильном пути в XXI век» (с. 706). Президент привел массу аргументов в поддержку данного утверждения, указав на множество достижений за время своего первого срока: снизившиеся уровни безработицы и инфляции, большее количество рабочих мест, снизившаяся преступность, реформу системы социального обеспечения и снизившийся дефицит федерального бюджета. В заключении он замечает: «Мы на правильном пути в XXI век. Мы на правильном пути, но наша работа не окончена. Что нам надо сделать?» Следует обратить внимание на то, что даже при обращении к былым достижениям, речь Клинтона – посредством его метафоры – остается твердо обращенной к будущему: его достижения ставят нас «на правильный путь в XXI век». Уже в свой первый срок действующий президент добился впечатляющих результатов, но его работа еще не доведена до конца. Он завершает речь упоминанием свершенных действий, обращаясь к аудитории с вопросом: «Что нам еще надо сделать» в будущем? Это изящно приводит к противопоставлению, озвученному посредством доминантной метафоры в его обращении: Я знаю и уважаю богатую и гордую историю Америки. И я твердо намерен взять наши лучшие традиции в будущее. Однако – при всем уважении – нам не нужно строить мост в прошлое. Нам нужен мост в будущее, и именно эту задачу я и обязуюсь взять на себя. Так что сегодня я предлагаю Вам решиться построить этот мост в XXI век, ответить всем нашим вызовам и защитить наши ценности (с. 707).

Стараясь казаться рассудительным (полным уважения к прошлому), Клинтон, тем не менее, открыто противопоставляет свою идею моста в будущее предложению Доула стать мостом в прошлое. Он отчетливо противопоставляет свое видение будущего взглядам своего оппонента. Он даже присваивает прошлое, заявляя, что он возьмет все лучшее из прошлого в свое путешествие в будущее.

Клинтон постоянно повторяет метафору «моста» на протяжении двадцати параграфов. Он настойчиво вставляет метафору в свою речь, связывая мост с множеством различных тем, таких как воспитание детей, безопасность улиц, борьба с бедностью, семейные ценности, защита окружающей среды, владение жильем,

личная ответственность, безопасность школьников, процветание и мир во всем мире. Пять абзацев из речи Клинтона иллюстрируют использование им метафоры: Я хочу построить мост в XXI век, в котором мы преумножим возможности за счет образования (с. 707).

Я хочу построить мост в XXI век, в котором мы построим мощную и постоянно растущую экономику, чтобы сохранить наследие возможности для будущего поколения, сбалансировав наш бюджет таким образом, который защитит наши ценности и обеспечит возможность каждой семье владеть и защищать ценность их самого важного актива – их дома (с. 708).

Я хочу построить мост в XXI век, в котором наши дети больше не убивают других детей (с. 709).

Я хочу построить мост в XXI век с чистой и безопасной окружающей средой (с. 710).

Мои братья-американцы, я хочу построить мост в XXI век, в котором мы будем уверены, что мы по-прежнему являемся нацией с лучшей в мире обороной, что наша внешняя политика по-прежнему продвигает ценности нашего американского содружества наций (с. 711).

Большая часть речи Клинтона была позитивной: Бенуа, Уэллс, Пиир и Блэйни [Benoit, Wells, Pier & Blaney 1999] отмечают, что 90% его высказываний представляли собой дифирамбы себе, в которых он часто использовал метафору «моста в будущее».

Хотя и менее часто, Клинтон все же атаковал своего оппонента в своем обращении: как отмечают Бенуа, Уэллс, Пиир и Блэйни, 10% его высказываний были нацелены на атаку. Когда Клинтон обращается к атаке соперника, метафора моста вновь вводится в действие: Кстати, наши оппоненты предложили совсем другой план – рискованную налоговую схему стоимостью 550 млрд. долларов, которая потребует от них еще больших сокращений на финансирование программ Medicare, Medicaid, образования и защиты окружающей среды, превышающих те, которые они провели в прошлом году и на которые я наложил вето. Но даже тогда они не смогут покрыть расходов на свою схему. Настолько, что даже тогда этот план взорвет дефицит, что, в свою очередь, приведет к скачку ставки процента. ... Мы что – снова хотим воспрепятствовать экономическому росту? Мы что – хотим вырыть себе еще одну долговую яму? Мы что – хотим вернуться к экономическому застою 1991-1992 годов? Мы что – хотим ослабить наш мост в XXI век? (с. 708, выделено автором.)

Таким образом, Клинтон использует свою метафору моста на протяжении своего обращения для утверждения своих прошлых достижений (мы на правильном пути в XXI век), для провозглашения своих будущих планов (к примеру, построение мостов к будущему с усовершенствованным образованием, сбалансированным бюджетом, безопасными школами, бо-

лее чистой окружающей средой, и усовершенствованной обороной и внешней политикой) и для атаки на экономическую программу Доула (которая ослабит мост к лучшему будущему, посадив нас на мель прошлого).

Более того, обсуждая мост, Клинтон делает это двумя различными, дополняющими друг друга способами. Во многих пассажах, как мы отметили, он берет на себя миссию по построению моста: «Я строю этот мост в XXI век», «Я хочу построить мост...». Тем не менее, в ряде абзацев он открыто включает свою аудиторию в проект строительства моста: Я прошу всех наших сограждан присоединиться ко мне и ко всем Вам в строительстве этого моста в XXI век.

Мы можем построить наш мост в XXI Век, только если мы будем строить его вместе.

Таким образом, Клинтон явно принимает на себя миссию по строительству своего моста, но он также открыто просит своих слушателей и зрителей помочь ему построить его, вовлекая свою аудиторию в развитие своей метафоры. В дополнение к более крупным противопоставлениям (временная ориентация, уровень развития), существует также тонкое различие между метафорами моста двух кандидатов. Доул был пассивен, прося у аудитории «права построить мост». Клинтон, напротив, сказал: «Я хочу построить мост», и он хотел построить его вместе с аудиторией.

Важно, что метафоры Клинтона появлялись и в других эпизодах кампании. Трент и Фриденберг [Trent & Friedenberг 1995] заметили, что обращения выдвинутых кандидатов зачастую задают тон всей предстоящей кампании. Ходжкинсон и Леланд [Hodgkinson & Leland 1999] проанализировали использование метафор Клинтон и Доулом в президентских дебатах и обнаружили, что Клинтон предлагал мост в XXI век. Доул явно не утверждал, что он является мостом в былые времена во время дебатов, но он постоянно упоминал прошлое во время дебатов и предлагал стать «мостом к правде» во время первых дебатов. В двух телевизионных рекламных («Подсчет», «Возможность») Клинтон обещает стать «мостом в XXI век». Домашняя страница Клинтона оповещала о том, что команда Клинтон-Гор «строит мост в XXI Век» [Tedesco, Miller, & Spiker 1999: 59]. Таким образом, метафора, возникшая в предвыборном обращении кандидата, закрепилась в кампании. На самом деле, Вице-президент Ал Гор стрелял этими метафорами в своем обращении выдвинутого кандидата на должность вице-президента, критикуя «мост в прошлое» Доула и хвастаясь «мостом в будущее» Клинтона-Гора, еще за день до речи Клинтона [“Gore” 1996].

Мир объективно недоступен людям, составляющим его. Реальность конструируется социумом, не риторикой. Непонятно, какую модель использовали люди для восприятия об-

раза Доула, его речи, его политической программы до обращения Клинтона, но им необходима была определенная точка зрения для понимания Доула и его идеи. Кажется вероятным, что у людей имелось несколько различных моделей для толкования Доула и его идеи. Метафорическая модель «моста в будущее» Клинтона предоставила единую структуру для интерпретации той части аудитории, на которую повлияла риторика Клинтона.

Внимательное рассмотрение модели Клинтона выявляет то, что она не очень вписывается в типологию Гоффмана. Разъяснение предполагает, что участники коммуникации «знают» и «открыто признают то, что существует систематическое изменение» (с. 45). Хотя метафоры не буквальные, мост Клинтона представлял собой не просто убеждение, конкурс, церемонию, техническую модель или переточку. Это означает, что его темпоральная метафора не относится к разъяснениям. С другой стороны, метафора Клинтона кажется продуманной и стратегической (хотя, безусловно, мы не можем быть уверены в намерениях Клинтона), и, таким образом, она имеет много общего с махинацией. Тем не менее, махинации могут быть подвергнуты дискредитации (с. 84-85), как в примере с мошенничеством с Бруклинским мостом. Хотя многие отвергнут фрейм Клинтона, поскольку метафоры не являются буквальным описанием действительности, они не являются ни правдой, ни ложью. Как говорил Ийенгар, «политические стимулы по природе неоднозначны» [Yuengar 1990: 20], а потому сложно – если не невозможно – доказать, что Клинтон не станет «мостом в будущее», или же опровергнуть то, что «Доул» станет «мостом в прошлое». Соответственно, я предлагаю третью форму трансформации – метафорическую. Метафора Клинтона была стратегической, но не вполне опровержимой (в отличие от махинаций); не была она также открыто принята как изменение модели (как в случае с разъяснениями). Тот факт, что метафоры небуквальны и, следовательно, неопровержимы, очень важен с точки зрения их воздействующего потенциала.

РИТОРИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ. Хотя и не существует прямого указания на намерения Клинтона, предположение о том, что эта метафора – так настойчиво развивавшаяся во время обращения Клинтона – появилась случайно, просто невероятно. Менеджер кампании Клинтона и его напарник использовали эту фразу, и она была перенесена в основную кампанию для дебатов и телевизионных рекламных роликов. Острый контраст со скромной метафорой Доула был, безусловно, стратегическим. Но действительно ли именно контраст помог Клинтону?

При рассмотрении после обращения Клинтона, конфликтующие темпоральные метафоры стали отчетливыми (если не упрощенными) мо-

делями для понимания двух кандидатов и их программ, моделями, отдающими предпочтение Клинтону. Клинтон ориентировался на будущее, был кандидатом будущего и для будущего. В явную противоположность ему, Доул представлялся человеком, заиклившимся на прошлом, плохо подготовленным для будущего. Речь Клинтона заставляла избирателей видеть в нем связующее звено для лучшего будущего, тогда как Доул был представлен пытающимся привязать их к отжившему свой век прошлому. Не поднимая открыто проблему возраста, темпоральная модель имела тенденцию напоминать избирателям о преклонном возрасте Доула. Это впечатление усиливалось тем фактом, что Клинтон вел себя активно, предлагал «построить мост», тогда как Доул был пассивен, желал «быть мостом». Более того – в своей речи Клинтон постоянно хвалился тем, что он уже начал строить этот мост, когда добился успеха во время своего первого срока, тогда как речь Доула не содержала и намека на его достижения за время долгого сидения в Сенате (Бенуа, Уэллс, Пиир и Блэйни (Benoit, Wells, Pier, & Blaney 1999)) отмечают, что Клинтон ссылался на свои прошлые достижения в три раза чаще, чем Доул). Учитывая то, каким образом Клинтон развивал свою метафору в обращении, ее выбор можно определить как намеренный и стратегический, оказывающий предпочтение кандидату от Демократов. Можно привести пять аргументов в поддержку эффективности метафорической модели Клинтона.

Во-первых, выбранная Клинтонем метафора была весьма действенной для многих избирателей. Ведь – кроме всего прочего – важнейшим компонентом американской мечты является желание того, чтобы дети жили богаче (в будущем) их родителей. Хотя это утверждение и дискуссионно, «мост в будущее» может быть особенно привлекательным для независимых колеблющихся избирателей. Кандидат в президенты сейчас не может надеяться на победу, не заручившись поддержкой одной из двух главных политических партий (Росс Перо, который без успеха принимал участие в президентских гонках 1992 и 1996 годов, является одним из немногих кандидатов от третьих партий, как и Джон Андерсон, который участвовал в 1980 и не смог стать исключением из данного правила). Тем не менее, ни одна из политических партий не имеет достаточного количества членов и сторонников, чтобы предоставить Белый Дом своему кандидату: количество независимых избирателей в 1992 году составило 38% (Weisberg & Kimball 1993). Таким образом, чтобы выиграть, кандидату необходимо получить голоса большинства этих независимых избирателей. Акцент Доула на прошлое мог найти отклик в сердцах представителей консервативного ядра его сторонников; однако метафора Клинтона, скорее всего, апеллировала к колеб-

лющимся избирателям, чьи голоса необходимы для победы в президентской гонке.

Более того, тот факт, что Доул ввел метафору «моста» в своем обращении, санкционировал использование Клинтонем темпоральной метафоры. Хотя полностью фраза «мост в прошлое» не упоминалась в речи Доула, большая ее часть была ориентирована на прошлое. Его реальная фраза «мост во времена спокойствия, веры и уверенности в действиях» отчетливо предполагает существование моста в былые времена, даже если таковой и не является буквальным «мостом в прошлое». Анализ его речи выявил наличие акцента на прошлом и пренебрежительное отношение к современным ценностям. Таким образом, истолкование Клинтонем «моста в прошлое», хотя и не являлось дословной цитатой слов Доула, выглядело вполне оправданным перефразированием его высказываний. Доул вряд ли мог обвинить Клинтона в неточности (особенно учитывая, что пререкания из-за употребления метафоры могли показаться глупыми).

Во-вторых, тот факт, что метафора Клинтона была обращена к будущему, был крайне подходящим для многих из его аргументов. Его заявления сыпались предложениями, многие из которых были относительно скромными, построить лучшее будущее (Бенуа, Уэллс, Пиир и Блэйни (Benoit, Wells, Pier, & Blaney 1999)) отмечают, что в своем обращении Клинтон заявлял о 56 планах на будущее – в два раза больше, чем Доул в своем обращении). Он предлагал налоговые льготы для оплаты образования, программу стипендий Hope Scholarships, курсы повышения квалификации, «добровольческую армию из одного миллиона учителей чтения» (с. 708), увеличение индивидуального пенсионного счета, налоговые льготы для владельцев жилья, новые рабочие места для людей на социальном обеспечении, больше банков развития для автономных зон и общин, запрет на «пули-убийцы полицейских» (с. 709), внесение поправки в права жертв, национальную программу против наркотиков, большую семью и закон об отпуске по состоянию здоровья, закон о свободном режиме рабочего дня, инициативы по борьбе с подростковым курением, телевизионный в-образный чип, медицинское обслуживание безработных, очистку 500 дополнительных участков захоронений токсичных отходов, увеличение количества стран-участниц НАТО, «сокращение ядерных арсеналов, запрет на химическое оружие и ядерные испытания» (с. 711), модернизацию оружия, борьбу с терроризмом, повышение безопасности аэропортов. Каждое предложение является причиной для лично заинтересованных групп граждан проголосовать за него и каждое касается предложения Клинтона построить то, что он называет «лучшим завтра». Эти заявления наглядно демонстрировали те преимущества, которые

ожидали американских избирателей на другом конце моста Клинтона.

В своей речи – по иронии судьбы – Клинтон по-настоящему был мостом к этим будущим преимуществам: если его выберут, он предложит эти программы и затем будет вести работу по их реализации в свой второй срок на посту президента. Необходимо также заметить, что эти предложения не намекали на то, что его первый срок на посту президента был провалом, потому что Клинтон смоделировал достижения своего первого срока как важные шаги к лучшему будущему: «Мы на правильном пути в XXI век». Клинтон использовал свою темпоральную метафору моста, чтобы противопоставить свое движение вперед отступлению Доула к прошлому («нам не нужен мост в прошлое», с. 707).

В-третьих, метафора Клинтона была органично вплетена в ткань всего его дискурса. Он начал с того, что обратился к своей поездке на поезде на съезд как к метафоре своих целей («Мы на правильном пути в XXI век», с. 706). Он связал идею моста в XXI век с широким кругом проблем, незаметно вводя свою метафорическую интерпретационную структуру в речь для моделирования как своих былых достижений (на правильном пути в будущее), так и своих будущих планов (мост в будущее). Таким образом, метафорическая структура Клинтона охватывала как всю его речь, так и другой дискурс избирательной кампании.

В-четвертых, речь Клинтона была эффективной, вследствие своей внутренней непротиворечивости. Речь Доула, хотя в ней и были ссылки на будущее, в первую очередь была сфокусирована на прошлом и явно отрицала основания материальной выгоды и интереса к экономике. Несмотря на заявления о том, что честь и праведные поступки, а не богатство и экономика, имеют важнейшее значение, Доул использовал свое обращение для акцентирования своих налоговых инициатив: Не поймите меня неправильно – моя экономическая программа – это правильная политика для Америки. Вот что она означает для Вас. ... Это означает, что у Вас будет президент, который снизит налоги на 15% для каждого американского налогоплательщика, что включает налоговые льготы в 500 долларов на каждого ребенка в семьях с низким и средним достатком. Налоги с семей из четырех человек с достатком 35 000 долларов снизятся более чем в половину – на 56%, чтобы быть точным. Это означает, что у Вас будет президент, который будет помогать мелкому бизнесу – бизнесу, создающему новые рабочие места, снизив налог на доход с капитала на 50%... Это означает, что у Вас будет президент, который увеличит индивидуальный пенсионный счет, отменит увеличения налога по социальному обеспечению, введенное президентом Клинтон, введет налоговые льготы на недвижимость (с. 676).

Доул делает акцент на принципе, на котором держится его подход: «Лежащий в основе этого принцип проверен временем и правилен: это Ваши деньги. Вы не должны извиняться за желание сохранить то, что Вы заработали» (с. 676). О возвышенных идеалах чести и долга в данный момент забывается при попытке подкупить избирателей налоговыми послаблениями. Таким образом, дискурс Доула внутренне противоречив: его инициатива по снижению налогового бремени на 15% – базовый элемент его программы – кардинально противоречит его попыткам отдать привилегированное положение традиционным (былым) ценностям вместо богатства.

Последней причиной, по которой метафора Клинтон была эффективной, является двойное развертывание метафоры. Хотя Клинтон не престанно повторял о желании взять ответственности по возведению моста в лучшее будущее на себя, часть времени он говорил о необходимости сплочения американской нации для строительства моста вместе с ним. Эта риторическая конструкция приглашала аудиторию Клинтона к участию в развитии метафоры, в создании его речи – и их будущего. Она также (имплицитно) демонстрировала то, что Клинтон хочет разделить кредит доверия, поскольку строительство будущего не может быть осуществлено президентом в одиночку. Он ясно дал понять, что берет миссию на себя, при этом стимулируя участие аудитории в выполнении этой задачи.

Таким образом, метафора «моста в будущее» Клинтона – как и его сопутствующая характеристика Доула как «моста в прошлое» – была эффективно введена в обращение. Его метафора, по всей видимости, апеллировала к ключевым сегментам его аудитории (независимым избирателям), была внутренне непротиворечивой, и он активно вовлекал аудиторию в развитие этой метафоры. Наиболее важно, безусловно, то, что она моделировала образ Доула как человека, застрявшего в прошлом, тогда как образ Клинтона – как человека, способного вести Америку в будущее.

СВИДЕТЕЛЬСТВА ЭФФЕКТИВНОСТИ. Безусловно, сложно доказать причинные связи между определенными элементами публичного дискурса (последние размышления по данной проблематике [см. Edwards 1996; Stromer-Galley & Schiappa 1998]). Отлично известно, что аудитория подвержена воздействию миллионов сообщений – особенно во время президентской кампании – и ее представители имеют в корне различный опыт, структурирующий их убеждения, оценки и действия. Задача связать поведение аудитории (например, голосование) с определенным риторическим артефактом – не говоря уже об определенном элементе артефакта, каким является повторяющаяся метафора, – представляется крайне сложной. Тем не менее, я предлагаю четыре вида доказательств воздействия, не противоречащие моей

предпочтительной оценке темпоральной метафоры Клинтона.

Во-первых, на самом главном уровне. Оба кандидата резко увеличили свои рейтинги в опросах общественного мнения сразу после съездов выдвижения. Это значит, что сначала Доул сократил свое отставание от конкурента после съезда Республиканцев. Тем не менее, как только Клинтон ввел свои темпоральные модели в действие, он сумел восстановить и даже увеличить свой отрыв [Associated Press 1996]. Таким образом, представляется, что речь Клинтона смогла нейтрализовать краткосрочный прирост Доула. Хотя мы и не можем твердо объяснить этот факт обращением Клинтона (или конкретно метафорой Клинтона), трудно спорить с тем, что речи кандидатов не имеют значения на мероприятиях (съездах) специально приуроченных к празднованию их выдвижения. Не забывайте и о том, что метафора Клинтона также появлялась в других дискурсах кампании, подкрепляя идеи его обращения на съезде.

Во-вторых, существуют данные опросов общественного мнения, напрямую касающиеся данных метафор. Так, по данным Исследовательского центра «Пью» (Pew Research Center), большинство опрошенных оказались знакомы с фразой «мост в будущее» и ассоциировали ее с Биллом Клинтонем. Опрос, проведенный изданием «Лос-Анджелес Таймс», исследовавший реакцию на обращение Доула, установил, что 69% опрошенных считали нереалистичной перспективу того, что «Доул сможет вернуть Америку к ее ценностям прошлого». В общенациональном опросе, проведенном «Лос-Анджелес Таймс» после первых президентских дебатов, респондентов попросили определить «любую фразу, наиболее запомнившуюся им из дебатов». Наиболее распространенным ответом стал «мост в XXI век», что являлось метафорой Клинтона (эти данные получены от организации Lexis Nexis Academic Universe). Таким образом, публика имела тенденцию ассоциировать Клинтона с мостом в будущее и не проявляла особого энтузиазма по поводу моста в прошлое от Доула, а осведомленность по данной теме поддерживалась, по крайней мере, до Октября после первых дебатов.

В-третьих – и это весьма важно – то, как СМИ обсуждали речь Доула, кардинальным образом изменилось после введения Клинтонем своей метафорической модели. Анализ организацией Lexis/Nexis статей крупных газет на тему «Доул» и «Выдвижение» за двухнедельный период после его обращения обнаружил 213 сводок. Важно то, что ни одна из этих работ не характеризовала его речь или политическую программу как мост в прошлое. Только в одной из статей упоминалась эта фраза, да и то это были слова Питера Найта – менеджера кампании Клинтона-Гора. Резким контрастом стало то, что за две недели после обращения

Клинтона из 75 статей о «Доуле» и «Выдвижении» в 18 была принята клинтоновская интерпретация высказывания Доула – «мост в прошлое». К примеру, передовица издания «The Atlanta Journal and Constitution» несколько ошибочно сообщала читателям о том, что «кандидат от республиканцев провозгласил себя мостом в прошлое, сфокусировав внимание обществу на своем возрасте» (1996: 12A). Фиглер (Feagler 1996) принял контрастирующие модели Клинтона за удачную характеристику различий между кандидатами, довольно беспечно утверждая, что «Билл Клинтон хочет построить мост в будущее. Боб Доул хочет построить мост в прошлое» (с. 2A). Пердум отметил навязчивость образа, созданного моделью Клинтона, при дальнейшем развитии кампании: «Если сравнить с другими политическими метафорами, то эта достаточно скромная. Это не «сияющий город», или «освоение новой территории», или какие-нибудь «искры света». Но поскольку президент Клинтон обратил ее против Боба Доула в своем обращении на съезде демократической партии, то именно эта метафора стала доминирующим ораторским образом в кампании 1996 года [Perdum 1996: 4-5].

Таким образом, тон комментариев СМИ по отношению к обращению Доула резко изменился после обращения Клинтона, многие авторы слепо приняли модель Клинтона для толкования и противопоставления кандидатов. Абсолютно проигнорированными остались другие мысли Доула, такие как: «Я с нетерпением жду возможности повести Америку в следующий век» и «мы понимаем, что Америка – это, несомненно, страна будущего». Сложно объяснить эту перемену в газетном дискурсе о речи Доула, кроме как воздействием риторики Клинтона: темпоральные метафоры Клинтона моделировали то, как люди говорили и писали о нем и его программе, а также о Доуле и программе Доула.

Последний источник свидетельств эффективности темпоральной метафоры Клинтона может быть обнаружен в кампании Доула, так как Доул, по-видимому, понял, что сделал Клинтон. Он боролся против, но так и не смог вырваться из рамок модели Клинтона. На определенном этапе Доул и его напарник по кампании – Джэк Кемп – попытались создать новую модель, которая была бы ориентированной против Клинтона. Берг (Berg 1996) говорит, что «Теперь Доул называет мост Клинтона «мостом с платным проездом». Вот как Доул развивает этот образ: Вы платите за каждый дюйм, каждый шаг по мосту. Вы платите, платите и снова платите. ... Это то, чего мы боимся, потому что он станет мостом в будущее повысившихся налогов, в котором больше подростков будут употреблять наркотики, в котором государство будет ответственным за национальную систему здравоохранения, будущее с более либераль-

ными судьями, в котором Америка будет беззащитной от баллистических ракет, в котором экономика будет создавать меньшее количество рабочих мест и так далее, и так далее (с. 14А).

Таким образом, Доул попытался связать «мост» Клинтона с рядом нежелательных результатов, совпадающих с некоторыми темами кампании Доула: более высокими налогами, возросшей наркоманией среди подростков, государственным управлением системой здравоохранения, ослабевшей обороноспособностью, меньшим количеством рабочих мест. Тем не менее, попытка Доула перемоделировать «мост в будущее» Клинтона в «мост с платным проездом» не привела к успеху. На самом деле в своем обращении в Мэдисоне, штат Висконсин, Доул попытался присвоить метафору «моста» Клинтона. Он достаточно печально заявил, что «хочет стать мостом в будущее» [Walters 1996: 1], таким образом, очевидно, отрециваясь от своего предложения быть мостом во времена спокойствия, веры и уверенности в действиях. Как было отмечено выше, он также предлагал быть «мостом к правде» на первых дебатах. Кажется, Доул понял, что попал в ловушку модели Клинтона, но он уже не мог изменить восприятие людей. Клинтон воспринимался как «мост в будущее», тогда как Доул – как «мост в прошлое». Следовательно, независимые данные из опросов общественного мнения, репортажей СМИ об обоих кандидатах и из высказываний самого Доула не противоречат представленной нами выше оценке.

СЛЕДСТВИЯ. В 1984 году, как уже отмечалось выше, Марио Куомо не добился существенного успеха при попытке риторического ответа на метафору Рональда Рейгана о «сияющем городе на холме». В 1996 Билл Клинтон принял нерешительное предложение Доула стать «мостом в былые времена» и развил модель с использованием метафор, которые противопоставляли его ориентацию на будущее одержимости (приписанной) прошлым Доула. Видение «моста в будущее» Клинтонном было более убедительным, чем видение «моста в прошлое» Доулом, как потому, что это в большей степени апеллировало к интересам большинства избирателей, так и потому, что в дискурсе Клинтона данная метафора была весьма эффективно построена. Свидетельства показывают, что, в отличие от Куомо в 1984 году, темпоральная метафора Клинтона добилась успеха в моделировании способа, которым другие интерпретировали и проводили различие между двумя кандидатами, в создании темпоральных моделей, отдающих предпочтение Клинтону над Доулом. Я утверждаю, что подобные модели должны отвечать как минимум двум критериям, чтобы добиться успеха: они должны соответствовать цели ратора (в данном случае, представлять Клинтона предпочтительнее Доула) и они должны представляться вероятными

целевой аудитории (по иронии судьбы, мимоличный намек Доула на «мост в былые времена», как кажется, санкционировал применение Клинтонном модели «Доул – это мост в прошлое»).

Хотя Гоффман представляет интереснейший анализ моделирования, описывая два способа сдвига моделей, применение метафоры Клинтонном не укладывается однозначно ни в одну из выявленных им форм трансформации – разъяснений или махинаций. Я предлагаю добавить третью форму сдвига моделей – «метафорическую». Данный подход имеет преимущество, поскольку не может быть подвержен дискредитации, как уже отмечалось выше. Я не утверждаю, что метафорическую модель невозможно дискредитировать; просто обычно это довольно сложно. На самом деле – в данном вопросе – Доул однозначно сражался с новой моделью Клинтона, но он не смог ни вырваться из нее, ни подчинить ее своим целям. Поскольку метафоры не буквальны, они являются особенно привлекательными и гибкими моделями.

Что мы можем вынести из этого анализа эффективности использования метафоры? Пять ключевых принципов могут быть выведены из оценки, представленной выше. Прежде всего, не все метафоры обладают одинаковой воздействующей силой, поэтому ратору необходимо выбрать метафору, которая наиболее вероятно найдет отклик у аудитории. Во-вторых, метафора должна облегчать явную цель ратора. Метафора должна расцениваться не как стилистическое украшение, а как организующий принцип, облегчающий задачи ратора. Миллионы планов на будущее Клинтона как нельзя лучше подходили под его мост в будущее. Президент будет вести будущее, а не в прошлое. В-третьих, ратору необходимо распределить метафору по всему дискурсу, а не по какому-либо ограниченному его сегменту. Клинтон развивал свою метафору в своем обращении, а затем и в других своих речах на протяжении кампании. В-четвертых, метафора и дискурс не должны быть внутренне противоречивыми. Сокращение налогов на 15% – ключевой компонент программы Доула – по своей природе ориентировано скорее на будущее, чем на прошлое. Доул просто ошибся, попытавшись сделать прошлое и отказ от материального успеха такими важными компонентами своего обращения. В-пятых, раторам настоятельно рекомендуется вовлекать аудиторию в развитие метафоры. Клинтон взял на себя ответственность за свою метафору, но также пригласил свою аудиторию принять участие.

Сколаршип (Scholarship) искал подтверждений эффектов риторики. Штроммер-Гэлли и Шиаппа (Stromer-Galley and Schiappa 1998) жаловались на то, что догадки о влиянии дискурса на аудиторию не находят точных подтверждений. Эдвардс (Edwards 1996) заявлял, что многим последним книгам по президентской рито-

рике не достает доказательств для заявлений об эффективности. Я привожу данные опросов общественного мнения, сведения из репортажей СМИ о ходе кампании и свидетельства из дискурса одного из раторов, задействованных в ситуации (Доула). Вместе взятые эти данные обеспечивают эмпирическую поддержку моего заявления о том, что темпоральное метафорическое моделирование Клинтонна было эффективным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Метафора Клинтонна стала интерпретирующей структурой для толкования кандидатов, их политических инициатив и их дискурсов. Услышавший речь Доула без (или до) озвучивания модели Клинтонна не стал бы расценивать метафору Доула о мосте в прошлое в качестве основной темы его речи (об этом свидетельствуют новостные комментарии, опубликованные до обращения Клинтонна). Текстовый анализ выявил, в частности, что многие абзацы из обращения Доула были обращены к будущему. Тем не менее, как только Клинтон ввел свою модель, наблюдателям стало сложно воспринимать речь Доула и его общую программу иначе. Таким образом, важная часть влияния метафоры лежит в ее способности служить стенографическим описанием личности или ситуации (как синекдоха). Фразы-антонимы Клинтонна «мост в прошлое» и «мост в будущее» служили целям сжатой характеристики его самого и его оппонента. Это был простой и доходчивый прием – хотя и, как уже было показано, несколько упрощенный. Моделирование способно трансформировать то, как люди, события и дискурс воспринимаются и обсуждаются.

ЛИТЕРАТУРА

- Aristotle's rhetoric and poetics (I. Bywater, trans). New York: Modern Library, 1954.
- Clinton gets convention bounce despite aide's resignation // Associated Press – August 30, 1996.
- Benoit, W. L. Seeing spots: A functional analysis of presidential television advertisements, 1952-1996. – New York: Praeger, 1999.
- Benoit, W. L., Blaney, J. R., & Pier, P. M. Campaign '96: A functional analysis of acclaiming, attacking, and defending. – New York: Praeger, 1998.
- Benoit, W. L., Blaney, J. R., & Pier, P. M. Acclaiming, attacking, and defending: A functional analysis of nominating convention keynote speeches, 1960-1996 // Political Communication. 2000. № 17. P. 61-84.
- Benoit, W. L., Wells, W. T., Pier, P. M., & Blaney, J. R. (1999). Acclaiming, attacking, and defending in presidential nominating acceptance addresses, 1960-1996. Quarterly Journal of Speech, 85, 247-267.
- Berg, S. Campaign sampler; Bridge metaphors in danger of collapse // Minneapolis Star Tribune – September 4, 1996. P. 14A.
- Black, M. Metaphor. In M. Black (Ed.), Models and metaphor // Ithaca, NY: Cornell University Press. 1962. P. 25-47.
- Blankenship, J. The search for the 1972 Democratic nomination: A metaphorical perspective // J. Blankenship & H. G. Stelzner (Eds.), Rhetoric and communication: Studies in the Illinois tradition. – Urbana, IL: University of Illinois Press, 1973. P. 236-260.
- Burke, K. Permanence and change. – Indianapolis // Bobbs-Merrill, 1965.
- Burke, K. Language as symbolic action: Essays on life, literature, and method. – Berkeley, CA: University of California Press, 1966.
- Cicero. De oratore (H. Rackham, trans.). – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1942.
- Clinton, W. J. A bridge to the future // Vital Speeches of the Day. 1996. № 62. P. 706-712.
- Dole, R. The best days are yet to come // Vital Speeches of the Day. 1996. № 62. P. 674-679.
- Editorial. Family leave fills real need. // Atlanta Journal and Constitution. – September 14, 1996. P. 12A.
- Edwards, G. C. Presidential rhetoric: What difference does it make? // M. J. Medhurst (Ed.), Beyond the rhetorical presidency. – College Station, TX: Texas A&M University Press, 1996. P. 199-217.
- Feagler, D. Dole's bridge to the past is well worth exploring // Cleveland Plain Dealer. – September 13, 1996. P. 2A.
- Fields, W. Union of words: A history of presidential eloquence. – New York: Free Press, 1996.
- Goffman, E. Frame analysis: An essay on the organization of experience. – Boston: Northeastern University Press, 1986. (Original work published in 1974)
- Gore: Look at our accomplishments // USA Today. – August 29, 1996. P. SA.
- Gustainis, J. J., & Benoit, W. L. Analogic analysis of the presidential candidates' acceptance speeches at the 1980 national nominating conventions // Speaker and Gavel. 1988. № 25. P. 14-23.
- Henry, D. The rhetorical dynamics of Mario Cuomo's 1984 keynote address: Situation, speaker, metaphor // Southern Speech Communication Journal. 1988. № 53. P. 105-120.
- Hodgkinson, G., & Leland, C. M. Metaphors in the 1996 presidential debates: An analysis of themes // L. L. Kaid & D. G. Bystrom (Eds.), The electronic election: Perspectives on the 1996 campaign communication. – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 1996. P. 149-161.
- Holbrook, T. M. Do campaigns matter? Thousand Oaks, CA: Sage, 1996.
- Houck, D. W. Reading the body in the text: FDR's 1932 speech to the Democratic National Convention // Southern Communication Journal. 1997. № 62. P. 20-36.
- Iyengar, S. Framing responsibility for political issues: The case of poverty // Political Behavior. 1990. № 12. P. 19-40.
- Jamieson, K. H. The metaphoric cluster in the rhetoric of Pope Paul VI and Edmund G. Brown // Quarterly Journal of Speech. 1980. № 66. P. 51-72.
- Medhurst, M. J., Ivie, R. L., Wander, P., & Scott, R. L. (Eds.). Cold war rhetoric: Strategy, metaphor, and ideology. – East Lansing, MI: Michigan State University Press, 1998.
- Osborn, M. M. The evolution of the theory of metaphor in rhetoric // Western Speech. 1967. № 31. P. 121-130.

- Osborn, M. M., & Ehninger, D. The metaphor in public address // *Speech Monographs*. 1962. № 29. P. 223-234.
- Purdum, T. S. Bridges for both parties: Requiem for a metaphor too far. – *New York Times*. – September 8, 1996. P. 4, 5.
- Norvold, R. O. Rhetoric as ritual: Hubert H. Humphrey's acceptance address at the 1968 Democratic National Convention // *Today's Speech*. 1970. № 18. P. 34-38.
- Reddy, M. J. The conduit metaphor: A case of frame conflict in our language about language // D. Ortony (Ed.), *Metaphor and thought*. – Cambridge: England: Cambridge University Press, 1979. P. 284-324.
- Rhee, J. W. Strategy and issue frames in election campaign coverage: A social cognitive account of framing effects // *Journal of Communication*. 1997. № 47(3). P. 26-48.
- Richards, I. A. *The philosophy of rhetoric*. – London: Oxford University Press, 1936.
- Ritter, K. W. American political rhetoric and the jeremiad tradition: Presidential nomination acceptance addresses, 1960-1976 // *Central States Speech Journal*. 1980. № 31. P. 153-171.
- Ritter, K. W. The presidential nomination acceptance speech since 1980: An evolving American jeremiad // D. D. Call (Ed.), *Generic criticism of American public address* – Dubuque, IA: Kendall/Hunt, 1996. P. 201-210.
- Scheele, H. Z. Ronald Reagan's 1980 acceptance address: A focus on American values // *Western Journal of Speech Communication*. 1984. № 48. P. 51-61.
- Schon, D. A. Generative metaphor: A perspective on problem-setting in public policy // A. Ortony (Ed.), *Metaphor and thought* – Cambridge, England: Cambridge University Press, 1979. P. 254-283.
- Smith, C. A., & Smith, K. B. The 1984 Reagan-Mondale presidential debates. In R. V. Friedenberg (Ed.), *Rhetorical studies of national political debates, 1960-1992*. – Westport, CT: Praeger, 1994. P. 95-119.
- Smith, C. R. Richard Nixon's 1968 acceptance speech as a model of dual audience adaption // *Today's Speech*. 1971. № 19. P. 15-22.
- Smith, L. D., & Nimmo, D. Cordial concurrence: Orchestrating national party conventions in the telepolitical age. – New York: Praeger, 1991.
- Stelzner, H. G. Ford's war on inflation: A metaphor that did not cross // *Communication Monographs*. 1977. № 44. P. 284-297.
- Stromer-Galley, J., & Schiappa, E. The argumentative burdens of audience conjectures: Audience research in popular culture criticism // *Communication Theory*. 1998. № 8. P. 27-62.
- Tedesco, J. C., Miller, J. L., & Spiker, J. A. Presidential campaigning on the information superhighway: An exploration of content and form // L. L. Kaid & D. G. Bystrom (Eds.), *The electronic election: Perspectives on the 1996 campaign communication*. – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 1999. P. 51-63.
- Trent, J. S., & Friedenberg, R. V. *Political campaign communication: Principles and practices*, 3/e. – Westport, CT: Praeger, 1995.
- Tversky, A., & Kahneman, D. Judgment under uncertainty: Heuristics and biases: Biases in judgments reveal some heuristics of thinking about uncertainty // *Science*. 1974. №185. P. 1124-1131.
- Tversky, A., & Kahneman, D. The framing of decisions and the psychology of choice // *Science*. 1981. № 211. P. 453-458.
- Tversky, A., & Kahneman, D. Rational choice and the framing of decisions // D. E. Bell, H. Raiffa, & A. Tversky (Eds.), *Decision making: Descriptive, normative, and prescriptive interactions*. – Cambridge, England: Cambridge University Press, 1988. P. 167-192.
- Valley, D. B. Significant characteristics of Democratic presidential nomination acceptance speeches // *Central States Speech Journal*. 1974. № 25. P. 56-62.
- Valley, D. B. *A history and analysis of Democratic presidential nomination acceptance speeches to 1968*. – Lanham, CT: University Press of America, 1988.
- Walters, S. Clinton means taxes, Dole says During Madison stop, he calls incumbent's promises a toll bridge // *Milwaukee Journal Sentinel*. – September 5, 1996. P. 1.
- Weaver, R. Language is sermonic // R. L. Johannesen, R. Strickland, & R. T. Eubanks, (Eds.), *Language is sermonic: Richard M. Weaver on the nature of rhetoric*. – Baton Rouge, LA: Louisiana State University Press, 1970. P. 201-225.
- Weithoff, W. E. "I accept your nomination": Carter, Reagan, and classical obscurantism // *Indiana Speech Journal*. 1981. № 16. P. 33-40.
- Weisberg, H. F., & Kimball, D. C. The 1992 presidential election: Party identification and beyond. Paper presented at the American Political Science Association, Washington, DC (quoted in M. A. Levine, (1995). *Presidential campaigns and elections: Issues and images in the media age*. Itasea, IL: Peacock Publishers, 1993).
- Zarefsky, D. *President Johnson's war on poverty*. Tuscaloosa, AL: University of Alabama Press, 1986.

© Бенуа У., 2001

© Аникин Е.Е. (перевод), 2009

Будаев Э. В., Чудинов А. П.
Нижний Тагил, Екатеринбург, Россия
ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СОВЕТОЛОГИЯ
КАК НАУЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ¹

Budaev E. V., Chudinov A. P.
Nizhny Tagil, Ekaterinburg, Russia
LINGUISTIC SOVIETOLOGY
AS A SCHOLARLY TREND

УДК 811.161.1(09)

ГСНТИ 16.01.21, 16.21.27

Код ВАК 10.02.05; 10.02.19

Аннотация. Дана характеристика лингвистической советологии как направлению в зарубежных исследованиях Советского Союза. Выделены основные этапы развития лингвистической советологии, ее ведущие направления, охарактеризованы аспекты исследования советской политической коммуникации и методы исследования, которые использовали советологи.

Ключевые слова: лингвистическая советология, Советский Союз, политическая коммуникация, этапы развития советологии.

Сведения об авторе: Будаев Эдуард Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков.

Место работы: Нижнетагильская государственная педагогическая академия.

Контактная информация: 622031, Свердловская обл., г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, д. 57.
E-mail: aedw@rambler.ru

Сведения об авторе: Чудинов Анатолий Прокопьевич, проректор по научной и инновационной деятельности, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой риторики и межкультурной коммуникации.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, оф. 219.
E-mail: ap_chudinov@mail.ru

Abstract. The paper investigates linguistic sovietology as a scholarly trend. The paper delineates main stages in the evolution of linguistic sovietology, its leading schools. It reviews the variety of aspects and methodologies of research into soviet political communication.

Key words: linguistic sovietology, para-sovietology, political discourse, totalitarian discourse, history of science.

About the author: Budaev Eduard Vladimirovich, candidate of philology, associate professor of the chair of foreign languages.

Place of employment: Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Academy.

About the author: Chudinov Anatoly Prokopievich, vice-rector for academic and innovative activities, doctor of philology, professor, head of the chair of rhetoric and intercultural communication.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Выступая в Колумбийском университете 26 сентября 2003 года, президент России (в настоящее время – председатель российского правительства) В.В. Путин призвал «упразднить советологию», поскольку «СССР уже нет, а советология до сих пор существует». Далее президент пояснил, что он имеет в виду такую науку, которая была чрезмерно политизирована и служила «инструментом, чтобы нанести друг другу как можно больше ударов, уколов и всяческого вреда» (www.kremlin.ru). Несмотря на то, что рассматриваемое высказывание В.В. Путина воспринимается как шутовское, целесообразно максимально точно определить, что такое советология, охарактеризовать ее границы, выявить ее основные разделы и этапы развития. Это, с одной стороны, позволит лучше понять, от чего именно следует без сожаления отказаться, а с другой – даст возможность выделить то, что необходимо сохранять и совершенствовать.

Изучение лингвистической советологии поможет лучше понять то, как воспринимается политическая система Советского Союза за рубежом, какие аспекты советской политической коммуникации вызывают максимальное неприятие. Одновременно изучение лингвистической

советологии поможет отчетливее воспринимать общие закономерности политической коммуникации и специфику советской пропаганды и агитации, полнее оценивать выступления политических лидеров и используемые ими способы манипуляции общественным сознанием. Наконец, изучение истории лингвистической советологии даст возможность яснее увидеть особенности отдельных советологических школ и направлений, охарактеризовать различия в восприятии советской политической коммуникации, которые всегда существовали в рамках американской и западноевропейской советологии.

Как известно, иногда «взгляд со стороны», «внешний аудит» позволяет точнее зафиксировать проблемы и дать более объективные оценки. С другой стороны, видимо, настало время оценить и саму советологию, чтобы понять, насколько точен и объективен был этот «внешний аудит» и в какой мере имеет смысл пользоваться его результатами. Очевидно, что свобода от советской цензуры далеко не всегда означает абсолютную творческую свободу и независимость от каких-либо проявлений идеологического контроля. Следует учитывать, что в самых разных странах политическая позиция, противоречащая государственной идеологии и политике, может негативно сказаться на профессиональной карьере ученого, затруднит получение им грантов, премий, наград и иных знаков материального и общественного признания,

¹ Исследование подготовлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант РГНФ № 07-04-02-002а – Метафорический образ России в отечественном и зарубежном политическом дискурсе).

создаст трудности для публикации результатов научных исследований и даже осложнит общение с коллегами и студентами. Атмосфера холодной войны, идеологические и культурные различия в значительной степени влияли и на развитие советологии.

Несколько перефразируя мольеровского Журдена, можно сказать, что первые советологи не знали, что они занимаются именно советологией, а предполагали, что они пишут о русской революции и советском государстве, о революционном коммунистическом дискурсе. В зарубежной науке и публицистике термин «советология» (sovietology) получил широкое распространение в середине прошлого века для обозначения научного направления, посвященного изучению политики, экономики, культуры, науки и иных сторон жизни Советского Союза [Малиа 1997]. Оксфордский словарь отмечает его первое употребление 3 января 1958 г. в лондонском еженедельнике "Observer". В академических кругах термин поначалу был воспринят достаточно осторожно. Как показывает специальный исторический обзор [Меньковский <http>], на рубеже 1950-60-х гг. американские основоположники изучения СССР все еще отвергали название «sovietology» и отдавали предпочтение более традиционным обозначениям «изучение российского региона», исследование Советского Союза, анализ теории и практики большевизма (коммунизма). Но постепенно отношение к рассматриваемому термину начинает изменяться. А. Улам отмечал в середине 1960-х гг., что «советология» – ужасное слово, но как можно его не использовать?». К такой позиции был близок и С. Коэн, для которого «советология – незлегантное, но полезное слово». Постепенно термин сделался общеупотребительным и перестал восприниматься как «ужасный» или «незлегантный» неологизм.

В зарубежной традиции рассматриваемый термин не имеет какой-либо оценочной коннотации, тогда как в Советском Союзе его обычно использовали (и часто до сих пор используют) с уничижительными определениями, как эмоционально окрашенное обозначение не объективного, неквалифицированного и неискреннего подхода к описанию советской реальности.

В близком значении иногда использовался термин «кремлинология» (kremlinology), внутренняя форма которого подчеркивала повышенный интерес соответствующих специалистов к дискурсу советских лидеров, которые жили и работали в Кремле. Поэтому кремлинология нередко определяется как исследование дискурса высших советских (а теперь и российских) политических руководителей.

Вместе с тем следует отметить, что *советология* и *кремлинология* – это еще и обозначения соперничающих научных направлений. Классические советологи акцентировали эвристичность своих методов и достоверность прогнозов, тогда как кремлинологи подчеркивали, что их внимание к деталям приносит весьма

существенные результаты. Например, советологи гарвардской и чикагской научных школ скептически относились к «кремлинологам», сосредоточившим внимание на мельчайших изменениях в языке, поведении, образе жизни «хозяина Кремля» и его ближайшего окружения. Так, «гарвардцы» считали поспешными выводы кремлинолога М. Раша [Rush 1958], указывавшего на становлении «культы Хрущева» на основании того, что в газете «Правда» от 1955 г. привычную подпись «первый секретарь» вдруг написали с заглавных букв («Первый Секретарь»), а в речи Хрущева обнаружились «типичные словечки Сталина». Кремлинологи же любят вспоминать, как они, уделявшие пристальное внимание протокольности коммунистической элиты, обратили внимание на то, что как-то в Большом театре среди большевистских лидеров не оказалось Лаврентия Берии, и сделали вывод о его смещении. Скептики говорили о том, что, может быть, Берия не любит балета, но через несколько дней Берия был объявлен предателем [Bell 1958].

В вышедшем в постсоветский период исследовании этапов развития рассматриваемого научного направления М. Малиа представляет советологию как «академическую дисциплину, известную сначала под скромным определением «изучение региона», а затем под более амбициозным и научно звучащим понятием «советология» [Малиа 1997]. Несмотря на позднее «терминологическое оформление» рассматриваемых исследований под наименованием «советология», точкой отсчета для этого направления стало возникновение на политической карте мира Советской России и СССР, потому что первые советологические исследования появляются сразу после возникновения советского государства.

По мере накопления материала и дифференциации научных интересов появились политическая, экономическая, социологическая, юридическая и иные виды советологии. Поэтому термин «советология» в настоящее время воспринимается как «зонтичный», как общее наименование целого ряда относительно автономных научных направлений.

В комплексе советологических направлений важное место занимает лингвистическая советология, предметом исследования которой служат языковая политика в СССР, особенно сти советского тоталитарного дискурса и дискурса диссидентов («языковое сопротивление», по терминологии А. Вежбицкой), специфика функционирования, взаимодействия и эволюции языков народов Советского Союза.

Важно подчеркнуть, что советологи активно занимаются двумя сферами политической коммуникации. Первая из них – это официальная политическая коммуникация в Советском Союзе (соответствующий ей вариант языка нередко определяют как советский «новояз», «бюрократический» язык, «тоталитарный» язык, «официоз», «казенный» язык, «деревянный» язык и др.). Использование этой формы коммуникации

нередко воспринималось как своего рода способ проявления лояльности к властным структурам и в то же время как признак лингвистической и идеологической ограниченности, как показатель несоответствия западным представлениям об искренности, свободе и справедливости.

Вторая сфера постоянного внимания советологов – это коммуникативная практика диссидентов, «эзопов язык» и иные формы языкового сопротивления (при их характеристике используют термины «антитоталитарный» язык, «сокровенный» язык, «подпольный» язык, «антисоветский» язык, лексика неравенства и др.). Использование такой формы коммуникации служило своего рода знаком несогласия с официальной идеологией, неприятия коммунистических ценностей и оппозиционности к существующей в СССР политической системе.

Многие специалисты отмечают, что существование подобной политической диглоссии – яркая отличительная черта тоталитарного дискурса. В связи с этим Анна Вежбицка пишет: «Официальный тоталитарный язык часто порождает свою противоположность – подпольный антитоталитарный язык. И хотя он тоже представляет собой чрезвычайно интересный для изучения объект, до сих пор ему уделялось мало внимания – значительно меньше, чем тоталитарному языку» [Вежбицка 1993: 107]. Необходимо добавить, что последнее замечание относится преимущественно к публикациям, принадлежащим к ранним этапам развития лингвистической советологии, тогда как в последние десятилетия существования Советского Союза язык отечественных диссидентов постоянно привлекал внимание зарубежных исследователей.

Отчетливое разграничение между «двумя языками» провел М. Геллер, разделивший русский язык (*langue russe*) и советский язык (*langue soviétique*) [Heller 1979]. Сходную позицию занял Томас Венцлова, выделивший два русских субъязыка (*sub-languages*) – собственно русский и советский русский, который создает определенную идеологическую модель мира для всех, кто на нем говорит [Venclova 1980: 249]. В книге А. и Т. Фесенко советский язык определяется как русский язык, испорченный коммунистами [Фесенко 1955]; подобные взгляды характерны и для многих других эмигрантов из России. По мнению Джона Дана [Dunn 1995], соотношение между «обычным» и «политическим» языком в Советском Союзе, во многом напоминает различия между русским и церковно-славянским в Великом княжестве Московском.

Об особенностях официального советского языка и языковом сопротивлении, о политической диглоссии в СССР пишут и многие другие зарубежные специалисты (Р. Андерсон, Д. Вайс, Дж. Данн, П. Серию, В. Заславский, И. Земцов, А. Инкелес, Б. Корми, Н. Лейтес, П. Серию, Д. Стоун, М. Фабрис и др.), но большинство языковедов предпочитают все-таки говорить не об

особом языке или даже субъязыке, а о вариантах языка, о лексике и фразеологии сопротивления, о лексике неравенства, об официальном и антиофициальном стиле и т.п.

Можно заметить, что симпатии абсолютного большинства западных специалистов были на стороне диссидентов: практически нет публикаций, в которых коммуникативная практика «сопротивляющихся» оценивалась бы негативно, хотя очевидно, что степень косноязычия или же риторического мастерства мало зависит от политических воззрений.

При характеристике официальной советской коммуникации одни советологи подчеркнуто избегали каких-либо оценок, тогда как другие высказывались об этой форме коммуникации крайне негативно, причем отрицательное отношение к политическому режиму нередко едва ли не автоматически переносилось на оценку речевого мастерства соответствующих авторов. Между тем очевидно, что среди советских политиков и журналистов было немало настоящего талантливых людей, мастерски владеющих словом.

Вполне закономерно, что основное внимание советологи уделяли русскому языку как языку «международного общения», который никогда не признавался государственным, но реально был таковым все годы существования советской власти. Поэтому в настоящем издании рассматриваются только публикации, в которых говорится о политической коммуникации, осуществляемой на русском языке. Вместе с тем вполне возможно, что со временем будет подготовлено исследование политической коммуникации, которая осуществлялась на иных «советских» языках.

Лингвистическая советология как направление зарубежной политической лингвистики и вместе с тем как направление науки о русском языке до настоящего времени еще не была предметом монографического изучения. Между тем такое исследование полезно, во-первых, для более полного понимания общей истории советологии, во-вторых – в качестве важной части истории русского литературного языка, а в-третьих – в рамках общей теории коммуникативистики и изучения тоталитарного дискурса.

Необходимость такой работы связана также с тем, что восприятие Советского Союза и постсоветской России за рубежом много десятилетий основывалось преимущественно на основе публикаций советологов. Показательно, что многие американские и – в меньшей степени – западно-европейские советологи занимали важные государственные должности и оказывали конкретное влияние на взаимоотношения этих государств с Советским Союзом и Россией.

В соответствии со сложившейся традицией к числу советологических не относились исследования не только специалистов из Советского Союза, но и ученых, работавших в странах, входивших в состав «социалистического лагеря». Западные советологи считали, что их восточные коллеги несвободны в своем научном

творчестве, а поэтому соответствующие исследования не могут восприниматься как объективные. Очевидно, что ученые из Болгарии, Венгрии, Восточной Германии, Польши, Румынии, Чехословакии, Югославии действительно работали в других условиях и многие их публикации в той или иной мере подвергались цензуре и самоцензуре (хотя в этих странах эпизодически публиковались и откровенно антисоветские работы). В настоящем обзоре данные исследования не рассматриваются среди собственно советологических, но это, разумеется, не означает недооценки соответствующих публикаций. Видимо, изучение истории «восточноевропейской советологии» может стать автономным направлением научных исследований.

Сложным является вопрос о том, целесообразно ли включать в состав советологических публикации эмигрантов из Советского Союза и других стран Варшавского договора (Р. Якобсон, А. Вежбицка, И. Земцов, А. Фесенко, Т. Фесенко и др.). Представляется, что при решении этого вопроса следует учитывать не столько этническое происхождение, сколько профессиональную компетентность. Поэтому мы считаем целесообразным рассматривать подобные публикации в общем континууме советологии, хотя учитываем, что возможна и иная точка зрения, особенно если речь идет о зрелых специалистах, которые выросли в условиях социализма и по различным причинам оказались в западных странах. Здесь важно учитывать, что первоначально советология во многом формировалась эмигрантами. Они прекрасно знали русский язык и владели «из первых рук» информацией, недоступной для большинства западных ученых.

Советология в той или иной форме развивалась преимущественно в странах Западной Европы и Северной Америки. Поэтому в принципе возможно рассмотрение теории и практики советологии с региональных позиций, то есть автономно рассматривать североамериканскую, британскую, немецкую и французскую советологию. Каждый из этих национальных дискурсов имеет существенные особенности, но все вместе они все-таки воспринимаются как единое целое.

Достаточно перспективным представляется и автономное исследование официального советского дискурса и дискурса антисоветского, форм языкового сопротивления. Следует, однако, учитывать, что антисоветский дискурс был своего рода продолжением и отражением дискурса советского, что два эти дискурса тесно взаимосвязаны.

Можно представить себе исследование, основанное на классификации методов, которые используют те или иные советологи (риторический анализ, лексико-стилистические и лексико-грамматические методики, концептуальные исследования, критический анализ дискурса и др.). Однако представляется, что в советологических «штудиях» методология не занимает определяющего места. Нетрудно заметить, что

советологи, как правило, не создавали собственной методологии, а использовали те приемы исследования, которые были уже апробированы при рассмотрении политической коммуникации, происходящей в других политических условиях.

Наиболее оптимальным при рассмотрении лингвистической советологии является хронологический принцип, который позволяет выделить основные этапы становления и развития советологии, полнее увидеть специфику этих этапов и вместе с тем не препятствует внимательному рассмотрению советологии в иных аспектах, в том числе детальному учету национальных особенностей, используемых методов и рассматриваемых вариантов коммуникации, выявлению аспектов изучения советского политического дискурса. Представляется, что подобное исследование способно также помочь полнее охарактеризовать и общие свойства политической коммуникации.

История лингвистической советологии еще ждет своего полного описания, а поэтому пока не выделены хотя бы основные этапы ее развития. Однако ясно, что при ее периодизации невозможно в полной мере опереться ни на политическую историю Советского Союза, ни на историческую стилистику русского языка (историю русского литературного языка советского периода), ни на историю политической советологии.

Важно иметь в виду, что распространенное мнение о возникновении советологии в середине XX в. неверно в отношении лингвистической ее составляющей. Редкие энтузиасты (в основном из эмигрантов) брались за изучение политологических, экономических, социологических аспектов советской действительности, потому что получить достаточные для исследования данные было очень не просто: с 1930-х гг. чуть ли не единственным источником сведений о СССР была официальная советская пресса. То, что являлось препятствием для представителей общественных наук, несколько не мешало лингвистам и специалистам по коммуникации. Советский политический дискурс не только был доступен, но и активно «экспортировался» в виде международной коммунистической пропаганды, поэтому неудивительно, что уже в первые годы после Октябрьской революции за рубежом проводились и публиковались исследования, посвященные советскому политическому языку. Более того, было бы наивно полагать, что лингвистическая советология возникла в одночасье и на пустом месте. Российская революция 1917 г. стала импульсом к становлению лингвистической советологии, но эта область исследований опиралась на то, что уже было наработано в рамках исследования России, академический интерес к которой оформился в Соединенных Штатах еще на рубеже XIX-XX вв., а в зарубежной Европе – значительно раньше.

В настоящем издании при рассмотрении истории лингвистической советологии выделены пять основных этапов ее развития.

Первый из них – этап становления – относится к периоду с 1918 года до конца второй мировой войны. Особенности этого периода связаны с тем, что практически одновременно создавались и политическая лингвистика, и политическая советология, а левые идеи были весьма популярны в Северной Америке, Западной Европе и других регионах. В европейской политической лингвистике это времени используются преимущественно общелингвистические методы и приемы исследования, тогда как на американском континенте преобладают исследования, выполненные в рамках общей теории коммуникации, социологии и политологии.

Второй этап приходится на период холодной войны, когда идеологическое противостояние было максимально обостренным и многим казалось, что близится начало третьей мировой войны. Именно в эти годы многие западные советологи стремились найти общие черты в советском и фашистском политическом дискурсе, хотя советским специалистам кощунственной казалась уже сама попытка такого сопоставления. Вместе с тем именно на этом этапе советология полностью сформировалась как научное направление, в котором использовались самые современные для того времени научные методы (контент-анализ, квантитативная семантика, риторическое исследование текста, структурные методы, анкетирование и др.). В этот период европейская советология испытывало максимальное идейное и методологическое воздействие с американской стороны. Это воздействие проявлялось не только в идейно-политической гегемонии, но в том, какие методы и приемы использовались при изучении теории и практики коммуникации в Советском Союзе.

Третий этап совпадает со временем «разрядки» в отношениях между Советским Союзом и США, между странами Варшавского договора и НАТО. Угроза прямого военного столкновения отчасти миновала, но сохранялась острая идеологическая борьба, которая сопровождалась боевыми действиями во Вьетнаме, в Афганистане и иных регионах. В эти годы арсенал советологии пополняется новыми методами и приемами (критический анализ дискурса, когнитивные исследования, психолингвистический эксперимент, психоанализ, дискурсивные методики и др.). Именно в этот период европейская советология активно использовала методы и приемы исследования, характерные именно для европейской науки, в том числе для французской школы анализа дискурса, для континентальной (Германия, Нидерланды, Австрия) школы критического дискурс-анализа. В период разрядки между американскими и европейскими специалистами обнаружилось и существенные идеологические различия в оценке советского политического дискурса.

Четвертый этап относится к периоду перестройки и демонтажа советской системы, когда политические разногласия обострились уже внутри советской страны, а зарубежные консультанты все чаще начали выступать как эксперты по вопросам строительства новой политической системы в России. В эти годы активизируются сопоставительные исследования, начинается изучение роли концептуальных метафор в политическом дискурсе, постоянно обсуждаются новые политические термины (*перестройка, гласность, ускорение*) и особенности использования традиционных политических терминов (*правые, левые, демократизация, свобода* и др.), активно изучаются особенности индивидуальных стилей политических лидеров (особенно М.С.Горбачева). Различия между советской и западной политической коммуникацией в этот период часто воспринимались как временные, что нередко приводило к недооценке российских традиций и специфики политической коммуникации в нашей стране.

Пятую группу составляют исследования современного (с 1992 года) российского политического языка, которые, по-видимому, уже выходят за рамки советологии. В последние годы они нередко обозначаются зарубежными и отечественными специалистами как относящиеся к лингвистической «*постсоветологии*» (*post-sovietology*). Возможно, этот термин воспринимается как не вполне удачный, но его внутренняя форма хорошо отражает направленность соответствующих исследований: исследуется дискурс, который, во-первых, установился *после* советского, а во-вторых – сохранил многие *свойства советского* дискурса.

Можно предполагать, что лингвистическая постсоветология со временем, в результате последовательной утраты признаков советского дискурса перерастет в исследование российской политической коммуникации, что может получить и терминологическое закрепление в виде термина (например, возможно обозначение «лингвополитическое *россиеведение*»).

Шестую группу из числа рассматриваемых в настоящей монографии составляют исследования, которые можно отнести к сфере *лингвистической парасоветологии*. Речь идет, в частности, о публикациях, которые были подготовлены в странах, идеологически близких Советскому Союзу, и испытали на себе значительное влияние коммунистической идеологии. Дело в том, что традиционно к числу «подлинных» советологов относили только специалистов, которые работали в западных (в другой терминологии – «свободных») странах и могла позволить себе критику советского дискурса. К сфере парасоветологии относятся и исследования, направленные на выявление специфики политической коммуникации в союзных республиках, которые позднее стали самостоятельными государствами. В эту же сферу входят работы, посвященные коммунистическому дискурсу за

пределами СССР и тоталитарному дискурсу в целом.

В Советском Союзе долгие годы считалось, что вся советология основана на невежестве и клевете на социалистическое государство, а советологи – малограмотные лжецы, клеветники и агенты вражеской разведки, изначально ненавидящие все русское и советское. Разумеется, среди советологов было немало людей недостаточно информированных, ослепленных ненавистью или сознательно зарабатывающих себе на жизнь заказными разоблачениями и страшилками. Среди академических советологов действительно нередко встречались ушедшие в отставку сотрудники специальных служб или иных государственных структур. Можно предположить, что эти люди сохраняли те или иные связи со своими прежними работодателями.

Вместе с тем среди советологов были и талантливые ученые, которые, возможно, ошибались, но искренне стремились к объективности и смогли зафиксировать то, что оставалось скрытым для политически ангажированных авторов по обе стороны границы. Именно такие исследователи и заслуживают подлинной благодарности потомков. Следует, однако, подчеркнуть, что при обращении к публикациям западных специалистов практически всегда можно «вычислить» политическую ангажированность авторов, которая нередко проявляется в непосредственных обвинениях, негативных оценках и использовании всего арсенала манипулятивных приемов. К счастью, среди советологов всегда были специалисты, которые любили или хотя бы уважали нашу страну и изучали советскую политическую коммуникацию с помощью объективных научных методов, используемых в современных гуманитарных науках.

Отметим также, что в США и иных западных странах некоторых советологов нередко подозревали в том, что они находятся под идеологическим влиянием коммунистической пропаганды и даже так или иначе связаны с советской разведкой и иными соответствующими организациями. Не секрет, что ученому в США (особенно в эпоху маккартизма) беспристрастно интересоваться СССР было настолько же небезопасно, насколько советскому исследователю проявлять непредвзятый интерес к Западу. С похожими проблемами сталкивались и западноевропейские ученые. Как отмечает Л. Франк, британские ученые, владевшие русским языком, боялись заниматься чрезвычайно политизированной советской проблематикой, предпочитая интересоваться темами, в которых они могли спокойно оставаться на почве научной объективности (например, размерами в ранней русской силлабо-тонической поэзии или немецкими переводами Антиоха Кантемира) [Frank 1965: 55]. Показательно, что одни и те же публикации нередко рассматривались на Западе как зараженные бациллами коммунизма, а в

Советском Союзе – как грубые антисоветские пакости.

Подозрения в симпатиях к Советскому Союзу могли негативно сказаться на академической карьере ученого и его материальном положении, поэтому не следует думать, что западные специалисты, изучающие Советский Союз, всегда были абсолютно свободными, искренними и беспристрастными.

Если в Советском Союзе все советологи представлялись шарлатанами, то после распада СССР маятник сильно качнулся в другую сторону. Методологический плюрализм и возможность знакомиться с некогда недоступными исследованиями сыграли свою положительную роль, вместе с тем мнение советологов нередко стали рассматривать как истину в последней инстанции, в то время как, по мнению самих советологов, их наука вступила в полосу самого сильного за всю свою историю кризиса.

В целом рассмотренный в настоящей статье материал позволяет сделать следующие выводы.

1. В истории лингвистической советологии целесообразно различать следующие этапы:

- этап становления лингвистической советологии (1918 – 1945 гг.);
- этап развития лингвистической советологии в годы холодной войны (1946 – 1964 гг.);
- этап эволюции лингвистической советологии в период разрядки (1965 – 1984);
- заключительный этап существования лингвистической советологии в период демонтажа социалистической системы и перехода к рыночной экономике (после 1984 г.).

Основанием для выделения названных этапов служит не только общая периодизация истории Советского Союза в ее взаимосвязи с историей отношений СССР и внешнего (преимущественно враждебного) мира, но закономерности развития самой лингвистической советологии в ее взаимосвязи с общей советологией.

Названные этапы развития советологии отличаются по используемым методам научного исследования, по приоритетным аспектам рассмотрения политической коммуникации, по характеру взаимодействия американской и западноевропейской лингвистической советологии, по интенциям авторов, стремившихся в меру своего понимания соответствовать запросам общества и государства.

Отдельную группу составляют *постсоветологические* исследования, направленные на изучение политической коммуникации в период после распада Советского Союза, на описание процессов преобразования советского политического дискурса в постсоветский политический дискурс.

С советологическими и постсоветологическими исследованиями тесно связана *парасоветология*, ориентированная на изучение общих закономерностей коммунистического и тоталитарного дискурса, а также закономерностей

их исторических преобразований в различных регионах мира.

2. Важно дифференцировать этапы эволюции советологии (а также постсоветологии и парасоветологии) и периоды развития советской политической коммуникации, к которым обращено исследование.

В центре внимания значительной части советологических исследований было «недавнее прошлое», коммуникативную ситуацию и ее описание разделял очень небольшой промежуток времени (например, Джон Рид в 1918 году опубликовал книгу о русской революции 1917 года).

Значительно реже авторы обращаются к относительно отдаленным этапам развития советской политической коммуникации (так, созданное в конце XX века исследование Даниэля Вайса [Вайс 2007] посвящено сопоставлению нацистского и сталинистского дискурса, то есть коммуникативной ситуации полувековой давности).

Однако чаще всего исследования советологов давали характеристику «расширенного настоящего», то есть анализировали существующие в данный исторический момент условия политической коммуникации. Например, языковой дискурсе перестройки максимально активно изучался именно в годы, когда страной руководил М.С.Горбачев. Такое распределение интересов исследователей вполне закономерно: советология в XX веке была не столько академической наукой, сколько своего рода теоретическим ориентиром для зарубежных политических активистов и журналистов. Соответственно советологи стремились писать о том, что особенно интересно их читателям в данный исторический момент.

При «хронологической» (ориентированной на исследуемый исторический период развития русского политического языка) классификации противопоставляются публикации, посвященные досоветскому, советскому и постсоветскому периодам развития русского политического языка.

При рассмотрении политического языка новейшего времени специалисты приходят к выводу, что в прошлом осталась жесткая регламентация, которая определяла строгое следование всевозможным нормам (языковым, речевым, жанровым, этическим, композиционным и иным) и ограничивала проявления индивидуальности. Эта регламентация в каких-то случаях играла положительную роль (например, не допускала использования грубо-просторечной и жаргонной лексики, ограничивала поток необязательных заимствований), но именно она и определяла те качества «советского» языка, которые в одних случаях вызывают его критику, а в других – некоторую ностальгию.

3. Советская политическая коммуникация рассматривается в исследованиях американских и западноевропейских советологов в различных аспектах.

Многие исследователи стремились дать общую характеристику советской (и – шире – тоталитарной) политической коммуникации, выделить общие категории политической лингвистики, сформулировать теоретические основы этой науки, охарактеризовать ее понятийный аппарат и терминологию.

Особенно часто внимание исследователей привлекают лексика и фразеология советского языка, поскольку изменения в лексике, фразеологии и лексической стилистике наиболее заметны. Каждый новый поворот в историческом развитии государства приводит к языковой «перестройке», создает свой лексико-фразеологический тезаурус, включающий также концептуальные метафоры и символы.

В рамках грамматических исследований чаще всего отмечается обилие сложносочиненных слов и аббревиатур; значительный интерес представляет анализ номинализаций (П. Серю).

Значительная часть исследований посвящена сопоставлению или автономному исследованию «дискурса власти» и «дискурса сопротивления». Специалисты выяснили, что на смену диглоссии, характерной для советского общества, в котором отчетливо разграничивались тоталитарный язык и языковое сопротивление, пришла «стилистическая полифония», в которой отчетливо противопоставлены три варианта: язык власти, язык демократической оппозиции и язык прокоммунистической оппозиции.

Большое количество публикаций посвящено изучению специфики отдельных жанров политического языка – ораторская практика политических лидеров, медийный вариант политического языка, партийные и государственные документы, листовки и лозунги. В постсоветологические исследования отмечается постоянное расширение и обновление жанрового и стилистического арсенала политической коммуникации.

Значительный интерес представляют публикации, посвященные идиолектам наиболее известных политических лидеров: И.В. Сталина, Н.С. Хрущева, Л.И. Брежнева, М.С. Горбачева, Б.Н. Ельцина, В.В. Путина. Многие авторы отмечают, что в постсоветский период речевые портреты политиков становятся более узнаваемыми, ярче проявляется индивидуальность. Вместе с тем можно сделать вывод о том, что и в советское время речевая практика высших руководителей государства была максимально индивидуализированной и отличалась значительной свободой. Положение о характерных для советского языка стандартности и отсутствии личностного начала, видимо, относится только к речевой практике рядовых функционеров.

Важное место в исследованиях политической коммуникации занимает критический анализ (по Т.А. ван Дейку и Р. Водак) проявлений социального неравенства и коммуникативных манипуляций сознанием адресата. Многие спе-

циалисты отмечают повышенную агрессивность советской политической речи, в том числе активное использование конфронтационных стратегий и тактик речевого поведения (угрозы, игнорирование, дискредитация, брань, ложь, наклеивание ярлыков, оскорбления и др.).

В самостоятельную группу имеет смысл выделить исследования, направленные на изучение прагматики советской политической коммуникации: эффективности советской политической пропаганды, методики агитационной работы, лингвистических и концептуальных средств убеждения, используемых в советских СМИ.

Совершенно особое место занимают публикации, посвященные сопоставительному анализу политической коммуникации в России и других государствах. Сопоставление политической коммуникации различных стран и эпох позволяет отчетливее дифференцировать “свое” и “чужое”, случайное и закономерное, “общечеловеческое” и свойственное только тому или другому национальному дискурсу.

4. Лингвистическая советология, в отличие от других направлений науки, не выработала собственной методологии, но активно использовала методы и приемы, характерные для соответствующего этапа развития базисных наук – лингвистики, политологии, психологии, социологии и др.

Многообразие используемых методов и методик обогащает лингвистическую советологию: каждый метод имеет свои достоинства и позволяет обнаружить некоторые факты и закономерности, не привлекавшие внимания исследователей, использующих иной научный аппарат.

Важно подчеркнуть, что во многих публикациях используются разнообразные методы и приемы изучения политической коммуникации, совмещаются критический, нормативный и описательный аспекты исследования, привлекаются материалы, относящиеся к разным этапам развития политической коммуникации.

5. Американская и западноевропейская лингвистическая советология, несомненно, представляют собой единое научное направление, но в то же время при внимательном изучении в работах американских и западноевропейских советологов обнаруживаются и некоторые различия.

Сопоставляя публикации исследователей из Европы и Америки, можно заметить, что до середины прошлого века европейские специалисты обращаются преимущественно к изучению изменений в системе языка, обусловленных революцией и новым политическим режимом. Соответственно американские исследователи предпочитают рассматривать методы и приемы использования языка как средства воздействия, активно обращаются к прагматике речевой деятельности в политической коммуникации.

6. Сопоставление советского политического дискурса и политической коммуникации в западных государствах показывает, что некото-

рые явления, традиционно приписываемые тоталитарному дискурсу, были характерны и для политической коммуникации демократических стран. Очень далеко от реальности навязываемое противопоставление благородных героев, распространяющих правду и воспевающих идеалы свободы, гнусным недалеким лжецам, которые сознательно обманывают народ и заботятся только о собственной выгоде. В условиях острой политической борьбы невозможно было всегда оставаться правдивыми и объективными, и это относится к практикам политической коммуникации, характерным для людей, которые находились как по одну, так и по другую сторону идеологических баррикад.

Критика традиционной советологии в значительной степени связана с тем, что многие зарубежные «советологи» оказались не в силах обнаружить какие-либо достоинства в советском политическом языке. Читая подобные исследования, иногда невозможно понять, почему коммунистическая пропаганда добилась столь впечатляющих успехов во всем мире, чем можно объяснить чрезвычайную прагматическую эффективность советской политической коммуникации. Враждебность к коммунистической идеологии у некоторых советологов оборачивалась неприятием и острой критикой едва ли не всех аспектов соответствующей политической коммуникации и даже собственно языковых инноваций.

Остается надеяться, что в будущем как российские, так и зарубежные исследователи советского политического дискурса смогут объединить усилия и дать объективную характеристику лингвистических причин успехов и поражений советской пропаганды. По-прежнему остается актуальной задача разграничения общих закономерностей политической коммуникации, специфики тоталитарного дискурса и особенностей политической коммуникации в Советском Союзе. Значительные перспективы имеют сопоставление современного политического языка с политическим языком эпохи тоталитаризма и исследования постсоветской истории развития отечественного лингвополитического дискурса. Но это будет уже совершенно новый этап развития политической лингвистики, когда на смену лингвистической постсоветологии придет наука, посвященная российской политической коммуникации в условиях политической свободы и демократии.

ЛИТЕРАТУРА

- Андерсон Р. Д. Каузальная сила политической метафоры // Будаев Э. В., Чудинов А. П. Современная политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2006.
- Баргхорн Ф. Советский образ Соединенных Штатов: преднамеренное искажение // Политическая лингвистика. 2008. № 1 (24).
- Бантышева Л.Л. Структурно-системный анализ общественно-политической лексики русского языка конца XIX – начала XX века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Симферополь, 2007.
- Бен-Яков Б. Словарь аргю ГУЛАГа. – Франкфурт-на-Майне, 1982.

- Бессонова Л. Е. Новые лингвополитические исследования в Украине // Политическая лингвистика. 2007. № 1 (21).
- Болотова Е., Цинкен Й. Русская и немецкая Европа: исследование структуры миров культурных представлений в русской и немецкой прессе // Язык массовой информации как объект междисциплинарного исследования. – М., 2001.
- Будаев Э.В., Чудинов А.П. Лингвистическая парасоветология // Политическая лингвистика, 2008. № 1 (24).
- Будаев Э.В., Чудинов А.П. Лингвистическая постсоветология // Политическая лингвистика. 2008. № 2 (25).
- Будаев Э. В., Чудинов А. П. Эволюция лингвистической советологии // Политическая лингвистика. 2007. № 3 (23).
- Будаев Э.В. Американская лингвистическая советология в середине XX века // Политическая лингвистика. 2008. № 1 (24).
- Вайс Д. Животные в советской пропаганде // Политическая лингвистика. 2008. № 2 (25).
- Вайс Д. Новояз как историческое явление // Социалистический канон / Под ред. Х. Гюнтер, Е. Добренко. – Санкт-Петербург, 2000.
- Вайс Д. Паразиты, падаль, мусор. Образ врага в советской пропаганде // Политическая лингвистика. 2008. № 1 (24).
- Вайс Д. Сталинистский и национал-социалистический дискурсы пропаганды: сравнение в первом приближении // Политическая лингвистика. 2007. № 3 (23).
- Вежбицка А. Антитоталитарный язык в Польше: механизмы языковой самообороны // Вопросы языкознания. 1993. № 4.
- Гиленсон Б. Правда, преломленная через революционный темперамент // Рид Дж. Десять дней, которые потрясли мир. – М., 1987.
- Данн Дж. Что такое «политтехнологическая фея» и откуда она взялась? // Будаев Э.В., Чудинов А.П. Современная политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2006.
- Данн Дж. Трансформация русского языка из языка советского типа в язык западного образца // Политическая лингвистика. 2008. № 3 (26).
- Дуличенко А. Д. Русский язык конца II тысячелетия. – Мюнхен, 1995.
- Завражина А. В. Речевая агрессия и средства ее выражения в массмедийном политическом дискурсе Украины (на материале русскоязычной газетной коммуникации): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 2008.
- Земцов И. Советский политический язык. – Лондон, 1985.
- Зых А., Мылыса О. О некоторых языковых средствах дискредитации противника в официальных выступлениях политиков // Славистика: синхрония и диахрония: сб. науч. ст. к 70-летию И. С. Улукханова, 2006.
- Карцевский С. Язык, война, революция. – Берлин, 1923.
- Клемперер В. ЛТН. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. – М., 1998.
- Клочко Н. Н. Этноцентрические мифологемы в современном славянском коллективном сознании // Политическая лингвистика. 2006. № 3 (20).
- Клочко Н. Н. Образы Европы в современных национальных дискурсах // Будаев Э.В., Чудинов А.П. Современная политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2006.
- Кожневская-Берчинская И. Мосты культуры: диалог поляков и русских. – Минск, 2006.
- Куртин Ж.-Ж. Шапка Клементиса (замечки о памяти и забвении в политическом дискурсе) // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / Общ. ред. П. Серию. – М., 2002.
- Лассан Э. Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ. – Вильнюс, 1995.
- Лассвелл Г., Блюменсток Д. Методика описания лозунгов // Политическая лингвистика. 2007. № 3 (23).
- Лассвелл Г., Якобсон С. Первомайские лозунги в Советской России (1918-1943) // Политическая лингвистика. 2007. № 1 (21).
- Лейтес Н. Третий Интернационал об изменениях политического курса // Политическая лингвистика. 2007. № 1 (21).
- Макарова В.В. Наша партия лучше: способы убеждения в ситуации предвыборной борьбы // Политическая лингвистика. 2006. № 20.
- Малиа М. Из-под глыб, но что? Очерк истории западной советологии // Отечественная история. 1997. № 5.
- Меньковский В. Англо-американская советология в системе гуманитарных и социальных наук [Электронный документ]. – Режим доступа: <http://newsletter.iatp.by/ctr3-4.htm>.
- Милевич И. Г. Этикет политика в современном политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2006. № 2 (22).
- Надель-Червиньска М. Категория *несвободы* в тоталитарном контексте и вариативность текста: *Райские яблоки* у Вл. Высоцкого // Политическая лингвистика 2008. № 1 (24).
- Оруэлл Дж. Политика и английский язык // Политическая лингвистика. 2006. № 20.
- Путин В. В. Выступление и ответы на вопросы на встрече с преподавателями и студентами Колумбийского университета 26 сентября 2003 года // Официальный сайт Президента России [Электронный документ]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/appears/2003/09/26/1237_type63376type63377_type63381_52826.shtml
- Ржевский Л. Слово живое и мертвое // Грани. – Лимбург, 1949. № 5.
- Ржевский Л. Д. Язык и тоталитаризм. – Мюнхен, 1951.
- Рид Дж. Десять дней, которые потрясли мир. – М., 1987.
- Русский язык в переломное время: 1985 – 1995. / Ред. Х. Шпрауль. – Мюнхен, 1996.
- Рязанова-Кларк Л. Элементы таблоидного стиля в языке российской посткоммунистической прессы (на материале криминальной хроники) // Русистика. 1998. № 1-2.
- Серию П. Деревянный язык, чужой язык и свой язык // Политическая лингвистика. 2008. № 2 (25).

- Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / Общ. ред. П. Серио. – М., 1999.
- Серио П. О языке власти: критический анализ // Философия языка: в границах и вне границ / Ю.С. Степанов, П. Серио, Д.И. Руденко и др. – Харьков, 1993. Т. I.
- Серио П. Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2002.
- Сипко Й. В поисках истинного смысла – *Ňľadanie ozajstného zmyslu* – Prešov, 2008.
- Симмонс Э. Политический контроль и советская литература // Политическая лингвистика. 2008. № 25 (2).
- Стоянова Е. Театральная метафора в политическом дискурсе (на материале языка российских и болгарских масс-медиа) // Аспекты контрастивного описания русского и болгарского языков. – Шумен, 2006.
- Тот С. Языковые явления в советской тоталитарной системе: Сб. статей по русистике // *Budai Julia, Jager Ilona (szerk.).* Вып. 1. Szeged, 1998.
- Ухванова-Шмыгова И. Ф. Постмодернистская модель как альтернативная перспектива // Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып. 2. Под ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. – Минск, 2000.
- Фесенко А., Фесенко Т. Русский язык при советах. – Нью-Йорк: [б. и.], 1955. 222 с.
- Червиньски П. Семантика негативно-оценочных категорий при обозначении лиц в языке советской действительности. Статья 1 // Политическая лингвистика. 2008. № 3 (23).
- Червиньски П. Семантика негативно-оценочных категорий при обозначении лиц в языке советской действительности. Статья 2 // Политическая лингвистика. 2008. № 1 (24).
- Чудинов А. П. Политическая лингвистика. – М.: Флинта; Наука, 2006.
- Юровский В. Структура и стиль советского политического некролога после 1945 года. // *Der Tod in der Propaganda (Sowjetunion und Volksrepublik Polen)* / ed. D. Weiss. – Bern; Frankfurt, 2000.
- Anderson R. D. 'Look at All Those Nouns in a Row': Authoritarianism, Democracy, and the Iconicity of Political Russian // *Political Communication*. – 1996. Vol. 13. № 2.
- Anderson R. D. Speech and Democracy in Russia: Responses to Political Texts in Three Russian Cities // *British Journal of Political Science*. 1997. Vol. 27.
- Anderson R. D. The Discursive Origins of Russian Democratic Politics // *Postcommunism and the Theory of Democracy*. – Princeton: Princeton University Press, 2001.
- Anderson R. D. Metaphors of Dictatorship and Democracy: Change in the Russian Political Lexicon and the Transformation of Russian Politics // *Slavic Review*. 2001b. Vol. 60. № 2.
- Anderson R. D. The Causal Power of Metaphor: Cueing Democratic Identities in Russia and Beyond // *Metaphorical World Politics: Rhetorics of Democracy, War and Globalization*. – East Lansing: Michigan State University, 2005.
- Andrews D. R. Sociocultural Perspectives on Language Change in Diaspora: Soviet Immigrants in the United States. – Amsterdam/Philadelphia, 1999.
- Arendt H. The Origins of Totalitarianism. – New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1973.
- Baecklund A. Die univerbierenden Verkürzungen der heutigen russischen Sprache. – Uppsala, 1940.
- Barghoorn F. The Soviet Image of the United States: A Deliberately Distorted Image // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 1954. Vol. 295 (42).
- Baysha O., Hallahan K. Media framing of the Ukrainian political crisis, 2000-2001 // *Journalism Studies*. 2004. Vol. 5. № 2.
- Becker J.-M. Soviet and Russian Press Coverage of the United States. – London: Palgrave, 2002.
- Becker J.-M. Semantische Variabilität der russischen politischen Lexik im zwanzigsten Jahrhundert. – Munich, 2001.
- Belin L. The Russian Media in the 1990s // *Journal of Communist Studies and Transition Policies*. – 2002. Vol. 18. № 1.
- Bell D. Ten Theories in Search of Reality: The Prediction of Soviet Behavior in the Social Sciences // *World Politics*. 1958. Vol. 10.
- Benn D. Glasnost in the Soviet Media: Liberalization or Public Relations? // *Journal of Communist Studies*. 1987. Vol. 3. № 3.
- Benn D. Persuasion and Soviet politics. – Oxford, 1989.
- Borkowski I. Świt wolnego słowa: język propagandy politycznej 1981-1995. – Wrocław: Wydaw. Uniwersytetu Wrocławskiego, 2003.
- Bourmeyster A. Soviet political discourse, narrative program and the Skaz theory // *The Soviet Union: Party and Society* / Ed. by P. J. Potichnyj. – Cambridge, 1988.
- Bralczyk J. O języku polskiej polityki lat osiemdziesiątych i dziewięćdziesiątych. – Warszawa, 2003.
- Bralczyk J. O języku polskiej propagandy politycznej lat siedemdziesiątych. – Warszawa: Trio, 2001.
- Bralczyk J. O używaniu języka w polskiej polityce w latach dziewięćdziesiątych // *Polszczyzna 2000. Orędzie o stanie języka na przełomie tysiącleci* / W. Pisarek (red.). – Kraków, 1999.
- Bruchis M. The nationality policy of the CPSU and its reflection in Soviet socio-political terminology // *The Soviet Union: Party and Society* / Ed. by P. J. Potichnyj. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
- Chi W. The Soviet Union Under the New Tsars. – Peking, 1978.
- Chilton P., Ilyin M. Metaphor in Political Discourse: the Case of the 'Common European House' // *Discourse and society*. 1993. Vol. 4(1).
- Chilton P. Security Metaphors: Cold War Discourse from Containment to Common House. – New York: Peter Lang, 1996.
- Comrie B., Stone G., Polinsky M. The Russian Language in the Twentieth Century. – Oxford; New York, 1996.
- Comrie B., Stone G. The Russian Language Since the Revolution. – Oxford: Clarendon Press, 1978.

- Dabert D. Język antytotalityjny jako symptom załamywania się systemu // Akcent. 1995. T. 2.
- DeLuca A. R. Politics, Diplomacy, and the Media: Gorbachev's Legacy in the West. – Westport; London: Praeger Publishers, 1998.
- Dewhurst M. Censorship in Russia, 1991 and 2001 // Journal of Communist Studies and Transition Policies. 2002. Vol. 18. № 1.
- Downing J. Issues for media theory in Russia's transition from dictatorship // Media Development. 2002. Vol. 1.
- Downing J. Internationalizing Media Theory. Transition, Power, Culture. Reflections on Media in Russia, Poland and Hungary 1980-95. – London: Sage Publications, 1996.
- Downing J. Trouble in the Backyard: Soviet Media Reporting on the Afghanistan Conflict // Journal of Communication. 1988. Vol. 2.
- Dunn J. It's Russian – but not as we know it // Rusistika. 2006. № 31.
- Dunn J. The Transformation of Russian from a Language of the Soviet Type to a Language of the Western Type // Language and Society in Post-Communist Europe: Selected Papers from the Fifth World Congress of Central and East European Studies, Warsaw, 1995. – Basingstoke: Macmillan Press, 1999.
- Dytman A. „Sierpień 80” – konfrontacja nowomowy z językiem strajkujących robotników // Rozprawy Komisji Językowej. Wrocławskie Towarzystwo Naukowe. 1999. T. XXV.
- Erol N. Ideology as political discourse: a case study of print media discourses on Glasnost and Perestroika. – East Lansing: Michigan State University, 1993.
- Essais sur le Discours Soviétique: Semiologie, Linguistique, Analyse Discursive, III. Université de Grenoble, 1981.
- Frank V.S. Soviet Studies in Western Europe (Britain) // The State of Soviet Studies / Ed. by W. Laqueur, L. Labeledz. – Cambridge, MA: MIT Press, 1965. P. 52-59.
- Fruchtman J. „Олигархия” – zum Werdegang eines politischen Schlagwortes // Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik / M. Bayer, M. Betsch, A. Gattnar (Hrsg.). – München, 2004.
- Fruchtman J. Der russische Föderalismus unter Präsident Putin: Diskurse – Realität. – Bremen, 2003.
- Fruchtman J. Die Entwicklung des russischen Diskurses über ‚corporate governance‘ und die ‚soziale Verantwortung der Unternehmer‘ // Corporate Governance in post-sozialistischen Volkswirtschaften. – Stuttgart, 2007.
- Fruchtman J. Putins wirtschaftspolitische Konzeption // Nur ein Ölboom? Bestimmungsfaktoren und Perspektiven der russischen Wirtschaftsentwicklung / Ed. by H.-H. Höhmann, H. Pleines, H. Schröder. – Hamburg, 2005.
- Galasiński D., Jaworski A. The linguistic construction of reality in the Black Book of Polish Censorship // Discourse & Society. 1997. Vol. 8(3).
- Gallis A. Zu Syntax und Stil der gegenwärtigen russischen Zeitungssprache // To Honour Roman Jakobson. – Gravenhage; Paris, 1967.
- Gibbs J. Gorbachev's Glasnost. The Soviet Media in the First Phase of Perestroika. – College Station: Texas A & M University Press, 1999.
- Głowiński M. Marcowe gadanie: komentarze do słów 1966-1971. – Warszawa, 1991.
- Głowiński M. Nowomowa po polsku. – Warszawa, 1990.
- Głowiński M. O dyskursie totalitarnym // O zagrożeniach i bogactwie polszczyzny / J. Miodek (red.). – Wrocław, 1996.
- Gorham M. Coming to Terms with the New Writing Citizen: Soviet Language of State in The Diary of Kostia Riabtsev // East/West Education. 1997. Vol. 18(1).
- Gorham M. From Charisma to Cant: Models of Public Speaking in Early Soviet Russia // Canadian Slavonic Papers. 1996a. Vol. 38. № 3-4.
- Gorham M. Language Culture and National Identity in Post-Soviet Russia // Landslide of the Norm: Language Culture in Post-Soviet Russia (Slavica Bergensia 6) / ed. by I. Lunde, Tine Roesen. – Bergen, 2006.
- Gorham M. Mastering the Perverse: State-building and Language 'Purification' in Early Soviet Russia // Slavic Review. 2000a. Vol. 58(1).
- Gorham M. Natsiia ili snikerizatsiia? Identity and Perversion in the Language Debates of Late- and Post-Soviet Russia // Russian Review. 2000b. Vol. 59 (4).
- Gorham M. Speaking in Soviet tongues. Language culture and the politics of voice in revolutionary Russia. – DeKalb, Ill., 2003.
- Gorham M. Tongue-tied Writers: The Rabsel'kor Movement and the Voice of the 'New Intelligentsia' in Early Soviet Russia // Russian Review. 1996. Vol. 55(3).
- Gorham M. The Speech Genres of Vladimir Putin. Paper presented at AATSEEL Conference, 27-30 December 2005, Washington, D.C.
- Głowiński M. Marcowe gadanie: komentarze do słów 1966-1971. Warszawa: PoMost, 1991.
- Głowiński M. Glosy // Teksty Drugie. 1998. № 3. S. 169-172.
- Głowiński M. Nowomowa po polsku. Warszawa, 1990.
- Grimm A. Expliztheit und Impliztheit von Gewalt in der Sprache Vladimir V. Žirinovskijs // Zeitschrift für Slavistik. 1998. B. 43(4).
- Goban-Klas T. Gorbachev's Glasnost: A Concept in Need of Theory and Research. // European Journal of Communication. 1989. Vol. 4. № 3.
- Gorham M. Coming to Terms with the New Writing Citizen: Soviet Language of State in The Diary of Kostia Riabtsev // East/West Education. 1997. Vol. 18(1).
- Gorham M. From Charisma to Cant: Models of Public Speaking in Early Soviet Russia // Canadian Slavonic Papers. 1996. Vol. 38, № 3-4.
- Gorham M. Language Culture and National Identity in Post-Soviet Russia // Landslide of the Norm: Language Culture in Post-Soviet Russia (Slavica Bergensia 6) / ed. by I. Lunde, Tine Roesen. – Bergen, 2006.
- Gorham M. Mastering the Perverse: State-building and Language 'Purification' in Early Soviet Russia // Slavic Review. 2000. Vol. 58(1).
- Gorham M. Natsiia ili snikerizatsiia? Identity and Perversion in the Language Debates of Late- and Post-Soviet Russia // Russian Review. 2000. Vol. 59 (4).

- Gorham M. Speaking in Soviet tongues. Language culture and the politics of voice in revolutionary Russia. – DeKalb, Ill., 2003.
- Gorham M. Tongue-tied Writers: The Rabsel'kor Movement and the Voice of the 'New Intelligentsia' in Early Soviet Russia // *Russian Review*. 1996. Vol. 55(3).
- Gorham M. The Speech Genres of Vladimir Putin. Paper presented at AATSEEL Conference, 27-30 December 2005, Washington, D.C.
- Heller M. Langue russe et langue soviétique // *Recherches*. 1979. № 39.
- Ilie C. An integrated approach to the analysis of participant roles in totalitarian discourse: The case of Ceausescu's Agent roles // *Manipulation and Ideologies in the Twentieth Century* / L. de Saussure and Peter Schulz (eds.). – Amsterdam: Benjamins, 2005.
- Ilie C. The Ideological Remapping of Semantic Roles in Totalitarian Discourse, or, How to Paint White Roses Red // *Discourse & Society*. 1998. Vol. 9. No. 1.
- Inkeles A. Public Opinion in Soviet Russia. A Study in Mass Persuasion. – Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1950.
- Ivie R. L. Cold War Motives and the Rhetorical Metaphor: A Framework of Criticism // *Cold War Rhetoric: Strategy, Metaphor, and Ideology*. – East Lansing: Michigan State University Press, 1997.
- Ji F. Linguistic Engineering: Language and Politics in Mao's China. –Honolulu: University of Hawaii Press, 2004.
- Jones A. The Press in Transition: A Comparative Study of Nicaragua, South Africa, Jordan, and Russia. – Hamburg: Deutsches Übersee-Institut, 2002.
- Haudressy D. Les mutations de la langue russe. Ces mots qui disent l'actualité. – Paris, 1992.
- Hockauf E. Wladimir W. Putins Wirtschaftsmetaphorik. – Bremen, 2002.
- Hollander D. Soviet Political Indoctrination: Developments in Mass Media and Propaganda Since Stalin. – New York: Praeger Publisher, 1972.
- Hubenschmid M. Text und Handlungsrepräsentation: Ein Analysemodell politischer Rede am Beispiel V.I. Lenins. – München: Sagner, 1998.
- Ilie C. An integrated approach to the analysis of participant roles in totalitarian discourse: The case of Ceausescu's agent roles // *Manipulation and ideologies in the twentieth century: Discourse, language, mind* / ed. by L. de Saussure & P. Schulz. – Amsterdam: John Benjamins, 2005.
- Ilie C. The ideological remapping of semantic roles in totalitarian discourse or How to paint white roses red // *Discourse & Society*. 1998. Vol. 9(1).
- Inkeles A. Public Opinion in Soviet Russia. A Study in Mass Persuasion. – Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1950.
- Ivie R. L. Cold War Motives and the Rhetorical Metaphor: A Framework of Criticism // *Cold War Rhetoric: Strategy, Metaphor, and Ideology*. – East Lansing: Michigan State University Press, 1997.
- Jones A. The Press in Transition: A Comparative Study of Nicaragua, South Africa, Jordan, and Russia. – Hamburg: Deutsches Übersee-Institut, 2002.
- Język polityki a współczesna kultura polityczna / Pod red. Janusza Anusiewicza i Bogdana Sicińskiego. Wrocław, 1994.
- Ji F. Linguistic engineering: Language and politics in Mao's China. Honolulu: University of Hawaii Press. 2004.
- Jones A. The Press in Transition: A Comparative Study of Nicaragua, South Africa, Jordan, and Russia. – Hamburg: Deutsches Übersee-Institut, 2002.
- Karpiński J.: Mowa do ludu: szkice o języku polityki. – Warszawa: Wydaw. Grup Oporu "Solidarni", 1989.
- Kecskemeti P., The Soviet Approach to International Political Communication // *The Public Opinion Quarterly*. 1956. Vol. 20. № 1 (Special Issue on Studies in Political Communication).
- Klein H. Die Abkürzungen in der heutigen russischen Sprache. – Graz, 1949.
- Korzeniewska-Berczyńska J. Sowietyzacja języka rosyjskiego. –Warszawa: UW. CBR, 1991.
- Language of Power: Studies in Quantitative Semantics / Ed. by H. D. Lasswell, N. Leites. – New York: George W. Stewart, 1949.
- Lasswell H., Blumenstock D. World Revolutionary Propaganda: A Chicago Study. – New York; London: Alfred A. Knopf, 1939.
- Leites N. A Study of Bolshevism. – Glencoe, Ill., 1954.
- Lendvai P. The Bureaucracy of Truth. How Communist Governments Manage the News. – London: Burnett Books, 1981.
- Lippmann W., Merz, Ch., A Test of the News // *The New Republic*. 1920. Vol. 33 (2).
- Lu X. An Ideological/Cultural Analysis of Political Slogans in Communist China // *Discourse and Society*. 1999. Vol. 10(3).
- Malcolm N. 'The Soviet Concept of a Common European House' // *The Changing Soviet Union in the New Europe* / Ed. By J. Iivonen. Aldershot: Edward Elgar, 1991.
- Marody M. Język propagandy i typy jego odbioru. Warszawa, 1984.
- Mazon A. Lexique de la guerre et de la révolution en Russie. – Paris, 1920.
- Mcnair B. Glasnost, Perestroika, and the Soviet media. – London; New York: Routledge, 1991.
- Mcnair B. Glasnost, Restructuring and the Soviet Media. Media, Culture and Society. 1989. Vol. 11. № 3.
- Mendras E. Remarques sur le vocabulaire de la Révolution russe. – Paris, 1925.
- Mickiewicz E. Media and the Russian Public. – New York: Praeger, 1981.
- Mossman E. Changing Patterns of Russian Political Discourse: A Dictionary of Russian Politics 1985-Present. – Washington: National Council for Soviet and East European Research, 1991.
- Murray J. The Russian Press from Brezhnev to Yeltsin. – Aldershot: Edward Elgar, 1994.
- Niqueux M. Vocabulaire de la perestroika. – Paris, 1990.
- Peters W. Kognitive Aspekte des Sprachwandels im Russischen seit 1985 am Beispiel des politischen Diskurses // *Modelle der Translation* / A. Gil u.a. – Frankfurt am Main, 1999.

- Petersson B. The Soviet Union and peacetime neutrality in Europe: A study of Soviet political language. – Lund, 1990.
- Petkovič N. Zur Entwicklung der politischen Propagandasprache in der sowjetischen Presse: Die Leitartikel der „Pravda“ 1921-1938. – Wien, 2000.
- Pisarek W. Polskie słowa sztandarowe i ich publiczność. Kraków: Towarzystwo Autorów i Wydawców Prac Naukowych "Universitas", cop. 2002.
- Political Discourse in Transition in Europe 1989–1991 / Ed. by P. Chilton, M. V. Ilyin, J. L. Mey. – Amsterdam; Philadelphia, PA: John Benjamins Pub, 1998.
- Popp H. Ideologie und Sprache. Untersuchung sprachlicher Veränderungen und Neuerungen im Kontext der politischen und wirtschaftlichen Umgestaltungsprozesse in der ehemaligen Sowjetunion. – Marburg, 1997.
- Rathmayr R. Čto u nas normal'no? – Was ist bei uns normal? Wandlungen in der Perestroikalexik // Sprache, Kultur, Identität. Selbst- und Fremdwahrnehmungen in Ost- und Westeuropa / hgg. von A. Ertelt-Vieht. – Fkft./Main; Berlin, Bern; New York; Paris; Wien, 1993.
- Rathmayr R. Von Коммерсантъ bis джаст-ин-тайм: Wiederbelebungen, Umwertungen und Neubildungen im Wortschatz der Perestrojka // Slavistische Linguistik 1990 (=Slawistische Beiträge 274) / hrsg. von K. Hartenstein und H. Jachnow. – München, 1991.
- Robinson N. Ideology and the collapse of the Soviet system. A critical history of Soviet ideological discourse. – Aldershot, 1995.
- Roxburgh A. Pravda, Inside the Soviet News Machine. – London: Victor Gollancz, 1987.
- Roxburgh A. Pravda, Inside the Soviet News Machine. – London: Victor Gollancz, 1987.
- Rush M. The Rise of Khrushchev. – Washington, 1958.
- Russell J. S., Carsten S. The impact of Gorbachëv's new thinking on the Russian language // Rusistika. 1996. № 13.
- Ryazanova-Clarke L., Wade T. The Russian Language Today. – London, 1999.
- Ryazanova-Clarke L. Criminal Rhetoric in Russian Political Discourse // Language Design. 2004. Vol. 6.
- Ryazanova-Clarke L. "The Crystallization of Structures": Linguistic Culture in Putin's Russia // Landslide of the Norm: Language Culture in Post-Soviet Russia / ed. by I. Lunde, Tine Roesen. – Bergen, 2006.
- Schäffner Ch. Die europäische Architektur – Metaphern der Einigung Europas in der deutschen, britischen und amerikanischen Presse // Inszenierte Information. Politik und strategische Kommunikation in den Medien / A. Grewenig (Hrsg.). – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1993.
- Schäffner Ch., Trommer S. Zum Konzept des 'gemeinsamen Hauses' im Russischen und Englischen // Gibt es eine prototypische Wortschatzbeschreibung? Eine Problemdiskussion / Hrsg. von Ch. (Christina) Schäffner. – Berlin: Akademie der Wissenschaften der DDR, 1990.
- Schneider I. Poleznyj dialog. Journalistische Textsorten im Spiegel ihrer Schlagzeilen. Textlinguistische Untersuchungen zur Variation in Schlagzeilen aktueller russischer Zeitungstexte (1989-1991). – München, 1993.
- Schantej A. Sprache als Ideologieträger am Beispiel der sowjetischen Presse (1975-1983): Diss. – Wien, 1987.
- Schoenhals M. "Non-People" in the People's Republic of China: A chronicle of terminological ambiguity // Indiana East Asian Working Paper Series on Language and Politics in Modern China. Paper 4. – Bloomington, 1994.
- Schoenhals M. Talk About a Revolution: Red Guards, Government Cadres, and the Language of Political Discourse // Indiana East Asian Working Paper Series on Language and Politics in Modern China. Paper 1. – Bloomington, 1993.
- Schoenhals M., Guo X. Cadres and Discourse in the People's Republic of China. – Washington, 2007.
- Sériot P. Analyse du discours politique Soviétique. – Paris: Institute d'études slaves, 1985.
- Sériot P. De l'amour de la langue à la mort de la langue // Essais sur le discours soviétique / Univ. de Grenoble-III. 1986a. № 6.
- Sériot P. Et ils n'auront qu'une seule langue (Eléments pour une typologie des projets de langue universelle du communisme en URSS) // Essais sur le discours soviétique / Univ. de Grenoble-III. 1988a. № 8.
- Sériot P. La langue, corps pur de la nation. Le discours sur la langue dans la Russie brejnévienne // Les Temps Modernes. 1992. № 550.
- Sériot P. La langue du peuple // Ces langues que l'on dit simple / F. Gadet (éd.). LINX (Univ. de Paris-X). 1991. № 25.
- Sériot P. Langue de bois, langue de l'autre et langue de soi. La quête du parler vrai en Europe socialiste dans les années 1980 // M.O.T.S. 1989. № 21.
- Sériot P. Langue et langue de bois en Pologne // M.O.T.S. 1986b. № 13.
- Sériot P. Rome, Byzance et la politique de la langue en URSS // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1988b. XXIX (3-4).
- Siewierska-Chmaj A. Politologiczno-semantyczna analiza expose premierów Polski w latach 1919-2004. – Rzeszów, 2006.
- Simmons E. Political Controls and Soviet Literature // Soviet Society: A Book of Readings / A. Inkeles, K. Geiger (Eds.) – Boston: Houghton Mifflin, 1961.
- Sprachwandel in der Slavia: Die slavischen Sprachen an der Schwelle zum 21. Jahrhundert / Hrsg. L. Zybatow. – 2 vols. – Frankfurt am Main, 2000.
- Spraul H. Das politische Schlagwort in der russischen Presse (1995-1997) zum Sprachwandel in der öffentlichen Rede // Zeitschrift für Slavistik. 1998. Bd. 43.
- Stadler W. Macht – Sprache – Gewalt. Rechtspopulistische Sprache am Beispiel V.V Žirinovskijs vor dem Hintergrund der Wandlungen politischer Sprache in Rußland. – Innsbruck, 1997.
- Steinke K. Russisch in der Diaspora // Sprachwandel in der Slavia: die slavischen Sprachen an der Schwelle zum 21. Jahrhundert / Hrsg. L. Zybatow. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2000.
- Schäffner Ch., Porsch P. Meeting the Challenge on the Path to Democracy: Discursive Strategies in Government Declarations in Germany and the Former GDR // Discourse and Society. 1993. Vol. 4(1).

Schoenhals M. Talk About a Revolution: Red Guards, Government Cadres, and the Language of Political Discourse. –

Schoenhals M. Doing Things with Words in Chinese Politics. – Berkeley: University of California Institute of East Asian Studies, 1992.

Siewierska-Chmaj A.: Język polskiej polityki: politologiczno-semantyczna analiza expose premierów Polski w latach 1919-2004. Rzeszów: Wyższa Szkoła Informatyki i Zarządzania, 2006.

2. Simmons E. Political Controls and Soviet Literature // Soviet Society: A Book of Readings. Boston: Houghton Mifflin, 1961.

Schoenhals M. Demonising Discourse in Mao Zedong's China: People vs Non-People // Totalitarian Movements and Political Religions. 2007. Vol. 8 (3/4).

Schoenhals M. Non-People' in the People's Republic of China: A Chronicle of Terminological Ambiguity. Indiana East Asian Working Paper Series on Language and Politics in Modern China. – Bloomington, 1994.

Schoenhals M., Guo X. Cadres and Discourse in the People's Republic of China. – Stockholm, 2007.

Schramm W. The Soviet Communist Theory // Four Theories of the Press / Ed. by F. S. Siebert, T. Peterson, W. Schramm. – Urbana: University of Illinois Press, 1956.

Socjalizmu model liryczny: założenia o rzeczywistości w mowie publicznej: Polska 1975-1979 Jan Strzelecki / tekst przygot. do wyd. Jadwiga Strzelecka; posł. Jerzego Szackiego. Warszawa: Czytelnik, 1989.

Stegemann K. Die Bedeutung der Sprache für die sowjetische Meinungssteuerung // Osteuropa. 1961. Bd. XI. H. 2.

Stranahan P. The Politics of Persuasion: Communist Rhetoric and the Revolution. Indiana East Asian Working Paper Series on Language and Politics in Modern China. – Bloomington, 1994.

Thom F. La Langue de Bois. – Paris: Julliard, 1987.

Thom F. Newspeak. The Language of Soviet Ideology. – London: The Claridge Press, 1989.

Totalitäre Sprache – langue de bois – language of dictatorship / R. Wodak, F. P. Kirsch (Hrsg.). – Wien, 1995.

Tóth S. Abreviaturák a Szovjet birodalmi nyelvből // I. Alkalmazott Nyelvészeti Konferencia. Nyiregyháza. 1991a. május 3-4. II.

Tóth S. A szovjet birodalmi nyelv, avagy a totalitarizmus grammatikája // AETAS. 1991b. № 1.

Tóth S. Nyelv és társadalom. Társadalmi és nyelvi változások // Pápuáktól a Pionerig. Szeged, 1994.

Tóth S. A nyelv függőleges tagozódásával összefüggő kérdések kutatása I. // Nyelv, aspektus, irodalom / Szerk. Györke Zoltán. – Szeged, 2000.

Turpin J. Reinventing the Soviet Self. Media and Social Change in the Former Soviet Union. – Westport: Praeger, 1995.

Urban M. The Russian Free Press in the Transition to a Post-Communist Society // The Journal of Communist Studies. 1993. Vol. 9. № 2.

Urban M. Political language and political change in the USSR: notes on the Gorbachev leadership // The Soviet Union: Party and Society / Ed. by P. J. Potichnyj. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988.

Urban M. The Structure of Signification in the General Secretary's Address: A Semiotic Approach to Soviet Political Discourse // Coexistence. 1987. Vol. 24. № 3.

Venclova T. Two Russian sub-languages and Russian ethnic identity // Ethnic Russia in the URSS. The dilemma of dominance / Ed. E. Allen. – New York: Pergamon Press, 1980.

Weiss D. Was ist neu am „Newspeak“? Reflexionen zur Sprache der Politik in der Sowjetunion // Slavistische Linguistik 1985. – München, 1986.

Weiss D. Alle vs. einer. Zur Scheidung von good guys und bad guys in der sowjetischen Propagandasprache // Slavistische Linguistik 1999. Referate des XXV. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens, Konstanz / ed. W. Breu. – München, 2000b.

Weiss D. Der alte Mann und die neue Welt. Chruščev's Umgang mit „alt“ und „neu“ // Vertograd mnogocvėtni. Festschrift für H. Jachnow / W. Girke, A. Guski e.a. (eds.). – München, 1999a.

Weiss D. Die Entstalinisierung des propagandistischen Diskurses (am Beispiel der Sowjetunion und Polens) // Schweizer. Beiträge zum XII. Internationalen Slavisten-Kongress 1998 in Krakau / Locher, J.P. (ed.). – Frankfurt/Bern, 1998.

Weiss D. Die Verwesung vor dem Tode. N.S. Chruščev's Umgang mit Fäulnis-, Aas- und Müllmetaphern // Der Tod in der Propaganda (Sowjetunion und Volksrepublik Polen) / D. Weiss (ed.). – Bern/Frankfurt, 2000a.

Weiss D. Mißbrauchte Folklore? Zur propagandistischen Einordnung des „sovetskij fol'klor“ // Slavistische Linguistik 1998. Referate des XXIV. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens Wien, 15.-18.9.1998. / R. Rathmayr, W. Weitlaner (eds.). – München, 1999b.

Weiss D. Personalstile im Sowjetsystem? Stalin und Chruščev im Vergleich // Wege der Kommunikation in der Geschichte Osteuropas. Festschrift für C. Goehrke / (Hrsg.) N. Boškowska, P. Collmer, S. Gilly u.a. – Bern/Frankfurt, 2002.

Weiss D. Prolegomena zur Geschichte der verbalen Propaganda in der Sowjetunion // Slavistische Linguistik 1994. Referate des 20. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens / D. Weiss (ed.). München, 1995.

Walker E. W. Dissolution: Sovereignty and the Breakup of the Soviet Union. – Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2003.

White S. The Effectiveness of Political Propaganda in the USSR // Soviet Studies. 1980. Vol. 32. № 3.

Xing L. Rhetoric of the Chinese Cultural Revolution – The Impact on Chinese Thought, Culture and Communication. – Columbia: University of South Carolina Press, 2004.

Young J. W. Totalitarian language: Orwell's Newspeak and its Nazi and Communist Antecedents. – Charlottesville: University Press of Virginia, 1991.

Zaslavsky V., Fabris M. Лексика неравенства – к проблеме развития русского языка в советский период // Rev. Étud. slaves. Paris, 1982, V. 54, № 3.

Zemtsov I. Manipulation of a Language. The Lexicon of Soviet Political Terms. – Fairfax: Hero Books, 1984.

Zwoliński A. Słowo w relacjach społecznych. – Kraków: WAM, 2003.

Zybatow L. Russisch im Wandel: Die russische Sprache seit der Perestrojka (Slavistische Veröffentlichungen 80). – Wiesbaden, 1995.

© Будаев Э.В., Чудинов А.П., 2009

Вайс Д.

Цюрих, Швейцария

Перевод Таратыновой Т.В.

**ЖИВОТНЫЕ В СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЕ:
ВЕРБАЛЬНЫЕ И ГРАФИЧЕСКИЕ
СТЕРЕОТИПЫ (ЧАСТЬ 2)¹**

УДК 811.161.1(09)

ГСНТИ 16.01.21, 16.41.21

Код ВАК 10.02.05; 10.02.19

Аннотация. В статье анализируются закономерности использования образов домашних животных в советских политических текстах. Также проводится сравнительный анализ вербальных и графических образов, использованных в различные периоды истории Советского Союза.

Ключевые слова: лингвистическая советология, метафора, политический дискурс, образы животных, пропаганда, вербальные стереотипы, графические стереотипы.

Сведения об авторе: Вайс Даниэль, доктор философии, профессор кафедры славянского языкознания.

Место работы: Университет Цюриха.

Контактная информация: адрес *Slavisches Seminar der Universität Zürich, Plattenstr. 43, CH-8032, Zürich, Switzerland.*

E-mail: dawe@slav.uzh.ch

Сведения о переводчице: Таратынова Татьяна Вячеславовна, аспирант кафедры общей лингвистики.

Место работы: Южно-Уральский государственный университет.

Контактная информация: 454000, г. Челябинск, ул. Антечная, д. 6, кв. 5.

E-mail: disserta@rambler.ru

Weiss D.

Zurich, Switzerland

Translated by T.V. Taratynova

**ANIMALS IN SOVIET PROPAGANDA:
VERBAL AND GRAPHICAL STEREOTYPES
(ЧАСТЬ 2)**

Abstract. The author examines the regularities of using the images of domestic animals (cows, pigs and some others) in the soviet political texts. The author also compares the verbal and graphic images used in different periods of the history of the Soviet Union.

Key words: linguistic sovietology, metaphor, political discourse, images of animals, propaganda, verbal stereotypes, graphic stereotypes.

About the author: Weiss Daniel, PhD, professor of the chair of Slavic linguistics.

Place of employment: University of Zurich.

About the translator: Taratynova Tatiana Vyacheslavovna, post-graduate student of the chair of general linguistics.

Place of employment: South-Ural State University.

2. Дикie животные (звери)

Наш обзор диких животных будет, по всей видимости, не таким большим как обзор домашних животных. Начнём с ближайшего родственника собаки – волка. В своём буквальном значении волк для пропаганды анафема, в качестве же метафоры – лишь воплощение врага. Повинны в этом его рваческая алчность и вошедший в поговорку *волчий аппетит*, ср.:

(24) Да, времена теперь другие, а подход у империалистов остался старый, *аппетиты сохранились волчьи*. (В этом случае обращает на себя внимание форма множественного числа, однако по Зализняку (1977) русское слово *аппетит* в отличие от лексемы *голод* не является *singulare tantum*) И вот с *волчьим аппетитом* и старой меркой колонизаторы пытаются подходить к Советскому Союзу. Но, господа, те времена, когда вы напали на Крым, ушли в прошлое. (Коммунизм I, 303)

Жизнь в капиталистической волчьей стае подобна жизни в джунглях: и тут, и там господствует право сильного. Этот факт не следует забывать в таких случаях, как, например, возвращение армянских реэмигрантов с Запада в Армению:

(25) Возвращение на Родину, особенно когда человек родился и вырос за границей и прожил там большую часть своей сознательной жизни, — сложный процесс. Ведь эти люди долгое время находились под влиянием буржуазной пропаганды, буржуазных правил и норм жизни, проща говоря, вынуждены были действовать *по волчьим законам*. Нужны терпение и выдержка в воспитании новых черт советского человека у этих людей. (Коммунизм I, 95)

Тому, кто имеет дело с волками и не хочет окончить жизнь подобно овце, приходится самому иметь клыки:

(26) Как известно, недавно выступил командующий вооруженными силами НАТО аме-

¹Предлагаем вашему вниманию продолжение (вторую часть) статьи Даниэля Вайса «Животные в советской пропаганде: вербальные и графические стереотипы», опубликованной в журнале «Политическая лингвистика» № (2) 25, 2008.

риканский генерал Норстэд с воинственным заявлением о том, будто можно уничтожить Советский Союз в течение нескольких часов. Такие горячие и безрассудные головы существуют, и о них нельзя забывать. Мы не хотим уподобиться *ягненку*, который беззащитен перед *волком*. И ягненок, и волк живут на одной земле. Но волк по праву сильного пожирает ягненка. *Мы не хотим быть в положении ягненка*. Нам надо иметь *клыки* для того, чтобы волки знали, что нападение на миролюбивые страны не пройдет для них безнаказанно. Волки могут потерять шкуру, а может быть, и даже и больше головы. (За прочный мир)

А там, где и зубки не приносят должного результата, остаётся только одно – отрубить:

(27) Это стало особенно заметно после того, как трудящиеся ГДР приняли решительные меры по укреплению своей государственной границы. Теперь понятно, почему так злобно скрежещут зубами Аденауэр и другие реваншисты, шипят: границу закрыли! Не знаю, как это сказать по-немецки, а по-русски можно сказать так: они большую дулю получили. А границу закрыли, зато *хвост волку отрубили*. Нам с вами от этого хорошо, а волку плохо. Вот он и воет. (К победе разума, 221)

Как видно, в распоряжении «вервольфа» Аденауэра богатая палитра звуковых выражений: он скрежещет зубами, шипит и воет – а воет он, разумеется, от боли; несмотря на это, вой – единственный претендент на лексическую функцию *son* (*волк*). Докладчик не в силах скрыть своё злорадство, и он, как обычно, вставляет исконно народные выражения (*дулю получили*). Всё это самая что ни на есть традиционная риторика, и не имеет значения, является ли волк метафорой (27) или же объектом сравнения (26). Волк полностью сохраняет своё обличье и в графическом образе – на этот раз как воплощение немецкого военного противника.

Рис. 16

Рис. 17

На рис. 16 (КУКРЫНИКСЫ 2006, 34) нацистская волчья стая в паническом ужасе удирает от памятника Бородинской битве: налицо историческая параллель. На рис. 17 обыгрывается фразама волка в овечьей шкуре – эта сцена идеально вписывается в сталинский канон, по которому враг почти всегда выступает замаскированным и, соответственно, должен быть разоблачён.

Одиноким волк-нацист на рис. 18 тоже представлен в этом зверинце, и лишь обезьяна Геббельс пока поддерживает его в пропагандистском вое (КУКРЫНИКСЫ 2006, 138). В конце концов, картинному волку придётся окончить свои дни ужасной смертью в волчьей яме – Берлине (рис. 19).

Рис 18.

Рис. 19

В целом лексема «волк» представляет наиболее конвенциональное воплощение зооморфной метафоры в советской пропаганде: языковые клише не варьируются, а в лучшем случае буквально воплощаются в рисунках; противопоставление волка и овцы отнюдь не ново и тоже не поражает своей оригинальностью. Одно исключение всё же необходимо отметить: в сказке «Терем-теремок», созданной в виде комиксов окон РОСТА в 1942 году (КУКРЫНИКСЫ 2006, 70) волк Гитлер собирается в поход в сопровождении свиньи Геринга, крысы Гиммлера и обезьяны *Геббельзьяны*; они поселяются в пустом лошадином черепе – *тереме*. Вскоре они затаскивают туда чеха, поляка и серба и держат их в плену. Но только стоит им оскалить зубы на Восток, как *богатырь советский* разбивает их морды в кровь: *гул от этой битвы по всему свету идёт* и близится горький конец: *бьёт богатырь зверьё фашистов, гонит его с земли советской. Бьёт, разобьёт и добьёт, землю свою священную от гадов очистит*. Как видно, гипероним *зверьё* снова выступает эквивалентом гиперонима *гады*; и хотя в случае Геринга речь идёт о домашней свинье, это не мешает отнести её к *зверьям* – в обеих категориях преобладает метафорическое про-

чение, т.е. бранное слово со сферой-мишенью *человек*.

Текст в целом представляет собой забавную смесь фольклоризмов (*живёт-поживает*), пропагандизмов (*землю ...священную*) и зоолингвизмов. С одной стороны, *dramatis personae* представляются, используя *epitheton ornans* («Я волк – всех за горло хватать!», «Я крыс (Чем вызвана смена парадигмы в отношении крысы, очевидно: несовпадение грамматического и биологического рода тут совершенно не причём, поскольку оно имеет место и в случае *свиньи* и *обезьяны*. Возможно, в случае с крысой сокращение является заменой отсутствующего значения лексической функции *Sop*. По своим коннотациям крыса здесь является олицетворением подлости (*подлая крыса*) и коварства (*крыса подколотная*), а не трусости как в немецком языке. Кроме того, на пропагандистском плакате она может выступать символом обжорства, как на плакате «Нахлебники» (КУКРЫНИКСЫ 2006, 92), где море крыс-нацистов осаждают огромный мешок с надписью *болгарский хлеб*.) Гиммлер – на всех доносишь», «А я Геббельзьяна – всех передразнишь», «Я – арийская свинья! Хрюк на вас»), с другой они постоянно характеризуются соответствующими значениями лексической функции *Sop* таким образом, что их диалог представляет собой причудливую смесь звуков, присущих животным (*хрюк*, *волк рысит*, *пискнула Геббельзьяна*) и исключительно немецким реалий (*отрыгнул мюнхенским пивом*, «хайль!»). В остальных случаях тоже нет недостатка в поведенческих манерах животных: запахи животных обозначаются четырьмя синонимами (*волчьей шкурой воняет*, *свиньёй благоухает*, *Геббельзьяной пахнет*, *Гиммлером доносится*), и друг друга они тоже узнают по характерному запаху тела: «Принюхались – своим пахнет». А когда обезьяна ищет у себя вшей, это значит: «Геббельзьяна у себя в голове Гессов ловит». В прочих случаях они предаются занятиям, хорошо нам знакомым: *Гиммлер ... фюреру донёс*, *что Геринг землю взрыл*, *изгородь повалил*, *корыто изломал...* Всё вместе – скорее, продукт лудической (игривой) разновидности пропаганды.

Рассмотрев этот шедевр, перейдём к следующему хищнику – *тигру*, т.е. вернёмся к более архаичным мирам пропаганды: именно патетическая риторика Ленина и, пожалуй, ещё социалистических авторов XIX века, находит отражение в следующей цитате:

- (28) Коммунисты обязаны смело смотреть истории в глаза. Пока существует опасность войны, пока на свете имеются империалистические джунгли и их обитатели — *хищные тигры*, мы должны воспитывать весь наш народ, нашу молодежь в духе беззаветной любви к своей Родине, готовности за-

щищать ее, не щадя своих сил и самой жизни. (Хрущев, Коммунизм 2, 246)

Характеристика тигра как хищного зверя и причисление его к стану врага аналогична подобной характеристике волка, однако, соответ-

ствующие текстовые примеры встречаются гораздо реже, чем в случае последнего; возможно, имеет значение тот факт, что речь идёт об экзотическом, не обитающем в европейской России хищнике. *Льву* приходится ненамного лучше. Правда, в следующей цитате его боеспособность в переносном смысле приписывается, казалось бы, собственным рядам:

- (29) Так что мы, коммунисты, в загробную жизнь не верим, хотим жить и развиваться в мире, но если на нас нападут, то мы будем *драться как львы* против империализма, против агрессии. Опубликовано в газете «Правда» 10 сентября 1961 года (Коммунизм 1, 387)

Однако, устойчивые сравнения, помнится, обладают слабой доказательной силой; уже в следующем примере (геральдическим) противником является сфера-мишень метафоры – британский лев, чей рёв больше не имеет того эффекта, что прежде – наоборот, он, подобно цепному псу Колчаку (пример 14) и немецкому волку (пример 27), рискует своим хвостом в период Суэцкого кризиса:

- (30) Империалисты, колонизаторы привыкли помыкать народами, привыкли думать, что *рычание льва* приводит в трепет азиатские и африканские народы. Но времена теперь не те. *Рычание британского льва* уже не страшит народы, как прежде. Английские колонизаторы вместе с французскими напали на Египет и получили, образно говоря, хорошую трепку. Египтяне основательно *подергали льва за хвост* и отбросили его. (Веселое оживление. *Бурные аплодисменты.*)

Следующее дикое животное, скорее, с экзотическим биотопом – *обезьяна*. В роли политической метафоры до сих пор она встречалась мне на рисунках (с индивидуальной референцией на известных нацистов) исключительно периода Второй мировой войны.

При этом отчётливо вырисовываются различные предпочтения отдельных карикатуристов: у коллектива Кукрыниксы обезьяня роль является исключительной привилегией Геббельса (в выше процитированном комиксе он даже именуется *Геббельзьяной*); у Дени, напротив, фаворитом является Гитлер. Автор изображает два совершенно разных вида обезьян: Гитлер предстаёт в неконкретизированном образе человекообразной обезьяны с

искажёнными человеческими чертами лица (рис. 21, ДЕНИ 1992, 128); Геббельс же, наоборот, являет собой совсем неопасную обезьянку (см. выше рис. 18), изображённую на рис. 20 мартышкой, чья некрасивость подчёркивается и усугубляется цитатой Крылова.

Рис. 20

Рис. 21.

В словаре это находит свое отражение в двух производных значениях: *обезьяна 2* = о человеке, который подражает другим, *обезьяна 3* = об очень некрасивом человеке. Мотивация такого распределения ролей прозрачна: министру пропаганды приходится, прежде всего, подражать (*обезьянничать* – ср. *Геббельсъяна* – *всех передразнишь* из вышеприведённого комикса), т.е. бессмысленно повторять слова фюрера; сам же фюрер должен производить впечатление неотёсанного, примитивного, и безжалостного – т.е. быть таким как горилла (В одном случае, а именно на плакате «Убийца по совместительству» (КУКРЫНИКСЫ 2006, 77), Гиммлер тоже предстаёт в образе обезьяны; узнать его можно только по очкам и поставленным друг на друга четырём кепкам с обозначениями его функций (*министр внутренних дел и т.д.*). Ему не совсем удаётся имитация действий человека: руки засунуты в военные сапоги, левой ногой он курит сигарету.). Здесь пожалуй помогают две различных лексемы, а именно с одной стороны *обезьяна* (по коннотациям), *горилла* (самая крупная человекообразная обезьяна) с другой стороны. Угрожающее воздействие человекообразной обезьяны на рис. 21 подчёркивается, конечно, наличием орудий убийства, которые она носит при себе (Хотя в действительности кровожадность у некоторых видов обезьян (правда, не у кротких горилл, а, например, у капуцинов) вполне доказуема, в языковом сознании этот факт не укоренён и его необходимо акцентировать на рисунке. Что же касается русской лексемы *горилла*, то в этом случае, согласно лексикографическим и корпусным данным (Интернет) гораздо больше неясностей, чем в английском или немецком языках), а также ценностей, которые она попирает ногами (международное право, совесть, честь, мораль).

Виселица, впрочем, является атрибутом врага уже в Окнах РОСТА. Напротив, внешнее сходство, решающее в создании образа свиньи – Геринга, в отношении Геббельса играет незначительную роль, а в случае Гитлера вообще не имеет значения.

Поскольку гипероним *зверь* уже встречался на рис. 19 с референцией на волка, а также в комиксах для обозначения коллектива (*фашистское зверьё*), в целях наглядности здесь можно привести ещё два плаката В. Дени. На рис. 22 (ДЕНИ 1992, 132) Гитлер являет собой пример персонифицированного, но уже сильно пострадавшего физически *немецкого зверя*.

На рис. 23 (ДЕНИ 1992, 129), наоборот, примат относится к таковым по родовому признаку, и его черты лица не являются ни человеческими, ни обезьяньими, а, скорее, напоминают морду боевого пса (Подобную стилизацию нацистского преступника мы видим и на плакате «Убей фашиста-изувера!» (в указанном месте, 130), где одинокая, брызжущая слюной голова без туловища, но в нацистской фуражке с символом СС – «мёртвой головой» появляется из темноты и изрыгает проклятия над повешенной партизанкой (Татьяной Космодемьянской)): здесь перед нами абстрактный монстр, в котором отдалённое сходство с человеком можно увидеть лишь по странному подбору предметов одежды (стальной шлем со свастикой и воротник с бабочкой) и папскому сопровождению в походе против Советского Союза.

Рис. 22.

Рис 23.

Итак, существенным для *зверя* представляется необузданное стремление к агрессии, внешняя же принадлежность к определённому виду животных, по меньшей мере, у Дени второстепенна.

Рис. 24

Подтверждением этому служат следующие два плаката: на рис. 24 (ДЕНИ 1992, 120) японский и немецкий генералы маршируют в ногу на войну, а значит – навстречу своей гибели (так гласит заголовок стихотворения Д.Бедного сверху слева), дорогу им указывает подстрекатель, крошечный по сравнению с генералами иуда Троцкий (Подобное отклонение от партийного курса, официально чуждого всякому проявлению расизма, не ограничивается у Дени «предателем» Троцким; оно имеет место и в представлении эсеров и меньшевиков, ср. ДЕНИ 1992, 108. Иуда же в сталинской пропаганде является универсальным маркером исключения, выделения из лагеря «своих»), полностью стилизованный, кстати, в соответствии с бытовавшим со второй половины XIX века антисемитским стереотипом. При этом в распоряжении немца находятся уже знакомые нам по рис. 21 орудия убийства, к тому же он держит в руке бомбу замедленного действия – войну; его голову венчает подобие шлема викинга с «мёртвой головой» – символом СС. К нашей теме вышесказанное имеет следующее отношение: ноги немецкого генерала покрыты шерстью и заканчиваются гигантскими раздвоенными копытами. Являются ли подобного рода (парнокопытные) конечности маркером чёрта, не совсем ясно; но в любом случае они как нельзя лучше подходят для того, чтобы топтать порванные международные договоры и соглашения. Таким образом, карикатурист в очередной раз представляет идиому попраiania ногами (ср. рис. 22).

Рис. 25

У нашего последнего зверя сразу две головы и чересчур большие когти (рис. 25, ДЕНИ 1992, 121). Речь снова идёт об оси Берлин-Токио, но теперь на переднем плане Токио. Поводом послужило японское нападение на советскую территорию в районе озера Хасан на маньчжурской границе (1938) (Это название появляется и на другом плакате (ДЕНИ 1992, 122), правда, на теле инвалида войны. Издатель комментирует это таким образом, что речь идёт об «одном тяжело раненом арабе («Хасан»?). К вопросу о реакции советской пропаганды на это столкновение см. упомянутую в начале сказку о медведе и белке в борьбе с оккупантами, а также: ВАИС, 1999а. 300); поскольку агрессор пришёл с востока, то монстр на этот раз располагается на плакате справа (ср. выше рис. 11). Правда, по этой причине несколько смущает воззвание на украинском языке (внизу) к грозно смотрящему пограничнику в левой части плаката, а также переведённая на украинский язык цитата Маяковского сверху слева - возможно, тут что-то напутано с географией? Вероятно, всё-таки, нет: призыв к бдительности в силе и на другом конце Советского Союза. Растопыренные когти чудовища, что логично, тоже подписаны на украинском языке – а обозначены на них главные призраки сталинизма (провокации, диверсия, шпионаж, террор, налёты). В данном случае полностью отражают действительность, по меньшей мере, *провокации* и *налёты*.

Теперь, впрочем, круг замыкается, так как одной из многочисленных пропагандистских реакций на японскую провокацию в районе озера Хасан была песня В. Мурадели (того самого композитора, которого спустя 10 лет выставили на публичный позор решением ЦК вместе с Шостаковичем, Прокофьевым и Хачатуряном), в которой опять обнаруживается наша «свинская» фраза:

(31) «Вы не суйтесь, самураи»

(муз.: Вану Мурадели; ст. А. Жаров)

Гуча черная кружила у приморских у высот
Сунул враг свиное рыло в наш советский огород.

Против полчища японцев бились наши смельчаки,
 Подошли полки Приморской – Первой армии полки
 Как один вступили в дело
 Полководец и боец.
 Слава Сталину гремела – песня пламенных сердец.
 Нарушителей границы вымел грозный ураган,
 Им горька была водица в нашем озере Хасан.
Вы не суйтесь, самураи, с красным войском воевать.
 Никогда в советском крае самураям не бывать!

Превратиться из покрытого шерстью монстра в свинью – самурайская способность к перевоплощению представляется весьма впечатляющей. Однако вернёмся к графическому представлению зверей. Наши последние примеры показали, что изображение человека в облике зверя в карикатуре всё больше сводится к изображению отдельных признаков животных: голова, конечности, туловище. Подобная техника монтажа, конечно же, не нова: она встречается уже в Окнах РОСТА, а Дени использовал её ещё в 1920-е годы. По сравнению с регулярно используемой в октябрьскую революцию и гражданскую войну характеристикой социальных классов (цилиндр и цепочка от часов = буржуа, толстяк = поп, горностаевая мантия и корона = царь) частичная потеря референтом человеческого облика привносит, конечно же, новое эмоциональное качество, диапазон которого растягивается от ужаса до развлечения; реже возникает отвращение. В языковом плане вряд ли существует эквивалент для обозначения утраты человеческого облика, если абстрагироваться от вышеупомянутого смешанного имени собственного *Геббельзьяна*; графический код здесь, казалось бы, имеет преимущество по сравнению с вербальным. Однако в действительности такие средства словообразования как словосложение и аффиксация обнаруживают совершенно аналогичные возможности монтажа (Так, в постсоветское время вербальный монтаж снова входит в употребление: *катастройка, демокрадия, дерьмократия, демокрадия, прихватизация* и др.); тот факт, что в нашей области не встречается подобных производных, таким образом, неочевиден, тем более что среди настоящих зоонимов существует, например, даже такой как *овцебык*. Кроме того, иногда попадаются и такие словосочетания как *белогвардейское рыло*, позволяющие выразить одновременно качество, относящееся и к человеку, и к животному.

Наряду с этим продолжает использоваться и альтернативная техника рисования – изображение фигур животных полностью и соотнесение их с определёнными категориями людей или ин-

дивидами с помощью определённых аксессуаров (предметы одежды, эмблемы, оружие); примером этого служит описанный выше комикс. Окончательно же «отжившими» в советской плакатной графике военного времени являются собственно сказочные существа, такие как дракон империализма В. Моора в 1920 году, ср. рис. 26.

Рис. 26
 Рис. 27

Хотелось бы объяснить это избыточной архаичностью подобного содержания изображения, но тогда является загадкой, почему те же самые сказочные существа, в частности, дракон продолжают как ни в чём ни бывало существовать в таких жанрах как былина и волшебная сказка в непосредственно предшествующий и последующий периоды советского фольклора.

Интересно, что на одном из плакатов нацистского военного противника красный дракон с советской звездой на лбу, будучи угрозой для Европы, бесчинствует и повергается молнией изображённым в модернистском стиле солдатом (т.е. молниеносной войной – блицкригом) – рис. 27 (общее в контрасте современности и архаики в нацистской и советской пропаганде ср. ВАИС 2003, 329-344). На вполне современном плакате «Limpio de fascistas nuestro pais» времён испанской гражданской войны (1937; ФИНКОВА & ПЕТРОВА 1986, 45) дракон появляется снова, на этот раз со свастикой – теперь его сметают с лица земли (к вопросу об иконографии мотива метлы в советской пропаганде см. в ВАИС 2005, 115 с.).

Подводя ИТОГИ данного обзора диких животных, можно сделать вывод, что в отличие от домашних животных (часть I), в этом случае зооморфные обозначения относятся к людям либо группам людей исключительно в метафорическом плане; и, напротив, источник зооморфной метафоры частично либо полностью воплощается на графическом уровне. Метафорическое прочтение основывается как в случае со *свиньёй* или *собакой* либо на полисемии, ср. *обезьяна*, либо на соответствующих коннотациях обозначений животных: правда не существует *волка* в значении 2 с человеческим денотатом – возможно только *волчий аппетит*, *волк в овечьей шкуре* и *волчьи законы*. Наряду с коннотациями имеют значение и литературные ассоциации зачастую в виде прямых цитат; и наоборот, элементы народных суеверий, относящиеся к диким животным, как описано в ГУРА 1997, не находят своего отражения. Обосновать

этот факт можно тем, что ни один из наших пропагандистов не был родом из деревни и просветительский пыл ранней советской пропаганды, полностью вытесненный из советского фольклора тех же лет, здесь ещё присутствовал (К вопросу об эксплицитной дистанцированности Хрущёва от заговоров против змеиных укусов см. ВАЙС 1998b, 471; он подводит такой итог: «Но только темнота, невежество могли успокаивать людей, вселять веру, что такие средства действуют»).

В речах и на плакатах часто встречается обращение к гиперониму *зверь*. У В. Дени графическое воплощение *зверя* иногда достигает такой степени абстракции, что сферу-источник метафоры вообще нельзя определить однозначно. Этот приём напоминает об изображении *гадов*, не являющихся темой нашего обсуждения: представление *гадов* на плакате ограничивается свастикообразным покрытым шерстью квадратом с когтями («смерть фашистской гадине!», «Бей фашистского гада!», ФИНКОВА & ПЕТРОВА 1986, 57). Волк может обозначать либо одного человека либо несколько человек (ведь волки живут стаями), в случае с обезьяной же встречаются только индивидуальные референции. Экзотические животные вроде тигров и львов упоминаются лишь в отдельных случаях. В зависимости от референта между животным-источником метафоры и человеком-мишенью метафоры имеет место одномножественное соответствие (например, свинья ↔ Гитлер, свинья ↔ капиталист) или же многооднозначное соответствие как, например, в случае с Гитлером или японскими «самураями», которые могут принимать облик различных животных. Там, где «озверевшему» врагу противостоит представитель лагеря «своих», как украинский пограничник на рис. 25, то он, конечно же, сохраняет человеческий облик.

Что касается дополнительной пользы от плаката, то с современной точки зрения можно было бы возразить, что издевательское представление столь грозного врага, каким была представлена на нём гитлеровская Германия – в виде комиксов с обезьянами, свиньями и крысами в качестве действующих лиц – обязательно является адекватной реакцией. Однако кажущееся умаление угрозы внушающего страх противника путём высмеивания вообще свойственно языку в военное время – примером может служить польское партизанское аргю, ср. КАНИЯ 1975 (К сожалению, советское партизанское аргю до сих пор не дождалось подобного анализа); функция воздействия смешного, ослабляющая страх, там очевидна. Впрочем, существуют и такие комиксы, в которых обе стороны представлены животными: тут стоит напомнить хотя бы о манере создания комиксов Артом Шпигельманом, где нацисты изображены кошками, а евреи мышами; этого автора, чьи родители пережили концлагеря Дахау и Освенцим, никто не посмеет упрекнуть в неподобаю-

щем приукрашивании Холокоста.

Наша картина пропагандистского зверинца была бы неполной, если бы мы не дали слова голосу просвещения. Поэтому в заключение мы представим плакат 1920 года, из которого читатель и зритель узнают кое-что о неправильном и правильном обращении с домашними и дикими животными. Латеральное размерение снова изображает временную ось: слева господствует царство тьмы, т.е. невежества (ср. рус. *темнота*), середину плаката занимает школа как храм очищения, через который проходят дети и взрослые, чтобы попасть в светлое царство знаний («а пройдёт безграмотный школу, – сразу из слепого зрячим станет!... Точно сто глаз у него стало»). Текст, как и следовало ожидать, отражает временную ось по вертикали. Для наших целей существенными являются два фрагмента текста, относящиеся к сцене, которая происходит слева: «Всюду ему страхи мерещатся. Филин ночью кричит – безграмотный думает, что это леший кричит» и «с друзьями человека – животными – скверно обращается! Как за ними ходить, не знает, пользы их них извлечь не умеет». Суеверный страх перед уханием филина, за которым может скрываться леший, с одной стороны; бессмысленное избиение дворовой собаки с другой стороны – чтобы это ликвидировать, пропаганда тут как тут. Четыре десятилетия спустя Хрущёв назовет подобное недозволенное обращение с домашними животными далёким прошлым (см. выше пример 3); также и суеверное отношение к опасным животным он полагает преодоленным (см. прим. 26). Прав ли он был или нет – во всяком случае, пропаганда не всегда верна себе самой. К примеру, как и в Окнах РОСТА, так и на плакатах Второй мировой войны ворон всё ещё появляется как провозвестник смерти, но в отличие от Окна РОСТА, где основная задача ворона – предупреждать своих о смертельных последствиях вражеской угрозы, во втором случае же он предвещает военному противнику близкую гибель (ср. упомянутый вначале плакат Кукрыниксов, на котором ворон и чёрная кошка дают знать Гитлеру о его судьбе). С другой стороны здесь можно привести такой аргумент: речь идёт об общепонятном и популярном символе смерти, который уже с давних пор занял прочное место в традиции солдатской песни (ср. «Чёрный ворон») и не в последнюю очередь в графике времён гражданской войны.

Рис. 28

РОДИТЕЛИ, ПОСЫЛАЙТЕ ДЕТЕЙ В ШКОЛУ!

Как бы то ни было, можно сделать следующий вывод: те же самые животные, которые служили в метафорической ипостаси целям поношения идеологического и военного противника, могли в своём прямом значении являться объектами пропагандистской заботы.

ЛИТЕРАТУРА

Bonnell. Iconography of Power. Soviet Political Posters under Lenin and Stalin - Berkeley-Los Angeles, 1997.

Victor Deni. Ein russischer Karikaturist im Dienst der Propaganda. Museum für Kunst und Gewerbe Hamburg, 1992.

Finková, Petrová The militant poster 1936-1985. Prague, 1986.

Gattiker, E. & L. Die Vögel im Volksglauben. Eine volkskundliche Sammlung aus verschiedenen Ländern von der Antike bis heute. Wiesbaden, 1989.

Isačenko, A.V. Figurative meaning, derivation, and smantic features. // The Slavic Word. 1972. P. 76-95.

Kania Polska gwara konspiracyjno-partyzancka czasu okupacji hitlerowskiej 1939-1945. Zielona Góra, 1975.

Kummer, R. Nicht mit Gewehren, sondern mit Plakaten wurde der Feind geschlagen! Eine semiotisch-linguistische Analyse der Agitationsplakate der russischen Telegrafagentur ROSTA. Bern-Frankfurt e.a., 2006.

Lakoff, G., Johnson, M. Metaphors we live by. Chicago & London, 1980.

Weiss, D. Kleine Einführung in die russische Zoolinguistik // T.Berger (Hrsg.). Slavistische Linguistik. 1997. Referate des XXIII. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens in Tübingen. München, 1998. P. 273-324.

Weiss, D. Die Entstalinisierung der Propaganda (am Beispiel der Sowjetunion und Polens). J.P. Locher (Hrsg.), Schweizer. Beiträge zum XII. Internationalen Slavisten-Kongress in Krakau, August 1998. Frankfurt-Bern. P. 461-506.

Weiss, D. Der alte Mann und die neue Welt. Chruščevs Umgang mit „alt“ und „neu“. // W. Girke, A. Guski e.a. (Hrsg.), Vertograd" mnogocvėtnyj.

Festschrift für H. Jachnow. München, 1999. P. 271-292.

Weiss, D. Mißbrauchte Folklore? Zur propagandistischen Einordnung des „sovetskij fol'klor“ // R. Rathmayr / W. Weitlaner (Hg.): Slavistische Linguistik 1998. Referate des XXIV. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens Wien. München, 1999. P. 283-324.

Weiss, D. Die Verwesung vor dem Tode. N.S. Chrusščevs Umgang mit Fäulnis-, Aas- und Müllmetaphern. // Ders. (Hg.), Der Tod in der Propaganda (Sowjetunion und Volksrepublik Polen). Bern-Frankfurt, 2000. P. 191-257.

Weiss, D. Personalstile im Sowjetsystem? Stalin und Chruščev im Vergleich. // N. Boškowska, P.Collmert, S.Gilly u.a., Wege der Kommunikation in der Geschichte Osteuropas. Festschrift für C. Goehrke, Bern-Frankfurt, 2002. P. 223-252.

Weiss, D. Stalinistischer und nationalsozialistischer Propagandadiskurs im Vergleich: eine erste Annäherung. // H.Kuße (Hg.), Slavistische Linguistik 2001. Referate des XXVII. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens Frankfurt, München, 2003. P. 309-356.

Weiss, D. Ungeziefer, Aas und Müll. Zu den Feindbildern der Sowjetpropaganda. // Ph. Sarasin (Hg.), Oesterreichische Zeitschrift für Geschichtswissenschaften 16, Heft 3, Fremdkörper. Hrsg. v. Ph. Sarasin, 2005. P. 109-122.

Weiss, D. Sowjetische Nahrungsmittelwerbung: eine erste Annäherung. In: S.Kempgen (Hg.), Slavistische Linguistik 2003, München 2005. P. 325-362.

Wierzbicka Lexicography and Semantic Description. Ann Arbor. 1985.

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. – М., 1974.

Вайс Д. Новояз как историческое явление. // Гюнтер, Х., Добренко, Е. (ред.), Социалистический канон. – СПб., 2000.

Вайс Д. Советский дискурс о еде. // Еда порусски. Русский пищевой дискурс: информация, манипуляция, стереотипы. – М., 2007.

Гура А.В. Символика животных в славянской народных традиции. – М. 1997.

Душенко К.В. Словарь современных цитат. – М. 1997.

Зализняк А. Грамматический словарь русского языка. – М. 1977.

Иорданская Л., Мельчук И. Коннотация в лингвистической семантике. // Wiener Slavistischer Almanach. 1980. Вып. 6. С. 191-210.

Купрянов М.В., Крылов П.Н., Соколов Н.А. Кукрыниксы. Графика 1941-1945. – М. 2000.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. – М. 2005.

Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. – М. 2000.

Ржевский Л. Язык и тоталитаризм. – München, 1951.

Мельчук И. А., Жолковский А. К. Толково-

комбинаторный словарь русского языка. Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики. – Вена, 1984.

© Вайс Д., 2009
© Таратынова Т.В. (перевод), 2009

Кара-Мурза Е. С.
Москва, Россия

**ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА
КАК ПРОЦЕДУРА
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ**

УДК 81'371

ГСНТИ 16.01.21, 16.21.27

Аннотация. Кратко охарактеризована лингвистическая экспертиза – сравнительно новая разновидность судебных экспертиз, герменевтическая процедура, интерпретирующая содержательную сторону текстов, воспринимаемых как речевые преступления. Показано, какие речевые преступления реализуются в политическом дискурсе и какие специфичны для него. Изложены алгоритмы лингвоэкспертного анализа и продемонстрированы лингвистические показатели основных речевых преступлений.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза политического дискурса, юрлингвистика, речевые преступления: диффамация, клевета, оскорбление, словесный экстремизм, нарушение правил предвыборной агитации, лингвистические показатели речевых деликтов.

Сведения об авторе: Кара-Мурза Елена Станиславовна, доцент кафедры стилистики, действительный член Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам.

Место работы: Московский государственный университет.

Контактная информация: 109003, г. Москва, ул. Моховая, д. 9, кафедра стилистики русского языка.

Kara-Murza E. S.
Moscow, Russia

**LINGUISTIC EXPERTISE
AS A PROCEDURE
OF POLITICAL DISCOURSE**

Код ВАК 10.02.19

Abstract. The summary of linguistic expertise is given – a new type of court expertise, hermeneutics, and interpretation of texts defined as speech delicts. The realization of speech delicts in political discourse is shown. The algorithms of linguistic expertise and linguistic markers of the main speech delicts are given.

Key words: linguistic expertise, forensic linguistics, speech delicts: slander, offence, verbal extremism, violation of electoral agitation rules, linguistic markers of speech delicts.

About the author: Kara-Murza Elena Stanislavovna, associate professor of the chair of stylistics, a member of linguistic experts on documentary and informational debates.

Place of employment: Moscow State University.

В отечественной политической лингвистике возникают все новые направления и исследовательские процедуры [Чудинов 2006: 5-9]. К ним можно причислить лингвистическую экспертизу конфликтогенных текстов (ЛЭКТ) [Кара-Мурза 2007б: 101-118]. Она представляет собой один из типов прикладных исследований, осуществляемых в рамках судебной лингвоэкспертной деятельности (другие типы судебных экспертиз – фоноскопическая, почерковедческая, автороведческая).

Применение лингвистической экспертизы конфликтогенных текстов предопределено таким значимым свойством дискурса – «речи, погруженной в жизнь» (по Арутюновой), как его многоступенчатое регулирование. Высшим уровнем системы речеповеденческой регуляции – разрешительного и запретительного характера – можно считать целый ряд законодательных норм, касающихся частных речевых проявлений или разных областей социальной коммуникации (в том числе журналистской, рекламной, политической) и зафиксированных в Конституции, в Гражданском и Уголовном кодексах, в профильных законах. В частности, лингвистическая экспертиза политического дискурса востребована там и тогда, когда

действия властного института или политической организации, интеракция политиков или отображение политических процессов в СМИ осуществляются или воспринимаются как противозаконные, а *corpus delicti* представлен речевым произведением, написанным на политическую тему, автор или персонаж которого – политическая персона в широком смысле слова: не только политики и чиновники, но и вовлеченные в политику журналисты, и политизированные массы или их отдельные представители. Ведь ответные меры, имеющие ограничительный или запретительный характер, например наложение штрафа на издание или прекращение его выпуска за экстремистские выступления или в связи с незаконной агитацией, могут быть приняты только по суду. А для судебного расследования таких деликтов часто нужны лингвистические экспертные знания: юридических недостаточно для адекватного истолкования тонкостей коммуникативного взаимодействия или текстовой организации.

Теоретическое обоснование этой деятельности в отечественной науке предложено в ряде направлений, новейшие из которых – юрлингвистика [Голев 1999: 4-57; Голев 2007: 7-13] и судебное речеведение [Галяшина 2003]; их воз-

никновение связано с активизацией в постсоветской России правоприменительной практики по так называемым речевым преступлениям (первое употребление этого термина, если не ошибаюсь, [Рождественский 1997: 494], включая информационные споры, иначе – конфликты и правонарушения в массовой коммуникации: в журналистике, предвыборной агитации, политической рекламе [Информационные споры 2002]. Речевые преступления – это правонарушения, состоящие в том, что «совершаются они посредством вербального поведения, путем использования продуктов речевой деятельности, т.е. текстов, распространяемых в средствах массовой информации. В самом тексте опубликованного или переданного в эфир материала (и только в нем самом) заключен сам *Corpus delicti*, все объективные признаки судимого деяния. Никаких других источников доказательства правонарушений по делам этой категории не существует, и только текст является главным предметом исследования и юридической оценки. В информационном споре должны быть выявлены словесные конструкции и смысловые единицы текста, подпадающие под признаки конкретного правонарушения, предусмотренного соответствующей правовой нормой» [Ратинов 1996, 2004: 104]. Речевые преступления, как и другие, проходят и по гражданскому (диффамация), и по уголовному ведомству (клевета и оскорбление, словесный экстремизм, угрозы насилия и убийства и нек. др.).

Речевые преступления совершаются в нематериальной области смыслов, сущностное свойство которых – множественность интерпретаций. Учитывать это особенно важно в тех случаях, когда истцами выступают высокопоставленные люди, а движут ими недобросовестные мотивы – наказать журналиста-разоблачителя или вытеснить соперника из политики или бизнеса. При таких обстоятельствах ЛЭ с ее методами интерпретации спорного текста предстает как единственный способ установить истину и не допустить неправосудного решения.

(1) «ДИАГНОЗ ПОДТВЕРДИЛСЯ Ставропольский журналист победил «шумного и амбициозного, но абсолютно недееспособного» губернатора в Страсбургском суде» – известила читателей «Новая газета» (№14, февраль 2007 г.)

В феврале 2002 г. губернатор Ставрополя Александр Черногоров подал в краевую прокуратуру иск против главного редактора газеты «Новый гражданский мир» Василия Красули за статью «Черногоров подбирается к Ставрополю, в которой увидел «сведения клеветнического характера» во фразе «...наш шумный и амбициозный, но абсолютно недееспособный губернатор вот-вот приберет к рукам и краевой центр». Следствие не обнаружило клевету, но журналиста обвинили в другом речевом преступлении: в том, что он, «предварительно вступив в преступный сговор с неустановленным ли-

цом с целью оскорбления представителя власти», опубликовал статью, которая содержала «выраженное в неприличной форме унижение чести и достоинства губернатора Ставропольского края А.Черногорова в связи с исполнением им своих обязанностей», и привлекли к уголовной ответственности. «Лингвистическая экспертиза, проведенная Гильдией экспертов по документальным и информационным спорам \так в «Новой газете» - Е.С.К.-М.\, не только не выявила в статье признаков клеветы и оскорбления, но и доказала уместность использования слова «недееспособный» в контексте статьи. Но суд к мнению экспертов не прислушался, хотя и проявил некоторую «гуманность», (...) признав Красулю виновным в клевете, приговорил его к лишению свободы на один год условно». Журналист подавал апелляцию в краевой суд и обращение в правительство России, но везде ему подтверждали правомерность уголовного наказания. Он подал жалобу в Европейский суд по правам человека – высшую международную правовую инстанцию, признанную и в России. ЕСПЧ счел В.Красулю невиновным, обязав Россию выплатить ему 4 тыс. евро в качестве возмещения морального ущерба. Добавлю к сказанному в «Новой газете», что Суд принял во внимание результаты лингвистической экспертизы, подготовленной экспертами ГЛЭДИС (www.rusexpert.ru).

Перед нами типичная ситуация отечественной политической коммуникации – острый информационный конфликт между крупным журналистом и губернатором, который в критической публикации в свой адрес видит личное оскорбление, тогда как правоохранительные органы трактуют журналистское выступление как уголовное преступление – оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ). Лингвистическая экспертиза была задействована в этом конфликте как собственно языковедческая квалификация конфликтогенного текста. Ее задачей было определить присутствие или отсутствие лингвистических признаков данного речевого преступления. Она была осуществлена в особой – юрислингвистической – понятийной системе, на основании которой судебное решение принималось уже в собственно юридической терминологии. Суд (в данном случае – ЕСПЧ) использовал ее выводы в качестве аргумента, указав на отсутствие состава преступления в статье В. Красули.

ОБЩЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ КОНФЛИКТОГЕННЫХ ТЕКСТОВ. По определению Е.И. Галяшиной, обнимающему все типы этой аналитической процедуры, *лингвистическая экспертиза* – это процессуально регламентированное лингвистическое исследование устного и/или письменного текста, завершающееся дачей заключения по вопросам, разрешение которых требует специальных познаний в языкознании и судебном речеведении. Объектами экспертиз

данного вида являются единицы языка и речи, тексты, представленные на любом материальном носителе [Теория и практика судебной экспертизы 2006]. Мы же обсуждаем лингвистическую экспертизу в узком смысле термина, которую можно назвать также лингвистической экспертизой конфликтного текста.

С пояснением – исследование продуктов речевой деятельности – она только недавно, в 2006 г., вошла в Перечень родов (видов) экспертиз, выполняемых в судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции РФ и в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел. Традиционные типы экспертиз (почерковедческая и автороведческая, а также экспертиза видео- и звукозаписей, в частности, голоса, звучащей речи) служат для раскрытия разных преступлений внетекстового характера, в основном для идентификации участников правонарушений или сомнительных источников информации; но также для особого рода интеллектуальных преступлений, отображаемых в текстах, например плагиата. Они обеспечены стандартным аппаратом анализа и богатым техническим инструментарием, включая компьютерную обработку материала [Росинская 2008: 384-406]. Что касается лингвистической экспертизы конфликтных текстов, то ее содержание раскрывается как «исследование текста письменного документа или устно высказывания в целях решения вопросов смыслового понимания» [Галяшина 2006: 19]. Отметим, что для смыслового анализа текста в криминалистических целях используются также экспертизы на базе других гуманитарных наук: психолингвистическая [Скрытое эмоциональное содержание... 2004], литературоведческая [Белянин 2006] и др.

В филологических терминах, «решение вопросов смыслового понимания» – это герменевтика. Основные герменевтические процедуры в лингвистической экспертизе выполняются экспертами «вручную», интроспективными методами, хотя успешно применяются также количественные и инструментальные методы, особенно компьютерные [Баранов 2007]. Известный субъективизм «качественных» методов лингвистической экспертизы долгое время вызывал сомнения в юридической среде и до сих пор создает проблемы. Ведь любая экспертиза представляет собой особый источник аргументов по делу, способ обеспечения доказательности судебного процесса, и ее результаты должны иметь свойства верифицируемости и воспроизводимости. А это в немалой степени зависит от наличия общепризнанных методик исследования. Поэтому в числе первоочередных задач российских экспертных центров была разработана теоретического фундамента лингвистической экспертизы конфликтных текстов, понятийного аппарата и стандартных вопросников по конкретным типам речевых преступлений [Голев, Матвеева 2006: 168-185]. Хо-

тя до сих пор эту работу нельзя назвать завершённой [Осколкова 2007: 382-392].

При этом лингвистическая экспертиза конфликтных текстов в свою очередь достаточно широкое, «зонтичное» понятие, которое объединяет несколько приемов анализа, соответствующих с определенными правонарушениями и обеспеченных соответствующими теоретическими подходами, методическим инструментарием и терминологическими подсистемами. Лингвистическая экспертиза имеет и лингвосомиотическую оснащенность, так как ее объектами могут стать и поликодовые тексты: к числу речевых преступлений причисляются, например, и нарушения Закона «О рекламе» [Кара-Мурза 2008: 162-174]. Это разнообразие лингвистической экспертизы конфликтных текстов будет продемонстрировано ниже.

Герменевтический характер лингвистической экспертизы уже был предметом рефлексии [Бельчиков 2005: 15-20]. А мне хочется отметить, что ее интерпретаторские функции дополняются и осложняются посредническими и что осуществляется она в ситуации специфического лингвоправового конфликта. Он протекает как борьба интерпретаций конфликтного текста четырьмя сторонами конфликта: его непосредственными участниками (автором текста в роли ответчика и реципиентом в роли истца), которые выступают как «наивные толкователи», прибегающие к правовым критериям описания и понимания, и профессиональными толкователями – юристами и лингвистами. Причем из них только юристы уполномочены этот конфликт разрешить согласно законодательным нормам, но только лингвисты владеют научно обоснованными приемами выявления истинных смыслов текста и замыслов конфликтующих сторон, обнаружения «подводных течений», манипулятивных приемов, употребляемых основными сторонами конфликта. Иными словами, лингвистическая экспертиза конфликтных текстов – это способ добывания знаний о закономерностях создания и восприятия конфликтного текста, которыми лингвисты-эксперты делятся с юристами, чтобы те принимали судебные решения относительно речевых преступлений с учетом всей сложности и неоднозначности человеческой коммуникации во всех ее сферах – от быта до политики. Наличие этих признаков запрашивается в определении суда или в запросе одной из сторон и фиксируется в ответах экспертов в специальной лингвоэкспертной (иными словами – в юрислингвистической) системе понятий. Сам же приговор выносится в собственно правовых терминах судьей, на котором эта ответственность лежит согласно законодательству и который принимает во внимание все доказательства, в том числе выводы лингвистической экспертизы.

В своей работе лингвогерменевты отягощены необходимостью согласования трех интерпретирующих систем анализа – юридической,

юрислингвистической и собственно лингвистической (они, конечно, частично налагаются). При этом, как и в любой судебной экспертизе, сфера ответственности экспертов-лингвистов четко определена: они исследуют конфликтные тексты на предмет выявления языковых (в широком смысле) признаков речевых преступлений и не должны оперировать юридическими понятиями: право признавать создание и/или распространение текста определенным речевым преступлением имеют именно и только судьи. А это, в свою очередь, налагает ограничения на формулировки вопросов к лингвистам-экспертам с правовой стороны конфликта и, естественно, ответов, которые на них дают лингвисты.

Предмет и объект, цели и задачи лингвистической экспертизы как направления прикладной лингвистики полностью соответствуют принципам антропоцентризма и коммуникативно-когнитивной парадигме. Ведь объектом ее исследования является конкретный текст во всем богатстве экстралингвистических параметров, от дискурсивной специфики деятельности области до особенности профессиональных или человеческих отношений коммуникантов и их личностных характеристик, – текст, в котором материализуется конфликт интересов или принципов в некоторой деятельности области (в политике, например) и который в свою очередь провоцирует дальнейшее развитие конфликта – уже в правовом пространстве. А предметом лингвистической экспертизы конфликтных текстов, повторим, являются лингвистические признаки определенных речевых деликтов. Поэтому лингвистическая экспертиза оказывается одной из основных процедур, одним из основных подходов в такой актуальной области исследования, как лингвистическая конфликтология; способом *case studies* она приносит богатый материал для обобщения того, что касается аспектов, сторон, этапов – всего разнообразия содержания и формальных показателей конфликтной коммуникации.

Лингвистическую экспертизу можно назвать и прикладной лингвистикой текста, поскольку ее материалом является целостное речевое произведение: хотя вопросы обычно ставятся относительно отдельных его фрагментов, в содержании и/или форме которых и подозревается состав преступления, все равно анализируется текст целиком в его жанрово-дискурсивной определенности, в логико-композиционных параметрах. В лингвистической экспертизе используются также достижения традиционного языкознания (лексикологии и грамматики, функциональной стилистики и теории культуры речи).

А с точки зрения политической лингвистики, лингвистическая экспертиза обнаруживает важные свойства политического дискурса, не выявляемые методами других ее направлений. Важнейшее такое свойство политического дискурса – это его «подсудность», т.е. регуляция как

содержательных, так и организационных аспектов политической коммуникации (а следовательно, и воплощающих ее текстов) посредством целой системы законодательных актов и деонтологических кодексов (сводов правил профессиональной этики).

Через лингвистическую экспертизу политического дискурса обнаруживается взаимосвязь 1) политики как деятельности области, 2) массовой коммуникации как преимущественного носителя политического дискурса, 3) журналистики как вовлеченного «медиума» и интерпретатора, информационного посредника между политическим классом и электоратом, между ветвями власти и гражданским обществом, и 4) права – источника юридической оценки, на основании чего формируется представление о речевых преступлениях в его пределах.

Фактически лингвистическая экспертиза наглядно демонстрирует в действии новые, высшие уровни дискурсивной регуляции, которые введены в рассмотрение лингвистов вышеуказанными дисциплинами: юрислингвистикой, судебным речеведением, – и это несомненный вклад этих дисциплин в теорию языкознания в целом. Говоря же конкретнее, это вклад и в коммуникативную лингвистику, с ее вниманием к конвенциональности речевой деятельности, и в культуру речи, где основным предметом исследования является система норм, начиная с литературно-языковых, регулирующих речевое поведение и функционирование языковых единиц в текстопорождении. В частности, представление о системе норм, обогащенное законодательным и деонтологическим уровнями, позволило сформулировать в вузовском медиаобразовании понятие профессиональной культуры речи работника массовой коммуникации (и журналиста, и рекламиста), ввести в рассмотрение новый тип ошибок (уже правонарушений!) и оперировать соответствующими критериями оценки качества текстов в данных сферах массовой коммуникации, излагая курсы функциональной стилистики рекламы [Кара-Мурза 2007а].

В новейшей российской истории ЛЭ стала существенным опосредующим механизмом политической коммуникации в таких разных ее проявлениях, как электоральные кампании, протестная деятельность, борьба партий, включая отношения их лидеров, и взаимодействие политиков со СМИ. Результаты лингвистической экспертизы помогают суду справедливо разрешить конфликт (см. пример с В. Красулей).

Однако бывает и наоборот – лингвистическая экспертиза не способствует разрешению речевого конфликта, а создает новый. Часто он реализуется как конкуренция вариантов лингвистической экспертизы по одному и тому же делу, как борьба интерпретаций. Здесь возможны два сценария. Первый из них обусловлен относительной новизной лингвистической экспертизы как прикладного направления и

объективной сложностью информационного конфликта: стандартизованные и надежные процедуры лингвистической экспертизы конфликтогенных текстов, разработанные в экспертных учреждениях России, государственных и независимых, еще не получили достаточно широкого распространения. Вследствие этого возможны случаи добросовестного заблуждения экспертов, особенно неопытных, что в свою очередь может привести к неадекватному судебному решению. В таких случаях, чтобы пересмотреть приговор, бывает достаточно заказать новую лингвистическую экспертизу в квалифицированной организации.

(2) Такая ситуация сложилась по поводу статьи Ларисы Кошкиной *«От трубы повалил экстремизм»*, опубликованной в издании *«Независимая нерюнгринская газета «Просто Нюрка»* № 35 от 29.08.07. Автор, желая привлечь внимание читателей к росту в городе националистических, антииммигрантских настроений, проиллюстрировала статью фотоизображением листовки Русской Общины ДПНИ. Этот факт местные органы внутренних дел интерпретировали как совершение действий, направленных на возбуждение национальной розни и создание реальной угрозы причинения вреда общественной безопасности. Экспертиза местных специалистов подтвердила обвинение против журналистки, однако исследование, выполненное опытными экспертами ГЛЭДИС по запросу председателя Союза журналистов России В.Л. Богданова, опровергло такие выводы. В результате судебного расследования обвинения с журналистки были сняты и дело закрыто.

Но, к сожалению, в силу конкурентного характера политической деятельности в целом и особенностей отечественной политики в частности, лингвистическая экспертиза все чаще оказывается не только инструментом объективного анализа предполагаемого речевого деликта, средством установления истины и обеспечения справедливого судебного решения, но и орудием политической борьбы: она вовлекается в борьбу на стороне одной из сторон конфликта, как правило, той, которая облечена властными полномочиями.

Политизация лингвистической экспертизы, как и любая ангажированность в науке, способна привести к тупиковой ситуации, дискредитировать этот тип исследований. Сошлюсь на мнение старшего эксперта РФЦСЭ А.А. Смирнова: «...если верить сообщениям прессы, в последние год-два мы наблюдаем не только повышение популярности судебных процессов, но и явную тенденцию к генерализации конфликтов, имеющих то или иное отношение именно к лингвистической экспертизе. Первоначально иски о защите чести, достоинства или об оскорблении национальных чувств выглядели весьма скромно. Их подавали незаметные частные лица, персонально затронутые обидной публикацией, против других частных лиц,

эту публикацию подготовивших. Сегодня в качестве пострадавшей стороны все чаще пытаются выступить целые общественные организации, либо даже государство в лице каких-то своих уполномоченных представителей. В недалеком будущем объектом экспертной лингвистической оценки может оказаться не отдельная статья или публичное высказывание, а целая PR-кампания или некоторая идеология. Незаметно, но последовательно лингвистическая экспертиза перемещается с отдаленной юридической периферии в область повышенного общественного интереса и пристрастного обсуждения. (...) Любое ужесточение общественной реакции на идеологическую и информационную деятельность, как мы уже не раз убеждались, порождает соответствующее общественное противодействие. В фокус конфликта в качестве третьей стороны вполне может попасть безобидная лингвистическая экспертиза. Вряд ли эксперты в такой ситуации окажутся святее Папы Римского, смогут пережить искушение сознательно или бессознательно включиться в общественные столкновения на вызывающей их симпатии стороне» [Смирнов 2004].

В данной публикации я предлагаю вариант осмысления лингвистической экспертизы в рамках подхода, принятого в ГЛЭДИС (Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам) и разрабатываемого на основе достижений лингвоэкспертных направлений современной отечественной прикладной лингвистики. Материалом для данной статьи является русский политический дискурс, отображенный в речевой деятельности констатирующей и процитированный в московской печати: выступления политиков на митингах или конференциях; лозунги, тексты на транспарантах. Понятно, что публикации о речевых конфликтах, в которые политики вступают между собой и с другими общественными силами, – это журналистские интерпретации, т.е. одна из возможных интерпретаций, осуществленная с позиции самого журналиста и/или его издания. Поэтому я прошу просвещенных читателей сделать допуск на достоверность изложения в той мере, насколько она возможна в журналистике. Я привожу в пример и дела, выполненные экспертами ГЛЭДИС, в том числе с моим участием (с сохранением условий конфиденциальности). При этом вину за неточности изложения оставляю за собой, а перспективные наблюдения и рекомендации разделяю с коллегами по ГЛЭДИС, к которым чувствую глубокую благодарность за сотрудничество и общение.

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ И «ПРОФИЛЬНЫЕ» РЕЧЕВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ. Дискурсивный анализ через призму лингвистической экспертизы помогает увидеть, что основные институциональные дискурсы (журналистский, политический, рекламный) являются – в составе объемлющих деятельности – особым объектом правовой регу-

ляции, а с другой точки зрения – полем совершения речевых преступлений; например, специалист по праву СМИ, конфликтолог проф. А.Р. Ратинов писал о «журналистских правонарушениях», которые включают распространение материалов противоправного содержания, пропагандирующих национальное превосходство или неполноценность, призывающих к насильственному изменению конституционного строя, общественным беспорядкам и проч. [Ратинов 1996, 2004: 104]. Может быть, есть резон считать правовую регуляцию одним из важных показателей институционального характера какого-либо дискурса.

Речевые преступления отображены в разных отраслях законодательства (конституционном, гражданском, уголовном, профильном) и соотносятся с тремя основными правовыми ценностями. Во-первых, это права и свободы человека и гражданина. И, во-вторых, это безопасность отечества, целостность государства, защита конституционного строя и общественного порядка. Речевые преступления направлены против личных нематериальных благ (чести, достоинства, деловой репутации и доброго имени) и неимущественных прав (на личную, семейную, врачебную тайну и нек. др.), которые зафиксированы в статьях 150-152 Гражданского Кодекса РФ, в УК РФ (в разделе У11 «Преступления против личности»), куда входят ст.129 «Клевета» и ст. 130 «Оскорбление»; по этой же смысловой линии можно числить и ст. 319 УК РФ «Оскорбление представителя власти». В раздел X УК РФ «Преступления против государственной власти» ст. 280 «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности» и ст. 282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а также унижение человеческого достоинства». В-третьих, это информационные права граждан, зафиксированные конституционно и в Законе «О СМИ», и политические, в том числе избирательные. Преступления против этих норм, ценностей и объектов могут совершаться в том числе речевыми поступками, через высказывания / тексты.

Политические права россиян отражены в законах, регулирующих в составе политической деятельности информационно-пропагандистскую коммуникацию, предвыборную агитацию, а значит, воплощающий их политический дискурс. В Федеральных законах «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», «О выборах Президента Российской Федерации», «О политических партиях...» подробно изложены нормы – от того, как регистрировать партии, до того, когда и как можно и нельзя вести предвыборную агитацию. Кстати, в отличие от последней, политическая реклама, будучи одним из активных и финансово емких направлений российского политического рынка, законодательно не регулируется (как это ни парадоксально); это специально отмечено в Федеральном

законе «О рекламе» 2006, ст. 2 «Сфера применения настоящего Федерального закона».

Наконец, политическая коммуникация регулируется и законом «О СМИ», где законодательно указаны пределы участия в ней журналистов: их профессиональные задачи не предполагают вмешательства в политику. Законодательные требования к журналистской работе можно интерпретировать как профессиональные правила и ограничители творчества, т.е. дискурсивной деятельности [Правовые и этические нормы в журналистике 2007].

Основное количество экспертиз осуществляется в российских судах по речевым деликтам, связанным с нарушениями прав личности. Дела по этим статьям стали возбуждаться лавинообразно с начала 90-х годов, с принятием Закона «О СМИ», в котором указывалось на недопустимость злоупотребления свободой слова (ст. 4 и 59) и запрещалось нарушать конституционные требования защиты прав личности, в частности декларировалось право на опровержение и возмещение морального вреда (ст. 43, 44 и 62). Отметим, что эти деликты присутствовали и в дореволюционном, и в советском праве. В СССР, в соответствии с ведущей правовой концепцией, дела по ним не были частыми и не оказывались в центре внимания общественности [Эрделевский 2007]. В целом нынешнее положение дел можно было бы оценить положительно: когда россияне-участники политической деятельности защищают свои права как граждане и как личности, это свидетельствует об их социальной зрелости, о преодолении психологии «винтика». Но у него есть и другая сторона – негативная. В большинстве случаев истцами по этим статьям выступают люди из власти или из бизнеса, тогда как ответчиками – журналисты и издания. И это симптоматично: возбуждая гражданские или уголовные дела, власть имущие стараются «окоротить» независимую прессу. Новая российская элита взяла на вооружение правозащитные ценности чести, достоинства, деловой и профессиональной репутации личности, побивая в судах оппозиционных политиков и независимых журналистов их же аргументами.

Поэтому в 1991 г. под руководством известного журналиста и правозащитника А.К. Симонова был создан Фонд защиты гласности (ФЗГ), организовавший мониторинг преследований журналистов и их правовую поддержку, – прежде всего для защиты журналистов и изданий от недобросовестных истцов, но, конечно, и для защиты персонажей от недобросовестных публикаций (от журналистской «заказухи», «черного пиара»), которых тоже стало слишком много. А в 1994-2000 годах при Президенте РФ работала Палата по информационным спорам – квазисудебное учреждение, призванное в правовых понятиях решать конфликты в области свободы слова и права на информацию, в том

числе в политической коммуникации, в основном в электоральных кампаниях.

В середине 90-х гг. Фонд защиты гласности инициировал лингвистическое исследование понятийных и методических проблем, с которыми сталкиваются и стороны конфликта, и правоприменители. В результате коллективом крупных ученых (это были В.Н. Базылев, Ю.А. Бельчиков, Ю.А. Сорокин), руководителем которого был акад. А.А. Леонтьев, была написана пионерская работа «Понятия чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и массовой коммуникации» [Понятия... 1996], переизданная с дополнениями под названием «Понятия чести, достоинства и деловой репутации. Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами» (2004). На ее основе прошли научные и читательские конференции, опубликованы отчеты и рецензии. Без преувеличения можно сказать, что эта книга заложила теоретические основы лингвистической экспертизы конфликтотенных текстов – во всяком случае, в московской лингвоэкспертной среде, и прежде всего в ГЛЭДИС.

Причиной возникновения речевых конфликтов в политическом дискурсе, причиной агональности как его ярчайшей черты [Шейгал 2004: 121] является идущая через него политическая борьба, причем и институциональная (борьба «ветвей» власти и идеологических «позиций»), и персонифицированная (претензии друг к другу конкретных людей, вовлеченных во властно-политические отношения, по поводу конфликтотенного текста, обычно распространенного в СМИ).

(3) «Пенсионеры засудили Геннадия Зюганова Лидер КПРФ приговорен к публично-му извинению» – так проинформировал читателей «Ъ» от 20.09.03 в рубрике «ЧЕСТНЫЕ ВЫБОРЫ» о конфликте между лидером Российской партии пенсионеров Сергеем Атрошенко и вождем КПРФ Г.Зюгановым, который, выступая в Челябинске на 3-м съезде патриотов Урала, сказал, что РПП – это «карманная партия кремлевских серых кардиналов, которые дрессировали ее руководителей в США и выдрессировали»; и это заявление процитировали почти все областные СМИ. Лидер РПП С. Атрошенко подал иск о защите чести и достоинства. Суд, как того желал Атрошенко, постановил: Г. Зюганов должен публично извиниться перед РПП и возместить истцу судебные расходы в размере 1 тыс. руб. Корреспонденту «Ъ» председатель исполкома РПП Владимир Пономарев сказал: «Теперь в течение месяца господину Зюганову придется сообразить в Челябинске пресс-конференцию за свой счет и признаться, что был неправ. А точнее, что врал и клеветал на нас. Ведь понятно – делал он это потому, что считает нас своими конкурентами».

В политическом дискурсе случаются и универсальные речевые конфликты, встречающиеся в любой сфере социальной коммуника-

ции, – таковы диффамация (унижение чести, достоинства и деловой репутации), оскорбление или клевета, и модифицированные, и специфические, характерные для коммуникации политической.

(4) «ВО ВСЕМ ВИНОВАТ СОРОС», «НГ», 15.01.09. На встрече с журналистами популярной газеты «Владивосток» мэр города И. Пушкарев высказал мнение, что «акции были организованы приезжими людьми, а организаторы финансировались из Фонда Сороса». В их числе была названа Анастасия Загоруйко, лидер одной из организаций автолюбителей Приморья и член совета при уполномоченном по правам человека в Приморье: ««Сейчас организаторов митингов разыскивают компетентные органы», – подчеркнул градоначальник». «Слова о розыске меня компетентными органами являются клеветой. Подтверждение тому – присутствие в моем свадебном кортеже 10 января 2009 года представителей милиции и других структур» – так А. Загоруйко прокомментировала высказывание мэра и предложила ему принести ей через СМИ извинения, иначе она подаст иск о защите чести и достоинства.

Модифицированными можно считать такие речевые преступления в политической коммуникации, где акцентируется властный статус истца и/или ответчика. Это оскорбление представителя власти при исполнении служебных обязанностей (ст. 319 УК РФ). Специфическими речевыми преступлениями в политическом дискурсе можно, видимо, считать те, которые связаны с электоральными процессами или массовой политической активностью, в том числе оппозиционной. Первое – это незаконная агитация (согласно избирательному законодательству), второе – «словесный экстремизм» (ст. 280 и 282 УК РФ).

«Оскорбление представителя власти» – это, в сущности, правовой реликт, оставшийся в некоторых европейских странах со Средневековья. Царствующая особа воспринималась как сакральный символ государства; ее утверждение на троне сопровождалось таинствами, каково, например, в христианской традиции помазание на царство. Всякий выпад в адрес государя считался преступлением и воспринимался, видимо, в одном смысловом поле с кощунством – словесным оскорблением Божества и святотатством, которое в данном контексте можно трактовать как оскорбление Божества действием (такова, например, кража икон).

И «оскорбление величества», и «оскорбление Божества» остаются актуальными и в духовном, и в художественном, и в правовом пространстве современности. Полагаю, что именно таково происхождение «карикатурного скандала» вокруг датской газеты «Юлландс Постен»: карикатуры на пророка Мухаммеда вызвали священный гнев мусульман всего мира, а отказ газеты и художника от извинений, мотивированный принципами свободы слова, – не только

торговый бойкот Дании, но и погромы. В художественной литературе крайним случаем религиозного негодования против текста является, наверное, дело Салмана Рушди: он проговорен к смерти на основании исламского права. Радикальные постмодернистские арт-практики в России также спровоцировали религиозные протесты – многочисленные погромы и иски об оскорблении чувств верующих, с успехом вчиняемые, например, московскому Центру современного искусства, директор которого Ю. Самодуров в конце концов вынужден был уволиться. А вот пример современного дела «об оскорблении величества»:

5) www.gazeta.ru/news/social/2009/01/19/n1319001.shtml (со ссылкой на Reuter agency) АВСТРАЛИЕЦ МОЖЕТ ПОЛУЧИТЬ 15 ЛЕТ ЗА ОСКОРБЛЕНИЕ ПРИНЦА ТАИЛАНДА Австралийский писатель, признанный виновным в оскорблении тайского кронпринца, может получить 15 лет тюрьмы.

Роман «Правдоподобие» написан в 2005 г. и продан тиражом всего в 7 копий. Имя автора в заметке не указано. Непонятно, где он проживает и может ли он реально попасть за решетку. Роман назван в Таиланде «оскорблением аристократических ценностей монархии».

Современные принципы отношения к политическим персонам сформулированы в документах ЕСПЧ (Европейского суда по правам человека). Они отличаются от традиционалистского подхода тем, что обосновывают необходимость повышенного внимания к ним общественности и меньшую их информационную защищенность. Ведь сведения об жизни и деятельности политиков и чиновников реально влияют не только на политический, но и на экономический, и на психологический климат. Симптоматично название брошюры «Втайне от народа» с подзаголовком «Как законы об оскорблениях» ограничивают общественный контроль над деятельностью государственных чиновников ЧТО ПО ЭТОМУ ПОВОДУ МОЖНО ПРЕДПРИНЯТЬ» (2002), подготовленной Всемирным комитетом по защите свободы прессы и выпущенной ФЗГ.

В России с ее монархическими традициями и «административным восторгом» статья 319 УК РФ в последние годы явно активизировалась.

6) В резонансном деле телеканала «ТВ-6 Владимир» представлена специфика современного отечественного правоприменения по речевым преступлениям в массовой коммуникации с использованием лингвистической экспертизы. Инициатором уголовного преследования по «политическим» статьям УК РФ (ст. 319 «оскорбление представителя власти» и ст. 282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства») стал политический деятель М. Бабич, депутат Госдумы от Владимирской области. В качестве *corpus delicti* предстало журналистское произведение – репортаж, темой которого было по-

литическое событие – митинг членов «Единой России» в рамках прошедшей парламентской избирательной кампании, которая перешла в президентскую. Он состоялся во Владимире 30.11.07; тогда же на местном ТВ вышел конфликтный репортаж. Объектом оскорбления, по мнению заявителя, стал президент В.В. Путин. Заявитель счел его оскорбленным формулировками, которые прозвучали в «подводке» (во вступительном слове журналиста С. Горяинова) к телерепортажу: *«В рейтинге самых запоминающихся кадров на этой неделе победил «путинг по-владимирски» – так в народе окрестили митинги в поддержку уходящего в отставку президента. Владимирские любители Путина собрались в среду в областном дворце культуры и бурными и продолжительными овациями поддерживали тезисы о том, что Россия – в кольце врагов, что внутри страны окопались подонки и вообще – кто не с ними, тот против них. Параноидальный страх верных «путинистов» перед любым проявлением инакомыслия – без комментариев».*

Оскорбительными заявителю показались выражения «путинг» и «верные путинисты». Признаки экстремизма и разжигания национальной розни он увидел в минисюжетах, входивших в состав телерепортажа, в которых были запечатлены народные танцы, исполнявшиеся танцевальными коллективами – грузинским, еврейским и чукотским. Эти сюжеты чередовались с другими, где транслировалось выступление депутата А.Исаева. Чтобы иметь основания для возбуждения дела по указанным речевым преступлениям, прокуратура отправила материалы на предварительную лингвистическую экспертизу в Нижегородский лингвистический университет и в ГЛЭДИС. В итоге для окончательной квалификации дела «материалы видеосюжета сначала исследовали УВД Владимирской области, местная лаборатория экспертизы Минюста, нижегородские лингвисты, а затем и Российский федеральный центр экспертизы при Минюсте, – прокомментировал ситуацию журнал «Коммерсантъ-Власть» от 29.09.2008 в заметке под названием *«Путинги признали законными».* – Во всех четырех случаях эксперты не нашли ничего криминального, и дело было прекращено». Согласно данным электронной библиотеки Integrum, слово «путинг» в значении «митинг в поддержку Владимира Путина», появившееся летом 2007 г., т.е. задолго до телеинцидента, «употребили 19 федеральных изданий, 21 региональное, 85 интернет-СМИ и 6 телеканалов и радиостанций. В общей сложности оно прозвучало 321 раз. И если бы термин был запрещен, - предположили журналисты «Ъ», – то против всех этих СМИ тоже пришлось бы заводить уголовные дела». На самом деле слово «путинг» появилось еще раньше, в значении «экономическая политика путинского времени»; его авторство приписы-

вают политологу Станиславу Белковскому. В данном деле проявилась функция лингвистической экспертизы как значимой посредницы в политизированных судебных процессах и роль лингвистов-экспертов как третейских судей, способствовавших вынесению справедливого приговора.

Применительно к электоральным коммуникациям требования и запреты сформулированы в Конституции и в избирательном законодательстве, а также в Законе «О СМИ». Это 1) правила ведения предвыборной агитации и 2) правила журналистского информирования о ходе предвыборной кампании и ее действующих лицах.

С точки зрения политической лингвистики важно, что законодатель требует отграничивать друг от друга в общем пространстве массовой коммуникации три типа дискурса, которые ориентированы на разные познавательные, эмоциональные и поведенческие эффекты, а именно предвыборную агитацию от журналистики и обе их – от рекламы. И визуально – с помощью «рамочки», и словесно – через маркировку «*На правах рекламы*» или «*Оплачено из избирательного фонда кандидата Х*», и жанрово-стилистически – с лозунгами «*Долой!*» или «*Россия для русских!*» и целевая, и массовая аудитория получают предупреждение о серьезности политических и экономических последствий, если люди отреагируют на рекламные или агитационные послания так, как этого хотели бы их инициаторы и авторы. Еще один стимул для различения агитации и информации возник после думской и президентской кампаний 1999/2000 г., когда неконтролируемый поток компромата, расцвет «телекиллерства» дискредитировал не столько кандидатов, сколько саму идею предвыборной борьбы, саму идею выборов. В 2002 г. был принят Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», где в ст. 2 в число основных понятий было введено понятие агитации, а в ст. 48 подробно раскрыты содержательные и формальные признаки предвыборной агитации и агитации по вопросам референдума. А в 2003 г. были приняты поправки в этот Закон и в Закон «О СМИ», позволявшие Министерству по делам печати, радио и ТВ, Центральной и региональным избирательным комиссиям налагать строгие санкции за «необъективные» журналистские и ненадлежащие агитационные материалы. Журналисты сразу подозревали законодателей и правоприменителей в попытках урезать право информированности для электората, тесно связанную с ним свободу мнений, комментариев для политической журналистики, а также свободу полемики как содержательной конкуренции для политических противников.

Агитационный характер публикации определяется и содержанием (предвыборной

тематикой и проблематикой, сюжетом, где главным персонажем является кандидат в депутаты или в президенты), и манерой, стилем сведений о нем, включая оформление агитационных материалов.

7) «**Новые Известия**», февраль 2007 г. «**ВЫ РУССКУЮ ШКОЛУ ОКОНЧИВАЛИ?**» /в изложении/ 14 февраля ЦИК рассматривала коллективную жалобу на бюллетень, с помощью которого петербуржцы должны были выбирать депутатов городского Законодательного собрания. КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия» указали на то, что фамилия кандидата от территориальной группы напечатана на бюллетене более крупными буквами и находится на правой стороне, отдельно от первой тройки списка. Заявители расценили такой дизайн как скрытую агитацию в пользу «Единой России». ЦИК принял жалобу, и Петербургский избирком скорректировал бюллетень, хотя выигравший для единососсов кандидат так и остался в правой части бюллетеня, привлекая к себе, по мнению партий, дополнительное внимание. Конечно, бюллетень – это избирательный документ, а никак не элемент агитации, но считается, что его оформление может повлиять на окончательное решение избирателя, поэтому его форма и регулируется, и оспаривается.

Появление агитационных материалов в медиaprостранстве или на наружных носителях ограничивается определенными сроками, а также пропорциональным количеством их от каждой партии в полномочных СМИ (например, на федеральных телеканалах и в государственных печатных изданиях).

8) 14.03.08 в газете «**Ъ**» на полосе «ПОЛИТИКА» в рубрике «Контекст» опубликована заметка **РЕДАКТОРА КАЛИНИНГРАДСКОЙ ГАЗЕТЫ ОБВИНИЛИ В НЕЗАКОННОЙ АГИТАЦИИ В ПОЛЬЗУ ДМИТРИЯ МЕДВЕДЕВА**. Как сообщила пресс-служба региональной прокуратуры, 1 марта 2008 г., в запрещенный для агитации день накануне президентских выборов, газета «Наша жизнь» опубликовала материал о Дмитрии Медведеве, поэтому прокуратура возбудила дело по ст. 5.10 КоАП РФ. Данный текст был признан агитационным не по лингвистическим или лингвосемиотическим показателям, а по чисто формальным: он вышел в день, когда запрещено размещение материалов о кандидатах в президенты или в депутаты. В таких случаях лингвистическая экспертиза не надобна – достаточно факта публикации.

А журналистам во избежание участия в предвыборной кампании, вольного или невольного, запрещена ангажированность, создание и распространение материалов не только агитационного, но и комментирующего характера. Журналисты ведь выполняют общественно важную функцию информирования всего общества и не имеют права оказаться на чьей-то стороне, повлиять на электорат – это прерога-

тива самих политиков и их команд, в том числе нанятых политехнологов.

Поэтому возникла необходимость различать несколько значимых в правовом отношении типов информации: информационные материалы, исходящие из избиркомов, агитацию и информацию из предвыборных штабов, журналистскую информацию=новостные материалы в разных жанрах, а также аналитику: комментарии, отчеты и проч.; а критерии различения были прописаны невнятно. Чтобы объяснить новые правила журналистской деятельности на период выборов и фактически указать «границы безопасности», ЦИК выпустил летом 2003 г. комментарий «Средства массовой информации и выборы: вопросы и ответы». В свою очередь осенью 2003 г. Фонд защиты гласности подготовил силами правоведов, правозащитников, журналистов и лингвистов-экспертов брошюру – комментарии к этому комментарию [Обреченные на неминуемость? 2003]. В специальном разделе «В помощь редакторам: лингвисты-эксперты о предвыборной информации и агитации» мною были предложены приемы анализа и основные показатели, позволяющие различать вышеуказанные направления политической коммуникации и журналистики [Кара-Мурза 2003].

В случае информационного спора в области предвыборной агитации обращение к лингвистам стороны правоприменительной (в данном случае это избирком) или судебной либо участников конфликта (политических конкурентов) преследует идентификационную цель: экспертиза должна определить, к какому дискурсу и жанру относится конфликтотенный текст, с тем чтобы суд определил уместность, законосообразность появления текста в данное время и в данном месте. Здесь обнаруживается один из основных импульсов, идущий от лингвоправового подхода, воплощенного в лингвистической экспертизе информационных конфликтов, к политической лингвистике. Ее задачей, на наш взгляд, может стать максимально полное описание такой коммуникативно-стратегической разновидности политического дискурса, как агитация, с ее жанрами и формами: лозунгами, листовками, транспарантами, речевками, коммуникативными событиями: митингами, конференциями, пикетами и проч.; а также по возможности более четкое отграничение ее от жанрово-коммуникативных разновидностей журналистики.

(9) Но, может быть, со стороны лингвистов это уже запоздалая инициатива: 14.01.09 в Центризбиркоме прошло новогоднее чаепитие, на котором «глава ведомства неожиданно высказался в пользу отмены в предвыборный период законодательного разделения информирования и агитации», – сообщила «Независимая газета» на следующий день в заметке под заголовком **«СЛОВО – НЕ ВОРОБЕЙ Владимир Чуров немало погорячился»**. В «Ъ» эта новость прошла под заголовком **«ВЛАДИМИР ЧУРОВ ХОЧЕТ ПРИРАВНЯТЬ АГИТАЦИЮ К ИНФОРМА-**

ЦИИ Оппозиционеры уверены, что в пользу партии власти», с уточнением, что, по словам В. Чурова, это его личное мнение». Опрошенные «Ъ» члены ЦИКа и депутаты Госдумы эту идею не прокомментировали.

И, наконец, самое обсуждаемое и самое спорное из речевых преступлений – словесный экстремизм.

10) ПРИЗНАК ЭКСТРЕМИЗМА ЗАБРЕЛ В «ИЗВЕСТИЯ»? В редакцию пришло официальное предупреждение из Росохранкультуры о недопустимости публикации «информации, содержащей признаки экстремизма». Речь идет о репортаже нашего спецкора Дмитрия Соколова-Митрича «Чингисхан, открой личико», опубликованном в номере от 18 мая 2007 года. (...) Редакция не согласна с выводами неназванных «специалистов-лингвистов» и готова аргументированно защищать свою позицию. (...) Например, эксперты сочли экстремизмом упоминание того факта, что получить бесплатное высшее образование детям русских жителей республики практически невозможно. Или что только в последнее время в городе появились ночные клубы, где русским реально пройти фейс-контроль. При этом чиновники не задались главным вопросом – а соответствуют ли все эти факты действительности? И если соответствуют, то разве можно ли называть журналиста экстремистом лишь за то, что он предал их огласке? (Изв., 29.08.07)

Он локализуется в двух статьях УК РФ, 280-й и 282-й, где зафиксирована важнейшая законодательная установка – противодействие экстремизму. В первой из них идет речь об экстремизме, который можно условно назвать политическим: это публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, в том числе с использованием СМИ.

Во второй же статье сделан акцент на том, что характеризуется как национализм, фашизм или как этноэкстремизм (это понятие употребляет, напр., правозащитник Александр Брод): это возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично или с использованием СМИ, с применением насилия и с угрозой его применения, с использованием служебного положения; совершенные организованной группой [Засурский, Кара-Мурза 2008: 312-334].

Сила экстремистского слова действительно убийственна: выступления и публикации провоцируют межнациональные беспорядки, погромы, гибель людей.

(11) «Новые известия», 07.09.06. Газета информирует, что на сайте ДПНИ всем желающим предлагается распечатать и распространить листовку, из которой следует или в которой написано – журналисты не сформулирова-

ли точно, что преступность среди иммигрантов за 15 лет выросла в 150 раз, что они завозят в Россию 90% героина, вывозят из нашей страны миллиарды долларов, оставляют москвичей без мест в детский садах, очень скоро русский народ может повторить судьбу косовских сербов. (...) По словам руководителя правозащитной организации «Гражданское содействие» Светланы Ганнушкиной, активисты ДПНИ убеждают население, что Россия принадлежит только русским. «Естественный вывод из того, что они говорят, – насилие, и находятся люди, которые этот следующий шаг делают», – отметила она.

С точки зрения политической лингвистики и лингвистической конфликтологии вербальная составляющая экстремизма может быть рассмотрена с двух точек зрения – как воплощение добросовестного, хотя и трагического, заблуждения носителей данной политической картины мира и как манипулятивный риторический прием, средство манипуляции восприятием и поведением политических акторов и представителей судебной власти. Правовой фундамент политики – это одна из ее базовых ценностей и один из основных аргументов, используемых политиками в их противоборстве. Они регулярно используют взаимные обвинения в пренебрежении конституционными нормами, в разных политических преступлениях в качестве доводов для электората и для массовой аудитории и как доносы по «начальству». Лингвистическая экспертиза конфликтогенных текстов помогает осознать эту специфическую манипуляцию как одну из характерных стратегий современного отечественного политического дискурса.

(12) 09.08.06 «Ъ» опубликовал заметку с надзаголовком **БОРЬБА С ВЕРТИКАЛЬЮ** и под заголовком **«ВАЛЕРИЯ ШАНЦЕВА ЗАПИСАЛИ В ЭКСТРЕМИСТЫ нижегородские правозащитники»**. Газета цитирует губернатора: «вслед за отменой глав регионов следует отказаться от выборов глав местных администраций». Правозащитники утверждали: «Обращение губернатора содержит угрозу правам жителей области на самоуправление», а в заявлении в прокуратуру написали, что выступление Валерия Шанцева «угрожает конституционному строю и потому является экстремистским». В случае повторного призыва В.Шанцева к отмене выборов глав местного самоуправления они собрались обратиться в суд. Ни прокурорские работники, ни пресс-служба В. Шанцева эти заявления не прокомментировали.

Лингвистическая экспертиза имеет не только прикладное правовое, не только научное, но и (не побоюсь показаться пафосной) гражданское значение, поскольку объективное исследование не просто обеспечивает справедливое решение, но и препятствует неправоначальному и не позволяет обвинить, засудить невиновного в случае пристрастного судебного процесса, что,

к сожалению, встречается, и особенно часто – в процессах о речевых преступлениях в политическом дискурсе.

(13) **«Филологи защитили журналиста от обвинений в экстремизме»** – под таким заголовком «Новая газета» поместила в № 89 от 01.12.2008 информацию о ходе расследования по делу известного журналиста, члена партии «Яблоко» Андрея Пионтковского. Весной 2007 г. прокуратура Краснодарского края получила из краевого управления ФСБ книгу А. Пионтковского «Нелюбимая страна», которую распространяло местное отделение «Яблока». Местный эксперт, кандидат филологических наук Сергей Федяев дал заключение о наличии в тексте «грамматических, лексических, семантических и синтаксических средств для призывов к международной и социальной вражде и насилию». Как пишут журналисты, примеров из книги данная экспертиза не содержала. Генпрокуратура потребовала признать книгу экстремистской и запретить ее распространение на основании еще одной экспертизы, выполненной зав. кафедрой социальной психологии МГОУ Т. Шульгой, которая обнаружила в книге «высказывания, содержащие пропаганду неполноценности граждан разных национальностей или социальной группы по сравнению с другой нацией или группой, высказывания уничижительного характера по отношению к лицам еврейской, русской, американской и других национальностей»; как написали журналисты, «тоже без привязки к книге». Адвокаты Пионтковского просили привлечь экспертов с кафедры литературной критики факультета журналистики МГУ, но Басманный суд назначил собственное исследование в Российском федеральном центре судебных экспертиз Министерства юстиции РФ. Эксперты к.ф.н. А.А. Смирнов (РФЦСЭ МЮ), д.ф.н. О.В. Кукушкина (филологический ф-т МГУ) и к.ф.н. Сафонова (ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН, ГЛЭДИС) констатировали, что в книге нет экстремистских высказываний. Журналисты цитируют мнение автора книги, журналиста А. Пионтковского: «Такое заключение экспертов – победа свободы слова в нашей стране».

АЛГОРИТМЫ ЭКСПЕРТНОГО АНАЛИЗА РЕЧЕВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ. Итак, речевые преступления обнаруживаются как борьба интерпретаций, отягощенная конфликтом интересов. Само расследование речевого преступления может быть рассмотрено как специфическое коммуникативное событие, развивающееся по специфическому сценарию, и с участниками, исполняющими специфические роли (это истец, ответчик, судебная или надзорная сторона и эксперты) и преследующими собственные цели. Ущемленная сторона оценивает спорный текст как деликт и подает иск, на основании которого специалисты-правоведы ищут объективные признаки преступления, а сторона ответчика настаивает на законосообразности текста, – это уже три точки зрения. В спорных

случаях требуется и четвертая – истолкование со стороны лингвистов: посредством специальных методик они определяют текстовые параметры, коррелирующие с признаками разных речевых преступлений.

Однако далеко не каждый контекст, который вызвал у истца гнев или обиду и привел его с заявлением в суд, может быть вменен как речевое преступление. Для каждого из них, как уже говорилось, существуют достаточно определенные лингвоправовые показатели, сформулированные или в самой статье закона, или в комментариях юристов. Чтобы стать объектом судебного рассмотрения в диффамационном процессе, а потом быть признанным в качестве деликта, инкриминируемый текст должен отвечать ряду содержательных и формальных требований.

Каждое речевое преступление (как и преступления других типов), с одной стороны, имеет правовое содержание, состав признаков, сформулированный в самом законе или в комментариях, а с другой – лингвистические показатели, явленные в конфликтогенном тексте и нуждающиеся в лингвоэкспертном истолковании. Они и являются предметом лингвистической экспертизы. Типизация и конкретизация этих лингвистических показателей является одной из основных задач теории лингвистической экспертизы, другой задачей – формулировка типичных вопросов к экспертам по каждому из речевых преступлений, а третьей – разработка приемов анализа, где взаимодействуют лингвоправовые характеристики речевых деликтов и собственно лингвистические характеристики текстов. В сибирской школе лингвистической экспертизы эти разработки обозначаются как лингвистическая экспертология [Юрислингвистика-VIII: 2007]. Подобно тому как сама лингвистическая экспертиза занимает промежуточное положение между языковедческим изучением коммуникативного конфликта, с одной стороны, и судебным расследованием дела по определенной статье ГК или УК РФ – с другой, так же и терминология, характеризующая лингвистические показатели речевых преступлений, надстраивается над понятиями, которые описывают собственно языковые \ текстовые единицы, механизмы и закономерности речевого взаимодействия в журналистике и в коммерческой рекламе, в политической коммуникации, в том числе конфликтного, дополняет их. При этом она рекрутируется из разных языковедческих областей, из общепотребительной лексики (ИНФОРМАЦИЯ НЕГАТИВНАЯ, ПОЗИТИВНАЯ, ФАКТОЛОГИЧЕСКАЯ; ИСТИННОСТЬ, ФАКТЫ, МНЕНИЯ, ОЦЕНКИ, ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ, СЛУХИ). Многие лингвоправовые характеристики также представляют собой юридизировавшиеся слова «наивного речевого» (КЛЕВЕТА, ОСКОРБЛЕНИЕ, УТВЕРЖДЕНИЯ, ПОРОЧАЩИЕ СВЕДЕНИЯ, УНИЖЕНИЕ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА).

Как платное исследование, проводимое по официальному заказу, экспертиза выполняется на определенных условиях и сопровождается определенными требованиями. Выполненная по определению суда под названием ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТОВ, она является источником доказательств, обязательным для рассмотрения. В этом случае эксперты несут уголовную ответственность за дачу ложных показаний, что отмечается особым пунктом во вступительной части текста экспертизы. Если же ее заказывает одна из сторон конфликта: истец или ответчик, то итоговый текст получает название ЗАКЛЮЧЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТОВ. Здесь лингвисты выступают в менее обязывающей роли: им не грозит уголовная ответственность, зато и суд при вынесении решения не обязан принимать такую экспертизу в качестве аргумента. Отвод экспертизы может быть спровоцирован и ненадлежащим – по мнению судьи – ее исполнителем. Так, экспертиза, сделанная мной по заказу общественного представителя ответчика в деле об оскорблении (сын – независимый политик представлял пожилую мать в бытовом конфликте, возникшем как результат административного дела о незаконной агитации [Кара-Мурза 2007б]), была отвергнута на том основании, что она выполнялась не в официальном экспертном учреждении в рамках МВД или Минюста, а на «общественной площадке» – на факультете журналистики МГУ. Хотя заказ экспертиз в вузах или в академических институтах – это обычная практика российских судов.

Еще одна причина для отвода – и вполне резонная – это превышение лингвистами-экспертами своих полномочий и «вторжение» на правовую территорию. Этот недостаток лингвистической экспертизы конфликтогенных текстов объясняется, как правило, добросовестным незнанием эксперта (особенно начинающего) требования, которое предъявляется вообще во всем типам экспертиз: анализ обстоятельств, причин, орудий, способов совершения правонарушений проходит в терминах экспертной специальности (хоть баллистики, хоть лингвистики), но не может выходить за ее пределы в сферу правовой квалификации преступного деяния. В лингвистической экспертизе конфликтогенных текстов это требование ослабляется ее относительной «молодостью», недосформированностью ее методического аппарата: не до конца проведено разграничение понятий лингвоправовых, которые присутствуют в статьях законов, фиксирующих речевые преступления, фактически на правах терминов «наивной лингвистики», и понятий собственно лингвистических, которые истолковывают инкриминируемый контекст, *corpus delicti*, как вербализацию коммуникативного конфликта или информационного спора. Даже в судебных определениях – текстах, рождающихся в правовой среде, вопросы до сих пор формулируются

так: «Является ли информация «жжж» порочащей истца Х?», «Унижает ли честь и достоинство истца ХХ фраза «щщщ»?» Согласно мнению, распространенному в лингвоэкспертном сообществе России, это нарушение пределов лингвистической компетенции, которое делегитимизирует экспертизу. Но это вопрос дискуссионный: подобные формулировки предлагаются в базовом учебнике по судебной экспертизе [Россинская 2008: 387-392].

Лингвистическая экспертиза воплощается в тексте, главная часть которого строится как ответы на запрос суда или стороны информационного спора (истца, ответчика, адвоката или представителя одной из сторон), содержащий вопросы по инкриминируемым фразам конфликтогенного текста или по тексту в целом. Этот текст в целом имеет стандартное оформление и композицию.

Экспертиза выполняется на бланке учреждения, куда послан запрос. Ее вступительная часть содержит стандартизованные сведения об экспертах (степень и звание, специальность, стаж экспертной работы), указывает на основания производства экспертизы (по определению суда или по запросу стороны) и на обстоятельства дела, демонстрирует научно-методические основы анализа и библиографию.

Следующая часть лингвистической экспертизы – теоретическая: в ней суду предъявляются алгоритмы анализа и термины лингвистической экспертизы данного типа речевых преступлений и характеризуется в речедеятельностном контексте и с жанрово-дискурсивной точки зрения текст, содержащий инкриминируемые высказывания. По большому счету, ее содержание – это ликбез по теории речевого общения для судебных работников, которым придется иметь дело с наиболее сложными, конфликтными, манипулятивными его проявлениями, особенно в массовой коммуникации, в том числе в политическом дискурсе.

Исследовательская часть лингвистической экспертизы выполняется как ответы на вопросы суда или стороны конфликта с подробным анализом инкриминируемых фраз в соответствии с инструментарием лингвистической экспертизы по данному речевому деликту. И, наконец, заключение оформляется как резюме вопросо-ответной части экспертизы, коротко и внятно: именно ее формулировки используют судьи, когда переводят наблюдения лингвистов-экспертов над лингвистическими признаками речевого преступления в правовую плоскость и делают вывод о наличии или отсутствии состава преступления, а следовательно, о виновности или невиновности ответчика.

А теперь продемонстрируем основные лингвоэкспертные подходы к основным речевым преступлениям российского законодательства.

ДИФФАМАЦИЯ. В отечественном законодательстве, в отличие от западного, этого термина нет, но он широко употребляется в право-

вом обиходе. В узком смысле слова он обозначает гражданское правонарушение, которое выражается в распространении, в том числе в массовой коммуникации, порочащих сведений о физическом или юридическом лице – главном или второстепенном персонаже текста; в широком он синонимичен дискредитации. В свою очередь понятие «дискредитация» можно характеризовать как лингвоправовое: оно активно используется в практике возбуждения и разрешения речевых правонарушений: это агональная коммуникативная стратегия, предназначенная для победы над противником в коммуникативном конфликте и пользующаяся этически недопустимыми средствами [Иссерс 1999: 160-176; Кара-Мурза 2009: в печати].

Как многие понятия речедеятельностной сферы, слово «диффамация» обозначает перлокутивный эффект, причем принципиально важно различать неблагоприятные интеллектуально-эмоциональные последствия у двух разных адресатов. Во-первых, это юридизированные психологические состояния – унижение чести, достоинства и деловой репутации и моральный вред у персонифицированного адресата – отрицательного персонажа текста. Он, ознакомившись с текстом, обычно становится инициатором дела, истцом (инициировать дело могут и другие субъекты, не всегда при этом правомочно). Во-вторых, это дискредитация персонажа – деятеля или организации – в глазах аудитории, массовой или целевой (в политике это электорат), наносящая репутационный ущерб, ухудшающая имидж: это, например, отказ избирателей, среди которых целенаправленно распространялись порочащие сведения о кандидатах, голосовать за дискредитированного политика на выборах. Стандартное наказание для ответчика – опровержение порочащих сведений в том же издании, чтобы противодействовать дискредитирующему эффекту в массовой и целевой аудитории, и штраф в пользу истца (в том числе организации) для компенсации морального вреда и репутационного ущерба.

Основной содержательный признак диффамации – порочащие сведения. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.05 сказано, что порочащими считаются сведения о нарушениях гражданином или юридическим лицом законов, правил делового оборота, этических норм, общепринятых обычаев бытового поведения, если они не соответствуют действительности. От порочащих сведений принято отличать, во-первых, негативную информацию об истце, не содержащую вышеуказанных сведений, а во-вторых, позорящие сведения [Взгляд 2003: 5-18]. Например, факт неудачи на выборах негативно воспринимается политиком и его близкими и злорадно – его врагами, но информация об этом не будет сочтена порочащей, а иск, где истец пытается инкриминировать такую информацию, должен быть от-

клонен: ведь, проиграв выборы, политик не нарушил никаких законов и моральных норм.

Когда для распространителя сведений о проступках и правонарушениях гражданина или организации они заведомо ложные, то это расценивается как другой состав преступления, уголовного – клеветы; когда же распространитель добросовестно заблуждался относительно их правдивости или не задумывался над этим (например, в случаях распространения таких сведений в журналистских публикациях без должной проверки), то это состав диффамации. Если же сведения о таких правонарушениях и проступках истинны, то они называются порочащими; их распространение журналистами не должно влечь за собой наказания, даже если это сведения о высокопоставленном человеке или влиятельной организации. Наоборот, по отношению к таким общественным фигурам позиция отечественного правосудия, основывающаяся на принципах Европейского суда по правам человека, заключается в том, что информация о них должна быть как можно более полной, в том числе об их частных делах, если они влияют на общественные интересы [Монахов 2002: 376]. В то же время должны соблюдаться права на защиту чести, достоинства, деловой репутации и доброго имени граждан, включая высокопоставленных персон.

Необходимость соблюдать пропорцию между этими социально-правовыми императивами привела зарубежных правоведов, к позиции которых присоединились и отечественные, к различению в конфликтогенных текстах двух форм, приемов подачи информации. Это СВЕДЕНИЯ, или ФАКТЫ, фактологическая информация, которая верифицируема и, оказавшись недостоверной, расценивается как деликт – диффамация. И МНЕНИЯ – неverified информация, отображающая не события, процессы, ситуации, не поступки и действия граждан, а их оценку, субъективный образ ситуации, картину мира в сознании автора, фрагмент которой отображается в тексте: «В Резолюции ПАСЕ 1003 (1993) о журналистской этике утверждается: «Новости – это информация о фактах и событиях, в то время как мнения – это мысли, идеи, представления или ценностные суждения»» [Федотов 2002: 251].

В России свобода выражения **мнения** – это конституционная норма (ст. 29 Конституции РФ), опирающаяся на Декларацию прав человека. Существует и профессиональная норма, зафиксированная в Законе о СМИ (ст. 47 и 49) и в ряде корпоративных журналистских кодексов, – обязанность журналиста проверять истинность, правдивость информации. Если журналист имеет общественно значимую негативную информацию относительно какого-то публичного лица, то, руководясь нормой об обязанности журналиста информировать публику о подобных ситуациях, он должен преподнести эту информацию как факт, вместе с доказа-

тельствами. Или же, пользуясь правом высказывать мнение по важной проблеме, он должен оформить эту информацию именно как мнение, для чего в русском языке существует большое количество конструкций.

Различение фактов и мнений на основании их лингвистических примет – это и есть основная задача лингвистической экспертизы в диффамационных делах, и нельзя сказать, чтобы это была легкая задача. Два эти лингвистически релевантных способа передачи информации – знания и мнения – изучаются со второй половины 1980-х в работах М.В. Дмитриховской, Анны А. Зализняк и других участников рабочей группы «Логический анализ языка» Института языкознания РАН под руководством Н.Д. Арутюновой [напр., Зализняк 2006: 478-496]. В этих исследованиях было показано, что в коммуникативной деятельности, реализующейся в текстах, сложились правила оформления и восприятия информации, которая автору текста известна как истинная или которую он хочет преподать как истинную (тогда она оформляется как ЗНАНИЕ) или как предположительная, вероятностная (оформляемая как МНЕНИЕ). Воспринимая текст с теми или иными эпистемическими (познавательными) показателями, читатель подсознательно ощущает, истинная это информация или вероятностная (знание или мнение), и соответственно формирует отношение к событиям и участникам, описанным в нем, выстраивает линию поведения.

В контекстах мнения информация подается автором как субъективное убеждение, которое не обладает параметром истинности. О мнении нельзя сказать, что оно истинное или ложное, – оно характеризуется как убедительное или нет, доказанное или недоказанное. Но главное – оно не подпадает ни под одну из статей о защите чести, достоинства и деловой репутации от распространения порочащей информации: ни под уголовную статью о клевете, ни под гражданскую статью о диффамации. Для контекстов мнения существует целый комплекс показателей, прежде всего традиционно выявляемые вводно-модальные слова и конструкции со значениями вероятности, а также сложноподчиненные изъяснительные предложения, главная часть которых представляет собой эксплицитный эпистемический модус и содержит глаголы пропозитивной установки (*думать, полагать* и проч.).

При этом особый истинностный статус у оценочных суждений: в лингвистической экспертизе ОЦЕНКА традиционно проходит как МНЕНИЕ, т.е. как неverified и неинкриминируемое высказывание. Но в [Вольф 1985] убедительно показано, что оценочная семантика «двусоставна»; и если не верифицируется аксиологическая составляющая, то дескриптивная – вполне поддается проверке. Эту мысль можно продемонстрировать на примере инвективных слов типа «бандит».

Ключевое понятие лингвистической экспертизы «факт» подробно анализировалось в книге «Понятие чести и достоинства...» [1996/2004: 45-64] с опорой на логико-синтаксическую концепцию [Арутюнова 1988] и работу [Степанов 1995]; оно стало одним из центральных в университетском курсе «Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования» [Демьянков 2004: 68-83; Войниканис 2004: 207-219]. Однако соотношение факта и мнения остается проблемой, актуальной в теоретическом и сложной в практическом отношении [Бринев 2008].

Фактологический характер высказывания обнаруживается как особые свойства его пропозитивной семантики. Фактологичны конкретнореферентные предложения с акциональными, статальными, количественными, некоторыми релятивными предикатами. Мнения как не верифицируемые высказывания будут формироваться с «обобщенной» референцией (все чиновники берут взятки) и иными типами предикатов. Помимо оценочных, это предикаты эмоционального состояния, умственной или перцептивной деятельности; они изображают внутренний мир персонажа в традициях беллетристики, а не журналистики. В контекстах знания=факта специальные лексические показатели не обязательны: вербализация автором своего знания (ср. у Маяковского: «Я знаю – город будет, я знаю – саду цветет...») нужна только в риторических или эстетических целях, для особой убедительности.

Информация, поданная в форме знания, может быть подвергнута сомнению, охарактеризована как клеветническая или порочащая и подлежит проверке на истинность, верификации. Обязанность представить доказательства истинности негативной информации, распространенной в СМИ, лежит на журналисте (ст. 51 Закона «О СМИ»). А то, что информация клеветническая (умышленно лживая), должен доказывать суд. Задача же лингвистов – 1) указать суду на фрагменты текста, которые оформлены как знание=факт, могут быть доказательствами по соответствующим делам и потому подлежат верификации и 2) те, которые оформлены как мнение и потому верификации не поддаются, а следовательно, не могут быть вменены как состав клеветы и диффамации.

С лингвоправовой точки зрения, порочащие сведения, во-первых, – это информация именно о правонарушениях или проступках истца, а не любая негативная фактологическая информация о нем. Во-вторых, она касается непосредственно истца, а не, например, организации или группы, к которой он принадлежит. В-третьих, она должна быть выражена в форме утверждения. Этот логико-лингвистический термин в силу многозначности доставил много забот как юристам, так и филологам – в силу несовпадения значений, релевантных для каждой из этих профессиональных групп. В лингвоэкспертных

целях и в контексте теории речевых актов, где присутствуют близкие этому понятию РА констатив (по Остину) и репрезентатив (по Серлю), утверждение специально рассмотрел проф. А.Н. Баранов [Баранов 2007: 22-55]. Он так определил эту категорию: «вербально передаваемая кому-л. информация о том, что из нескольких возможностей имеет место некоторая одна, причем говорящий в той или иной степени берет на себя ответственность за сообщаемое, а сама информация передается в грамматической форме повествовательного предложения, допускающего истинностную оценку (верификацию), которое реализуется в различных синтаксических позициях (и в функции простого предложения, и в составе сложного) со сказуемым в индикативе и не соотносится в явной форме с субъективными представлениями говорящего о действительности» [Баранов 2007: 32]. Но ученый дополнил инструментарий понятием «скрытого утверждения» и тем самым не учел, как мне представляется, четвертый и очень важный отличительный момент понятия «порочащие сведения». Это пункт – обязательная эксплицитность информации, рассматриваемой при обвинении в диффамации; в делах о словесном экстремизме, в связи с социальной опасностью перлокутивных эффектов экстремистских текстов, установка иная.

С точки зрения эксплицитности учитываются оба основных компонента семантики высказывания – пропозитивный и иллокутивный. Верификация подлечит только явная пропозитивная информация, а не инференции, не выводы обиженного истца и не намеки как особая когнитивно-риторическая стратегия (намеки как объект лингвоэкспертного анализа подробно рассмотрены в [Баранов 2007:205-222]). Что касается формы утверждения, то, вероятно, в рамках лингвистической экспертизы ее стоит понимать как локализацию инкриминируемого слова / выражения в сказуемом, выполнение этим словом предикативной функции. Другими словами, это явная словесная форма, в сопоставлении со скрытой словесной формой – локализацией информации в группе подлежащего или во второстепенных членах предложения. По правилу, информация в неутверждаемой форме не верифицируема, а значит, и не инкриминируема. Что касается иллокутивной семантики, то здесь прежде всего противопоставляются утверждения и вопросы; остается спорным статус риторических вопросов как скрытых утверждений.

Итак, рассмотрению в диффамационном процессе подлежат фразы с прямой иллокуцией утверждения, когда инкриминируемое выражение находится в предикативном центре как в информационном фокусе предложения. Согласно распространенному лингвоэкспертному мнению, не подлежат рассмотрению образно-метафорические и стилистически окрашенные номинации как проявления мнения,

субъективного восприятия автора, потому что они не верифицируемы [Цена слова 2003]. Отдельного рассмотрения и по другой статье – об оскорблении – заслуживает особая стилистическая краска, которая в законе характеризуется как неприличная, циничная форма выражения обобщенной оценки личности и которая соотносится с инвективной лексикой (см. дальше).

Попробуем применить понятия и процедуры лингвистической экспертизы конфликтогенных текстов диффамационного направления к анализу высказывания политического деятеля в резонансной общественной ситуации, по которому иск был вчинен, но не выигран.

(14) Конфликтная ситуация возникла летом 2006 г. в точке пересечения жилищной и строительной политики московского правительства. Власти Южного округа выселяли жителей из подмосковного поселка Южное Бутово, на месте которого должны были строиться новые жилые кварталы, в том числе муниципальное жилье. Несколько семей не были удовлетворены предложенными квартирами, семью Прокофьевых приехали выселять с приставами и бульдозерами, а жители устроили пикеты в их защиту, поддержанные юристами и политиками, в том числе из Общественной палаты, из оппозиционных партий. Противостояние освещалось на городском и федеральном уровне, в газетах, в сетевых ресурсах и по ТВ. На одной из пресс-конференций мэр города Юрий Лужков, по сообщению РИА Новости от 24.06.06, *обвинил в жлобстве тех жителей Южного Бутова, которые не хотят переезжать в предложенные им квартиры*. Цитаты: *«Конфликтная ситуация будет разрешаться, считаю, нормальным хозяйственным способом. С каждой семьей будет вестись внимательная, кропотливая работа «в режиме справедливости»; «жлобства не допустим, так как оно касается других жителей города, которые стоят в очереди на получение жилья»*. Слова о жлобстве мэр подчеркнул несколько раз. Членов Общественной палаты РФ он обвинил в том, что они возбуждают у общественности *«нездоровые настроения»*. По сообщению от РИА «Новости» от 25.06.06, Ю. Прокофьева была намерена обратиться с иском к мэру о защите чести и достоинства. Она требовала опровергнуть информацию о том, что просила выплатить ей и сыну по 100 тыс. дол.: *«Я ничего не вымогала и не просила»*. Подача иска была назначена на 26.06.06 в Тверской суд – по месту нахождения ответчика. Агентство Лента.ру 25.06.06 сообщило: *Жителей Бутова оскорбило «жлобство» Лужкова, сказал председатель инициативной группы жителей В.Жирнов. «Мы оскорблены, возмущены и будем подавать иск о защите чести и достоинства по заявлению Лужкова – то, что он обвинил нас в жлобстве»*. Совершенно иную трактовку предложила в заголовке газета «ВЕК» 30.06.06: **ЛУЖКОВ СТАЛ ЖЕРТВОЙ**

«ЖЛОБСТВА» И ПИАРА: в Москве циркулировала версия, что эта ситуация муллируется, чтобы Лужкова снять или припугнуть. Ситуация разрешилась проигрышем истицы, что было отмечено «Ъ», 19.12.06 в заметке с заголовком, который сам может служить примером манипулятивного информирования: **ТВЕРСКОЙ СУД ПРИЗНАЛ ЖИТЕЛЕЙ ЮЖНОГО БУТОВА ЖЛОБАМИ**. А сказано в ней было, что 18.12.06 Тверской суд отказался удовлетворить иск жительницы Ю. Бутова Юлии Прокофьевой к мэру Москвы Юрию Лужкову, и показана ретроспектива конфликта.

Имел ли иск Ю. Прокофьевой по диффамационному делу резонанс? Безусловно, имел. В обещаниях мэра разобраться с жилищным конфликтом, осуществить позитивные действия прозвучало и уверение в недопущении действий, состояний с противоположной стороны конфликта, обозначенных как ЖЛОБСТВО. Слово ЖЛОБСТВО обозначает явно порицаемое социальное человеческое свойство и поведение. Кроме того, это слово имеет яркую стилистическую маркированность (именно в таких случаях лингвисты-эксперты обращаются к словарям, см. ниже).

Носители русского языка отчетливо ощущают эту негативную характеристику поведения людей (в данной ситуации – жителей Бутова). Вполне адекватно и бутовские активисты, и журналисты обозначили иллокутивную функцию лужковской фразы как ОБВИНЕНИЕ В ЖЛОБСТВЕ. «Букет» значений предикатного слова ЖЛОБСТВО позволил председателю инициативной группы В. Жирнову сказать (как передал электронный ресурс), что жители *«оскорблены, возмущены»* и на этом основании будут подавать иск о защите чести и достоинства. Иногда такой иск соединяют в одно производство с иском об оскорблении, поскольку, согласно закону, в этих речевых преступлениях одинаковый результат (перлокутивный эффект) – унижение чести и достоинства.

Но имел ли этот иск перспективу, т.е. мог ли он увенчаться выигрышем? На наш экспертный взгляд, нет, не мог. Для юридического функционирования языка принципиально важно не только содержание речевого деликта, но и его типичная форма. А она здесь не инкриминируемая. Во фразе Юрия Лужкова **«НИКАКОГО ЖЛОБСТВА МЫ НЕ ДОПУСТИМ!»**, во-первых, отсутствует указание на истицу и даже на жителей Южного Бутова в целом, хотя они являются важными персонажами контекста этой фразы. Оценочное значение в этой фразе относится к области отрицательных свойств и качеств «нулевого» субъекта, а без указания на истца фраза не инкриминируется. Во-вторых, негативнооценочное слово «ЖЛОБСТВО» не было употреблено в форме утверждения, т.е. в предикатной позиции, соответственно фраза не имела прямой негативнооценочной иллокутивной силы: она выполняла функцию не эвалюа-

тива, а констатива–прогноза с волюнтивным оттенком воспрепятствования. Обвинительная иллокуция здесь вторичная, можно сказать косвенная; абстрактное существительное (деадъектив) – это полупредикат, или предикат, выраженный неизосемично (если описывать синтаксический уровень по «Коммуникативной грамматике» Золотовой, Онипенко, Сидоровой). Проведем лингвистический эксперимент – сформулируем из данного лексического материала с экстралингвистически заданными актантами (участниками конфликта) и с вычисленной иллокуцией ОБВИНЕНИЯ фразу, которая в явном виде – в форме утверждения – воплотила бы обвинение бутовцев и, в частности, истицы Ю. Прокофьевой в жлобстве: «*Бутовцы \ жители Бутова жлобы!*», «*Прокофьевы \ семья Прокофьевых жлобы!*», «*Юлия Прокофьева жлобка*», «*Бутовцы \ Прокофьевы ведут (проявляют...) себя, действуют как жлобы!*», «*Поведение, действия бутовцев \ Прокофьевых – это жлобство!*».

Если бы по определению суда или по заказу истицы было написано заявление о производстве экспертизы, то заказчики должны были бы сформулировать вопросы в соответствии с диффамационным стандартом, включающим часто и вопросы об оскорбительной форме или фразах, а эксперты бы дали на них ответы по алгоритму. Например:

1) Есть ли во фразе «*«жлобства не допустим, так как оно касается других жителей города, которые стоят в очереди на получение жилья»*» информация об истице? Есть ли негативная информация о ней? – В этой фразе отсутствует какая-либо информация об истице \ нет никакой информации об истице.

В принципе, этот ответ «закрывает» возможность диффамационного процесса. Грамотный адвокат должен увидеть невозможность возбуждения дела еще на стадии предварительного рассмотрения инкриминируемого текста, а грамотный судья, если ему принесли иск с таким вопросом и с таким напрашивающимся ответом, должен его отклонить за отсутствием состава преступления. Невозможен был бы иск также от жителей Бутова: они как коллективное лицо не упомянуты ни в этой фразе, ни в тех, которые цитировались в медиа (во всяком случае, в тех материалах, которые мне удалось найти в Интернет). Иногда к лингвистам-экспертам обращаются именно за предварительной экспертизой, которая способна прекратить информационный спор на ранней стадии подачи иска.

2) Есть ли во фразе «...» негативная информация в форме утверждения о каком-нибудь конкретном лице, лицах? – В данной фразе нет негативной информации в форме утверждения о каких-либо конкретных лицах.

3) Какое общее значение имеет фраза «...»? – Общее значение фразы – «негативное» обещание: говорящий (мэр Ю.Лужков) обещает не

допустить негативного состояния, обозначенного как ЖЛОБСТВО и подразумеваемого как следствие негативных действий, поведения неназванных жителей Южного Бутова, мотивируя этой защитой интересов других его жителей.

4) Присутствует ли во фразе «...» слово или выражение в неприличной форме? – Нет, в данной фразе отсутствуют неприличные слова, obscene лексика или грубые инвективы конкретно в адрес истицы или какого-либо другого лица; в ней не выражена обобщенная негативная характеристика какого-либо человека в неприличной форме.

5) Какое словарное (предметное) и стилистическое значение имеет слово ЖЛОБСТВО? – В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой оно показательно отсутствует; его производящее слово ЖЛОБ толкуется как «*прост. презр.* Скряга, скупец» и сопровождается только производным прилагательным (ТСРЯ 1999: 195). В Большом толковом словаре русского языка под ред. С.А. Кузнецова оно толкуется как «*разг.-сниж.* Поведение, манеры, свойственные жлобу / О низком уровне культуры», а ЖЛОБ, соответственно, «*разг.-сниж.* О физически сильном, но грубом, невоспитанном мужчине» (БТС 1999: 305-306). В «Толковом словаре ненормативной лексики русского языка» ЖЛОБ – «*груб.-прост.* 1. Незавитый, тупой человек. 2. Скупой, жадный человек», а ЖЛОБСТВО – «*груб.-прост.* 1. Тупость. 2. Скупость» [Квеселевич 2003: 219-220]. В 1 томе Русского семантического словаря слово ЖЛОБСТВО отсутствует: потому что в нем представлены другие типы слов (указующие и именующие, в числе последних – существительные, обозначающие все живое, землю и космос). Зато ЖЛОБ представлен сразу в двух разделах: 1) где представлены обозначения человека по свойствам натуры, чертам характера, а также по поступкам и поведению, определяемому такими чертами характера. И в блоке «Жадность, скардность, стяжательство, торгашество» обретается это слово, толкуемое через ЖМОТ = «*прост. презр.* 1. Жадный, прижимистый человек» и присутствуют производные жлобка и жлобский. 2) А в разделе, где представлены обозначения человека по физическому, физиологическому, психическому состоянию, свойству, действию, в блоке «по физическому, физиологическому состоянию (по росту, силе, полноте, по чувству сытости или голода, по состоянию трезвости)» ЖЛОБ характеризуется как «*прост. презр.* 2. Большой, здоровый человек (обычно грубый, неумный)» (РСС 1998: 108, 332). Из контекста явствует, что смысл слова ЖЛОБСТВО здесь соответствует первому словарному значению. Оно употребляется с целью выражения резкой негативной оценки свойств и поведения некой совокупности людей, в самой фразе не обозначенной, хотя и известной из контекста, – это жители Южного Бутова, а может быть, и конкретнее – семья Прокофьевых и кого-то еще, если они в контексте

Лужковым упомянуты. Стилистическое значение этого слова указывается в словарях специальными терминологическими словосочетаниями *разг.-сниж.*, т.е. разговорное презрительное, *прост. презр.*, т.е. просторечное презрительное, *груб.-прост.*, т.е. грубо-просторечное. Эти показатели указывают и на сферу происхождения данных слов, и на отношение говорящего к объекту, которое этим словом выражается. Показатель *грубо-просторечное* говорит о том, что, во-первых, слово ненормативное, не входит в литературный язык (в отличие от показателя *разговорное*, которое относит слово к нижнему пласту литературности); во-вторых, что оно оценочное и что оценка, отношение к объекту выражается через это слово способом, который носителям языка представляется чрезмерным, некультурным, умаляющим как того, кто говорит, так и того \то, о ком \о чем говорится. Но все эти показатели обнаруживают также, что слово ЖЛОБСТВО не принадлежит к нижним пластам русского языка – к вульгаризмам и к матерщине: они в словарях обозначаются как *вульг.* (вульгарное – в БТС и ТСНЛРЯ) и как табуированная лексика (в ТСНЛРЯ). Стилистический показатель *презрительное* означает, что слово выражает негативное, презрительное отношение говорящего (в данном случае мэра Москвы Ю.Лужкова) к этому негативному свойству (ЖЛОБСТВУ) как к объекту наименования (в данном случае к свойству не названных в самой фразе жителей Южного Бутова).

б) Имеет ли эта фраза оскорбительное значение? – Нет, эта фраза не имеет оскорбительного значения (точнее, коммуникативного предназначения). Она имеет значение обещания воспрепятствовать некоторому состоянию (Не допустим ЖЛОБСТВА), а кроме того, косвенное значение негативной характеристики, а именно обвинения в ЖЛОБСТВЕ некоторых неназванных людей. Из контекста понятно, что имеются в виду жители Южного Бутова, не принимающие жилищных предложений администрации Южного округа, но конкретно никто не назван и в жлобстве не обвинен. Словарное и стилистическое значение слова ЖЛОБСТВО (см. выше) позволяет экспертам сделать вывод, что оно не относится к неприличным, оскорбительным словам и что фраза, в которой оно употреблено, не может характеризоваться как неприличная.

Выводы по этой фразе в лингвистической экспертизе звучали бы, предположительно, так: «В инкриминируемой фразе отсутствует информация о нарушении конкретно истицей Ю. Прокофьевой законодательных норм, деловой этики, требований морали, правил общечеловеческого поведения. В ней отсутствует аналогичная информация о каком либо конкретном лице или группе людей. В этой фразе отсутствует оскорбительная характеристика какого-либо конкретного лица, в ней нет неприличной, обценной лексики». На основании этого вывода ЛЭКТ судья должен был бы принять решение о том, что поскольку, по дан-

ным лингвистической экспертизы, в инкриминируемой фразе отсутствуют лингвистические показатели порочащей информации, а также оскорбления, постольку фраза не унижает \или не воспринимается как унижающая \ честь и достоинство истицы Ю. Прокофьевой. А следовательно, иск следовало бы отклонить.

Особая лингвоэкспертная проблема – поликодовый характер текстов массовой коммуникации, что требует привлечения приемов истолкования и анализа их визуально-образительных компонентов [Кара-Мурза 2008: 162-174].

15) В 2007 г. члены ГЛЭДИС проф. Ю.А. Бельчиков, доц. Е.С. Кара-Мурза и проф. А.С. Мамонтов произвели по поручению председателя Правления Гильдии проф. М.В. Горбаневского комиссионную лингвистическую экспертизу журналистских статей. Запрос на производство экспертизы поступил из московского Центра экстремальной журналистики. Журналистка Н-ва из газеты «-ские Вести» обвинялась истицей 3-ной в совершении правонарушения – унижения чести, достоинства и деловой репутации истицы, которое, по мнению истицы, было совершено путем публикации в газете «-ские Вести» № 76 от 27.10.2005 г. статьи **«Уголовные дела публичных персон»** и в № 5 от 20.01.2006 г. статьи **«Надежда юношей питает, и не только их...»**. Истица инкриминировала целый ряд фраз, а также помещение в статье под заголовком **«Надежда юношей питает, и не только их...»** фотографии 3-ной Н.В. с надписью **«Кто вы, мадам 3-на?»**

Это была фотография 3х4, как на документах. Истица – неудавшийся мэр районного центра – во время предвыборной кампании опубликовала в местной газете агитационный материал о себе, иллюстрированный такой фотографией. В это же время газета опубликовала разоблачительный материал под названием **«Уголовные дела публичных персон»** о судимостях нескольких претендентов на пост мэра, в котором присутствовал намек на неблагоприятные действия этой претендентки, но сама она не упоминалась. Через некоторое время сомнительной профессиональной деятельности Н. 3-ной, которой занимались местные правоохранительные органы, газета посвятила большую критическую статью **«Надежда юношей питает, и не только их...»**, иллюстрированную той самой фотографией. Экспертиза показала, что в обеих публикациях отсутствовали показатели инкриминированных преступлений. В частности, что иллюстративный комплекс: фотография на документы и подпись к ней, представляющая собой трансформацию прецедентной фразы «Кто вы, доктор Зорге?», не имеет неприличной формы и не несет оскорбительного смысла. Конечно, с помощью этой иллюстрации журналистка намекала, что читатели газеты=жители города не имеют полной информации о Н. 3-ной, но хотели бы знать больше, что Н. 3-на скрывает что-то важное от жителей города, который собиралась воз-

главить. И этот намек (и другие использованные журналисткой риторические приемы, корректные с правовой и деонтологической точки зрения) задел истицу. Но коммуникативная стратегия намека, выраженного образными полисемиотическими средствами, неподсудна. Журналистка была оправдана.

Отметим, что поликодовый характер имеет и агитационная продукция, активно используемая в политической коммуникации, в том числе в ее противоправных, экстремистских проявлениях.

16) (Ъ, 11.07. 07) «Местных» могут лишить регистрации. Акцию «Не дадим рулить мигрантам» проверит Генпрокуратура Председатель Мосгордумы В. Платонов обратился в Генпрокуратуру с просьбой проверить акцию против таксистов-нелегалов на предмет разжигания межнациональной розни (по ст. 282 УК). В ходе акции раздавались листовки, в которых говорилось, что «в сфере частного извоза происходит большое количество преступлений». Иллюстрация – фотография, на которой девушка отчетливой славянской внешности демонстративно отказывается от услуг водителя отчетливой восточной внешности. Как словесный ряд – лозунговый характер названия акции, в котором проявляется интолерантность, так и изобразительные приемы (семиотика человеческой внешности, семиотика социального интолерантного сюжета) помогают правоведам определить истинный характер этой акции.

Проблема именно в том, что, несмотря на наличие субъективного чувства униженности и оскорбленности, суд может возбуждать дело только при наличии объективных лингвистических показателей порочащих сведений. И это правильно, учитывая суровый – уголовный – характер статьи, по которой проходит оскорбление. Если же объективных показателей нет, значит, дело не возбуждается. В сложных случаях экспертиза доказывает суду и истцу со всеми лингвистическими выкладками, что таковых показателей действительно нет.

КЛЕВЕТА связана с диффамацией теснейшим образом: и здесь, и там унижение чести, достоинства и деловой репутации обусловлено распространением порочащих сведений. Клевета отличается от диффамации наличием **УМЫСЛА** – субъективной стороны преступления, юридизированного психологического состояния. Но относительно клеветы к экспертам обращаются редко. Главный квалифицирующий признак – умысел – устанавливается только судом, хотя это состояние адекватно описывается в терминах коммуникативной лингвистики как коммуникативное намерение, интенция, которое в тексте обнаруживается как его жанрово-дискурсивная целеустановка, а на уровне высказывания \ речевого акта, в том числе в диалогическом единстве, – как иллюкутивная функция (сила, значение). А экспертиза может

по данному деликту только указать фактологические верифицируемые контексты, чтобы судьи могли точнее различить, какой именно фрагмент текста может содержать клеветнические **УТВЕРЖДЕНИЯ** и поэтому инкриминироваться, а какой отображает **МНЕНИЕ** и в силу этого **НЕПОДСУДЕН**.

17) «Ъ», 30.05.08 АМАН ТУЛЕЕВ ОТСУДИЛ У ЗЮГАНОВА ЕЩЕ ПОЛМИЛЛИОНА РУБЛЕЙ \в изложении\ Лидер КПРФ Геннадий Зюганов должен выплатить в качестве компенсации морального вреда губернатору Кемеровской области Аману Тулееву 500 тыс. руб. Решение об этом 29.05.08 вынес суд Центрального района города Кемерово по иску губернатора о защите чести, достоинства и деловой репутации. На президентских выборах 2008 в Кемеровской области Зюганов получил 8,45 % голосов (3 место). После выборов лидер КПРФ заявил, что «губернатор Кузбасса якобы созвал «своих янычар» и обещал снять с должностей руководителей тех городов и районов, избиратели которых отдадут за кандидата Зюганова больше 10%». Аман Тулеев счел это клеветой и обратился в суд. Вадим Соловьев, руководитель юридической службы КПРФ, пообещал обжаловать это решение, т.к. сумма взыскания слишком велика. «Мы рассматриваем это как целенаправленную кампанию травли, которая сейчас началась против Зюганова и связана с его выступлением против Путина и оспариванием КПРФ результатов думских выборов». Это было уже второе в 2008 г. проигранное дело Г.Зюганова, инициированное его бывшим соратником по партии. Первый суд Тулеев выиграл 12.02.08: 450 тыс. руб. за заявления главы компартии в эфире «Эха Москвы» и за публикацию «Прагматический расчет» в газете «МК» в Кузбассе».

АиФ, № 49, декабрь 2008 \шапка полосы\ **Власть** \надзаголовок\ **ГЛАВНОЕ**

- За что у Зюганова вычли из зарплаты? Писали, что суд обязал Геннадия Зюганова выплатить кемеровскому губернатору Аману Тулееву за оскорбление миллион рублей. Рассчитался ли лидер КПРФ? Т.Скоркин, Липецк

ОТВЕЧАЕТ сам Геннадий ЗЮГАНОВ: Уже половину моей октябрьской зарплаты в Госдуме арестовали! Но это незаконно – Верховный суд еще до конца мое дело не рассмотрел. Я вообще за последние годы был вынужден провести около 1600 судов. Дело не в иске Амана Тулеева, а в том, что глава крупного региона судится с политической партией и ее лидером за пять слов о том, что в Кузбассе «торжествует криминал» и что «нет свободных выборов». Суд припаял мне 500 тыс. за первые слова и 450 тыс. за второе. Считаю, что это прецедент расправы над политической партией и ее лидером.

Это яркий пример вариативной интерпретации действительности [Баранов 2007: 174-179]: оппозиционный деятель в свою пользу толкует политическую составляющую информационно-

го спора. Те фразы, которые цитирует Г. Зюганов, на мой взгляд, ни под клевету, под оскорбление не попадают, так как не содержат фактологических сведений об истце А.Тулееве и не выражены в неприличной форме. «В Кузбассе торжествует криминал и нет свободных выборов» – это интерпретирующие констатации с имплицитной негативной оценкой, это образец МНЕНИЯ, комментария, высказываемого политиком по итогам неблагоприятного для него исхода выборов с использованием обобщающих суждений и тропеистических оборотов. Но фраза Зюганова, которую процитировал «Ъ»: «губернатор Кузбасса якобы созвал «своих янычар» и обещал снять с должностей руководителей тех городов и районов, избиратели которых отдадут за кандидата Зюганова больше 10%», содержит в форме утверждения фактологическую информацию, которая может быть верифицирована судом (или должна быть документально подтверждена ответчиком) и признана порочащей, если окажется, что ничего подобного Аман Тулеев не совершал: ведь в этой фразе Г. Зюганов обвинил его в давлении на подчиненных, в попытке использовать административный ресурс для фальсификации результатов выборов, а это поведение противозаконное. Подобный состав признаков «тянет» на диффамацию. Интересно, что было в оригинале инкриминируемого текста? В Сети мне его найти не удалось...

ОСКОРБЛЕНИЕ – это речевое преступление, заключающееся в унижении чести и достоинства через обобщенную характеристику личности в неприличной форме. Оно тоже тесно связано с диффамацией, так что журналисты часто не различают их, не давая заинтересованным читателям адекватно понять суть конфликта. Но это преступления разной степени тяжести: диффамация – это гражданский деликт, а оскорбление – это «уголовщина», как и клевета. Хотя уже давно из юридической и журналистской среды раздаются призывы декриминализовать оскорбление (все-таки слово еще не самое преступное дело!), оно сохраняется в УК РФ, будучи жупелом для речистых, «отвязных» и оппозиционных политиков и журналистов.

Оскорбление объединяет с диффамацией и клеветой перлокутивный эффект этих речевых преступлений, зафиксированный юридически: как и диффамация, оскорбление считается унижением чести и достоинства человека. Отличает его то, что возникает этот эффект не вследствие распространения порочащих сведений, а из-за того, что в адрес человека высказывается негативная оценка в неприличной форме, рассчитанная на оскорбление как на шоковый психологический эффект. Присутствие третьих лиц неважно, однако трансляция в массовой коммуникации усугубляет вину оскорбителя. Здесь, правда, возникает новая проблема: как правило, в журналистском тексте резкая, эпатажная характеристика дается персонажу, во-первых, за-

очно, что снимает такой диагностирующий показатель оскорбления, как оскорбление «в лицо». Во-вторых, в публицистике оценка дается, как правило, в рамках не оскорбительной, а обличительной целеустановки: публицист критикует политика и пытается его вразумить или разоблачает в глазах аудитории.

Но если доказана неприличная форма социально значимой оценки, даже самые лучшие намерения не могут спасти инвектора. Этим термином в ЛЭ обозначается тот, кто наносит оскорбление, соответственно оскорбленный обозначается как инвектум, а бранная, ругательная фраза – это инвектива. Коммуникативный феномен брани и оскорбления (изучаемый также под метафорическим именем вербальной=словесной агрессии) был проблематизирован в работах ярославского ученого В.И. Жельвиса; в его трудах понятие сквернословия обрело социолингвистический и психолингвистический статус [Жельвис 1992]. Он определил инвективу как «такой способ осуществления вербальной агрессии, который воспринимается в данной семиотической (под)группе как резкий или табуированный. В несколько ином ракурсе инвективой можно назвать вербальное (словесное) нарушение этического табу, осуществленное не кодифицированными (запрещенными) средствами» [Жельвис 2000: 225]. Об этом много писали ученые сибирской и московской лингвостертиных школ [Галяшина, Горбаневский, Стернин 2005: 24-39; Саржина 2007: 257-267]. Можно утверждать, что в работах лингвистов-экспертов была выявлена особая функция языка \ речи – ИНВЕКТИВНАЯ, важная именно своим правовым измерением.

Понятие «неприличной формы» было конкретизировано в списке ИНВЕКТИВНОЙ ЛЕКСИКИ, состоящем из 7-8 пунктов, в книге «Понятия чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и массовой коммуникации», 1996 [Понятия чести... 2004: 9-116]. Мне кажется важным отметить в нем шкалированность оскорбительной силы выражений пропорционально их этической неприемлемости. Его «возглавляет» обсценная, табуированная лексика (как принято в современной лингвистике называть матерщину); при этом учитывается и возможность не бранного, а междоветного ее употребления; оно числится по разряду административных правонарушений. Далее идут зооморфные метафоры (*козел, петух, свинья, гад и гадина*); слова, в основе семантики которых резко негативная этическая оценка (*негодяй, мерзавец, двурушник*); «социоморфные» метафоры (*палач, мясник, барин, барыня*); слова, обозначающие антиобщественную, социально осуждаемую деятельность (*бандит, мошенник, проститутка*); эвфемизмы к этой группе (*киллер, путана, «интердевочка*). Группа слов, к которой носители языка проявляют особую чувствительность, – каламбурные окказионализмы, направленные на унижение и

оскорбление адресата (*коммуняки, дерьмократы, прихватизация*). К инвективной лексике исследователи относят и глаголы осуждающей семантики, в том числе стилистически маркированные (*украсть, хапнуть, спереть*).

18) «Время новостей», 14.02.08 \«анонс в форточке» на 1-й полосе газеты\

1) **«ОЧЕНЬ ТАЛАНТЛИВАЯ СВОЛОЧЬ» В Дамаске убит глава службы безопасности «Хизбаллы», который был в черных списках 42 стран**

/заголовок с подзаголовком/ **КОНЕЦ Гиены**
В Дамаске взорван боевик, похищавший советских дипломатов \сам текст\ Ливанская шиитская организация «Хизбалла» обвинила вчера Израиль в убийстве главы ее службы безопасности, а ее бейрутский канал сообщил: «С гордостью объявляем, что великий лидер джихада в Ливане брат-командир Имад Мугние-хаджи присоединился к мученикам в раю». (...) *Имад Мугние, известный по прозвищу Гиена*, числился в черных списках 42 стран, в том числе Израиля, США и членов Евросоюза. Его обвиняли в организации в 1983 г. взрывов посольств США, казарм американских морпехов и французских миротворцев в Ливане – тогда погибло свыше 350 человек, а также в похищении десятков иностранцев в этой стране. (...) В российских спецслужбах считают, что Гиена был причастен к похищению в Ливане в 1985 г. пяти советских дипломатов и к убийству одного из них. «*Это очень талантливая сволочь. Его ум и энергию – да в мирных бы целях*», – рассказывал еще в 2001 г. «Времени новостей» бывший резидент КГБ в Бейруте Юрий Перфильев. По данным Перфильева, Мугние начинал как боевик «Хизбаллы» и находился в тесной связи с палестинским лидером Ясиром Арафатом. Но потом *Гиена* начал действовать самостоятельно.

2) Сравним подачу той же новости в тот же день в газете «Ъ»: **«АНОНИМНАЯ ЛИКВИДАЦИЯ»** – никаких прозвищ и ругательств, начиная с заголовка. Изложение идет в сугубо информационном ключе.

3) Сравним: журнал «ВИТРИНА» № 5, 2002, рубрика «СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ. НАЧИСТОТУ О ЧИСТОТЕ»; в материале под названием **«ГИЕНЫ ПЕРА»**: «(...) В статье об изяществе русского языка известный журналист Алла Боссарт тоже уделила внимание тонкостям русской речи: «Шанская Тамара Васильевна, несгибаемый магистр языка, как бы насмешили ее нынешние дебаты о чистоте речи! Ее, предложившую нам на семинаре задание: подобрать синонимы в слову «задница». Мы никак не могли дотянуть до десятка, радостно вспомнив и «ж...», и «мускулюс глутеус»... А «афедрон»? – грозно спросила Тамара Васильевна, подбоченившись. – Пушкина читали, гиены пера?» (...).

4) СРАВНИМ: «НГ», 06.09.07 **Михаил Барщевский: «Все остальные – шакалы политического поля...»**

«Гражданская сила» не считает себя спойлером

Вид\ Восхождение «Гражданской Силы» к вершинам политики началось совсем недавно, однако эта структура уже намерена завоевать добрую четверть электората на декабрьских выборах. Обоснование амбиций – в интервью «НГ» лидера ГС, адвоката Михаила Барщевского.

- Михаил, как Вы оцениваете перспективы вашей партии на выборах?

- (...) Сегодня мы имеем три реально существующие, действующие партии со своей позицией, тогда как все остальные – шакалы политического поля, готовые перебежать и подъехать где что получится, получать голоса любым способом. Взять, к примеру, переход Митрофанова из ЛДПР в «Справедливую Россию». Есть реальные партии, имеющие свои идеологии. Это КПРФ. Есть структура с позицией консервативно-центристской – «Единая Россия». И есть наша партия, отражающая правые настроения. Что касается СПС – эта, казалось бы, правая партия, во всяком случае декларирующая себя таковой, на деле оказывается левее коммунистов. Они «левые» левые. «Яблоко» – левая, но при этом демократическая, т.е. она партия социал-демократическая. (...)

Эти четыре примера примечательны тем, что них присутствуют выражения сразу из двух «жестких» разрядов инвективной лексики – относящиеся к зооморфной метафоре (*гиены, шакалы*) и к этическим инвективам (*сволочь*), а также свежезаимствованное негативнооценочное слово *спойлер*, находящееся в литературной речи. Рассмотрим их конфликтногенный потенциал, притом что эти контексты не были, да и вряд ли будут объектом судебного рассмотрения (за исключением, пожалуй примера № 4).

Этическая максима «О мертвых либо хорошо, либо ничего» практически не работает в политическом дискурсе. Но мне кажется противоречащим профессиональной этике журналиста выносить на первую полосу интеллигентского ежедневного издания такой заголовок «горячей новости» о гибели террориста. Оксюморная характеристика убитого **«ОЧЕНЬ ТАЛАНТЛИВАЯ СВОЛОЧЬ»** вполне укладывается в рамки заочного, более того, загробного оскорбления: словарные толкования выявляют негативнооценочные значения «Скверный, подлый человек, негодяй» и сильную стилистическую (лингвотическую) маркированность: «груб.» в (БТС 2000: 1163) и «груб.-прост.» в (ТСНЛРЯ 2003: 767). В то же время зооморфная метафора ГИЕНА, работающая как кличка, не позволяет однозначно трактовать ее как пейоративную, в том числе потому, что зооморфные метафоры имеют этнокультурное обоснование и групповую мотивировку. По данным «Московского комсомольца» (01.09.08, статья «Маккейн подобрал себе Сару»), кандидат в вице-президенты США Сара Палин в школьные годы, будучи успешной спортсменкой, получила почетное прозвище

«барракуда». Во всяком случае, выражение «гиены пера» применительно к студентам-журналистам в устах незабвенной Тамары Васильевны Шанской наверняка понималось не как инвектива (брань), а как антифразис (как дружеская критика, немножко подначка), т.е. не имело оскорбительной интенции и не несло оскорбительной, инвективной иллюктивной силы. А в БТС «гиена З. Бранно. О жадном, коварном человеке» – отчетливый пейоратив, но не неприличный, локализующийся явно в интеллигентском узусе, т.е. в литературном языке.

С другой стороны, сюжет интервью с М.Барщевским показывает зарождение и развитие коммуникативного конфликта, который был зафиксирован в заголовочном комплексе: услышав предположение о спойлерском характере новообразованной правой партии, лидером которой он является, адвокат «возвращает обвинение», адресуя его старым партиям, в том числе либеральному СПС. Контекст дает понять, что инвектива направлена против партий в целом, а не против их отдельных членов, и адресована читателям «Независимой газеты» не только в их качестве интеллектуалов, но и как потенциальным избирателям. А если взглянуть с точки зрения единственного персонально упомянутого политика – А. Митрофанова из ЛДПР, то нет ли у него возможности возбудить иск об оскорблении его и/или о диффамации? Ведь он упомянут в обидном контексте, выполняющем логико-композиционную функцию примера, иллюстрации к инвективному тезису о «шакалах»! Полагаю, что такой иск тоже не имел бы перспективы: в этом интервью политическая борьба в форме газетной критики идет не на уровне персоналий, а на уровне организаций, что доказывается текстлингвистическим анализом. А инференции, ассоциации, возникающие у персонажа и, чего он опасается, могущие возникнуть у читателей, в диффамационных делах не учитываются.

СЛОВЕСНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ. Лингвистические признаки экстремизма изучаются давно и плодотворно: еще в 1999 г. Генпрокуратура подготовила Методические рекомендации «Об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды». До сих пор это серьезная опора для лингвоэкспертной деятельности. За прошедшие годы сформировались и активно работают общественные антиэкстремистские исследовательские центры, например Центр «Сова»; на основании их многочисленных публикаций понятия «язык вражды» и «словесный экстремизм» вошли в обиход журналистов и политиков – тех, кто находится в «зоне риска» и должен относиться к этому с полной ответственностью. Серьезным вкладом в разработку алгоритмов лингвистической экспертизы в данной проблемной области стала книга одного из основателей ГЛЭДИС, доктора филологических и юридических наук, профес-

сора Е.И. Галяшиной «Лингвистика VS экстремизм. В помощь судьям, следователям, экспертам» [Галяшина 2006].

Под состав преступления, ответственность за которое предусмотрена в ст. 282 УК РФ применительно к злоупотреблению свободой массовой информации, подпадает такая информация, которая содержит отрицательную эмоциональную оценку и формирует негативную установку аудитории в отношении определенной этнической (национальной), расовой (антропологической), конфессиональной (религиозной) группы или отдельных лиц как членов этой группы, подстрекает к ограничению их прав или насильственным действиям против них, порождает напряженность в обществе, нетерпимость к сосуществованию людей разных рас, национальностей и вероисповеданий, поскольку создает благоприятную почву для межнациональных и межконфессиональных конфликтов. Диспозиция статьи 280 УК РФ предусматривает ответственность за явно выраженные публичные призывы, т.е. политические лозунги, в лаконичной форме выражающие руководящую политическую идею, требование, побуждающие читателей или слушателей к осуществлению экстремистской деятельности.

19) \В сквере у кинотеатра «Баку» представителей НДПР (Национал-державной партии России) и активисты ДПНИ митинговали против установления памятника Гейдару Алиеву\ «Митинг открыл Александр Белов. «Азербайджанцы паразитируют за наш счет, мы их в гости не звали, а этим памятником они решили за столбить себе место в Москве», – кричал он, забравшись на постамент для памятника. Оратора поддержали криками: «Верните Россию русским!» «Сегодня они занимают кинотеатры, а завтра будут выгонять нас из домов, – продолжил г-н Белов. – Слава России!» Призыв поддержали и местные жители. «Второе поколение азербайджанцев уже тут торгует редиской и зеленью, – сообщил мужчина в очках, представившийся Борисом Смирновым. – Надо с этим кончать!» Покричав еще с полчаса «Россия для русских!», активисты ДПНИ и НДПР разошлись, так и не сумев привлечь внимания дежуривших в сквере милиционеров» (Ъ, 23.06.06)

Квалифицирующим признаком иотягчающим обстоятельством данного преступления является совершение публичных призывов с использованием средств массовой информации» [Галяшина 2006: 27]. Экстремистские материалы – это предназначенные для обнародования документы либо информация на иных носителях, призывающие к экстремистской деятельности либо обосновывающие и оправдывающие ее необходимость, в том числе труды руководителей НСДАП или фашистской партии Италии, публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и/или расовое превосходство либо оправдывающие военные

или иные преступления, направленные на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, национальной, социальной или религиозной группы [Галашина 2006: 31].

Особым риторическим приемом, зафиксированным в законе как проявление словесного экстремизма, является оправдание экстремистской деятельности и обвинение властей или общества, к которому прибегают ответчики или их доброхоты.

20) (Ъ, 29.12.06) Горсуд г. Бердска Новосибирской области вынес приговор трем скинхедам, нападавшим на гастарбайтеров. В последнем слове А. Калинин *«обвинил власти страны в том, что закрыв дворцы молодежи и клубы по интересам, они предоставили молодых людей самим себе. «Государство вышвырнуло нас на улицу. Разве это не преступление? – во-прошал он».* Одно из нападений он *«охарактеризовал как «чистой воды вендетту»: скинхеды якобы мстили гастарбайтерам за то, что те якобы изнасиловали русскую девушку, а затем избили ее парня, который пытался за нее вступиться. «Полный беспредел закона, – резюмировал подсудимый Калинин».*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Лингвистическая экспертиза – это прикладное направление со специфическими целями и задачами, аналитическими процедурами и результатами, где достижения разных наук о языке и о речевой коммуникации поставлены на службу правосудию. Конечная цель лингвистической экспертизы, как уже отмечалось, состоит в обеспечении адекватного судебного решения по таким делам, где основной или единственный состав преступления заключается в речевом проступке, в создании и распространении некоторых типов текстов, а также в их воздействии на конкретного адресата, на целевую или массовую аудиторию.

С лингвистической точки зрения, лингвистическая экспертиза – это процедура герменевтического характера, призванная выявить подлинный смысл конкретного конфликтогенного текста в соответствии с его жанрово-дискурсивным характером в конситуации, а высказывания – в контексте. В настоящее время в практике лингвистической экспертизы текст интерпретируется комплексно, через несколько современных дискурсивно-когнитивных дисциплин: это основные коммуникативные понятия «поякобсоновски» и теория речевых актов, традиционные подходы стилистики жанров и функциональной стилистики и современная российская генристика, теория массовой коммуникации и лингвосомиотика. В случае анализа журналистского и/или политического выступления лингвисты-эксперты должны обнаружить его новостной повод, сформулировать тематику и проблематику, проанализировать сюжет и систему персонажей, среди которых видное место, как правило, главного негативного персонажа занимает истец. Эксперты должны адекватно истолковать суду коммуникативное намерение,

замысел автора и объяснить особенности воздействия текста, другими словами – перлокутивные эффекты, на два разных адресата: отрицательного персонажа текста = будущего истца и на массовую аудиторию, в отношении и поведении которой (в согласии или в несогласии с посылом) отображается воля политических деятелей.

Эти текстлингвистические комментарии к тексту являются не больше чем подготовительными процедурами к собственно анализу инкриминированных контекстов. Лингвистическая экспертиза как герменевтическая процедура представляет собой средостение между собственно правовой процедурой выявления признаков преступления и квалификации на их основе некоторого события или поступка как преступного деяния или как неподсудного и между анализом текста в традиционных терминах текстлингвистики, функциональной стилистики, теории речевых актов, литературоведения, текстологии и проч. Главное – что эта посредническая роль лингвистической экспертизы потребовала формирования особой лингвометодической концепции, ряда аналитических процедур и системы специальных понятий – как универсальных, так и специфических для разных видов речевых преступлений.

Лингвистическая экспертиза является не только одним из инструментов судебного доказательств, но и одним из прикладных направлений современного языкознания, которое находит применение и в области изучения политического дискурса. В речевых преступлениях материализуются противоречия – лично между политиками и между политическими организациями, в том числе между властью и гражданским обществом, между проправительственными и антиправительственными силами, реализуясь через политический дискурс. Лингвисты-эксперты истолковывают политические тексты на предмет наличия или отсутствия экстремистских утверждений и призывов, грозящих основам российской государственности, а также дискриминационных высказываний, нарушающих основные конституционные права личности. Будучи неангажированным, объективным исследованием, как и надлежит научной процедуре, она по-своему, как доказательное средство правосудия, способствует укреплению правового характера отечественной институциональной коммуникации. Однако в ряде случаев лингвистическая экспертиза используется во зло – как способ сведения счетов, для дискредитации, судебного преследования и даже наказания политического противника или носителя оппозиционного мнения.

На повестке дня стоит совершенствование лингвистической экспертизы в нескольких направлениях. Во-первых, это теоретическая и практическая работа по стандартизации и унификации во всероссийском масштабе процедур анализа, ориентированных на конкретные ре-

чевые правонарушения, отображенные в отечественном законодательстве. Это нужно, чтобы обеспечить валидность, верифицируемость результатов экспертиз и исключить непрофессионализм и произвол, из-за которых (хотя и не только из-за них) могут быть вынесены неправосудные приговоры.

Во-вторых, это – как знамение времени – возникновение все новых независимых экспертных организаций, самые первые и авторитетные из которых – возникшие в 2001 г. в Москве ГЛЭДИС (организатор и председатель Правления – д.ф.н., проф. М.В. Горбаневский) и в Барнауле (а теперь и в Кемерове) – АЛЭП «Лексис» (научный руководитель и вдохновитель – д.ф.н., проф. Н.Д. Голев).

В-третьих, для подготовки лингвистов-экспертов возникают новые вузовские специализации (в дополнение к тем, которые ориентированы на традиционные экспертизы и уже давно существуют в рамках прикладной лингвистики или криминалистической психолингвистики). Овладение ЛЭ-терминологией и ЛЭ-методикой, специализация в качестве лингвиста-эксперта до недавних пор происходили *post graduate*, в формате теоретико-прикладных исследований, начинающихся как *case study* и восходящих к обобщениям, в том числе через обмен экспертным опытом. К настоящему времени ЛЭ преподается в вузах как на филологической базе, так и на юридической.

На филологической базе формируется специальность «Лингво-криминалистика» (например, в Нижегородском университете), а на юридической – «Судебная экспертиза». Экспертно-речеведов с 2005 года начал готовить Институт судебных экспертиз в рамках МГЮА (Московской государственной юридической академии). ИСЭ и одноименную кафедру в МГЮА возглавляет проф., д.ю.н. Е.Р. Россинская, крупный отечественный специалист по судебной экспертизе, а зам. зав. кафедрой – проф., д.ю.н., д.ф.н. Е.И. Галяшина, основательница ГЛЭДИС (наряду с М.В. Горбаневским).

Наконец, в-четвертых, немаловажное значение имеет популяризация проблематики ЛЭКТ в широкой лингвистической аудитории. Чем больше специалистов будет вовлечено в сферу ЛЭ, тем быстрее количество прецедентов и исследований перейдет в качество, что будет иметь не только практическое, но и социальное значение. Здесь хотелось бы особенно отметить многолетнюю научно-просветительскую деятельность Лаборатории устной речи и юрислингвистики филологического факультета Алтайского университета (науч. рук. проф. Н.Д. Голев), которая началась в конце 90-х гг. XX в. изданием сборника «Юрислингвистика»; в его юбилейном 10-й выпуске в 2009 г. будут по традиции принимать участие эксперты из многих регионов России, ближнего и дальнего зарубежья.

Итак, лингвистическая экспертиза представляет собой не просто процедуру, которая способствует выявлению речевых преступлений в разных сферах социальной коммуникации, в том числе в политическом дискурсе, а особое направление прикладной лингвистики, которое позволяет обнаружить новые, существенные свойства политической коммуникации и соответствующего дискурса, а также стимулирует поиски в новой области коммуникативистики – в лингвистической конфликтологии.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. – М., 1988.

Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. – М., 2007.

Базылев В.Н., Бельчиков Ю.А., Леонтьев А.А., Сорокин Ю.А. Понятия чести и достоинства, оскорбление и ненормативности в текстах права и массовой коммуникации. – М., 1996.

Бельчиков Ю.А. Лингвистическая судебная экспертиза – целенаправленное герменевтическое исследование. – Спорные тексты СМИ и спорные иски. Публикации. Документы. Экспертизы. Комментарии лингвистов. – М., 2007. С. 15-20.

Белянин В.П. Психологическое литературоведение. Текст как отражение внутренних миров автора и читателя. – М., 2007.

Бринев К.И. Юридическая лингвистика и лингвистическая семантика (на материале категорий *сведение и мнение, оценка, факт*) // Юрислингвистика IX. Истина в языке и праве. – Барнаул, 2008. С. 194-211.

Войниканис Е.А. Язык СМИ: правовые проблемы // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие. Часть 2. – М., 2004. С. 207-219.

Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М., 1985.

Втайне от народа. Как законы об «оскорблениях» ограничивают общественный контроль над деятельностью государственных чиновников. Что по этому поводу можно предпринять. – М., 2002.

Галяшина Е.И. Основы судебного речеведения. – М., 2003.

Галяшина Е.И. Лингвистика vs экстремизм. В помощь судьям, следователям, экспертам. – М., 2006.

Галяшина Е.И., Горбаневский М.В., Стернин И.А. Лингвистические признаки диффамации в теории и практике судебных лингвистических экспертиз // Взгляд. Ежеквартальный аналитический бюллетень. – М., 2005. № 1 (6). С. 24-39.

Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам. Официальный сайт. www.rusexpert.ru

Голев Н.Д. Юрислингвистика: на стыке языка и права // Юрислингвистика 1: Проблемы и перспективы. – Барнаул, 1999. С. 4-11.

Голев Н.Д. Самоопределение юридической лингвистики в России // Юрислингвистика VIII: Русский язык и современное российское право. – Барнаул, 2007. С. 7-14.

- Голев Н.Д., Матвеева О.Н. Лингвистическая экспертиза: на стыке языка и права // Юрислингвистика VII: Язык как феномен правовой коммуникации. – Барнаул, 2006. С. 168-185.
- Демьянков В.З. Семиотика событийности в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. Учебное пособие. Часть 2. – М., 2004. С. 68-83.
- Жельвис В.И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия // Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытовании. – Барнаул, 2000. С. 223-235.
- Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема. – М., 2001.
- Зализняк А.А. Компоненты семантической структуры предикатов внутреннего состояния // Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы ее представления. – М., 2006. С. 478-496.
- Засурский Я.Н., Кара-Мурза Е.С. «Направлены ли приведенные в листовке фразы на разжигание расовой, национальной и религиозной розни?» // Юрислингвистика IX. Истина в языке и праве. – Барнаул, 2008. С. 312-334.
- Информационные споры: как в них победить? Решения, рекомендации, экспертные заключения Судебной палаты по информационным спорам при Президенте РФ. – М., 2002.
- Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – Омск, 1999.
- Кара-Мурза Е.С. В помощь редакторам: лингвисты-эксперты о предвыборной информации и агитации // Обреченные на немotu? СМИ в период выборов: законы, комментарии, рекомендации. – М., 2003. С. 119-152.
- Кара-Мурза Е.С. Функциональная стилистика рекламы как вузовский спецкурс для медиаспециалистов // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. – М., 2007.
- Кара-Мурза Е.С. Политический дискурс через призму лингвистической экспертизы // Политический дискурс в России–X. X юбилейный всероссийский семинар 20 апреля 2007 г. – М., 2007. С. 101-118.
- Кара-Мурза Е.С. Лингвосомиотические аспекты законодательной и деонтологической регуляции рекламы // Юрислингвистика IX. Истина в языке и праве. – Барнаул, 2008. С. 162-174.
- Кара-Мурза Е.С. «Дева Обида» политического дискурса: речевые преступления в аспекте этиологии // Современные проблемы политической лингвистики. – Волгоград, 2009 (в печати).
- Монахов В.Н. Афродита и Феникс. Размышления о современности в обрамлении персонажей легенд // Информационные споры: как в них победить? Решения, рекомендации, экспертные заключения Судебной палаты по информационным спорам при Президенте РФ. – М., 2002. С. 363-391.
- Обреченные на немotu? СМИ в период выборов: законы, комментарии, рекомендации. – М., 2003.
- Осколкова Н.В. Типовые вопросы к экспертам-лингвистам: читаем вместе // Юрислингвистика VIII. Русский язык и современное русское право. – М., Барнаул. С. 382-393.
- Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Взгляд. Ежеквартальный аналитический бюллетень. – М., 2005. № 1 (6). С. 5-18.
- Правовые и этические нормы в журналистике / Сост. Е.П. Прохоров. – М., 2007.
- Ратинов А.Р. Послесловие юриста. «Когда не стесняются в выражениях...» // Понятия чести, достоинства и деловой репутации. Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами. Изд. 2, перераб. и доп. / Под ред. А.К. Симонова и М.В. Горбаневского. – М., 2004. С. 101-116.
- Рождественский Ю.В. Теория риторики. – М., 1997.
- Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. – М., 2008. с. 384-406.
- Саржина О.В. Оскорбление словом (инвектива) и агрессивный дискурс // Юрислингвистика VIII. Русский язык и современное российское право. – Барнаул, 2007. С. 257-267.
- Скрытое эмоциональное содержание текстов СМИ и методы его объективной диагностики / под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева. – М., 2004.
- Смирнов А.А. Заметки о лингвистической экспертизе (менталитет юристов и лингвистическая ментальность) – Текстология Ру. Публикации. – www.textology.ru/public/lawyer.http/tis 2004
- Степанов Ю.С. Дискурс, Факт и Принцип причинности... – Язык и наука XX-го столетия. – М., 1995.
- Теория и практика судебной экспертизы в гражданском и арбитражном процессах. Научно-практическое пособие / Под ред. Россинской Е.Р. – М., 2006.
- Федотов М.А. Правовые основы журналистики. Учебник для вузов. – М., 2002.
- Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / Под ред. М.В. Горбаневского. – М., 2002.
- Чудинов А.П. Политическая лингвистика. Учебное пособие. – М., 2006.
- Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М., 2004
- Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда. Анализ и комментарий законодательства и судебной практики. – М., 2008
- Юрислингвистика I-IX. – Барнаул, Кемерово, 1999-2009.
- Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. Учебное пособие. Часть 2. – М., 2004.

3. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. – СПб., 2000.

Квеселевич Д.И. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка. – М., 2003

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь
русского языка. Изд. 4. – М, 1999.

Русский семантический словарь. Том 1. – М., 1999.
© Кара-Мурза Е.С., 2009

Матыгина Е. Б.
Челябинск, Россия

СКАЗКА О СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЕ
В ОФИЦИАЛЬНЫХ ЗАЯВЛЕНИЯХ
КОНДОЛИЗЫ РАЙС

УДК 81'371

ГСНТИ 16.21.27, 16.41.21

Matygina E. B.
Chelyabinsk, Russia

THE FAIRY TALE OF THE JUST WAR
IN CONDOLEEZZA RICE'S
OFFICIAL RHETORIC

Код ВАК 10.02.04

Аннотация. В статье идет речь о проблеме метафорической модели «Сказка о справедливой войне» – одной из базовых метафорических систем, которые используются во внешней политике США. Обсуждаются основные действующие лица – злодей (и преступление), жертва и герой – и два вероятных сценария сказки. Автор предпринимает попытку доказать, что данная метафорическая модель характерна для предвоенной и военной риторики Кондолизы Райс, и указать, что скрывает данная модель.

Ключевые слова: международная политика, метафорическая модель «Сказка о справедливой войне», действующие лица, варианты «сказки», США, Ирак, риторика Кондолизы Райс.

Сведения об авторе: Матыгина Екатерина Борисовна, аспирант кафедры риторики и межкультурной коммуникации.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 454048, г. Челябинск, ул. Образцова, д. 15, кв. 34.
E-mail: katerinamatygina@mail.ru

Abstract. The article deals with the problem of the metaphorical model 'The Fairy Tale of the Just War' – one of the basic metaphorical systems used in framing the USA's foreign policy. The cast of characters – a villain (and a crime), a victim and a hero – and the two possible scenarios of the fairy tale are discussed. The author tries to prove the above-mentioned model characteristic of Condoleezza Rice's pre-war and war rhetoric and to state what the model hides.

Key words: foreign policy, the metaphorical model 'the fairy tale of the just war', the cast of characters, scenarios of the fairy tale, the USA, Iraq, Condoleezza Rice's rhetoric.

About the author: Matygina Ekaterina Borisovna, post-graduate student of the chair of rhetoric and intercultural communication.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Война все больше и больше становится обыденным инструментом национальной политики Соединенных Штатов. В то время как объявленные Конгрессом Состояния войны прерывают гармоничные периоды мира, военный конфликт стал одним из условий современной жизни и международной политики США. По мнению Дж. Лакоффа, ученого в сфере интересов которого находятся центральные метафоры внешней политики США, международная политика понимается как имплицитно использующая системы метафорической мысли, в том числе для обоснования и освещения путей войны. Так, война коалиции во главе с США против Ирака, свидетелями которой мы являлись, показывает, что обоснование войны в Ираке представляло собой целую панораму метафор: «Нация – это индивид», «Международное сообщество», «Модель Рационального Деятеля», «Правитель – это государство», «Война – это соревновательная игра» и т.д.

В нашей статье мы предлагаем рассмотреть структуру и варианты одной из таких метафорических моделей – «Сказки о справедливой войне», и доказать, что данная система реализуется в официальной риторике Кондолизы Райс до и во время войны в Ираке, а также выявить то, что скрывает данная модель.

«Сказке о справедливой войне» в своих статьях уделяли внимание как отечественные (Будаев Э.В., Чудинов А.П.), так и зарубежные ученые (Дж. Лакофф, Р. Куусисто, Р.Э. Хиберт, П. Вархавиг). Наиболее детально данная модель описана Дж. Лакоффом в его трудах, по

священных анализу метафорических моделей, лежащих в основе войны в Заливе и Иракской войне, а также в изучении метафорической мысли в сфере внешней политики.

Как полагает Дж. Лакофф, «всегда важно иметь хорошую историю, пытаетесь ли вы убедить в чем-то других или взвешиваете ли вы что-нибудь в уме для себя. Когда возникает вопрос, начинать ли войну, то вам не удастся обосновать свое решение для других или для себя самого без хорошей истории. Существует классическая повествовательная форма, используемая для оправдания войны». Это классическая «сказка о справедливой войне».

В каждой сказке есть Герой, Преступление, Жертва и Злодей. Ниже приведем основные характеристики действующих лиц сказки:

Герой	Жертва	Злодей
1) поступает благородно; 2) получает всенародное признание; 3) его благодарят жертва и общество в целом; 4) смелый и порядочный; 5) не может вести переговоры со злодеем, должен низвергнуть его;	1) невинная; 2) слабая; 3) занимает положение вне упрека;	1) хитер и расчетлив; 2) иррациональный демон; 3) порочен от природы; 4) аморален и труслив;

Сказка о справедливой войне, как правило, разворачивается по следующему сценарию:

1) злодей совершает преступление против невинной жертвы (обычно речь идет о вооруженном нападении, краже или похищении); правонарушение происходит из-за дисбаланса сил, в результате чего возникает моральный дисбаланс;

2) герой либо собирает помощников, либо решает выступить в одиночку;

3) герой идет на жертвы; он сталкивается с трудностями, как правило, предпринимая тяжелое героическое путешествие, иногда по морю, к предательской территории;

4) злодей пор

5)

6) очен от природы, возможно даже являет собой чудовище, и поэтому разговаривать с ним не имеет смысла;

7) у героя не остается другого выбора, как вступить со злодеем в битву;

8) герой побеждает злодея и спасает жертву – или успешно защищает себя, если он сам являлся жертвой – и спасает общество от угрозы, исходящей от злодея;

9) моральный баланс восстановлен; победа достигнута;

10) герой, который поступает благородно, доказал свое мужество и достиг славы; его лишения оказались ненапрасными; герой получает признание, ровно как и признательность жертвы и общества в целом.

Сказка о справедливой войне может использоваться в двух основных вариантах: как сказка о самозащите и сказка о спасении. Если жертва и герой совпадают, то такой вариант называется *сказкой о самозащите*. В ином случае, обнаруживает себя второй вариант – *сказка о спасении*.

Ответив на вопросы: «Кто жертва? Кто злодей? Кто герой? Каково преступление? Что считать победой?», можно оправдать войну с точки зрения морали. Каждый набор ответов предоставляет сценарии с различным содержанием.

Данная метафорическая модель среди прочих систематически используется в международной политике – не только для убеждения общественности, но и для оправдания политики внутри самого государства. Ярким примером успешного использования модели «Сказка о справедливой войне» является предвоенная и военная риторика администрации Буша-младшего, в частности официальные заявления и интервью заметного ее представителя Кондолизы Райс.

Кондолиза Райс, в американских средствах массовой информации называемая «принцессой-воином», «архитектором войны в Ираке», «доверенным лицом Дж. Буша – младшего», «ближайшим, пользующимся наибольшим доверием советником», в преддверии и во время второй войны в Заливе занимала пост Советника США по национальной безопасности при президенте Джордже Буше – младшем. В каче-

стве Советника Райс выступала за войну на территории Ирака и в своих выступлениях усердно объясняла сложившуюся ситуацию американцам.

Итак, предприняв путешествие по 20 публичным выступлениям Кондолизы Райс в период с сентября 2002 г. по июль 2004 г. с целью выявления сценария и основных действующих лиц данной «справедливой войны» в Ираке, мы пришли к выводу о том, что в публичных выступлениях госпожи Райс тесно переплетаются оба варианта «сказки о справедливой войне».

В сценарии Спасения жертвы – это 1) иракский народ и 2) соседи Саддама, на которых он не нападал, но для которых представлял потенциальную угрозу. Поэтому Райс перечисляет преступления Саддама против иракского народа и оружие, которое он мог бы использовать, дабы нанести вред своим соседям.

- Saddam Hussein twice launched unprovoked invasions of his neighbors. After losing a war of aggression that he began, Saddam's threatening posture toward other Gulf nations – and his continued oppression of his people – required the United States and the United Kingdom to maintain a massive military presence in the Gulf... (*Саддам Хусейн дважды совершал неспровоцированное вторжение на территории своих соседей. После поражения в начатой им военной агрессии, угрожающая политика Саддама в отношении других государств Залива – и непрерывное угнетение им своего народа – потребовали от Соединенных Штатов и Объединенного Королевства сохранять масштабное военное присутствие в Заливе...*)

- We now have hard evidence of facts that no one should ever have doubted. Right up until the end, Saddam Hussein continued to torture and oppress the Iraqi people. (*Теперь мы имеем веские доказательства тех фактов, в которых не следовало никогда сомневаться. Вплоть до самого конца Саддам Хусейн продолжал пытать и притеснять иракский народ.*)

- Saddam would have remained in power – with all that entails: More mass graves, more children in prison, and more daily depredations of the Iraqi people. And Saddam would have remained – indefinitely poised in the heart of the Middle East, sitting atop a potentially deadly arsenal of terrible weapons, threatening his neighbors and the world. (*Саддам бы остался у власти – со всеми последствиями этого: еще большим количеством массовых захоронений, детей в тюрьмах и еще более масштабным хищническим истреблением иракского народа. И Саддам бы остался – бесконечно балансируя в самом центре Ближнего Востока, сидя на потенциально смертельном арсенале ужасного оружия, угрожая своим соседям и миру.*)

- ...Saddam is gone. He will never again use weapons of mass destruction... Saddam's torture chambers, and rape rooms, and children's prison cells, are closed. (*...Саддам ушел. Он больше никогда не применит оружия массового поражения... Камеры пыток Саддама, комнаты, в которых совершались насилия, и детские тюремные камеры закрыты.*)

- This was a really awful dictatorship, and it is a dictatorship that had threatened its neighbors, that had used weapons of mass destruction on its own people and on its neighbors, that was doing nothing for the benefit of its own people. *(Это была поистине страшная диктатура, это диктатура, которая угрожала своим соседям, испытывала оружие массового поражения на своем населении и на своих соседях, которая ничего не делала на благо своего народа.)*

Злодей – это правитель Ирака – Саддам Хусейн – и созданный им режим. Ключевыми преступлениями являются нарушения человеческих прав, многочисленные нарушения резолюций Совета Безопасности и, конечно же, намерение заниматься разработкой оружия массового поражения, укрытие существующих программ таких разработок.

- For twelve years, Saddam Hussein sat in the heart of the world's most volatile region, defying more than a dozen UN Security Council resolutions, terrorizing his people, threatening his neighbors, and the world. *(На протяжении двенадцати лет Саддам Хусейн находился в центре самого неустойчивого региона в мире, выказывая открытое неповиновение более десятку резолюций, принятых Советом Безопасности ООН, терроризируя свой народ, угрожая соседям и миру.)*

- Right up until the end, Saddam Hussein lied to the Security Council. And- let there be no mistake – right up until the end, Saddam Hussein continued to harbor ambitions to threaten the world with weapons of mass destruction, and to hide his illegal weapons programs. *(Вплоть до конца Саддам Хусейн лгал Совету Безопасности. И – несомненно – вплоть до конца Саддам Хусейн продолжал вынашивать планы об угрозах применения оружия массового поражения в мировом масштабе и сокрытии нелегальных программ по вооружению.)*

- The former Iraqi regime was not only a state sponsor of terror. It was for many years one of the world's premier WMD-producing states. *(Презний иракский режим был не только государством, финансирующим террор. Многие годы это было одно из главных государств-производителей оружия массового поражения.)*

- But we can also say that, in addition to the threat from weapons of mass destruction, this was one of the most brutal dictators of modern times, somebody who had attacked his neighbors in the past. *(Но мы также можем сказать, кроме угрозы, исходящей от оружия массового поражения, это был один из наиболее жестоких диктаторов нынешнего времени, тот, кто в былые времена нападал на своих соседей.)*

Классический герой – Соединенные Штаты Америки, выступающие за избавление иракского народа от диктатора, демократизацию Ирака.

- In our development aid, our diplomacy, our international broadcasting, and in our educational assistance, the United States will promote moderation, tolerance, and human rights. And we look forward to one

day standing for these aspirations in a free and unified Iraq. *(В процессе нашей помощи развивающимся странам, нашей дипломатии, нашего международного вещания и нашей помощи в подготовке специалистов, Соединенные Штаты будут содействовать сдерживанию, толерантности и соблюдению прав человека. И мы смотрим в будущее, предвкушая тот день, когда мы будем отстаивать эти стремления в свободном и объединенном Ираке.)*

- Our goals are clear. We will help Iraqis build an Iraq that is whole, free and at peace with itself and with its neighbors; an Iraq that is disarmed of all WMD; that no longer supports or harbors terror, that respects the rights of Iraqi people and the rule of law; and that is on the path to democracy. To achieve these goals, we will dismantle the tyrannical infrastructure of Saddam Hussein's regime. *(Наши цели ясны. Мы окажем иракцам помощь в построении единого, свободного Ирака, живущего в мире с собой и с соседями; Ирака без оружия массового поражения; Ирака, более не оказывающего поддержку террору и не укрывающего его, уважающего права иракского народа и власть закона; Ирака, идущего по демократическому пути. Для достижения этих целей мы положим конец тиранической инфраструктуре режима Саддама Хусейна.)*

- We're however committed to working with all Iraqis to implement a vision of a free Iraq. This is an educated population, a sophisticated population that has lived under a tyrannical regime in a reign of fear. The kinds of things that the paramilitaries are doing now to keep that grip of fear needs to be broken. And slowly, but surely, in the progress of coalition forces, that reign of fear is being broken. We believe that when Iraqi people are given the chance they are going to want to have a better future, not one that blows up their children in terrorist attacks. *(При этом мы считаем своим долгом работать со всеми иракцами с тем, чтобы претворить в жизнь видение свободного Ирака. Это образованное население, умудренное опытом население, жившее при тираническом режиме, в котором царил страх. То, что предпринимают сейчас военизированные формирования для сохранения тисков страха должно быть сломлено. Медленно, но верно, по мере продвижения коалиционных войск, это царство страха разрушается. Мы верим, что когда иракскому народу представится шанс, он захочет иметь лучшее будущее, не то, в котором его дети погибают от взрывов террористических атак.)*

- Seven months later, in laying out the case to confront Saddam at United Nation, he said: 'Liberty for the Iraqi people is a great moral cause, and a great strategic goal. The people of Iraq deserve it; the security of all nations requires it...' *(Семь месяцев спустя, излагая обстоятельства противостояния Саддаму в ООН, он (президент Буш – здесь М.Е.) сказал: «Свобода для иракского народа – это высоконравственный повод и цель колоссального стратегического значения. Иракский народ заслуживает это; безопасность всех наций требует этого...»)*

Сценарий Самозащиты в речах и интервью Конди Райс выстраивается на утверждении существования взаимосвязи между Саддамом и Аль-Каидой и, как следствие этого, на ассоциации с трагической датой в истории Америки – 11 сентября 2001 года.

• We have no evidence that Saddam Hussein was involved in the September 11th attacks. Yet the possibility remained that he might use his weapons of mass destruction or the terrorists might acquire such weapons from his regime, to mount a future attack beyond the scale of 9/11. The terrible prospect could not be ignored or wished away. *(У нас нет доказательств того, что Саддам Хусейн был замешан в атаках 11 сентября. Но все же существует возможность того, что он может воспользоваться своим оружием массового поражения или террористы могут получить такое оружие от его режима, для того чтобы предпринять в будущем атаку превосходящую по масштабам 11 сентября. Страшная перспектива не могла быть проигнорирована или оставлена на волю случая.)*

• But when we talk about cost, we have to talk about the cost of inaction. We have to talk about the continued presence of weapons of mass destruction in the hands of Saddam Hussein. We have to talk about the kind of connections that we – Colin Powell talk about today between al Qaeda and Saddam Hussein. We have to ask about the costs of a possible attack like 9/11, but this time with weapons of mass destruction so that we're not talking about the deaths of 3.000 Americans? But the deaths perhaps of tens of thousands or hundreds of thousands or more. *(Но говоря о цене, мы должны говорить о цене бездействия. Мы должны говорить о продолжающемся присутствии оружия массового поражения в руках Саддама Хусейна. Мы должны говорить о некой связи, о которой мы – Колин Пауэлл говорил сегодня, между Аль – Каидой и Саддамом Хусейном. Мы должны задать вопрос о цене возможной атаки, подобной той, которая произошла 11 сентября, но на этот раз с применением оружия массового поражения, и на этот раз речь идет о гибели не трех тысяч американцев? А о гибели, возможно, десятков тысяч, а возможно, и сотен тысяч людей.)*

• There is certainly evidence that al Qaeda people have been in Iraq. There is certainly evidence that Saddam Hussein cavorts with terrorists. I think that if you asked, do we know that he had a role in 9/11, no, we do not know that he had a role in 9/11... We know a great deal of his terrorist activity. We know that he, as I said before, tried to assassinate President George H.W. Bush. We know that he pays Hamas terrorists \$25,000 for suicide bombings that led to suicide bombings against American citizens with five American deaths at Hebrew University. We know that he is acquiring weapons of mass destruction, that he has extreme animus against the United States. *(Несомненно, существует доказательство того, что люди Аль-Каиды были в Ираке. Несомненно, существует доказательство того, что Саддам Хусейн «резвится» с террористами. Я думаю, если бы вы спросили, зна-*

ли ли мы о его роли в событиях 11 сентября, нет, мы не знаем, играл ли он какую-либо роль в событиях 11 сентября... Нам многое известно о его террористической деятельности. Нам известно, что, он, как я говорила ранее, пытался убить президента Джорджа Буша. Нам известно, что он платит террористам Хамаса 25 000 долларов за осуществление террористических взрывов, приведших к взрывам против американских граждан, повлекших за собой гибель пяти американских подданных в университете Хебру. Нам известно, что он получает оружие массового поражения, что он чрезвычайно враждебно настроен в отношении Соединенных Штатов.)

Тот факт, что Саддам Хусейн помогает Аль-Каиде и укрывает данную террористическую организацию, обладает оружием массового поражения, ядерными боеголовками, которые могут попасть в руки террористов, снова создает веские основания для справедливой войны на территории Ирака.

• We will break up terror networks, hold to account nations that harbor terrorists, and confront aggressive tyrants holding or seeking nuclear, chemical, and biological weapons that might be passed to terrorists' allies. These are different faces of the same evil. Terrorists need a place to plot, train, and organize. Tyrants allied with terrorists can greatly extend the reach of their deadly mischief. Terrorists allied with tyrants can acquire technologies allowing them to murder on an ever more massive scale. Each threat magnifies the danger of the other. And the only path to safety is to effectively control both terrorists and tyrants. For these reasons, President Bush is committed to confronting the Iraqi regime. *(Мы разгоним террористические организации, призовем к ответу страны, укрывающие террористов, окажем сопротивление агрессивным тиранам, обладающим или пытающимся завладеть ядерным, химическим или биологическим оружием, которое может быть передано пособникам террористов. Все это разные проявления одного и того же зла. Террористам необходимо место для вынашивания планов, тренировки и проведения организационных мероприятий. Тираны в союзе с террористами могут завладеть технологиями, которые позволят им убивать в гораздо большем масштабе. Каждая угроза увеличивает опасность другой. И единственный путь к безопасности – осуществление эффективного контроля как террористов, так и тиранов. По этим причинам президент Буш считает своим долгом противостоять иракскому режиму.)*

• We know that he has the infrastructure, nuclear scientists to make a nuclear weapon. And we know that when the inspectors assessed this after the Gulf War, he was far, far closer to a crude nuclear device than anybody thought, maybe six months from a crude nuclear device. The problem here is that there will always be some uncertainty about how quickly he can acquire nuclear weapons. But we don't want the smoking gun to be a mushroom cloud. *(Мы знаем, что у него (Саддама Хусейна – здесь М.Е.) есть инфраструктура,*

специалисты по ядерному оружию для изготовления такого оружия. И мы знаем, что когда была проведена инспекторская оценка этого после Войны в Заливе, он был гораздо, гораздо ближе к недоработанному ядерному устройству, чем кто-либо предполагал, возможно, в шести месяцах от получения ядерного устройства. Сложность состоит в том, что всегда будет некая неясность в вопросе о том, насколько быстро он может получить ядерное оружие. Но мы не хотим, чтобы дымящееся ружье превратилось в облако ядерного взрыва.)

В данном случае Хусейн и созданный им режим – это прямая угроза безопасности США.

- There is no doubt that Saddam Hussein's regime is a danger to the United States and to its allies, to our interests. It is also a danger that is gathering momentum, and it simply makes no sense to wait any longer to do something about the threat that is posed here. As the president has said, 'the one option that we do not have is to do nothing.' (Нет сомнений в том, что режим Саада Хусейна представляет опасность для Соединенных Штатов и их союзников, для наших интересов. Это также угроза, набирающая силу, и просто бессмысленно ждать дольше, чтобы предпринять что-либо в отношении присутствующей здесь угрозы. Как заявил президент: «единственный выбор, которого у нас нет – это бездействие».)

- How long are we going to wait to deal with what is clearly a gathering threat against the United States, against our allies and against his own region? (Сколько мы собираемся ждать, прежде чем обратимся к явно нарастающей угрозе, адресованной Соединенным Штатам, нашим союзникам и всему региону?)

- And what we will not wait for is that particular nexus of terrorism, weapons of mass destruction, that is extremism and the technology to come together in a way that is harmful to the United States. (Мы не будем ждать той особой связи терроризма и оружия массового поражения, при которой экстремизм и технология объединяются губительным для США образом.)

- No one can give you an exact time line as to when he is going to have this or that weapon, but given what we have experienced in history and given what we have experienced on September 11, I don't think anyone wants to wait for the 100 percent surety that he has a weapon of mass destruction that can reach the United States, because the only time we may be 100 percent sure is when something lands on our territory. We can't afford to wait that way. (Никто не даст вам точных сроков того, когда он будет обладать тем или иным оружием, но имея то, через что мы прошли исторически и то, что мы пережили 11 сентября, я думаю, никто не захочет ждать 100 процентной уверенности в том, что у него есть оружие массового поражения, способное достигнуть Соединенных Штатов, поскольку единственный случай, когда мы сможем быть на 100 процентов уверены в этом, – это когда что-либо приземлится на нашей

территории. Мы не можем позволить себе подобного ожидания.)

Кроме того, Хусейн и его режим стоят на пути урегулирования конфликта на Ближнем Востоке, препятствуют созданию мирного Ближнего Востока – одной из официальных внешнеполитических задач Соединенных Штатов.

- The building of a new Iraq provides a new opportunity for a different kind of Middle East... It is a region suffering from what leading Arab intellectuals call a political and economic 'freedom deficit'. And it is a region where hopelessness provides a fertile ground for ideologies that convince promising youths to aspire not to a university education, a career or a family, but to blowing themselves up – taking as many innocent lives with them as possible. These ingredients are a recipe for great instability and pose a direct threat to America's security. (Строительство нового Ирака представляет новую возможность для иного Ближнего Востока. Это регион, страдающий от того, что ведущие арабские интеллектуалы называют политическим и экономическим «дефицитом свободы». Это регион, где безысходность готовит плодородную почву для идеологий, которые внушают перспективным молодым людям стремление не к университетскому образованию, карьере или семье, а к тому, чтобы взрывать себя – унося с собой как можно больше невинных жизней. Эти ингредиенты – рецепт колоссальной нестабильности и представляют собой прямую угрозу безопасности Америки.)

- Working in full partnership with the peoples of the region who share our commitment to human freedom, the United States and our friends and allies can help build a Middle East where hope triumphs over bitterness ... where greater political and economic freedom, and better more modern education encourage people to reject the path of terror, and instead fully join in the progress of our times. A free, democratic, and successful Iraq can serve as a beacon, and a catalyst, in this effort. And a free, successful Iraq can help create a lasting peace between Israelis and Palestinians... (Сотрудничая в полном объеме с народами региона, разделяющими нашу приверженность к свободе человека, Соединенные Штаты и наши друзья и союзники могут помочь в построении Ближнего Востока, где надежда восторжествует над ожесточением... где большая политическая и экономическая свобода и лучшее более современное образование воодушевляют людей отказаться от пути террора и, вместо этого, присоединиться к прогрессу нашего времени. Свободный, демократический и преуспевающий Ирак может служить маяком, катализатором в этом усилии. И свободный, преуспевающий Ирак может помочь в создании продолжительного мира между израильтянами и палестинцами...)

- The Middle East is a region of tremendous potential. Yet achieving real transformation in the Middle East will require a commitment of many years. It will require America and our allies to engage broadly

throughout the region, across many fronts, including diplomatic, economic, and cultural. *(Ближний Восток – это регион огромного потенциала. Все же достижение реального преобразования Ближнего Востока потребует многолетней приверженности этому делу. От Америки и наших союзников требуется приступить к работе масштабно по всему региону, на многих фронтах, включая дипломатический, экономический и культурный.)*

- The people of the Middle East share the desire for freedom. We have an opportunity – and an obligation to help them turn this desire into reality. And we must work with others to create a world where terror is shunned and hope is the provenance of every living human. That is the strategic challenge – and moral mission – of our time. *(Население Ближнего Востока разделяет желание свободы. У нас есть возможность – и наш долг помочь им превратить это желание в реальность. Мы должны работать с другими государствами, для того чтобы создать мир, где террора сторонятся, а надежда является источником каждого живущего человека. Это стратегическая задача – и нравственная миссия – нашего времени.)*

Таким образом, свержение Саддама Хусейна и уничтожение существующего режима становятся для США существенной частью провозглашенной ими Войны с терроризмом.

- As President Bush has said, Iraq is now the central front in the war on terror. Enemies of freedom are making a desperate stand there, and there they must be defeated. *(Как сказал президент Буш, Ирак – в данный момент является центральным фронтом в войне с террором. На нем враги свободы оказывают отчаянное сопротивление, и на нем они должны потерпеть поражение.)*

- But President Bush – and Tony Blair, and John Howard, and Aleksander Kwasniewski, and Jose Maria Aznar, and other leaders – resolved to take action. Because they did, Saddam Hussein is gone. He will never again use weapons of mass destruction, and his support for terrorism is over... The war on terror is greatly served by the removal of this source of instability in the world's most volatile region. *(Но президент Буш – и Тони Блэр, и Джон Говард, и Александр Квашневский, и Хосе Мария Азнар, и другие лидеры – приняли решение действовать. Поскольку они сделали это, Саддама Хусейна больше нет. Он больше никогда не будет применять оружие массового поражения, и его помощь терроризму сведена на нет... Уничтожение этого источника нестабильности в самом беспокойном регионе мира оказало существенную помощь войне с террором.)*

- The war on terror will be greatly served by the removal of this source of instability in the world's most volatile region. And Saddam's removal provides a new opportunity for a different kind of Middle East. *(Устранение этого источника нестабильности в самом беспокойном регионе мира окажет существенную помощь войне с террором. И свержение Саддама*

предоставляет новую возможность для иного Ближнего Востока.)

В данном сценарии США предстают в образе двух действующих лиц: и героя и жертвы. Мотивы поступков героя священны, поскольку речь идет о защите родины, и благородны, так как он сражается в интересах всего мирового сообщества под знаменем борьбы с мировым терроризмом. Цели, которые ставит перед собой герой, оправдывают упреждающие меры борьбы с проявлениями зла.

- But some threats are so potentially catastrophic – and can arrive with so little warning, by means that are untraceable – that cannot be detained... So as a matter of common sense the United States must be prepared to take action, when necessary, before threats have fully materialized. Preemption is not a new concept. There has never been a moral or legal requirement, that a country wait to be attacked before it can address existential threats. As George Shultz recently wrote, 'If there is a rattlesnake in the yard, you don't wait for it to strike before you take action in self-defense.' *(Но некоторые угрозы обладают таким катастрофическим потенциалом – и могут доходить почти без предупреждения, путями, которые невозможно проследить, – которые невозможно задержать... Поэтому, руководствуясь здравым смыслом, Соединенные Штаты должны быть готовы действовать, по необходимости, до того как угрозы в полной мере материализуются. Упреждающий удар – это не новое понятие. Никогда не существовало морального или законного требования, вынуждающего страну ждать момента, когда она будет атакована прежде, чем она сможет принять меры в отношении экзистенциальных угроз. Как недавно написал Джордж Шульц: «Если во дворе находится гремучая змея, вы не ждете, пока она нападет, а действуете в целях самозащиты».)*

- Preemptive action does not come at the beginning of a long chain of effort. The threat must be very great. And the risks of waiting must far outweigh the risks of action. *(Упреждающие действия стоят не в начале длинной цепи попыток. Угроза должна быть существенной. И риск ожидания должен превосходить риск действия.)*

- We have taken the fight to the terrorists themselves – using all instruments of our national power to root out terror networks and hold accountable states that harbor terrorists. The war on terror must be fought on the offence – defense of the homeland is a vital mission – but the President has been clear, we will take the fight to the terrorists... We must remain patient. When Americans begin a noble cause, we finish it. *(Мы воюем с террористами на их территории – используя все инструменты нашей национальной мощи с тем, чтобы уничтожить террористические организации и призвать к ответу государства, укрывающие террористов. Война с террором должна носить наступательный характер – защита отечества – жизненно важная миссия – и президент выразился достаточно ясно, мы будем воевать с террори-*

стами на их территории... Мы должны быть терпеливыми. Когда мы, американцы, начинаем благородное дело, мы доводим его до конца.)

• But the truth of the matter is, we're an open society, we want to remain an open society, and there will continue to be vulnerability. That's why we have to meet the threats when they are not yet taking place on our territory and on our soil... And it makes more urgent looking at other threat, like those who are building weapons of mass destruction and mean us ill. *(Но истина в том, что мы – открытое общество, мы хотим остаться открытым обществом, при этом уязвимость будет существовать. Поэтому мы должны пресечь угрозы до того, как они реализуются на нашей территории и на нашей земле... Это заставляет безотлагательно посмотреть на другую угрозу, например, на тех, кто создает оружие массового поражения и желает нам зла.)*

Если в преддверии войны госпожа Райс в своих выступлениях проталкивает, главным образом, сценарий самозащиты, то, когда ни ядерное, ни химическое, ни биологическое оружие в ходе военных действий в Ираке обнаружено не было, акцент смещается на сценарий спасения.

В целом в риторике Кондолизы Райс выстраивается следующий сценарий «справедливой войны»:

1. **Сценарий Спасения:** Саддам Хусейн физически уничтожает свой народ, подавляет неотъемлемые человеческие свободы, создает диктаторский, лживый и закрытый от всего мира режим, обманывает международное сообщество, нарушает резолюции Совета Безопасности, занимаясь разработкой биологического и химического оружия, представляет угрозу для своих соседей – Турции, Кувейта, Ирана.

a) Saddam Hussein has known for a long time what he needed to do. This didn't start three months ago. This began 12 years ago when, to get himself out of the pickle that he'd gotten into by launching a war of aggression against his neighbor, he signed on to a series of obligations and he's not lived up to them, not really to a single one of them. *(Саддам Хусейн на протяжении длительного времени знал, что ему необходимо сделать. Все началось не три месяца назад. Все началось двенадцать лет назад, когда, для того чтобы выбраться из затруднительного положения, в которое он попал, начав военную агрессию против своего соседа, он подписал серию обязательств и не выполнил их, в действительности, ни одну из них.)*

b) Every obligation that he signed onto after the Gulf War, so that he would not be a threat to peace and security, he has ignored and flaunted. *(Он проигнорировал и пренебрег каждым обязательством, которое он подписал после войны в Заливе, о том, что он не будет угрожать миру и безопасности.)*

c) This is a man who has attacked his neighbors twice, who represses his own people, who's tried to assassinate a former American president, who pays \$25,000 to Hamas bombers – by the way, some of whom blew up Hebrew University and, with it, five

Americans. He has a long history... And it was, after all, under U.N. auspices that Saddam Hussein was finally challenged in 1991, that he was defeated in the Gulf War, and that he was made to sign onto a series of commitments that he has broken and broken and broken. *(Это человек, который дважды напал на своих соседей, который репрессирует свой народ, который пытался лишить жизни предыдущего американского президента, который платит 25 000 долларов террористам Хамасы – кстати, некоторые из которых взорвали университет Хебру, и вместе с ним и пятерых американцев. У него длинная история... В конечном счете, под руководством ООН Саддаму Хусейну был брошен окончательный вызов в 1991 году, он потерпел поражение в войне в Заливе, и был вынужден подписать серию обязательств, которые он постоянно нарушал.)*

d) But Iraq's water and sewer systems and power grids and hospitals and schools all suffer from decades of malign neglect. The psychological impact of decades of murderous totalitarianism on generations of Iraqis is even worse. Truth was buried with the thousands of Iraqis in mass graves that are still being discovered. Trust was imprisoned with children jailed on the capricious whims of a brutal regime. *(Но системы водоснабжения и канализации, энергосистемы и школы Ирака – все пострадало от десятилетий злостной запущенности. Худшим является психологическое воздействие десятилетий убийственного тоталитаризма на поколения иракцев. Истина была похоронена с тысячами иракцев в массовых захоронениях, которые все еще обнаруживаются. Вера была взята под стражу вместе с детьми, заключенными в тюрьму по капризным прихотям безжалостного режима.)*

Сценарий Самозащиты: Саддам Хусейн представляет угрозу для Соединенных Штатов, является пособником террористов и обладает оружием массового уничтожения.

a) And the most important thing for Americans and for the entire world to remember that the potential marriage of weapons of mass destruction with terrorism is everyone's worst nightmare and you have, with Saddam Hussein, both a terrorist link and an insistence on having weapons of mass destruction which he could easily transfer at any time to one of his terrorist associations. *(И самое важное, что должны помнить американцы и весь мир, – то, что худший кошмар любого человека – это потенциальный союз оружия массового поражения и терроризма, и в случае с Саддамом Хусейном, у нас есть и связь с терроризмом, и настойчивость в обладании оружием массового поражения, которые он в любое время может с легкостью переправить одному из своих террористических союзников.)*

b) Confronting Saddam Hussein's Iraq was also essential. Let us be very clear about why we went to war with Saddam Hussein. Saddam Hussein's regime posed a threat to the security of the United States and the world. This was a regime that pursued, had used and possessed weapons of mass destruction. He had links to terror, twice invaded other nations; defied the interna-

tional community and seventeen UN resolutions for twelve years and gave every indication that he would never disarm and never comply with the just demands of the world. That threat could not be allowed to remain unaddressed. *(Противостояние Ираку Саддама Хусейна было также необходимо. Давайте окончательно проясним, почему мы начали войну с Саддамом Хусейном. Режим Саддама Хусейна представлял угрозу безопасности Соединенных Штатов и мира. Это был режим, который имел стремление к оружию массового поражения, использовал его и обладал им. Он (Саддам Хусейн – здесь М.Е.) был причастен к террору, дважды оккупировал другие государства; на протяжении двенадцати лет игнорировал международное сообщество и семнадцать резолюций ООН и всячески продемонстрировал то, что он никогда бы не разоружился и никогда бы не подчинился справедливым требованиям всего мира. Такой угрозе нельзя было позволить остаться без ответа.)*

c) And what we will not wait for is that particular nexus of terrorism, weapons of mass destruction, that is extremism and the technology to come together in a way that is harmful to the United States. Again, the burden of proof is not on us. The burden of proof is on him. We will make a case. There is a plenty of evidence and plenty of experience with who this man is and with what he is doing. *(И мы не будем ждать того особого союза терроризма и оружия массового поражения, при котором экстремизм и технология соединятся таким образом, который будет губителен для Соединенных Штатов. И снова, бремя оправдания лежит не нас. Бремя оправдания – на нем. Мы предоставим доказательства. Существуют многочисленные свидетельства и данные того, кем этот человек является и чем он занимается.)*

d) And what emerges is a picture of Saddam Hussein who became impressed with what al Qaeda did after it bombed our embassies in 1998 in Kenya and Tanzania, began to give them assistance in chemical and biological weapons, something that they were having trouble achieving on their own, that harbored a terrorist network under this man Zarqawi, despite the fact that Saddam Hussein was told that Zarqawi was there. *(И возникает портрет Саддама Хусейна, который находясь под впечатлением от деятельности Аль-Каиды после того, как она бомбила наши посольства в Кении и Танзании в 1998 году, начал содействовать им в получении химического и биологического оружия, в том, что им не удавалось сделать самим, который укрывал террористическую организацию под руководством этого человека Заркяви, несмотря на тот факт, что Саддаму Хусейну сообщили, что Заркяви был там.)*

2. Соединенные Штаты выступают против диктатора и жестокого тирана, заручившись поддержкой сторонников и друзей, и в последующем совместно с ними ведут работу по восстановлению и демократизации Ирака:

a) America and our coalition partners are determined to do the work that we came to do, and then we will leave. *(Америка и наши коалиционные*

партнеры преисполнены решимости сделать ту работу, которую они пришли сделать, и затем мы уйдем.)

b) The one decision that the president has made, and he's supported in that decision by others including Prime Minister Blair, is that we don't have the luxury of doing nothing. *(Единственное решение, принятое президентом, и в этом решении его поддержали другие, в том числе премьер-министр Блэр, состоит в том, что мы не можем себе позволить удовольствия бездействовать.)*

c) We are talking to our friends and allies. And I think you will see that, as we make the case, as we do the consultations, as we decide on a course of action, that there will be plenty of support for this president, as there has been in the past. *(Мы ведем переговоры с нашими друзьями и союзниками. И я думаю, вы увидите, по мере того как мы предоставляем доказательства, консультируемся, принимаем решения относительно плана действий, многочисленную поддержку, оказанную этому президенту, как это было в прошлом.)*

d) We will work with the Iraqis, our coalition partners and international organizations to rebuild Iraq. *(Мы будем вести работы по восстановлению Ирака с иракцами, нашими коалиционными партнерами и международными организациями.)*

3. Коалиция во главе с Соединенными Штатами ведет войну на территории Ирака. Американские солдаты и коалиционные войска сталкиваются с различными трудностями, претерпевают столкновения с террористами, сторонниками прежнего режима. Они рискуют своей жизнью и отдают свою жизнь, руководствуясь благородными целями: 1) защитой иракского народа и соседствующих с Ираком стран от воинственного деспота и тирана, 2) выполнении воли международного сообщества (*сценарий спасения*), а также 3) защитой своей родины и своих соотечественников, 4) предотвращением новой более масштабной атаки на Соединенные Штаты, 5) урегулированием конфликтов на Ближнем Востоке, и, как следствие этого, 6) ведением Войны с мировым терроризмом (*сценарий самозащиты*).

a) America's service men and women working with Iraqis and coalition forces, are helping to usher in these improvements. Our troops in Baghdad and other cities are operating under difficult conditions. Baathist dead-enders, Fedayeen fighters, and foreign terrorists continue to attack coalition forces, innocent Iraqis, and symbols of progress. *(Американские военнослужащие, работая с иракцами и коалиционными войсками, помогают провести эти улучшения. Наши войска в Багдаде и других городах действуют в трудных условиях. Баатисты, нежелющие мириться с преобразованиями в Ираке, бойцы-фидайны и иностранные террористы продолжают атаковать коалиционные силы, невинных иракцев и символы прогресса.)*

b) It's going to be hard... and anybody who thinks that the reconstruction of Iraq and setting Iraq on a democratic path is going to come easily or quickly

knows very little about the history of this region or about how hard it is to do those things. But we're in this for the long run. *(Будет тяжело ... но любой, кто полагает, что реконструкция Ирака и становление Ирака на демократический путь будет легким и быстрым, знает очень мало об истории этого региона или о том, как трудно делаются такие вещи. Но мы будем работать над этим в течение длительного срока.)*

c) In Iraq, much progress has already been made. Tomorrow marks the 100th day since President Bush announced the end of major combat operations. The road is hard. Remnants of the regime and other extremists are attacking progress – just as they did today with the bombing of the Jordanian Embassy. And coalition soldiers continue to face mortal dangers and continue to sacrifice for our future peace and security. *(В Ираке многое уже достигнуто. Завтра ровно 100 дней с того момента, как президент Буш объявил о прекращении масштабных боевых действий. Путь труден. Остатки режима и другие экстремисты нападают на прогресс – как это произошло сегодня со взрывом бомбы в Посольстве Иордании. И солдаты коалиции продолжают сталкиваться со смертельной опасностью и приносить себя в жертву ради нашего будущего мира и безопасности.)*

d) ...American men and women in uniform, active and reserve, are serving in Iraq at great sacrifice. People are losing their lives. We came there to help liberate the people of Iraq. We came there to build schools, and to build clinics, and we want very much that the images of Americans should be the images of helping the Iraqi people. *(Американские военные, действующие и находящиеся в запасе, служат в Ираке, жертвуя своими жизнями. Люди лишаются своих жизней. Мы пришли сюда, чтобы освободить народ Ирака. Мы пришли сюда строить школы, поликлиники, и мы очень хотим, чтобы образы американцев были воплощением помощи иракскому народу.)*

4. Саддам Хусейн предстает в образе кровавого тирана, личности, вызывающей отвращение, недостойной уважения, лишенной каких-либо человеческих качеств. Никто не собирается вести с ним переговоры, поскольку он сам виноват в сложившейся ситуации. Это он спровоцировал международное сообщество и США в частности на крайние меры – военные действия.

a) After all, the problem isn't just the weapons of mass destruction. The problem is not just the cavorting with terrorists. The problem isn't just the human right abuses. The problem isn't just the ambitious man megalomaniacal man in the middle of this very volatile region. It's that all of that goes together to paint a very dangerous picture for the future if Saddam Hussein and his regime are not dealt with. *(В конечном счете, проблема не только в оружии массового поражения. Проблема не только в заигрывании с террористами. Проблема не только в нарушении прав человека. Проблема не только в амбициозной личности, страдающей манией величия, посреди чрезвычайно*

беспокойного региона. Дело в том, что все это вкупе рисует поистине опасную картину будущего, если не бороться с Саддамом Хусейном и его режимом.)

b) Those who question the wisdom of removing Saddam Hussein from power, and liberating Iraq, should ask themselves: How long should Saddam Hussein have been allowed to torture the Iraqi people? How long should Saddam Hussein have been allowed to remain the greatest source of instability in one of the world's most volatile regions? How long should Saddam Hussein have been allowed to provide support and safe-haven to terrorists? How long should Saddam Hussein have been allowed to defy the world's just demand to disarm? How long should the world have closed its eyes to the threat that was Saddam Hussein? *(Тем, кто ставит под сомнение целесообразность свержения Саддама Хусейна и освобождения Ирака, следует спросить себя: сколько еще следовало позволить Саддаму Хусейну истязать иракский народ? Сколько еще следовало позволить Саддаму Хусейну оставаться крупнейшим источником нестабильности в одном из самых беспокойных регионов мира? Сколько еще следовало позволить Саддаму Хусейну предоставлять помощь и убежище террористам? Сколько еще следовало позволить Саддаму Хусейну игнорировать справедливое требование всего мира о разоружении? Сколько еще следовало миру закрывать глаза на угрозу, которой был Саддам Хусейн?)*

c) No, nobody is going to negotiate anything with this regime. *(Нет, никто не собирается ни о чем договариваться с этим режимом.)*

d) No one wanted to go to war... However, instead of complying with the will of the peaceful international community, Saddam Hussein chose war... *(Никто не хотел начинать войну... Однако, вместо того, чтобы подчиниться воле мирного международного сообщества, Саддам Хусейн выбрал войну...)*

5. Резолюции, принятые международным сообществом, не возымели должного действия. Злодей на протяжении многих лет игнорировал их, поэтому единственным выходом из ситуации остается ликвидация очага нестабильности в неспокойном регионе, уничтожение злодея и губительного режима и образование демократического государства на Ближнем Востоке. Эти шаги послужат гарантом безопасности США и других наций. США как государство- и нация-лидер проявляют инициативу в этом вопросе. Ожидание в данном случае – серьезная ошибка.

a) Well, there's been plenty of ultimatums, and one thing that we better be very clear is that we can't continue to have the kind of defiance of the United Nations, the defiance of the international community that we've had... But we make a mistake whenever we just allow problems to continue to fester and when we don't act. *(Да, существуют многочисленные ультиматумы, и единственное, в чем нам необходима ясность – мы не можем продолжать терпеть то пренебрежение ООН, пренебрежение международ-*

ным сообществом, которое мы наблюдали. Но каждый раз, когда мы позволяем проблемам усугубляться и когда мы не действуем, мы совершаем ошибку.)

b) We're in a new world. We're in a world in which the possibility of terrorism, married up with technology, could make us very, very sorry that we didn't act. (Мы живем в новом мире. Мы живем в мире, в котором возможность терроризма в тесном союзе с технологиями, могла бы заставить нас в глубочайшей степени сожалеть о том, что мы не действовали.)

c) We are on notice. The danger from Saddam Hussein's arsenal is far more clear than anything we could have foreseen prior to September, 11th. And history will judge harshly any leader or nation that saw this dark cloud and sat by in complacency or indecision. (Мы предупреждены. Опасность от арсенала Саддама Хусейна гораздо отчетливее чем что-либо, что мы могли предвидеть до 11 сентября. И история сурово осудит любого лидера или нацию, которая видела это темное облако и находилась рядом в самоуспокоении или нерешительности.)

d) The fact is that they – that they didn't – we don't believe that they destroyed them all. And Iraq has a history of lying about everything. This is not a regime that can be trusted. This is a regime that is very – that very much wants to blackmail its neighbors, and it will eventually want to blackmail the entire international community. If we wait until that blackmail includes the ability to blackmail with a nuclear weapon, we will have made a grave mistake. (Дело в том, что – что они не – мы не верим, что они уничтожили его (оружие массового поражения – здесь М.Е.) все. И в прошлом Ирака имеет место ложь по любому поводу. Это не тот режим, которому можно доверять. Это режим, который – который жаждет шантажировать своих соседей, и он, в конечном счете, захочет шантажировать все международное сообщество. Если мы будем ждать до тех пор, пока шантаж будет включать в себя возможность шантажировать применением ядерного оружия, мы допустим серьезную ошибку.)

6. Правитель-злодей низложен, иракский народ спасен. Теперь Ирак при помощи Соединенных Штатов постепенно встает на путь развития, демократии, США и мировое сообщество успешно продвигаются по пути уничтожения терроризма.

a) We have good partners in Iraq, and we've already achieved for the Iraqi people liberation from this terrible tyrant. (У нас хорошие партнеры в Ираке, и мы уже добились для иракского народа освобождения от этого ужасного тирана.)

b) The defeat of terror and the success of freedom in those nations will serve the interests of our Nation and inspire hope and encourage reform throughout the greater Middle East. (Поражение террора и процветание освобождения в этих странах будут служить интересам нашей Нации и пробуждать надежду и поддерживать реформы по всему Большому Ближнему Востоку.)

c) Now that Saddam's regime is gone, the people of Iraq are more free, and people everywhere need no longer fear his weapons, his aggression, and his cruelty. (Теперь, когда режим Саддама больше не существует, народ Ирака стал свободнее, и людям повсюду нет нужды бояться его оружия, его агрессии и его жестокости.)

d) The people of Iraq are free, are working toward a self-government. Step by step normal life in Iraq is being reborn, as basic services are restored – in some cases beyond pre-war levels – transportation networks are rebuilt, and the economy is revived. Banks are opening throughout the country and a new currency – without Saddam Hussein's picture – is being prepared. A country in which, only months ago, dissent was punishable by death, now sees more than 150 newspapers competing in a new marketplace of ideas. (Народ Ирака свободен и работает в отношении демократического правления. Шаг за шагом возрождается обычная жизнь в Ираке, так как восстановлены основные коммуникации – в некоторых случаях помимо довоенных уровней – перестроены транспортные сети, и возрождена экономика. По всей стране открываются банки, и готовится к выпуску новая валюта – без изображения Саддама Хусейна. Страна, в которой всего лишь месяцы назад иначе мыслилось наказывалось смертью, сейчас переживает появление более 150 газет, конкурирующих на новом рынке идей.)

7. США и войска коалиции одержали победу: иракский народ вкушает плоды демократической свободы, но США как истинный друг Ирака не могут оставить зарождающиеся демократические процессы без внимания и поддержки, поэтому такие намерения требуют присутствия Соединенных Штатов на территории Ирака.

a) And the Iraqi people have been liberated. We've removed, I think, one of the real sources of threat and instability in the region. We've removed a regime that was supporting terrorists and, I think, given a new impetus to the possibilities for a new Middle East. (И иракский народ был освобожден. Мы устранили, я полагаю, один из реальных источников угрозы и нестабильности в регионе. Мы свергли режим, который оказывал помощь террористам, и я полагаю, придали новый импульс возможностям нового Ближнего Востока.)

b) In Iraq, a murderous tyrant and a supporter of terror, has been defeated, and a free society is rising. (В Ираке потерпел поражение кровожадный тиран и пособник террора, и поднимается на поверхность свободное общество.)

c) Iraqis will be developing the interim authority at various stages of the process. In liberated areas within Iraq, we have already seen the emergence of local Iraqi leaders who are helping in the liberation of their own country. Iraqis currently free and Iraqis who will soon be free and Iraqis who have for decades kept alive the hopes of a free Iraq while in exile will all have much to contribute to the interim authority and to Iraq's future. (Иракцы будут развивать временную власть на раз-

личных этапах процесса. На освобожденных территориях в самом Ираке, мы уже наблюдали появление местных иракских лидеров, оказывающих помощь в освобождении своей страны. Ныне свободные иракцы и иракцы, которые вскоре будут освобождены, а также те, которые десятилетиями поддерживали надежды на свободный Ирак, будучи в изгнании – все могут внести большой вклад во временное правление и будущее Ирака.)

d) He (the President) also said it's going to be hard, but we're staying there until there is a stable postwar Iraq. We have a commitment to the regime for a stable postwar Iraq, we have a commitment to the Iraqi people, having helped them to throw off this bloody tyrant, we have a commitment to the entire region, which is very much now a region of great trouble and turmoil leading directly to the attacks on the United States in September of 2001. (Он (президент – здесь М.Е.) также сказал, что будет трудно, но мы остаемся здесь до того момента, пока Ирак не станет стабильным поствоенным государством. У нас есть обязательство перед режимом в создании стабильного поствоенного Ирака, у нас есть обязательство перед иракским народом, после оказания ему помощи в свержении этого кровавого тирана, у нас есть обязательство перед всем регионом, который на данный момент является регионом массовых беспорядков и волнений, ведущих напрямую к атакам на Соединенные Штаты в сентябре 2001 года.)

8. США на мировой арене выступают как государство-герой, его миссия в том, чтобы нести демократию в те страны, которые остро нуждаются в этом, оказывать поддержку поработанной нациям. Государством-героем движут благородные цели, затраты, понесенные в ходе боевых действий, были оправданы новыми перспективами, открывшимися для иракского народа, Ближнего Востока. Судьба Саддама Хусейна послужит уроком государствам-изгоям, нежелающим исполнять волю международного сообщества.

a) At the core of America's foreign policy is our resolve to stand on the side of men and women in every nation who stand for what the President has called the 'non-negotiable demands of human dignity'. (В центре внешней политики Америки находится наше намерение блюсти позиции мужчин и женщин каждой нации, отстаивающих то, что президент назвал «непреложными потребностями человеческого достоинства».)

b) We do not seek to impose democracy on others, we seek only to help create conditions in which people can claim a freer future for themselves. (Мы не стремимся навязывать демократию другим, мы стремимся только помочь создать условия, в которых люди могут претендовать на более свободное будущее для себя.)

c) Terrorists in the Palestinian territories have lost the patronage of Saddam Hussein. Other regimes in the region have been given clear warning that support for terror will not be tolerated. Without this outside support

for terrorism, Palestinians who are working for reform and long democracy will, over the long term, be strengthened and encouraged. (Террористы на палестинских территориях потеряли покровительство Саддама Хусейна. Другие режимы в регионе получили четкое предупреждение о том, что, пособничество террору не будет допущено. Без этой внешней поддержки терроризма палестинцы, стремящиеся к реформам и длительной демократии, будут на долгие сроки укреплены и воодушевлены.)

d) It calls on America to use our position of unparalleled strength and influence to create a balance of power that favors freedom. As the President says...: we seek to create the 'conditions in which all nations and all societies can choose for themselves the rewards and challenges of political and economic liberty'. (Создание баланса сил, поддерживающего свободу, призывает к использованию Америкой нашего положения непревзойденной силы и влияния. Как сказал президент...: мы стремимся создать условия, при которых все нации и все общества могут выбирать для себя преимущества и трудности политической и экономической свободы.)

Подведем итог вышесказанному, охарактеризовав действующих лиц сказки в выступлениях Советника:

Герой	Жертва	Злодей
<p>The USA</p> <ul style="list-style-type: none"> - a country with a position of unparalleled strength and influence; - the world's most powerful nation; - has a special responsibility to help make the world more secure; - stands for the "non-negotiable demands of human dignity"; - doesn't seek to impose democracy on others; - defends, preserves and extends the peace; - seeks to advance the course of liberty and defend the dignity of every person; 	<p>1) в сценарии спасения:</p> <p>Iraq and Iraqi people, Iraq's neighbors</p> <p><u>Преступления:</u></p> <ul style="list-style-type: none"> - neglected infrastructure; - sovereignty denied under Saddam's regime; - death squads; - three decades of tyranny; - the country's institutions and engineering systems suffer from malign neglect; - closed totalitarian society; - dissent punishable by death; - tortures and oppression; - mass graves; - children in prison; - daily depredations; - torture chambers, rape rooms, children's prison cells; - tyrannical infrastructure of the regime; - threatening posture toward the 	<p>Saddam Hussein</p> <ul style="list-style-type: none"> - a serial abuser of U.N. Security Council resolutions; - an abuser of human rights; - an ambitious man, a megalomaniacal man; - a murderous, terrible tyrant; - a supporter of terror; - a dictator who pathologically lies; - not a peace-loving person; - a deceiver of the international community; - an aggressor; - a repressor of his own people; - not a status-quo actor; - a blackmailer; - an assassinator; - one of the most brutal dictators of modern times; - a pursuer of weapons of mass destruction; - insane and not restraint; - a bloody tyrant; - a brutal dictator;

	<p>Gulf nations; - unprovoked invasion; - a potentially deadly arsenal of terrible weapons; - hidden illegal weapons programs; - terrorizing people;</p> <p>2) в сценарии самозащиты: vulnerable America, the world <u>Преступления:</u> - weapons of mass destruction; - connection with al Qaeda; - other terrorist links; - destabilization of the Middle East; - a future attack far beyond the scale of 9/11.</p>	<p>- a great national nightmare.</p>
--	---	--------------------------------------

	<p>режима; - стратегия, угрожающая государствам Залива; - неспровоцированное вторжение; - потенциально смертельный арсенал ужасного оружия; - тайные нелегальные программы вооружения; - терроризирование людей; 2) в сценарии самозащиты: уязвимая (слабозащищенная) Америка, мир <u>Преступления:</u> - оружие массового поражения; - связь с Аль-Каидой; - другие террористические связи; - дестабилизация Ближнего Востока; - будущая атака, превосходящая по масштабам 9/11.</p>	<p>- безумный и необузданный; - кровавый тиран; - жестокий диктатор; - величайший кошмар всей нации.</p>
--	--	--

Герой	Жертва	Злодей
<p>США - страна, занимающая положение непревзойденной силы и влияния; - самое могущественное государство в мире; - несет особую ответственность за то, чтобы сделать мир безопаснее; - соблюдает «непреложные потребности человеческого достоинства»; - не стремится навязать демократию другим; - защищает, оберегает и распространяет мир; - стремится продвинуть курс свободы и защитить достоинство каждого человека.</p>	<p>1) в сценарии спасения: Ирак и иракцы, соседи Ирака <u>Преступления:</u> - инфраструктура в запущенном состоянии; - отсутствие возможности суверенитета при режиме Саддама; - отряды ликвидаторов; - три десятилетия тирании; - институты и инженерные системы страны страдают от пагубного невнимания; - закрытое тоталитарное общество; - инакомыслие, наказуемое смертью; - пытки и угнетение; - массовые захоронения; - дети в тюрьмах; - ежедневные бесчинства; - камеры пыток, комнаты для насилия, детские тюремные камеры; - тираническая инфраструктура</p>	<p>Саддам Хусейн - серийный нарушитель резолюций Совета Безопасности ООН; - нарушитель прав человека; - амбициозная личность, человек с манией величия; - кровавый, ужасный тиран; - пособник террора; - диктатор, который патологически лжет; - немиролюбивая личность; - обманщик международного общества; - агрессор; - человек, репрессирующий свой народ; - человек, не принимающий условия статус-кво; - шантажист; - убийца; - один из наиболее жестоких диктаторов современности; - человек, занимающийся получением оружия массового поражения;</p>

Одним из проявлений тезиса о когнитивной функции метафоры, по мнению А.Н. Баранова, является «предположение о том, что метафора влияет на процесс принятия решений. Метафора может влиять на любой из этапов принятия решений, но она особенно важна при формировании множества альтернатив разрешения проблемной ситуации... Выбор метафорической модели навязывает, формирует набор альтернатив разрешения проблемной ситуации». Таким образом, метафорическая модель, позволяет человеку видеть только те альтернативы, которые совместимы с данной моделью и которые она высвечивает в ситуации коммуникативного взаимодействия.

Какие же стороны, альтернативы скрывает обсуждаемая метафорическая модель?

Во-первых, сосредотачиваясь на провозглашении благородных дел США и стран, входящих в коалицию, на трудностях и жертвах в рядах американских войск, госпожа Райс не упоминает о жертвах со стороны мирного населения Ирака, о тысячах бомб, которые были сброшены на Ирак. «Затемняются» корыстные цели США, такие как: контроль нефтяного потока из второго крупнейшего в мире запаса нефти, возможность контролировать поток нефти из Центральной Азии, что гарантировало бы экономическое доминирование над значительной частью мира.

Во-вторых, приковывая внимание аудитории к порочной и демонической сущности Сад-

дама Хусейна, опускается тот факт, что война ведется не с ним лично, а с государством, которое он представляет, с людьми, проживающими на данной территории.

В-третьих, госпожа Райс не акцентирует внимание аудитории на отсутствии четких доказательств в причастности Хусейна к террористическим атакам на Мировой торговый центр и Пентагон, в существовании связи Саддама с Аль-Каидой. Осама Бен Ладен – радикальный фундаменталист, и он питает неприязнь к светским лидерам подобным Саддаму. В свою очередь, Саддам стойко подавлял фундаменталистские движения на территории Ирака. Но эти факты не препятствуют регулярному упоминанию имени Саддама Хусейна в контексте событий 11 сентября и в контексте террористической деятельности Аль-Каиды.

В итоге нашего исследования, мы приходим к следующему выводу: «Сказка о справедливой войне», в упрощенной форме представляя борьбу добра со злом и оправдывая действия и поступки одних людей, намеревающихся начать военные действия против других, является одной из базовых моделей оправдания внешней политики США и находит отражение во всех своих проявлениях («сказка о спасении» и «сказка о самозащите») и с набором всех своих составляющих (герой, жертва, злодей, преступление) в риторике Кондолизы Райс в период войны в Ираке. Реализуясь в официальных заявлениях госпожи Райс, данная метафорическая модель представляет собой не просто выражения, которые делают войну более приятной для общественности, а скорее является способом аргументации, который как определяет, так и ограничивает международную политику США.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А.Н. Когнитивная теория метафоры: почти двадцать пять лет спустя // Дж. Лакофф, М. Джонсон. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004.
2. Будаев Э.В. Сказка о справедливой войне в средневековом политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2007. №3 (23). С. 19-22.
3. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Концептуальная метафора в политическом дискурсе: американский, европейский и российский варианты исследования //

Известия УрГПУ. Лингвистика. 2006. № 17. С. 35-77.

4. Галаниди Е.Н., Калинин Б.А. Метафорический компонент понимания современных войн // Современные социально-философские и психолого-педагогические проблемы: Сборник научных трудов. 2005. Вып. 18. С. 56.

5. Лакофф Дж. Метафора и война: система метафор для оправдания войны в Заливе // Будаев Э.В., Чудинов А.П. // Современная политическая лингвистика. 2006. С. 59-71

6. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004.

7. Тексты выступлений Кондолизы Райс. – Режим доступа: <http://www.whitehouse.gov/> (дата обращения: 09.08.2008).

8. Condoleezza Rice's star rising. URL: <http://www.msnbc.msn.com/id/10602793/> (дата обращения: 15.07.2008).

9. Gershkoff A., Kushner Sh. Shaping Public Opinion: The 9/11-Iraq Connection in the Bush Administration's Rhetoric // Perspectives on Politics. 2005. Vol. 3, Issue 03. P. 525-537.

10. Hiebert R.E. Public relations and propaganda in framing the Iraq war: a preliminary review // Public Relations Review. 2003. Vol. 29, Issue 03. P. 243-255.

11. Kuusisto R. Just war, cruel slaughter and humanitarian bombings? The rhetorical frameworks of the western power leaders in action. URL: <http://www.lausti.com/focus/2000/kuusisto.html> (дата обращения: 20.07.2008).

12. Lakoff G. Metaphor and War, Again // Altnet. 18.03.2003. URL: <http://www.altnet.org/story/15414> (дата обращения: 02.09.2008).

13. Mearsheimer J.J., Walt S.M. An unnecessary war. URL: <http://www.questia.com> (дата обращения: 20.07.2008).

14. Reese S.D. Militarized journalism. Framing dissent in the Gulf Wars // Reporting War: Journalism in Wartime. 2004. P. 247-265.

15. Rice C. Why We Know Iraq is Lying // A Column By Dr. Condoleezza Rice. URL: <http://www.whitehouse.gov/news/releases/2003/01/20030123-1.html> (дата обращения: 02.08.2008).

16. Wahrhaftig P. The Gulf: Déjà vu? // Conflict Resolution Notes. 1991. V. 8. No. 4. P.31.

17. Wahrhaftig P. The Power of the Metaphor: The Fairy Tale of the Just War // Conflict Resolution Notes. 1991. V. 8. No. 4. P. 33-34.

© Матыгина Е.Б., 2009

Нахимова Е. А.
Екатеринбург, Россия
**ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ПОЛЕ «МОНАРХИ»
В ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННЫХ
РОССИЙСКИХ СМИ**

Nakhimova E. A.
Yekaterinburg, Russia
**PRECEDENT FIELD "MONARCHS" IN THE DIS-
COURSE OF PRESENT-DAY RUSSIAN MASS
MEDIA**

УДК

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.01

Аннотация. Рассматриваются закономерности использования имен российских царей (великих князей, императоров) в современных российских СМИ. Проанализированы важные для отечественной истории и культуры имена Александр Невский, Иван Калита, Иван Грозный, Петр Великий, Екатерина Великая и др. Разграничено денотативное и коннотативное (метафорическое) употребление указанных имен.

Ключевые слова: прецедентное имя, прецедентное поле, монарх, великий князь, царь, император, история России, язык СМИ.

Сведения об авторе: Нахимова Елена Анатольевна, кандидат филологических наук, докторант.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26.

E-mail: v.nakhimov@rambler.ru

Abstract. Here we study the patterns in the usage of the names of Russian tsars (grand dukes, emperors) in present-day Russian mass media. Some names important for the Russian history and culture, e.g. Alexander Nevskii, Ivan Kalita, Ivan the Terrible, Peter the Great, Catherine the Great, etc. have been analyzed. Denotational and connotational (metaphorical) usage of these names have been differentiated.

Key words: precedent name, precedent field, monarch, grand duke, tsar, emperor, the history of Russia, the language of mass media.

About the author: Nakhimova Elena Anatolyevna, candidate of philology, doctoral student.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Прецедентные имена – это важная часть национальной культуры и языковой картины мира, яркий показатель специфики народного самосознания, рефлексии нации на собственную историю и культуру. Одновременно это эффективное средство этической, эстетической, утилитарной, нормативной, эмоциональной, интеллектуальной оценки наших современников при помощи их сопоставления с людьми, которые жили в иных исторических условиях, или с героями художественных произведений.

К числу прецедентных относятся имена собственные, которые используются в тексте не столько для обозначения конкретного человека (ситуации, города, организации и др.), сколько в качестве своего рода культурного знака, символа определенных качеств, событий, судеб [Гудков 2003: 108]. Среди продуктивных полей-источников прецедентности определенное место занимают и имена монархов, которые в силу их широкой известности легко воспринимаются адресатом.

В самых различных лингвокультурных сообществах английский король *Ричард Львиное сердце* символизирует воинскую доблесть, *Карл Второй* – смерть на эшафоте, *Генрих VIII Синяя Борода* – жестокость к возлюбленным, а французские *Людовики* – абсолютное самовластие. Полководческие таланты символизируют *Гай Юлий Цезарь* и *Наполеон Бонапарт*, безмерную жестокость – римские императоры *Нерон* и *Калигула*. Для русского национального сознания многое значат прецедентные имена *Дмитрий Донской*, *Иван Грозный*, *Петр Великий*, *Екатерина Великая*, *Александр I*, *Николай II*, которого одни называют *Кровавым*, а другие – *Святым*. В последние годы количество

прецедентных концептов, используемых в средствах массовой коммуникации, заметно расширяется, растет и частотность их использования, что связано, в частности, с особенностями постмодернистской парадигмы, так характерной для современной коммуникативной ситуации.

Изучение активно используемых прецедентных имен может представить интересный материал для оценки ментально-вербальной базы, эрудиции, жизненного опыта, политических предпочтений, прагматических установок и речевого мастерства автора, подобное исследование позволяет лучше понять представления создателя текста о его адресате. Рассмотрение арсенала прецедентных имен представляет интересный материал для постижения специфики национальной ментальности на соответствующем этапе развития общества [Нахимова 2007, 2008]. Как известно, каждая историческая эпоха выстраивает свой вариант исторического развития общества и рождает свои представления о качествах той или иной личности [Слышкин 2007]. Очевидно, что образы Ивана Грозного, Николая I или Александра II Освободителя неодинаково воспринимались в начале прошлого века, в его середине и в современную эпоху. В зависимости от политической ситуации на том или ином этапе развития общества оказываются востребованными различные прецедентные имена, при использовании которых акцентируются то одни, то другие смысловые компоненты. В частности, Александр II может быть представлен и как освободитель крестьян, и как реформатор судебной системы, и как жертва террора, и как сторонник политического либерализма.

4. В данной статье рассматриваются закономерности использования в современных российских СМИ прецедентных имен российских монархов. При этом учитывается как денотативное использование соответствующего имени, так и коннотативное его употребление. В первом случае прецедентное имя используется именно как обозначение конкретного монарха. Например, прецедентное имя *Иван Грозный* при таком употреблении обозначает именно царя *Ивана (Иоанна) Васильевича*, который царствовал в XVI веке.

5. При коннотативном использовании *Иваном Грозным* могут называть, например, нашего современника, который так или иначе похож на первого российского царя. Это может быть даже не конкретный человек, а своего рода символ определенных качеств. Ср.: *Обозреватель "Уолл-стрит джорнэл" Фредерик Кемпе опубликовал в канун саммита статью под заголовком "Получить как можно больше от объятий с русскими". Кемпе образно пишет, что на одном плече Путина примостился маленький Александр Герцен (символ западничества), а на другом — гигантский Иван Грозный (символ тоталитаризма). Если принять эту символику, то совершенно ясно: пролезть, согнувшись, в окно, а еще лучше — пройти по-человечески в дверь Путин может только в компании Герцена. В обнимку с Иваном Грозным не получится. Как это ни парадоксально на первый взгляд, трагедия 11 сентября в Нью-Йорке и Вашингтоне была стратегической победой Герцена над Иваном Грозным (М. Стуруа. К Бушу в душу. — Московский комсомолец, 12.11.2001).*

Очевидно, что президент Путин не может оказаться в одной компании с реальными Алек-

сандром Герценом и Иваном Грозным. В данном случае Герцен — это традиционный для российской ментальности символ «либерала-западника», а Иван Грозный — это не менее традиционный символ жесткой самодержавной власти, крайне далекой от либеральных идей сотрудничества с западным миром.

По справедливому замечанию Г.Г. Слышкина, «историческое знание составляет важный элемент не только культуры, но и лингвокультуры, получая языковую реализацию в виде исторических метафор, цитат и аллюзий» [Слышкин 2007: 82]. В современных российских СМИ активно используются прецедентные имена значительного числа российских царей и — шире — высших руководителей нашего государства вне зависимости от того, как именно соответствующий лидер официально назывался — Императором, Президентом или Генеральным секретарем. Многие из этих руководителей сыграли важную роль в развитии российского государства и даже всей мировой цивилизации. Соответствующие прецедентные имена нередко становятся своего рода ориентирами, по которым оценивают деятельность, политические и личностные качества наших современников.

Значительный интерес представляет уже сам факт использования того ли иного прецедентного имени в современных СМИ и частотность такого использования; еще больший интерес вызывают актуальные смыслы, который имеет соответствующие прецедентные имена в современных СМИ. Поэтому рассмотрим арсенал соответствующих имен.

Материалом для настоящего исследования послужила полнотекстовая база современных печатных и электронных СМИ, содержащая более двух миллионов современных текстов. На этой основе были выявлены сотни апелляций к указанным прецедентным концептам, зафиксированным в «Национальном корпусе русского языка» и/или представленных на Интернет-сайтах российских общенациональных газет («Завтра», «Известия», «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Московские новости», «Независимая газета», «Новые известия», «Российская газета», «Советская Россия», «Труд» и др.) и других Интернет-сайтах или Интернет-порталах (Regnum, Yandex, Mail.ru, Газета.ru и др.).

Легендарный основоположник российской государственности — предводитель варягов князь Рюрик, от которого ведут родословную древнейшие российские княжеские фамилии. В современных текстах Рюрик чаще всего упоминается не только как основоположник династии руководителей России, но и в контексте приглашения руководителя «со стороны». Ср.: *Ситуация в Бурятии напоминает кровопролитные усобицы славянских кланов накануне прихода варяжских князей. И лишь пришедшая с Севера династия Рюрика на несколько веков сплотила русов в могучую и сильную державу.*

Вот и современная Бурятия, отчаянно нуждается в независимо мыслящем опытном "варяге". Который, не будучи связан ни с одним из местных кланов, сможет решать реальные проблемы региона на благо местного населения, а не заниматься бесконечной возней в борьбе за власть (А. Ильин. Бурятия в ожидании лучшего выбора – Время новостей, 15.05.2007).

В другом контексте выражение «от Рюрика до Ельцина» имеет смысл «на протяжении всей российской государственности, от первого до последнего (на тот момент) руководителя страны». Ср.: *Баланс, столь филигранно выстраиваемый в живой природе, а также во всех без исключения странах, во все без исключения времена, при всех без исключения строях – от правых до левых, от теологических до демократических и даже в самой России от Рюрика до Ельцина, – резко нарушен. Это не имеет ничего общего ни с русской национальной традицией, ни с интересами государства (Ю. Магаршак. Созидание и разрушение. – Время новостей, 21.03.2007).*

Среди других князей эпохи Киевской Руси чаще современные авторы нередко вспоминают о политическом неудачнике князе Игоре и плачущей по нему Ярославне, а также о Всеволоде Большое Гнездо, Ярославе Мудром и Владимире Мономахе. Но особенно часто в современных СМИ упоминается князь Александр Невский, который не только прославился победами над немецкими и шведскими оккупантами, но и обладал мастерством политического компромисса, которое позволило найти взаимопонимание даже с Золотой Ордой. Ср.: *Святой князь Александр Невский прогибался еще больше — после победы на льду Чудского озера он не поленился поехать в Орду за ярлыком на княжение, и поцеловать руку хана не почел за труд. Я легко могу себе представить лучшего, чем Путин, президента — с глазами Серафима Саровского, лбом Льва Толстого и решительностью Чапаева. Но я не вижу сегодня лучшего реального кандидата на пост президента России. (И. Шамир. Конституция мозгов. – Завтра, 01.08.2007).*

Среди властителей Московского периода современные журналисты и политики особенно часто вспоминают Дмитрия Донского и Ивана Калиту. Первый воспринимается как победитель в Куликовской битве и часто упоминается среди выдающихся российских полководцев. Ср.: *Сталин отодвигал гасил отодвигал марксистскую компону с "пролетариями всех стран" и "свободным развитием каждого.", нажимал на клавиши "Суворов" и "Кутузов", "Александр Невский" и "Дмитрий Донской", "Иван Грозный" и "Петр Великий" (Неприкосновенный запас. – Наш современник, 2003). В противоположность ему Иван Калита постоянно вспоминается как экономный правитель, сумевший укрепить и расширить свое государство*

без использования военной силы и значительных репрессий. Ср.: И все же вопрос о вожде и о Путине не укладывается в выбор между альтернативами Сталина и Калиты. Какой мне смысл выбирать кого-то из них, если все это совершается без меня? (Д. Тукмаков. Медиатация о лидере. – Завтра, 20.11.2001).

Особенно часто в современных СМИ встречается прецедентное имя Иван (Иоанн) Васильевич Грозный, который упоминается то как жестокий властитель, то как царь-преобразователь. Ср.: *Президентство Владимира Путина доказывает, что сталинизм в России никогда не закончится. Вынырнув из прошлого, российская диктатура продолжается в будущем почти без перерыва, меняя только название: Иван Грозный, Петр Великий, Коба Страшный (Н. Хрущева. Вова Ужасный. – Московский комсомолец, 05.03.2005). Я не вижу здесь ничего бредового, — отмечает все сомнения лидер "фронта" Вадим Гузинин. — Путин у нас здесь был, вклад свой внес. Я лично считаю, что нынешний президент — фигура уровня Ивана Грозного или Петра Великого (И. Смелев. Ну вы даете! – Московский комсомолец, 14.04.2004).*

Эпизодически вспоминают современные журналисты и «царя» Симеона Бекбулатовича, имя которого оказывается своего рода символом формального «царствования», бессилия и безвластия при наличии всех атрибутов верховной власти. Ср.: *Задолго до случившейся 7 мая церемонии представители самых разных политических направлений сделали все возможное, чтобы эту церемонию девальвировать. Венчание на царство Симеона Бекбулатовича может быть триумфом глубоких политехнологий, но к мистерии власти такой триумф имеет слабое отношение. Во всяком случае различные жесты и установки, исходящие из Кремля и его окрестностей, объективно работали на создание образа Симеона Бекбулатовича, то есть на упреждающую девальвацию (М. Соколов. Тайна верховной власти. – Эксперт, 12-19 мая, 2008).*

В современных СМИ активно используются прецедентные имена царей, занимавших престол в Смутное время (или претендентов на этот престол). Журналисты постоянно сопоставляют лидеров, возглавлявших Россию на протяжении последнего столетия, с царями Федором Иоанновичем, Борисом Годуновым, Василием Шуйским, а также с самозванцем (самозванцами) Лжедмитрием (Гришкой Отрепьевым, Тушинским вором). Ср. *А кроткий, чистый, почти безупречный Николай II, пожалуй, более всего напоминаю Фёдора Иоанновича, — не прощён тем более, чем, не по месту, не по времени, был он кротче и миролюбивей. (А. Солженицын. Размышления над февральской революцией. – Российская газета, 27.02.2007). А мне сдается, что Путин — не Иван Калита, а Борис Годунов, и после него*

будет не Куликовская Битва, а новая Великая Смута. Осталось дожидаться нового Самозванца и поляков в Кремле (Форум. Отзывы читателей на статью А. Проханова «Суверенная демократия — оборонная доктрина России». — Завтра, 24.01.2007).

С царями периода Смуты журналисты постоянно сравнивают и президента Б.Н. Ельцина. Ср.: *Что такое Шуйский? Шуйский — это в какой-то степени Ельцин. Поздний Ельцин. В этих сравнениях всегда есть некоторая доля натяжки, но они здесь настолько яркие, что даже при всей рискованности в них есть смысл.* (М. Леонтьев. Быть державой или вообще не быть! — Труд, 03.11.2006). *Даже немогущий Ельцин по ночам исповедуется Пушкину за свои злодеяния, стремясь уподобиться Ивану Грозному, хотя роль ему отведена в русской истории Гришки Отрепьева с его разорением России. Нет за Ельциным никакой присоединенной Казани, один лишь разор и мор...* (В. Бондаренко. Маскарад. — Завтра, 15.06.1999). Актуальные смыслы указанных прецедентных имен вполне предсказуемы: Федор Иоаннович символизирует собой прекраснодушную нерешительность, Борис Годунов — неспособность справиться с обстоятельствами, Василий Шуйский — чрезмерную зависимость от своих «ближних бояр», а Гришка Отрепьев (Самозванец Лжедмитрий) — лживость и продажность. Нетрудно заметить, что сопоставление современных политических лидеров с царями и самозванцами начала XVII века, как правило, связано с негативной оценкой современных правителей.

Вполне закономерно и то, что Михаил Романов вне зависимости от своих личностных качеств становится олицетворением прекращения Смуты и начала новой династии, три столетия определявшей судьбу России, которая именно в эту эпоху выдвинулась в ряды крупнейших мировых держав. Ср.: *Отчего, кстати, все-таки смуты? Оттого что именно после смут на престол садятся Михаилы Романовы и основывают династии с законом о престолонаследии* (С. Землянов. Исторические люди. — Московские новости, 12.07.2003).

При необходимости наши современники ищут аналогии и в эпохе царя Алексея Михайловича. Ср.: *Впрочем, эти же вопросы задавал себе и царь Алексей Михайлович, пытавшийся в XVII столетии решить вопрос о том, на кого из украинских партнеров России, гетманов и кандидатов в гетманы, логичнее сделать ставку — оптимальный ответ так и не был найден за его отсутствием. Похоже, и сейчас речь может идти только о временных тактических договоренностях, а не о стратегических решениях, для которых как минимум нужна внутривнутриполитическая определенность* (А. Макаркин. Цена вопроса. — Коммерсантъ, 12.02.2008).

Среди царей из династии Романовых современные политики и журналисты чаще всего вспоминают о Петре Великом, в котором видят сильного реформатора, коренным образом изменившего Россию. Ср.: *В кого превращают Ельцина телекудесники и виртуозы пера? В "Царя", в "Петра I наших дней", в "феномен", в "могучего русского мужика из глубинки во власти". На наших глазах вновь переписывается история. Для тех, кто не знал или что-то пропустил, — Ельцин был "любим и почитаем народом", "уважаем за рубежом", а если и ошибался, то в точности, как Петр Великий: широко и "болея сердцем за Россию"* (А. Проханов. Путинизм=Ельцинизм. — Завтра, 8.02.2000).

Среди других российских властителей, правивших в XVIII веке, особенно часто вспоминают об Анне Иоановне, Елизавете Петровне и Екатерине Великой. Так, фактологической основой для прецедентного использования первой из названных императриц может быть история ее прихода к власти и беспримерное число иностранцев, оказавшихся в высших государственных сферах российского государства и впоследствии удаленных от власти Елизаветой Петровной. Ср.: *Нынче мы свидетели новой редакции бирюзовщины в еще более громадных масштабах, чем это было два с половиной века назад. Тогда Анну Иоанновну посадили на престол на условиях известных "кондиций". Складывается впечатление, что у Путина свои "кондиции" по отношению к русскому народу* (В. Петров. Путин как Анна Иоанновна. — Завтра, 18.02.2003). *Анна Иоанновна умерла 17 октября 1740 года. После ее смерти под прикрытием имени малолетнего Иоанна VI Брауншвейгского страной продолжали верховодить все эти карлы, густавы и рейнгольды. Но долго это продолжаться не могло. 25 ноября 1741 года гвардия, совершив переворот, объявила императрицей дочь Петра. С «карлами» Елизавета обошлась милостиво: всего лишь отправила в ссылку. Думается, что с нынешними карлами и карловичами, включая известного Николая Карловича, история обойдется не столь милостиво* (В. Бушин. Романовы и Ельцин. — Завтра, 01.09.1998).

Прецедентные имена Павел I и Петр III чаще всего используются в контексте их насильственной смерти от рук придворных, недовольных их деятельностью. Ср.: *При этом всякий монарх должен помнить, что ему очень важно поддерживать равновесие между многочисленными группировками в окружающей его элите, в противном случае его ждет печальный конец, о чем убедительно свидетельствуют примеры Петра III и Павла I. Живучим на Руси оказывается только тот правитель, который склонен к консенсусу* (Н. Архангельская. Естественный клановый отбор. — Эксперт, 10.12.2001).

Во многих контекстах рассматриваемые прецедентные имена упоминаются в связи с непониманием российских реалий, зудом умеренного реформаторства и пренебрежительным отношением к достижениям предшественников. Журналисты считают, что подобные качества проявляли как некоторые цари, так и отдельные современные руководители. Ср.: *Плоды Великой Отечественной войны были ликвидированы в одночасье. Горбачев, в сущности, был похож на Петра III, который после семилетней войны, как только ему присягнули войска, свёл на нет все тёткины достижения. Семилетняя война была против его кумира Фридриха II Великого, которого он обожал, как комнатная собачонка* (В. Еремينا. – Газета.ru, 08.08.08). *Нынешние действия России на Кавказе порой напоминают конец Персидского похода. Нет ни единой рациональной причины, которой их можно объяснить. Это означает, что во главе России стоят люди, которые думают как Павел I* (Ю. Латынина. Новый персидский поход. – Эксперт, № 2 (2), 31 мая 2007).

Во многих случаях современные политики и журналисты в поисках аналогий с современностью вспоминают об трех Александрах и двух Николаях, управлявших Россией с начала XIX века до 1917 года. Нередко авторы сопоставляют действия современных политических лидеров с деятельностью то одного, то другого царя, причем предпочтение чаще всего отдается Александру II. Ср.: *Валерию Гальченко предстояло сыграть роль ткачихи, предложившей президенту остаться на третий срок. «Сегодня муниципальное сообщество нуждается в лидере», – изрек он. По его словам, муниципальной реформой занимались самые влиятельные люди. Например, царь Александр II. Хорошо еще, сравнил не с Николаем I.* (Н. Меликова. «Единая Россия» сравнила Путина с царем. – Независимая газета, 24.10.2007). *Дмитрий Медведев поразительно похож на Николая II. Поскольку восприятие сместилось в сторону мужского – глазами, а не ушами, – смотрю на него с состраданием. Его не убьют, надеюсь (как не убили Ельцина, аналога Александра II), но по сути история повторяется. Путин – в роли Александра III. Но только все не буквально повторяется.* (Т. Щербина. Среди структур, в мерцании светил. – Независимая газета, 28.02.2008).

В негативном плане современные авторы чаще всего представляют Николая I, который не только жестоко расправился с декабристами, но и, растеряв бывших союзников, потерпел поражение в Крымской войне. Ср.: *Тем более что Бушу удалось то, что редко удавалось какому-либо государственному деятелю (разве только Николай I приходит в этом смысле на ум), – оттолкнуть друзей и объединить против себя врагов* (А. Янов. Америка без третьего шанса. – Независимая газета,

25.07.2007). *Тех слов, которыми поливал Россию батька [президент Белоруссии], мы не слышали ни от Буша, ни от Саакашвили, а вот поди ж ты! Кремль все-таки батьку терпит и бережет. Так в XIX веке Николай I поддерживал против революций любой монархический режим, из одного чувства авторитарной солидарности, – причем поддерживанные режимы обыкновенно платили Николаю Павловичу черной геополитической неблагодарностью.* (Ю. Латынина. Новогодний подарок. – Газета.ru, 8.01.07).

И даже такое качество царя, как стремление самому вникнуть в каждую деталь, лично все проконтролировать, воспринимается в негативном плане. Ср.: *Задолго до форума Герман Греф лично приезжал, собирал оргкомитет. Как Николай I, обошел каждую караульную будку. В итоге все, за что отвечала Москва, – ниже ватерлинии парома "Виктория", на котором проживало большинство участников.* (Б. Рынска. Свет и тени форума. – Известия, 14.06.07).

Если сопоставлять образы царствовавших потомков Николая I, то можно заметить, что Александр II чаще всего упоминается как сторонник решительных либеральных реформ, политический лидер, много сделавший для страны, не оцененный по достоинству современниками и погибший от рук террористов. Ср.: *Президенту явно не хватает профессионалов, команды. Проблема тем более остра, чем очевиднее инертность постсоветского общества, пока так и не избавившегося от социальной пассивности и иждивенчества. При этом Путин подчеркнуто избегает выступать в роли Наполеона, Кемаля Ататюрка, генерала Перона, Петра Великого или Александра II, то есть в роли авторитарного реформатора.* (С. Бабаева, Г. Бовт. Неоконченный портрет правления Владимира Путина. – Известия, 24.03.02). *Судьба Хрущева, как судьба Бориса Годунова и Александра II, – это печальная судьба реформатора в России, которая больше чтит кровавых диктаторов* (С. Хрущев. Чтобы поднять экономику, Россия должна кого-то ограбить. – Известия, 28.09.03).

Император Александр Александрович чаще всего упоминается как контрреформатор, консерватор, отказавшийся от курса своего предшественника на либерализацию. О политике Александра III нередко вспоминают, говоря об опасности сворачивания демократических реформ, положивших конец тоталитарному государству. Ср.: *Вся эта политика абсолютно логична. Перед нами – очередное "подмораживание" России, системная контрреформа, демонтаж ряда основных элементов ельцинских реформ (историческая аналогия – контрреформа Александра III в ответ на реформы Александра II).* (Л. Радзиховский. Контрреформа – Известия, 18.10.04). *Радзиховский сравнивает то, что происходит сегодня, с контр-*

реформами **Александра III**, последовавшими за реформами **Александра II**. Мне же более уместной представляется параллель с Михаилом Романовым, наводившим в государстве порядок после Смутного времени. Потому что при Ельцине было абсолютно не понятно, кто имеет реальную власть, откуда берутся законы и вообще когда все это закончится (А. Семенов. Не царь – и слава богу. – Известия, 02.11.04). *Существует угроза формирования общества сродни царствованию **Александра III** с его квасным патриотизмом, огосударственной церковью, политикой империалистического расширения и удушения инакомыслия* (Н. Кочеткова. Ностальгия-шизофрения. – Известия.ru, 13.05.2005).

Авторы многих публикаций в том или ином контексте вспоминают знаменитую фразу **Александра III** о том, что главные союзники России – это ее армия и ее флот. Ср.: *Где русский язык, там и сам русский народ. Здесь в первую очередь речь об отделенных от России десятках миллионов людей в так называемом ближнем зарубежье. Тут уже совершенно очевидно, что желание отгородить РПЦ от политики, скорее, злонамеренно, чем наивно. Это касается и некоторых других внешнеполитических проблем. Поэтому к известной формуле **Александра III**, согласно которой у России нет других союзников, кроме ее армии и флота, я бы добавил: и Русской православной церкви* (В. Третьяков. Наказы новому патриарху. – Известия, 05.02.09). *Директор одного важного агентства Дм. Орлов домелся до аналогии между реформатором-демократом Путиным и контрреформатором-самодержцем **Александром III**, который полагал и сыну заповедовал, что "теперь главные друзья России — ... армия и флот". Ничего, даже отдаленно похожего на этот близорукий посыл, у Путина нет.* (Э. Рудник. Без заглавия (подборка писем читателей). – Известия, 19.05.06).

Показательно, что наши патриотическая и отчасти центристская пресса чаще всего сочувственно цитируют указанные слова императора, тогда как либерала-западники нередко вспоминают эту фразу как своего рода манифест изоляционизма, следствием которого может быть излишняя милитаризация государственной политики.

Николай II в современных СМИ чаще всего упоминается как слабый правитель, который не смог справиться с грузом ответственности и тем самым допустил кровавую стуту. *Очень скоро после снятия Хрущева страна стала жить на выбега, пока всем опять все не надоело. Нежелание реформ во времена Брежнева создало предреволюционную ситуацию, как при **Александре III** и **Николае II**.* (С. Хрущев. Чтобы поднять экономику, Россия должна кого-то ограбить. – Известия, 28.09.03). *Это консерватизм, но не европейский. То, что сейчас де-*

*лает Путин, это консерватизм в духе **Николая I** или **Александра III**. А я бы предпочел консерватизм в стиле **Александра II*** (А. Закатнова. Госдума стала менее яркой. – Независимая газета, 29.07.2000).

После канонизации Николая II можно было бы ожидать, что его имя чаще начнет употребляться с положительной коннотацией, но это пока характерно только для православных и национал-патриотических СМИ.

В целом представленный обзор свидетельствует, что область-источник «Российские монархи» активно используется современными политиками и журналистами, которые в поисках аналогий часто обращаются к истории России, сопоставляют современных руководителей России с теми, кто властвовал в прошлые столетия, а современную политическую ситуацию – с тем, как жила наша страна в прошлом. Нередко подобные параллели становятся важным средством аргументации в современных политических дискуссиях, а позитивная или негативная оценка личности и политической деятельности того ли иного монарха в значительной степени зависит от политических пристрастий автора.

Можно заметить, что современные авторы используют прецедентные имена русских правителей преимущественно в негативном контексте: особенно часто вспоминают царей, которые не по собственной воле покинули трон и отправились в иной мир (Петр III, Павел I, Иоанн Антонович), ветреных цариц, баснословно одаривавших фаворитов, политических неудачников. В положительном смысле упоминается только Петр I, но и ему нередко ставят в упрек методы, которые он использовал, когда «прорубал окно в Европу», в том числе «построенную на костях» столицу. Эпизодически в положительном плане используются также образы «реформатора» **Александра II** и **Екатерины Великой**, но и в их деятельности отмечается множество изъянов. Видимо, неуважение к утратившим власть политическим лидерам – это такая же традиционная черта наших соотечественников, как и подобоострастие к людям, стоящим у власти.

Необходимо разработать специальную методику выявления наиболее употребительных прецедентных имен и описания их дифференциальных признаков, что создаст условия для последующей подготовки специальных лексикографических изданий и более точного определения ментально-вербальной лексикона современного российского общества.

ЛИТЕРАТУРА

Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М., 2003.

Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. – Екатеринбург, 2007.

Нахимова Е.А. Прецедентное имя *Керенский* в современных отечественных СМИ // Политическая лингвистика. 2008. № 1 (24).

Слышкин Г.Г. Концепт личности как элемент лингвокультурной историосферы (на материале

концепта «Талейран») // *Ethnohermeneutik und cognitive linguistic*. – Landau, 2007.

© Нахимова Е.А., 2009

Онищенко М. С.

Ульяновск, Россия

**НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТА
СВОБОДНАЯ СТРАНА В РУССКОМ,
НЕМЕЦКОМ И АМЕРИКАНСКОМ
КОГНИТИВНОМ СОЗНАНИИ**

УДК 81'23+81'27

ГСНТИ 16.21.27, 16.21.29

Onishchenko M. S.

Ulyanovsk, Russia

**NATIONAL SPECIFICITY OF THE CONCEPT
OF A FREE COUNTRY IN THE RUSSIAN,
GERMAN AND AMERICAN
COGNITIVE CONSCIOUSNESS**

Код ВАК 10.02.04

Аннотация. Статья освещает результаты исследования национальной специфики концепта свободная страна в русской, американской и немецкой концептосфере и его лексико-фразеологической объективации в соответствующих языках. Исследование проведено в рамках семантико-когнитивного подхода к языку и лингвистической концептологии. Строится модель концепта, описывается его содержание, предпринимается попытка интерпретации выявленных сходств и различий.

Ключевые слова: концепт, свободная страна, когнитивное сознание.

Сведения об авторе: Онищенко Марина Сергеевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры общенаучных дисциплин.

Место работы: Ульяновский государственный технический университет.

Контактная информация: 432059, г. Ульяновск, пр-т Ак. Филатова, д. 2, кв. 93

E-mail: m.onishchenko@mail.ru

Abstract. The article contains the results of the research of the national specificity of the concept of a free country in the russian, american and german conceptospheres and its lexical-phraseological objectivation in the languages in question. The research is done within the framework of semantic-cognitive approach to the language and linguistic conceptology. The article presents the model of the concept and its contents. The author makes an attempt to construe the revealed similarities and differences

Key words: concept, free country, cognitive consciousness.

About the author: Onishchenko Marina Sergeevna, candidate of philology, senior lecturer of the chair of general sciences.

Place of employment: Ulyanovsk State Technical University.

Словосочетание **свободная страна**, на первый взгляд не являющееся устойчивым, давно вошло не только в политический, но и в повседневный дискурс, и если политики оперируют им, в основном, в своих лозунгах, то в повседневном дискурсе данное словосочетание приобрело идиоматическое значение, что доказывается наличием типичных ситуаций употребления его в речи, таких, как оправдание своих поступков, неприятных другим людям («У нас свободная страна! Что хочу, то и делаю»). Тем не менее, в отличие от многих идиом словосочетание **свободная страна** явно имеет смысл, который можно объективировать, а, следовательно, извлечь: концепт **свободная страна** подлежит исследованию. Концепт **свободная страна** является одним из ключевых концептов современной общественно-политической концептосферы. Это подтверждается не только тем, что соответствующее словосочетание часто фигурирует в дискурсе политиков, или тем, что оно давно вошло в повседневный дискурс, но и тем, что данный концепт заключает в себе, с одной стороны, представления о некоей идеальной стране и ассоциации со всем лучшим и светлым, а с другой – включает крайне противоречивые признаки, свидетельствующие в какой-то степени о разочаровании в идеалах свободы и об изменчивости последних. Данное диалектическое противоречие обуславливает постоянную реконцептуализацию в сознании такого феномена как **свободная страна**, не могущего по своей природе стать чем-то раз и навсегда понятным и однозначным, а следовательно, постоянно переосмысливаемого и актуального с точки зрения исследования.

В 2005 г. в интервью газете «The Guardian» Гарри Каспаров сказал следующее: «Я уверен в том, что мои телефоны прослушиваются. Это обычно для России. Наше государство ведет себя по отношению к людям, как в советскую эпоху, не придавая никакого значения конституционным правам своих граждан» [Стивен Мосс 2005]. Не анализируя мотивы данного высказывания, мы попытались представить, какой вывод могут сделать о Российском государстве те читатели интервью, которые не имеют о России собственных объективных сведений. Какие когнитивные признаки образуют концепт **свободная страна** в сознании граждан других стран и носителей других языков? Совпадают такие ли признаки в сознании граждан разных стран и в какой мере? Насколько критическими для межнациональной коммуникации могут быть различия в содержании и структуре данного концепта в разных лингвокультурах?

Интерес к данной теме, с одной стороны, и к возможностям сопоставительных лингвокогнитивных исследований, с другой, побудил нас выбрать соответствующую тему исследования, сформулированную как «Национальная специфика лексико-фразеологической объективации концепта **свободная страна** в русском, английском и немецком языках», работа над которой началась в 2006 году. В 2008 году мы защитили диссертацию по данной теме [Онищенко 2008], причем в ходе диссертационного исследования было вскрыто столь многочисленное количество любопытных проблем, связанных с исследованием концептов общественно-политической концептосферы, что работа в данной области продолжается нами до сих пор

и имеет, на наш взгляд, широкие научные и прикладные перспективы.

Изложим основные результаты исследования, проведенного нами. Цель состояла в описании языковых средств объективации концепта **свободная страна** носителями русского, немецкого и английского языков, установлении национальной специфики языковой объективации исследуемого концепта и описании национальной специфики содержания и структуры концепта в русской, немецкой и американской лингвокультурах. Исследование выполнено в русле когнитивной лингвистики, в рамках семантико-когнитивного подхода к языку и лингвистической концептологии.

Приведем для начала несколько ключевых лингвоконцептологических понятий, составляющих теоретический фундамент нашего исследования. Концепт есть «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей ментального кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова, Стернин 2006: 24]. Минимальным структурным компонентом концепта, отражающим отдельную черту или признак концепта, является *когнитивный признак* [Ипполитов, Ипполитов 2006: 81]. *Содержание* концепта образовано когнитивными признаками, отражающими отдельные признаки концептуализируемого предмета или явления, и описывается как совокупность этих признаков. Содержание внутренне упорядочено по полювому принципу: ядро, ближняя, дальняя и крайняя периферия. Принадлежность к зонам определяется яркостью признака в сознании носителя концепта [Попова, Стернин 2006: 81]. *Структура* концепта включает образующие концепт базовые структурные компоненты разной когнитивной природы – чувственный образ (включает перцептивный образ, отражающий чувственные представления, а также когнитивный образ), энциклопедическое поле (включает когнитивные признаки, отражающие, прежде всего, осмысление собственных, онтологических признаков концептуализируемого явления, отличающих его от сходных предметов и явлений) и интерпретационное поле (включает когнитивные признаки, которые в том или ином аспекте интерпретируют основное энциклопедическое содержание концепта, вытекают из него, представляя собой некоторое выводное знание, либо оценивают его) и описывается как перечисление когнитивных признаков, принадлежащих каждому из этих структурных компонентов концепта.

Материалом для исследования послужили ответы 400 испытуемых: 200 – из России, 100 – из Германии и 100 – из США на составленную нами по принципам лингвокогнитивных методов концептуального анализа анкету, а также авторские высказывания о свободной стране, поиск которых осуществлялся в Интернете. Период проведения эксперимента – 2006-2007 год. Поясним, что разница в количестве испытуемых, участвовавших в эксперименте, объясняется трудностью поиска испытуемых из Германии и США, для чего приходилось в основном использовать интернет. При этом хотим отметить, что согласно исследованиям Г.А. Черкасовой, готовившей компьютерную версию Российского Ассоциативного словаря, число испытуемых, достаточное для определения основных ассоциаций составляет сто человек, и этот предел нами выдержан. Что касается испытуемых из России, мы добавили ещё сто человек для повышения достоверности и по причине наличия такой возможности.

Для исследования концепта **свободная страна** нами была разработана комплексная методика, в рамках которой использованы двенадцать различных лингвокогнитивных методов и методик: 1) психолингвистические эксперименты: свободный и направленный ассоциативные эксперименты, метод субъективных дефиниций, метод экспликации содержания, метод выявления дифференциальных признаков явления, методика описания чувственного образа, парадигматический эксперимент на подбор опозитов и симиляров, идентификационный эксперимент; 2) методы лингвистического интервьюирования: метод письменной рефлексии, метод оценочной дифференциации и 3) метод лингвистического наблюдения – анализ авторских высказываний. В основу положен метод свободного и направленного ассоциативного эксперимента. При использовании нескольких лингвокогнитивных методов встает вопрос о том, как правильнее всего свести все полученные результаты воедино. Исследование показало, что наиболее объективным способом сведения результатов является учет максимального индекса яркости когнитивного признака по всем проведенным опросам и экспериментам как свидетельство того, что один из экспериментов или опросов позволил выявить тот или иной признак эффективнее других.

Исследование показало, что концепт **свободная страна** имеет широкую лексико-фразеологическую объективацию во всех исследуемых языках. Выявлено 11 304 реакции, объективирующие когнитивные признаки концепта в трех языках и представившие собой материал исследования и объект когнитивной интерпретации.

Для русского языка наиболее частотными лексическими объективациями концепта являются: *независимая, суверенность, демократия, бо-*

гатая, сильная, счастливая, благополучная, справедливая, забота о гражданах, США, Россия, Германия, Путин, Кастро, люди живут в мире и согласии, все счастливы, все улыбаются, высокий уровень жизни, есть свобода слова, право выбора, равные возможности, уверенность в завтрашнем дне, граждане ни от кого не зависят, анархия.

Для американского концепта – это: *the USA, Canada, England, democracy, republic, liberty, freedom, people can do what they want, Abraham Lincoln, George Washington, open, open borders, fair, good opportunities, justice, the opposite of communism, no oppression, I can live where I want, safe, no police presence, free media, free speech, no one can stop you from doing what you want.*

Для немецкого концепта наиболее частотными объективациями являются: *Demokratie, Deutschland, Schweden, Meinungsfreiheit, Glueck, gerecht, unabhaengig, tolerant, offen, freundliche Menschen, Martin Luther King, Mahatma Gandhi, Nelson Mandela, Selbstverwirklichung, jeder kann sich frei entfalten, Pressefreiheit, viele Zeitungen, Reisefreiheit, wenig Militaer auf den Strassen, die Menschen unterhalten sich frei, Hilfsbereitschaft, keine Diskriminierung.*

Результаты описания совокупности средств языковой объективации русского концепта **свободная страна** разработанным комплексом методик были подвергнуты процедуре когнитивной интерпретации, что позволило представить концепт как совокупность когнитивных признаков. Для каждого признака был вычислен индекс яркости как количество испытуемых, объективировавших данный признак в эксперименте (разными языковыми средствами, сведенными в процессе обработки к одному когнитивному признаку), от общего числа объективаций когнитивных признаков концепта участниками эксперимента. После проведения всех опросов и экспериментов для каждого признака был выбран тот индекс яркости, который оказался максимальным по данным того или иного опроса или эксперимента. Содержание концепта **свободная страна** в русском языковом сознании включает в общей сложности 303 признака.

Полевая организация концепта **свободная страна** в русском языковом сознании по результатам описания имеет следующий вид:

ЯДРО:

Это США	0,49
Является независимой	0,49

БЛИЖНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ:

Наличие демократии	0,39
Это Россия	0,37
Обеспечивает благосостояние людей	0,30
Это Германия	0,29
Граждане ни от кого не зависят	0,27

ДАЛЬНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ:

Делает людей счастливыми	0,23
Полная свобода во всем	0,20
Гарантируется свобода слова	0,18

Достигла высокой степени развитости	0,16
Люди проявляют дружелюбие и привязанность друг к другу	0,16
Это Великобритания	0,16
Предоставляет свободу выбора	0,15
Это Франция	0,15
Яркий представитель – В.В. Путин	0,15
Никто не имеет права кому-то что-то запретить	0,13
Обладает большой силой	0,13
Яркий представитель – Фидель Кастро	0,13
Гарантирует гражданам права	0,12
Люди там улыбаются	0,12
Это Швейцария	0,12
Дает уверенность в жизни	0,12
Отсутствие принуждения	0,12
Отсутствие рабовладения	0,12
Существует анархия	0,11
Это Голландия	0,11
Яркий представитель – Джордж Буш	0,11
и др. (всего 120 признаков)	

КРАЙНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ:

Вызывает к себе положительное отношение	0,02
Гарантирует свободу выбора профессии	0,02
Гарантирует свободу самовыражения	0,02
Гарантирует сексуальные свободы	0,02
Гарантирует стабильность	0,02
Граждане демонстрируют щедрость	0,02
Граждане миролюбивы	0,02
Граждане молоды	0,02
Граждане отличаются агрессивностью	0,02
Граждане постоянно развиваются	0,02
Граждане проявляют благоразумие и рассудительность	0,02
Граждане проявляют терпимость	0,02
Граждане проявляют целеустремленность	0,02
Граждане психически устойчивы	0,02
Граждане умеют пользоваться своими правами	0,02
Граждане являются сумасшедшими	0,02
Дети там могут играть с любыми игрушками	0,02
Есть свобода вероисповедания	0,02
Имеет свою Конституцию	0,02
Лояльное законодательство	0,02
Люди довольны властью в стране	0,02
Люди негативно относятся друг к другу	0,02
Люди чувствуют себя свободными	0,02
Не дает чувства безопасности	0,02
Не является зажатой	0,02
Невмешательство государства в личную жизнь граждан	0,02
Обладает богатыми ресурсами	0,02
Основана на принципах либерализма	0,02
Отсутствие анархии	0,02
и др. (всего 176 признаков)	

Далее была описана макроструктура исследуемого концепта.

В концепте отчетливо выделяются образный компонент, энциклопедическое и интерпретационное поле.

ОБРАЗ – 2,51%

Перцептивный – 2,11%

Зрительный – 1,91%

(Люди там улыбаются 0,80%, там ухоженные и благоустроенные населенные пункты 0,25%, там красивая природа 0,25%, там грязно на улицах 0,06%, там светло 0,04% и др.)

Слуховой – 0,12%

(Образ смеющегося ребенка 0,04%, шумная, песни, радио Свобода, тихие улицы с невысокими домами – всего 0,08%)

Обонятельный – 0,02%

(благоухающая – 0,02%)

Тактильный – 0,06% (Там тепло 0,06%)

Когнитивный – 0,40%

(Похожа на рай 0,04%, не похожа на тюрьму 0,11% и др. – всего 0,25%)

Образный компонент объединяет 2,51% признаков, образующих содержание концепта.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОЕ ПОЛЕ – 71,56%

Дифференциальная зона – 18,17%

(Является независимой 7,10%, наличие демократии 4,69%, гарантируется свобода слова 2,64%, гарантируется свобода передвижения и свободный въезд/выезд 1,55%, гарантируется право на свободу мысли 0,96%, гарантирует свободу СМИ 0,54%, имеет свою Конституцию 0,11%, политический плюрализм 0,11% и др.)

Описательная зона – 32,16%

(Полная свобода во всем 3,39%, предоставляет свободу выбора 1,53%, граждане ни от кого не зависят 1,46%, обеспечивает равенство 1,42%, существует анархия 1,38%, достигла высокой степени развитости 1,11%, гарантирует гражданам права 1,07%, имеет красивый внешний облик 0,57%, низкий уровень преступности 0,56%, обеспечивается социальная поддержка (государство проявляет заботу о людях) 0,54%, отсутствие рабовладения 0,48%, высокий уровень нравственности 0,38%, высокий интеллектуальный уровень граждан 0,36%, высокий уровень патриотизма 0,34%, граждане имеют чувство ответственности 0,34%, высокий уровень культуры 0,31%, имеет большую территорию 0,31%, гарантирует свободу личности 0,27%, отсутствие монарха 0,27% и др.)

Идентификационная зона – 19,62%

(Это США 2,07%, это Россия 1,61%, это Германия 1,11%, это Великобритания 0,59%, яркий представитель – В.В. Путин 0,57%, яркий представитель – Фидель Кастро 0,48%, это Швейцария 0,46%, это Голландия 0,42%, яркий представитель – Джордж Буш 0,42%, это Швеция 0,38%, это Япония 0,36%, это Белоруссия 0,35%, яркий представитель – Че Гевара 0,33%, это Австралия 0,29%, яркий представитель – Дж. Вашингтон 0,29%, яркий представитель – Солженицын 0,29%, это страны Европы 0,28% и др.)

Символическая зона – 1,61%

(символ свободной страны – птица 0,42%, солнце 0,29%, небо 0,13% и др.)

Энциклопедическое поле составляет 71,56% когнитивного содержания концепта.

ИНТЕРПРЕТАЦИОННОЕ ПОЛЕ – 25,91%

Общеоценочная зона – 0,90%

(это хорошо (хорошая страна) 0,44%, это плохо (плохая страна) 0,10%, вызывает к себе положительное отношение 0,08%, там хорошо 0,08%, граждане – хорошие люди 0,04%, это хорошо в меру 0,04%, это плохо в военное время 0,04% и др.)

Утилитарная зона – 22,16%

(обеспечивает благосостояние людей 5,80%, делает людей счастливыми 2,85%, не дает чувства безопасности 2,69%, Люди проявляют дружелюбие и привязанность друг к другу 2,47%, гарантирует человеку безопасность 1,28%, гарантирует справедливость 1,23%, дает уверенность в жизни 1,07%, обеспечивает спокойную обстановку в стране 0,82%, обеспечивает образованность граждан 0,63%, создает комфортные условия для жизни 0,63%, граждане проявляют уважение друг к другу 0,52%, хорошая экологическая обстановка (и ухоженность) 0,50%, обеспечивается здоровье граждан 0,25% и др.)

Регулятивная зона – 2,85%

(отсутствие принуждения 0,67%, дает свободу действий в рамках закона 0,61%, никто не имеет права кому-то что-то запретить 0,54%, дает возможность не соблюдать моральные нормы 0,23%, каждый сам выбирает, как жить 0,17% и др.)

Интерпретационное поле составляет 25,91% когнитивного содержания концепта.

Для установления индекса оценочности концепта все выявленные когнитивные признаки были распределены по следующим группам: когнитивные признаки положительной оценки, когнитивные признаки отрицательной оценки и неоценочные признаки. Был подсчитан удельный вес каждой группы и рассчитан индекс положительной и отрицательной оценочности. Результаты для русского концепта выглядят следующим образом.

Когнитивных признаков положительной оценки – 145

Индекс положительной оценочности – 47,85%

Когнитивных признаков отрицательной оценки – 18

Индекс отрицательной оценочности – 5,94%

Оценочный слой концепта включает 53,79% всех когнитивных признаков. Позитивная акцентуация значительно преобладает над негативной: концепт можно охарактеризовать как позитивно-оценочный. Выводы об оценочности дополняют и подтверждают результаты оценочного эксперимента. В ходе его проведения 135 из 200 русских испытуемых (это 67,5%) отметили, что свободная страна – это хорошо, 19 испытуемых (10%) сказали, что это плохо, 38 испытуемых (19%) заявили, что у свободной страны есть как положительные, так и отрицательные стороны.

Также по результатам описания содержания концепта выявлены основные когнитивные классификационные признаки, образующие структуру концепта. Таких признаков оказа-

лось 47. Категоризуют свободную страну в русском когнитивном сознании следующие **классификаторы**:

предоставляемые гражданские права (12,23%), обеспечиваемое психологическое состояние (10,12%), типичный пример (9,76%), обеспечиваемый уровень благосостояния (8,38%), типичный представитель (7,77%), степень независимости от других стран (7,28%), политическое устройство (6,21%), степень предоставляемой свободы (4,45%), отношения между гражданами (3,75%), степень давления государства на население (2,52%), особенности характера граждан (2,18%), уровень преступности (2%), внешний облик свободной страны (1,91%), справедливость существующих принципов и принимаемых решений (1,91%), символ (1,84%), степень развитости и характер развития (1,30%), сила и уровень обороноспособности (1,11%), характер проводимой внешней политики (1%) и др.

Содержание концепта **a free country** в английском языковом сознании включает в общей сложности 215 признаков. Полевая организация концепта **a free country** по результатам описания имеет следующий вид:

ЯДРО:

Это США	0,66
Наличие демократии	0,62

БЛИЖНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ:

Это Канада	0,41
Противопоставлена коммунизму	0,35
Это Великобритания	0,34
Яркий представитель – Авраам Линкольн	0,29
Полная свобода во всем	0,27
Гарантируется свобода передвижения и свободный въезд/выезд	0,26
Гарантирует свободу СМИ	0,25

ДАЛЬНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ:

Гарантирует справедливость	0,22
Яркий представитель – Джордж Вашингтон	0,21
Гарантируется свобода слова	0,19
Яркий представитель – Мартин Лютер Кинг	0,18
Яркий представитель – Томас Джефферсон	0,17
Никто не имеет права кому-то что-то запретить	0,16
Гарантирует человеку безопасность	0,15
Обеспечивает благосостояние и успешную самореализацию людей	0,15
Там мало полиции на улицах	0,15
Это Австралия	0,15
Люди проявляют дружелюбие и привязанность друг к другу	0,14
Противопоставлена фашизму	0,14
Пользуясь свободой, люди не причиняют вреда друг другу	0,13
Это Франция	0,13
Яркий представитель – Нельсон Мандела	0,13
Предоставляет свободу выбора	0,12
Отсутствие ограничений	0,12
Отсутствие принуждения	0,12
Это страны Европы	0,12
Каждый сам выбирает, как жить	0,11
Там можно жить, как хочешь	0,11

(и др. – всего 135 признаков)

КРАЙНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ:

Дает возможность не соблюдать моральные нормы	0,02
Вызывает желание в ней жить	0,02
Гарантирует право на тайну личной информации	0,02
Гарантирует свободу воли	0,02
Гражданам свойственно состояние депрессии	0,02
Граждане – хорошие люди	0,02
Граждане активно занимаются творчеством	0,02
Граждане должны иметь чувство ответственности	0,02
Граждане имеют чувство гражданского долга	0,02
Граждане нерелигиозны	0,02
Граждане открыты и легко входят в общение	0,02
Граждане отличаются трудолюбием	0,02
Граждане отличаются целеустремленностью	0,02
Граждане проявляют бдительность	0,02
Граждане радикально настроены	0,02

(и др. – всего 74 признака)

Далее описана макроструктура исследуемого концепта.

В концепте отчетливо выделяются образный компонент, энциклопедическое и интерпретационное поле.

ОБРАЗ – 1,17%

Перцептивный – 1,07%

Зрительный – 1,01% (Там красивая природа 0,14%, Является яркой / там светло 0,07% и др.)

Слуховой – 0,03% (Там тихо)

Когнитивный – 0,10%

(Не похожа на тюрьму 0,07%, an American flag with a big swastika – 0,03%)

Образный компонент объединяет 1,17% признаков, образующих содержание концепта.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОЕ ПОЛЕ – 78,88%

Дифференциальная зона – 18,81%

(Наличие демократии 6,72%, гарантируется свобода слова 3,60%, гарантируется свобода передвижения и свободный въезд/выезд 2,90%, гарантирует свободу СМИ 1,30%, гарантируется право на свободомыслие 1,23%, есть свобода вероисповедания 1,09%, является независимой 0,60%, проведение выборов 0,46%, политический плюрализм 0,25%, является единой 0,07%, и др.)

Описательная зона – 37,44%

(Полная свобода во всем 4,20%, предоставляет свободу выбора 2,41%, обеспечивает равенство 1,16%, это нереально 0,91%, гарантирует гражданам права 0,84%, пользуясь свободой, люди не причиняют вреда друг другу 0,84%, там нет дискриминации 0,84%, поддерживает проявление индивидуальности 0,60%, обеспечивается социальная поддержка (государство проявляет заботу о людях) 0,53%, там мало полиции на улицах 0,53%, отсутствие ограничений 0,63%, граждане проявляют терпимость 0,49%, люди свободны в выборе внешнего облика 0,42%, гарантирует свободу самовыражения 0,39%, дает право на голосование 0,39%, отсутствие анар-

хии 0,39%, граждане объективно информируются об обстановке в стране и мире 0,35%, гарантирует свободу выбора профессии 0,35%, граждане ни от кого не зависят 0,35%, граждане отличаются свободомыслием и восприимчивостью к новым идеям 0,35%, граждане воспринимают свободу как должное 0,32% и др.)

Идентификационная зона – 20,78%

(Это США 3,29%, противопоставлена коммунизму 1,23%, это Канада 1,44%, это Великобритания 1,19%, яркий представитель – Авраам Линкольн 1,01%, это Австралия 0,53%, противопоставлена фашизму 0,49%, яркий представитель – Джордж Вашингтон 0,73%, яркий представитель – Мартин Лютер Кинг 0,63%, яркий представитель – Томас Джефферсон 0,59%, это Франция 0,46%, яркий представитель – Нельсон Мандела 0,45%, это страны Европы 0,42%, противопоставлена социализму 0,35%, это Германия 0,32%, яркий представитель – Махатма Ганди 0,31% и др.)

Символическая зона – 1,85%

(Символ – статуя свободы 0,35%, символ – счастливая семья 0,18%, символ – группа людей разных рас/вер 0,14%, символ – открытое пространство 0,14%, образ – картина Нормана Роквелла 0,11%, символ – радостное лицо 0,11%, символ – знак равновесия 0,07%, символ – колокол свободы 0,07%, символ – птица 0,07%, символ – публичная дискуссия 0,07%, символ – солнце 0,07%, символ – флаг/герб США 0,07%, символ – дикое животное 0,04%, символ – небо 0,04% и др.)

Энциклопедическое поле в целом составляет 78,88% когнитивного содержания концепта.

ИНТЕРПРЕТАЦИОННОЕ ПОЛЕ – 19,73%

Общеоценочная зона – 0,77%

(Это хорошо (хорошая страна) 0,56%, вызывает желание в ней жить 0,07%, граждане – хорошие люди 0,07%, это везение - жить в свободной стране 0,07% и др.)

Утилитарная зона – 13,76%

(Обеспечивает благосостояние и успешную самореализацию людей 3,15%, гарантирует человеку безопасность 1,79%, делает людей счастливыми 1,58%, гарантирует справедливость 1,44%, люди проявляют дружелюбие и привязанность друг к другу 1,15%, обеспечивает спокойную обстановку в стране 0,60%, обеспечивает образованность граждан 0,53%, граждане проявляют уважение друг к другу 0,49%, дает уверенность в жизни 0,32% и др.)

Регулятивная зона – 5,20%

(Отсутствие принуждения 1,19%, никто не имеет права кому-то что-то запретить 1,19%, каждый сам выбирает, как жить 0,67%, допускается критика правительства 0,49%, там можно жить, как хочешь 0,39%, там можно быть самим собой 0,18%, дает возможность не соблюдать моральные нормы 0,18% и др.)

Интерпретационный компонент в целом составляет 19,73% когнитивного содержания концепта.

Были установлены индексы оценочности американского концепта.

Когнитивных признаков положительной оценки – 113

Индекс положительной оценочности – 52,56%

Когнитивных признаков отрицательной оценки – 15

Индекс отрицательной оценочности – 6,98%

Оценочный слой концепта, таким образом, включает 59,54% всех когнитивных признаков, что на 5,75% больше, чем в случае русского концепта. Позитивная акцентуация также значительно преобладает над негативной, вследствие чего концепт можно охарактеризовать как позитивно-оценочный. В ходе проведения оценочного эксперимента 62 из 100 американских испытуемых (это 62%) отметили, что свободная страна – это хорошо, 2 испытуемых (2%) сказали, что это плохо, 33 испытуемых (33%) заявили, что у свободной страны есть как положительные, так и отрицательные стороны.

Также по результатам описания содержания концепта выявлены основные когнитивные классификационные признаки, образующие структуру концепта. Таких признаков оказалось 39. Категоризуют свободную страну в американском когнитивном сознании следующие **классификаторы**: *предоставляемые гражданские права (19,83%), политическое устройство (11,38%), типичный пример (9,70%), типичный представитель (8,76%), степень предоставляемой свободы (6,03%), обеспечиваемый уровень благосостояния (4,60%), обеспечиваемое психологическое состояние (4,50%), особенности характера граждан (3,21%), отношения между гражданами (3,12%), степень давления государства на население (1,89%), справедливость существующих принципов и принимаемых решений (1,72%), символ (1,60%) и др.*

Содержание концепта **ein freies Land** в немецком языковом сознании включает в общей сложности 226 признаков. Полевая организация концепта **ein freies Land** по результатам описания имеет следующий вид:

ЯДРО:

Наличие демократии	0,81
Это Германия	0,59

БЛИЖНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ:

Это Швеция	0,43
Гарантирует свободу СМИ	0,40
Полная свобода во всем	0,35
Это Швейцария	0,35
Гарантируется свобода передвижения и свободный въезд / выезд	0,33
Делает людей счастливыми	0,28
Обеспечивает благосостояние (и успешную самореализацию) людей	0,28
Там мало или нет правоохранительных органов	0,27
Является независимой	0,27
Люди проявляют дружелюбие и отзывчи-	0,26

вость / привязанность друг к другу	
Символ – птица	0,26
Это Франция	0,26

ДАЛЬНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ:

Гарантирует справедливость	0,24
Граждане открыты и легко входят в общение	0,23
Яркий представитель – Мартин Лютер Кинг	0,23
Яркий представитель – Махатма Ганди	0,22
Граждане ни от кого не зависят	0,21
Это Великобритания	0,21
Там нет дискриминации	0,20
Это Голландия	0,20
Яркий представитель – Нельсон Мандела	0,20
Дает уверенность в жизни	0,19
Никто не имеет права кому-то что-то запретить	0,19
Гарантируется свобода слова	0,18
Граждане проявляют терпимость	0,18
Это США	0,18
Яркий представитель – Вили Брандт	0,18
Это Дания	0,16
Граждане имеют чувство ответственности	0,15
Обеспечивается социальная поддержка (государство проявляет заботу о людях)	0,15
Гарантирует гражданам права	0,14
Там можно делать все, что хочешь, не причиняя вреда другим людям	0,14
Это Норвегия	0,14
Обеспечивает равенство	0,13
Яркий представитель – Михаил Горбачев	0,13
Гарантируется право на свободомыслие	0,12
Гарантирует человеку безопасность	0,12
Граждане проявляют уважение друг к другу	0,12
Пользуясь свободой, люди не причиняют вреда друг другу	0,12
Это Канада	0,12
Обеспечивает образованность граждан	0,11
Проводит мирную политику	0,11
(и др. – всего 129 признаков)	

КРАЙНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ:

Высокий уровень нравственности	0,02
Гарантирует свободу совести	0,02
Гарантирует соблюдение законов	0,02
Граждане несут ответственность за свои поступки	0,02
Граждане отличаются трудолюбием	0,02
Граждане пользуются уважением	0,02
Граждане представляют ценность	0,02
Граждане проявляют раскованность	0,02
Граждане проявляют целеустремленность	0,02
Дает возможность не соблюдать моральные нормы	0,02
Для человека естественно жить в такой стране	0,02
Достигла высокой степени развитости	0,02
Доступны зарубежные фильмы и зарубежная музыка	0,02
Забота о природе	0,02
Люди там улыбаются	0,02
Мирное сосуществование разных людей	0,02
Многообразие товаров	0,02
Основана на категорическом императиве Канта	0,02

Отсутствие армии	0,02
Отсутствие границ	0,02
Отсутствие демократии	0,02
Отсутствие монарха	0,02
(и др. – всего 83 признака)	

Далее была описана макроструктура исследуемого концепта.

В концепте отчетливо выделяются образный компонент, энциклопедическое и интерпретационное поле.

ОБРАЗ – 1,20%

Перцептивный

Зрительный – 0,71%

(Там красивая природа 0,22%, люди там улыбаются 0,06%, там красивые игровые площадки для детей 0,06%, символ – согревающее солнце 0,06%, и др.)

Слуховой – 0,03%

(Образ смеющегося ребенка 0,03%)

Тактильный – 0,06%

(Символ – согревающее солнце 0,06%)

Когнитивный – 0,40%

(Не похожа на тюрьму 0,31%, Zuhause, wie ein gerechter Vater oder Mutter, das Paradies – 0,09%)

Образный компонент объединяет 1,20% признаков, образующих содержание концепта.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОЕ ПОЛЕ – 74,65%

Дифференциальная зона – 19,94%

(Наличие демократии 6,61%, гарантируется свобода слова 3,20%, гарантируется свобода передвижения и свободный въезд/выезд 2,82%, является независимой 2,45%, гарантирует свободу СМИ 2,05%, гарантируется право на свободомыслие 1,64%, есть свобода вероисповедания 0,28%, проведение выборов 0,25% и др.)

Описательная зона – 31,85%

(Полная свобода во всем 3,23%, обеспечивает равенство 1,68%, гарантирует гражданам права 1,37%, предоставляет свободу выбора 1,24%, граждане открыты и легко входят в общение 1,21%, там нет дискриминации 1,12%, граждане проявляют терпимость 1,09%, обеспечивается социальная поддержка (государство проявляет заботу о людях) 0,84%, там мало или нет правоохранительных органов 0,84%, граждане ни от кого не зависят 0,71%, проводит мирную политику 0,65%, граждане имеют чувство ответственности 0,59%, это нереально 0,56%, существует анархия 0,47%, имеет большую территорию 0,40%, основана на принципах либерализма 0,40%, пользуясь свободой, люди не причиняют вреда друг другу 0,37%, люди свободны в выборе внешнего облика 0,34%, гарантирует свободу выбора профессии 0,31%, допускает свободное общение граждан с иностранцами на любые темы 0,31%, отсутствие политического преследования 0,31% и др.)

Идентификационная зона – 20,17%

(Это Германия 1,92%, это Швеция 1,33%, это Швейцария 1,09%, это Франция 0,81%, яркий пред-

ставитель – Мартин Лютер Кинг 0,71%, яркий представитель – Махатма Ганди 0,68%, это Великобритания 0,65%, это Голландия 0,62%, яркий представитель – Нельсон Мандела 0,62%, это США 0,59%, яркий представитель – Вили Брандт 0,56%, это Дания 0,50%, это Норвегия 0,43%, яркий представитель – Михаил Горбачев 0,40%, это Канада 0,37%, яркий представитель – Конрад Аденауэр 0,28%, яркий представитель – Олоф Палме 0,28% и др.)

Символическая зона – 2,69%

(Символ – птица 0,81%, символ – группа счастливых людей разных возрастов и рас 0,19%, символ – небо 0,19%, символ – просторная территория без ограждений 0,19%, символ – место публичного обсуждения или выражения точки зрения 0,16%, символ – радостное лицо 0,09%, символ – свет 0,09%, символ – богиня Юстиция 0,06%, символ – дерево или лес 0,06%, символ – поле 0,06%, символ – радуга 0,06%, символ – цветные краски 0,06%, символ – цветок 0,06%, символ (образ) – счастливая семья 0,06%, символ – колокол свободы 0,03%, символ – море 0,03%, символ – сильное или дикое животное 0,03%, символизируется статуей свободы 0,09% и др.)

Энциклопедическое поле в целом составляет 74,65% когнитивного содержания концепта.

ИНТЕРПРЕТАЦИОННОЕ ПОЛЕ – 23,33%

Общеоценочная зона – 0,80%

(Это хорошо (хорошая страна) 0,31%, там хорошо жить 0,19%, стоит того, чтобы в ней жить 0,12%, вызывает к себе положительное отношение 0,09%, хочется жить в такой стране 0,09% и др.)

Утилитарная зона – 18,82%

(Обеспечивает благосостояние (и успешную самореализацию) людей 3,29%, делает людей счастливыми 3,20%, люди проявляют дружелюбие и отзывчивость/привязанность друг к другу 2,39%, гарантирует человеку безопасность 1,89%, гарантирует справедливость 1,61%, обеспечивает спокойную обстановку в стране 0,87%, обеспечивает образованность граждан 0,75%, дает уверенность в жизни 0,71%, граждане проявляют уважение друг к другу 0,43%, граждане не испытывают над собой давления 0,31% и др.)

Регулятивная зона – 3,71%

(Никто не имеет права кому-то что-то запретить 1,27%, отсутствие принуждения 0,71%, там можно делать все, что хочешь, не причиняя вреда другим людям 0,56%, каждый сам выбирает, как жить 0,40%, допускается критика правительства 0,19%, дает свободу действий в рамках закона 0,16%, дает возможность не соблюдать моральные нормы 0,12% и др.)

Интерпретационный компонент в целом составляет 23,33% когнитивного содержания концепта.

Были установлены индексы оценочности немецкого концепта.

Когнитивных признаков положительной оценки – 121.

Индекс положительной оценочности – 53,54%

Когнитивных признаков отрицательной оценки – 7

Индекс отрицательной оценочности – 3,10%

Оценочный слой концепта, таким образом, включает 56,64% всех когнитивных признаков. Позитивная акцентуация значительно преобладает над негативной, вследствие чего концепт можно охарактеризовать как позитивно-оценочный. В ходе проведения оценочного эксперимента 68 из 100 немецких испытуемых (это 68%) отметили, что свободная страна – это хорошо, 2 испытуемых (2%) сказали, что это плохо, 30 испытуемых (30%) заявили, что у свободной страны есть как положительные, так и отрицательные стороны.

Также по результатам описания содержания концепта выявлены основные когнитивные классификационные признаки, образующие структуру концепта. Таких признаков оказалось 39. Категоризируют свободную страну в немецком когнитивном сознании следующие **классификаторы**:

предоставляемые гражданские права (18,77%), политическое устройство (9,92%), типичный пример (9,86%), типичный представитель (9,08%), обеспечиваемое психологическое состояние (6,98%), обеспечиваемый уровень благосостояния (4,97%), степень предоставляемой свободы (4,56%), особенности характера граждан (4,55%), отношения между гражданами (4,52%), символ (2,72%), степень независимости от других стран (2,54%), степень давления государства на население (1,79%), справедливость существующих принципов и принимаемых решений (1,67%) и др.

Концепт **свободная страна** характеризуется существенной национальной спецификой во всех исследуемых лингвокультурах.

Образный компонент содержания концепта в каждой из лингвокультур незначителен по своему удельному весу (2,51% – русский, 1,17% – американский, 1,20% – немецкий) – что свидетельствует о преимущественно рациональном содержании концепта **свободная страна** в русском, немецком и американском когнитивном сознании. **Свободная страна** в русском национальном сознании – это благоустроенная, хорошо освещенная страна, в которой людям есть где хорошо отдохнуть, царит праздничная обстановка, а на улицах много яркой рекламы. **Свободная страна** в американском национальном сознании – это светлая, просторная страна с американской цветовой символикой, населенная занятыми людьми, которым есть где работать. В немецком национальном сознании **свободная страна** – это светлая страна, где нет флагов, где много красивых игровых площадок для детей, люди демонстрируют любовь друг к другу, солидарность друг с другом и патриотизм.

Когнитивный образ концепта в русском, американском и немецком национальном соз-

нания имеет общий признак – *свободная страна не похожа на тюрьму*.

Энциклопедическое поле имеет наибольший удельный вес в макроструктуре американского концепта (78,88%). В макроструктуре русского концепта его вес – 71,56%. В макроструктуре немецкого концепта – 74,65%. Объем энциклопедического поля зависит от степени познания концептуализируемого явления общественным или индивидуальным сознанием. Данное замечание и результаты экспериментов позволяют сделать вывод о том, что **свободная страна** как явление более всего полагается познанной и осмысленной американскими испытуемыми.

Дифференциальная зона русского, американского и немецкого концептов имеет объем 18,17%, 18,81% и 19,94% соответственно. Велика разница удельного веса и яркости признака дифференциальной зоны *свободная страна является независимой*. Доля данного признака в структуре русского концепта составила 7,10%, яркость же данного признака составляет 0,49 – максимальный показатель среди всех когнитивных признаков русского концепта, признак *является независимой* – ядерный признак русского концепта. Аналогичный признак в структуре американского концепта занимает лишь 0,60%, а его яркость составляет 0,09 (дальняя периферия). Чуть больший удельный вес имеет признак *является независимой* в структуре немецкого концепта – 2,45%, однако данный признак в то же время относится к ближней периферии. Вероятно, такую разницу показателей для трех концептов можно объяснить ролью географических и исторических факторов в национальном сознании граждан России, США и Германии. США находятся вдали от большого количества государств, и, в отличие от России и Германии, имеют сухопутную границу лишь с двумя странами – Канадой и Мексикой. Отсутствие большого количества сухопутных соседей, океан, отделяющий США от других стран, а также тот факт, что США ни разу не находились в состоянии оккупации, вероятно, лишают ее жителей чувства угрозы быть оккупированными, что приводит к тому, что признак независимости свободной страны входит в дальнюю периферию.

Ярким признаком дифференциальной зоны является признак *наличие демократии*. Данный признак входит в ядро немецкого и американского концептов. Яркость данного признака американского концепта – 0,62. Что касается русского концепта, признак *наличие демократии* (с индексом яркости 0,39) отнесен к ближней периферии. Максимальную яркость, а следовательно, наибольшую значимость данный признак имеет в немецком национальном сознании (0,81). Видимо, сказывается тот факт, что демократия родилась в Европе, для немецкого европейского национального сознания «демократия» является более близким и «своим»

словом, чем, например, для русского, в котором, несмотря на поддержку демократических принципов, само это слово, возможно, имеет коннотацию чего-то чужого и чуждого.

Дифференциальный признак – *гарантирует свободу СМИ* – наиболее ярко проявлен в американском (0,25) и немецком (0,40) концептах, где он входит в ближнюю периферию, в то время как его яркость для русского концепта составляет 0,07, что позволяет отнести его к дальней периферии. Малая актуальность данного признака дополнительно акцентирует большую важность внешней свободы страны в русском национальном сознании (отсюда яркость признака *является независимой*), чем внутренней.

Дифференциальный признак *проведение выборов* выявлен лишь в структуре американского и немецкого концептов. Его отсутствие в структуре русского концепта, вероятно, имеет под собой историческую почву. В США первые всеобщие выборы были проведены (пусть с ограничениями) еще в 1789 году, в Германии первые выборы в Бундестаг проведены в 1949 году, но всеобщие прямые выборы с тайным голосованием впервые были предусмотрены еще Законом о выборах, принятом в 1867 году, в России же первые выборы в Государственную Думу прошли в 1906 году, однако тогда Россия была еще царской империей, и назвать выборы демократическими нельзя. Всеобщее избирательное право закреплено только в 1936 году, а первые демократичные выборы проведены в 1991.

Самый большой удельный вес имеет **описательная зона** американского концепта – 37,44%, что позволяет сделать вывод о высокой степени близости исследуемого концепта американским гражданам, позволяющим себе смело и активно судить о тех особенностях свободной страны, которые не упоминались бы, если бы свободная страна была в американском национальном сознании чем-то абстрактным, не сопряженным с реальной жизнью, а не знакомым или кажущимся знакомым. Вес энциклопедической зоны немецкого концепта составил 31,85%, русского концепта – 32,16%. Самый яркий признак описательной зоны русского концепта – *граждане ни от кого не зависят*, по яркости данный признак входит в ближнюю периферию. Самый яркий описательный признак американского концепта – *полная свобода во всем*, который также входит в ближнюю периферию. Тот же самый признак входит в ближнюю периферию немецкого концепта, наряду с признаком *там мало или нет правоохранительных органов*.

Описательные зоны концепта во всех трех лингвокультурах содержат ряд признаков, отражающих представления о характере граждан свободной страны в русском, американском и немецком национальном сознании. Многие признаки являются общими: так, по представлению

ям испытуемых из России, Германии и США, граждане свободной страны *активно занимаются творчеством, трудолюбивы и целеустремленны, энергичны, открыты и легко входят в общение, раскованны и проявляют терпимость*. Если признаки, характеризующие граждан с положительных сторон, для русского, американского и немецкого концепта в основном совпадают (за исключением таких специфических признаков как *высокий интеллектуальный уровень, щедрость и психическая устойчивость граждан* в русском концепте, *сила личности, наличие чувства гражданского долга, прогрессивность, предприимчивость и бдительность граждан* в американском концепте, *искренность и прямота, интерес граждан к политике* в немецком концепте), то представления об отрицательных чертах граждан свободной страны у русских, американских и немецких испытуемых по большей части различны. Так, в сознании ряда испытуемых из России граждане свободной страны *являются сумасшедшими, отличаются агрессивностью, у них развита мания величия*. В сознании ряда испытуемых из США граждане свободной страны *воспринимают свободу как должное, депрессивны, демонстрируют излишнюю избалованность и самоуверенность и настроены радикально*. Испытуемые из Германии и вовсе не называли отрицательных черт.

Описательная зона русского концепта содержит ряд признаков, характеризующих мощь и полную самостоятельность свободной страны. В описательной зоне американского концепта примечателен признак *отсутствие слежки за жизнью граждан*. Вероятно, его яркость – следствие недавних событий, когда выяснилось, что в США велась слежка за личной жизнью граждан. Актуальность другого специфического признака американского концепта *дружелюбная политика по отношению к иммигрантам*, возможно, обусловлена мировым лидерством США по количеству иммигрантов. Событиями последних лет в США мотивируется и признак *отсутствие вооруженных людей в аэропортах*. Иными словами, люди из личного опыта узнают, в чем могут проявляться ограничения свободы в стране и «заносят» признаки, отвергающие такие проявления, в свой концепт *свободной страны*. Специфическим для немецкого национального сознания признаком *свободной страны* является следующий: *граждане представляют ценность*. Данный несколько идеалистический признак во многом определяет понимание *свободной страны* немецкими гражданами: это страна, в которой главное – люди. Еще один признак, имеющийся только в структуре немецкого концепта – *основана на категорическом императиве Канта* – детерминирует нравственный фундамент *свободной страны* в немецком национальном сознании.

Общим для русского, немецкого и американского национального сознания *свободной страны* является признак *имеет большую территорию*, вероятно мотивированный ассоциацией с пространством и простором.

Идентификационная зона русского, американского и немецкого концепта имеет почти одинаковый удельный вес: 19,62%, 21,01% и 20,17% соответственно. Следует отметить особую яркость идентификационной зоны американского концепта, включающей в себя четыре признака из ближней периферии (*это Канада 0,41, противопоставлена коммунизму 0,35, это Великобритания 0,34, яркий представитель – Авраам Линкольн 0,29*) и один ядерный признак (*это США – 0,66*). Если суммировать показатели яркости всех признаков, идентифицирующих в американском национальном сознании *свободную страну* с отцами-основателями Америки (то есть, если обобщить такие многочисленные признаки как *яркий представитель – Авраам Линкольн 0,29, яркий представитель – Джордж Вашингтон 0,21, яркий представитель – Томас Джефферсон 0,17* и др. в единый признак *яркие представители – отцы-основатели Америки*), то получится показатель 0,98. Такая яркость – это абсолютный максимум среди всех признаков трех концептов, т.е. ни испытуемые из России, ни испытуемые из Германии не проявили такого единодушия даже в том, что касается ядерных признаков. Напомним, что самый яркий признак русского концепта *является независимой* имеет индекс яркости 0,49, что в два раза меньше. Самый яркий признак немецкого концепта *наличие демократии* имеет яркость 0,81, что значительно выше, чем у самого яркого признака русского концепта, но на 0,17 ниже, чем у американского. Следовательно, идентификационный компонент американского концепта наиболее унитарен, прочно укоренен в американском национальном сознании, не детерминируется ни социальным положением, ни гендерной принадлежностью, ни возрастом. Идеал *свободной страны* – это та Америка, какой ее хотели видеть отцы-основатели, и хотя 32% испытуемых считают, что современная Америка не соответствует такому идеалу, 66% испытуемых уверены, что именно США – типичный пример *свободной страны*. 41% считает типичным примером *свободной страны* Канаду, 34% – Великобританию.

Самым ярким идентификационным признаком русского концепта является признак *это США* (0,49), то есть, типичным примером *свободной страны* для каждого второго российского испытуемого являются США. Следующим по яркости идентификационным признаком является признак *это Россия* (0,37), далее – *это Германия* (0,29). Следует особо отметить сравнительно высокую яркость признака *яркие представители – диктаторы* (0,21) для русского концепта (данный показатель выявляется

аналогичным описанному выше способом – при объединении в целях подсчета признаков, идентифицирующих в русском национальном сознании **свободную страну** с диктаторами: *яркий представитель – Фидель Кастро 0,15, Сталин 0,13, Ленин 0,04, Гитлер 0,01* и др.) Вероятно, сила диктатора ассоциируется с могуществом, происходит перенос свойства с личности на страну.

Идентификационная зона немецкого концепта включает один ядерный признак (*это Германия – 0,59*) и три признака из ближней периферии: *это Швеция 0,43, это Швейцария 0,35, это Франция 0,26*. Ядерный признак, входящий в идентификационную зону, свидетельствует о близости такого явления, как **свободная страна**, испытуемым – по крайней мере, на уровне сознания. Самой объемной группой персоналий, с которыми идентифицируют **свободную страну** немецкие граждане, является группа борцов против дискриминации темнокожих. При суммировании индексов яркости признаков, идентифицирующих в немецком национальном сознании **свободную страну** с такими персоналиями, получается индекс яркости 0,43.

Поскольку идентификационная зона имеет достаточно высокую яркость в структуре концепта (особенно русского и американского), сделан вывод о том, что концепт **свободная страна** формируется на основании информации о конкретных странах, которые люди относят или не относят к свободным, и постоянно соотносится с конкретными реалиями. Различие заключается лишь в степени близости исследуемого явления испытуемым: в американском и немецком национальном сознании «**свободная страна – это моя страна**» (США и Германия соответственно). В русском же национальном сознании «свободная страна – это США» – прежде всего – и только потом (для значительно меньшего числа людей) Россия. Наименее яркой является идентификационная зона немецкого концепта (идентификационные признаки составляют лишь 28,5% признаков, входящих в ядро и ближнюю периферию концепта – против 43% в русском и 55% в американском), что свидетельствует о том, что по сравнению с русским и американским концептом немецкий концепт **свободная страна** все же меньше «привязан» к конкретной стране и менее персонализирован.

Интерпретационное поле имеет самый большой удельный вес в структуре русского концепта (25,91%), в структуре американского концепта его вес составляет 19,73%, в структуре немецкого концепта – 23,33%.

При установлении индекса оценочности выяснилось: концепт во всех трех концептосферах можно охарактеризовать как позитивно-оценочный, поскольку позитивная акцентуация во всех трех лингвокультурах значительно преобладает над негативной. Самый объемный оценочный

слой имеет американский концепт (59,54%), наименее объемный – русский концепт (53,79%). Самый высокий индекс положительной (53,54%) и самый низкий индекс отрицательной оценочности (3,10%) имеет немецкий концепт. Русский концепт имеет самый низкий индекс положительной оценочности (47,85%). Американский концепт характеризуется самым высоким индексом отрицательной оценочности (6,98%).

Самую большую **утилитарную зону** имеет русский концепт (22,96%), что свидетельствует о высокой степени важности прагматических признаков **свободной страны** в русском национальном сознании. Наименьший удельный вес имеет утилитарная зона американского концепта – 13,76%. Немецкий концепт по весу утилитарной зоны ближе к русскому концепту – 18,88%. Самым ярким признаком утилитарной зоны русского концепта является признак *обеспечивает благосостояние людей*, входящий в ближнюю периферию (индекс яркости 0,30). Самой яркой утилитарной зоной обладает немецкий концепт, в котором данная зона включает в себя три признака из ближней периферии: *делает людей счастливыми, люди проявляют дружелюбие и привязанность друг к другу и обеспечивает благосостояние людей*. Примечательно, что в основном состав признаков утилитарной зоны схож для концепта во всех трех лингвокультурах: *свободная страна обеспечивает безопасность своих граждан, дает уверенность в жизни, делает людей счастливыми, обеспечивает спокойную обстановку в стране и здоровье граждан*. Специфическим для утилитарной зоны американского концепта признаком является *гарантия возможности для самореализации независимо от национальной или этнической принадлежности*. Здесь уместно вспомнить о том, что США позиционируют себя как страна (равных) возможностей, чем, возможно, и мотивирован данный признак. Кроме того, в США всегда остра тема дискриминации афроамериканских граждан. Специфическими признаками утилитарной зоны немецкого концепта являются следующие: *сильный может подавить слабого и царит единодушие*. Единодушие и солидарность, по видимому, являются предпосылкой для спокойной обстановки в стране.

Самым ярким когнитивным классификатором концепта во всех трех лингвокультурах является признак – *предоставляемые гражданские права*. Следующий по яркости классификатор русского концепта – *обеспечиваемое психологическое состояние*, в то время как на втором месте по яркости среди классификаторов американского и немецкого концепта стоит классификатор *политическое устройство*. Следует особо отметить почти одинаковый индекс яркости когнитивного классификатора *типичный пример* (свободной страны) в категориальной структуре русского, американского и

немецкого концепта: 9,76%, 9,70% и 9,86% соответственно. Высокая яркость данного классификатора обусловила размер идентификационной зоны концепта: концепт **свободная страна** не абстрактен, а в большой мере «привязан» к конкретным реалиям (странам) – иными словами, к типичным примерам.

Специфическими для русского концепта классификаторами являются следующие: *интеллектуальный уровень граждан* (0,42%), *психическое состояние граждан* (0,19%), *знание на мировой арене* (0,19%), *интеллектуальный уровень представителей власти* (0,15%), *уровень рождаемости в стране* (0,10%), *возраст граждан* (0,06%). Самую высокую яркость имеют признаки, характеризующие те стороны страны, которые не только являются наиболее актуальными для русских граждан, но и в чем-то «больными» для них. Специфическими для американского национального сознания являются классификационные признаки *инновационная активность страны* (0,60%), *отношение граждан к предоставляемой им свободе* (0,39%), *наличие слежки за частной жизнью граждан* (0,11%), *политика по отношению к иммигрантам* (0,07%). Итак, инновационная активность, по мнению американских испытуемых, – неотъемлемое свойство свободной страны. Специфическими для немецкого национального сознания являются классификационные признаки *возможность общения с гражданами из других стран* (0,50%) и *степень уважения государства к гражданам* (0,40%).

Интересны результаты рейтинга когнитивных признаков по частоте их объективации в разных экспериментах. Так, самые «активные» по частоте появления в данных разных экспериментов признаки русского концепта: *гарантируется свобода передвижения и свободный въезд/выезд* (11 экспериментов из 13), *полная свобода во всем* (11 из 13). Самые «активные» признаки американского концепта: *полная свобода во всем* (10 из 13), *делает людей счастливыми* (10 из 13). Самые «активные» признаки немецкого концепта: *обеспечивает благосостояние и успешную самореализацию людей* (11 из 13), *гарантируется свобода передвижения и свободный въезд/выезд* (10 из 13), *наличие демократии* (10 из 13), *полная свобода во всем* (10 из 13).

Актуальность исследования концепта **свободная страна** связана с необходимостью описания ключевых концептов современной концептосферы, к которым, несомненно, относится концепт **свободная страна**, с важностью

данного концепта в концептосфере исследуемых лингвокультур, с наличием различных толкований концепта в разных лингвокультурах, что приводит к непониманию в межкультурной коммуникации. Болезненными оказываются случаи взаимного непонимания на политической почве. Так, в отдельных государствах складывается мнение о России как о несвободной стране, подобные заявления ведут к антипатии и настороженности в межгосударственных отношениях. В 2004 году международная организация Freedom House впервые назвала Россию "целиком несвободной страной". В глазах мирового сообщества Россия вернулась во времена СССР и "холодной войны". Исследование национальной специфики концепта **свободная страна** в когнитивном сознании носителей разных языков и граждан разных стран способствует поиску причин появления и методов преодоления межнационального непонимания, так как отдельные признаки концепта во многом определяют мышление и поведение народа (Попова, Стернин 2001:130).

С целью дальнейшего изучения концепта представляется целесообразным его исследование в диахроническом аспекте, что может способствовать более эффективному выявлению влияния исторических факторов на структуру концепта и исторически обусловленных когнитивных компонентов в структуре концепта.

Представляет научный интерес и рассмотрение концепта с целью выявления его гендерной, возрастной и групповой специфики, что может способствовать гармонизации общения в групповой коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

Ипполитов О.О., Ипполитов О.М. О соотношении факторной и топологической моделей структуры концепта // Вопросы когнитивной лингвистики / Н.Н. Болдырев. – Тамбов, 2006. № 1. С. 81-87.

Онищенко М.С. Национальная специфика лексико-фразеологической объективации концепта *свободная страна* в русском, английском и немецком языках: дис. ... канд. филол. наук – Воронеж, 2008.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2001. – 191 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка: монография. – Воронеж: «Истоки», 2006. – 226 с.

Стивен Мосс. Новая игра Каспарова // The Guardian, 15.09.2005. URL: <http://txt.newsru.com/arch/russia/14mar2005/kasparov.html> (дата обращения: 26.01.2009)

© Онищенко М.С., 2009

Плотникова С. Н., Домышева С. А.
Иркутск, Россия
ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДИСКУРСИВНОЕ
ПРОСТРАНСТВО:
ПРИНЦИПЫ СТРУКТУРИРОВАНИЯ

Plotnikova S. N., Domysheva S. A.
Irkutsk, Russia
POLITICAL DISCOURSE SPACE
AND ITS STRUCTURAL ORGANIZATION

УДК 81'371

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.04; 10.02.19

Аннотация. В статье вводится понятие политического дискурсивного пространства как сложной сетевой системы, в которой периодически возникают и взаимодействуют друг с другом различные индивидуальные дискурсы.

Ключевые слова: политический дискурс, политическое дискурсивное пространство, социальный адресат, дискурс политика vs. дискурс реагирования

Сведения об авторе: Плотникова Светлана Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии.

Место работы: Иркутский государственный лингвистический университет.

Сведения об авторе: Домышева Светлана Аркадьевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков для специальных целей.

Место работы: Иркутский государственный лингвистический университет.

Контактная информация: 664025, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 8, ауд. 321.
E-mail: ntsh22@yandex.ru

Abstract. This paper argues that political discourse can be analyzed as a space, i.e. a network in which different individual discourses sporadically emerge and interact.

Key words: political discourse, political discourse space, social addressee, political discourse as a stimulus vs. political discourse as a reaction.

About the author. Plotnikova Svetlana Nikolaevna, doctor of philology, professor of the chair of the English philology.

Place of employment: Irkutsk State Linguistic University.

About the author. Domysheva Svetlana Arkadievna, senior lecturer of the chair foreign languages for special purposes.

Place of employment: Irkutsk State Linguistic University.

Понятие дискурса прочно укоренилось в современной лингвистике и приобретает все более конкретные очертания благодаря многочисленным исследованиям его сущностных характеристик. Большой интерес по-прежнему представляет выделение в качестве объекта анализа новых типов дискурса, осуществляемое на основе всевозможных параметров (например, по типу модельной личности, по типу концепта, по типу стратегии и т.д.), однако при этом дискурс, как правило, рассматривается как существующий сам по себе, изолированно, без учета его взаимосвязи с другими дискурсами в рамках выделенного типа или дискурсами других типов. Хотя подобное обособление дискурса полезно в научных целях, оно не позволяет учитывать коммуникативный фактор и анализировать дискурс в естественной среде его функционирования – среди других дискурсов, в пространстве социального взаимодействия.

Целью данной статьи является уточнение содержания понятия дискурсивного пространства и рассмотрение принципов его структурирования на примере политического дискурсивного пространства.

Хотя в исследованиях последних лет появляются упоминания о связанном с языком пространстве, само его наличие пока мыслится скорее как научная гипотеза, нежели признанный лингвистическим сообществом факт. Мы исходим из положения, что имеются три пространства, связанные с языком: языковое, дискурсивное и коммуникативное пространство.

Они представляют собой единую, многомерную структуру, существуя и развиваясь в своей совокупности, но при этом каждое из них обладает своими собственными характеристиками [Плотникова 2008].

Языковое пространство мыслится абстрактно, наподобие того, как понимается пространство в математике, – как некая невидимая логическая среда, в которую погружен данный человек. Однако это пространство не является чисто ментальным образованием, оно частично выходит в физический мир и конкретно присутствует для человека. В когнитивном плане языковое пространство – это пространство первичных, языковых, смыслов, позволяющих языковой личности создавать вторичные, дискурсивные, смыслы и, соответственно, становиться дискурсивной личностью.

После того как человек занимает стартовую, начальную позицию в языковом пространстве и приобретает способность производить имеющие смысл сообщения – дискурсы, он входит в определенное дискурсивное пространство. Подобно языковому пространству дискурсивное пространство представляет собой некую логическую среду, в которой сосуществуют дискурсы и люди, производящие эти дискурсы. Так же как и языковое пространство, дискурсивное пространство – частично ментальное и частично материальное образование, причем оно является видимым в большей степени, чем невидимое языковое пространство, поскольку письменные дискурсы изначально имеют материальное оформление, а устные

дискурсы легко могут получать таковое с помощью письменной или иной записи.

Н.Н. Казыдуб определяет дискурсивное пространство как «пространство социального взаимодействия, вербализуемое средствами того или иного языка» [Казыдуб 2006: 242]. Сущностью дискурсивного пространства в этой трактовке является слияние социального и языкового, вербализация социального, взятого во всей совокупности его проявлений.

В зависимости от того, к какой области социального мира относятся вербализуемые смыслы, можно выделить различные виды дискурсивных пространств. Они могут быть как временными, так и постоянными.

В ходе каждой интеракции между говорящими образуется дискурсивное пространство. Как пишет М. Мерло-Понти, «в диалоге между мной и другим устанавливается общая территория, мое и его мышление сплетаются в единую ткань. Тут существует бытие вдвоем, наше существование разворачивается в одном и том же мире. Если я предоставляю в пользование ему свои мысли, то он взамен побуждает меня мыслить. Только потом, когда я выхожу из диалога, тогда другой возвращается к своему отсутствию» [Мерло-Понти 1999: 451]. Подобное дискурсивное пространство возникает в евклидовом пространстве и структурируется на его основе благодаря физическому сопresутствию говорящих, то есть в данном случае дискурсивное пространство совпадает с физическим.

Дискурсивное пространство может по своей природе быть не только евклидовым, но и сетевым. В этом случае «необходимые» дискурсы одновременно возникают на всех участках сети, а не только в личном физическом пространстве. Именно к этому типу и относится рассматриваемое нами пространство политического дискурса.

Мы придерживаемся широкого понимания политического дискурса, согласно которому в это понятие включены «любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относятся к сфере политики» [Шейгал 2004: 23]. Иными словами, под политическим дискурсом имеется в виду как дискурс политиков, так и дискурс о политике, принадлежащий непрофессионалам.

Многомерность и неоднородность политического дискурса находит отражение в различных его типах. А.П. Чудинов, анализируя разновидности политической коммуникации и, соответственно, политического дискурса, различает следующие ее уровни: аппаратная (служебная, внутренняя) политическая коммуникация, ориентированная на общение внутри государственных или общественных структур; политическая коммуникация в публичной политической деятельности; политическая коммуникация, осуществляемая журналистами и при посредстве журналистов; политическая коммуникация рядовых граждан, не являющихся профессио-

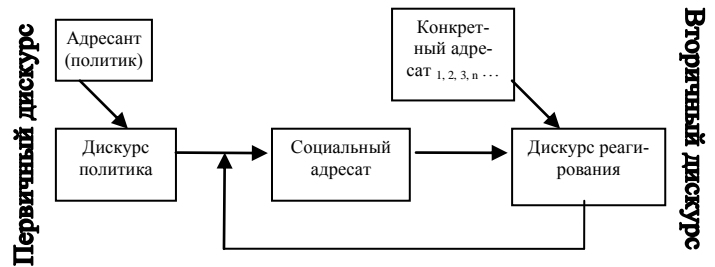
налами в данной области [Чудинов 2006: 36-37].

Е.И. Шейгал характеризует политический дискурс как полевую структуру, в центре которой находятся первичные жанры, прототипные для данного типа дискурса (например, речи, заявления, дебаты, партийные программы и т.д.), а на периферии – вторичные, маргинальные жанры, сочетающие в себе элементы политического дискурса и других видов дискурса (например, аналитические статьи, бытовые разговоры, письма в редакцию, карикатуры, пародии и т.д.) [Шейгал 2004: 244-245].

В коммуникативном плане, с точки зрения взаимодействия между политиками и народом, политический дискурс можно разделить на дискурс политиков и дискурс реагирования. Термин «дискурс реагирования» означает любой дискурс, произведенный в качестве реакции на дискурс политика [Плотникова 2005].

Дискурс реагирования имеет множественный характер – в разных участках пространства одновременно возникают дискурсивные реакции на один и тот же дискурс политика, в совокупности образуя сеть взаимодействий. Возникновение такого сетевого пространства обусловлено специфическими особенностями политической коммуникации, отраженными на схеме 1:

Схема 1. Адресованность дискурса политика социальному адресату

Как показано на схеме 1, дискурс политика предназначен прежде всего социальному адресату, то есть любому представителю общества, а не только конкретным людям, формально являющимся адресатами этого дискурса, таким как оппонент во время теледебатов или члены партии во время съезда. Социальный адресат абстрактен по своей сущности, он представляет собой коллективную личность, коллективную общность, противопоставленную другой коллективной общности – политикам.

Далее на схеме 1 отражено, что социальный адресат «материализуется» в конкретных адресатах, конкретных людях, принадлежащих к разным социальным группам и находящимся в разных точках географического пространства. Конкретные адресаты либо ограничиваются пассивной ролью реципиентов политического дискурса, либо проявляют политическую активность и порождают ответный дискурс – дискурс

реагирования. При этом каждый конкретный адресат, выражая собственное мнение, одновременно выражает мнение социального адресата – группы, интересы и нужды которой принимаются им как свои собственные, частью которой он себя считает и от лица которой говорит.

Дискурс политика первичен по отношению к дискурсу реагирования. Такое положение вещи существует а priori, как заданное устройством социального мира. Вторичность дискурса реагирования заключается в том, что дискурс политика производит «запуск» дискурсивной деятельности реагирующего, он служит в качестве «стимула», вызывающего «реакцию». В лингвистическом плане вторичность проявляется в том, что дискурс реагирования строится на основе дискурса политика, во-первых, включая в себя этот дискурс в сжатом, структурно обработанном виде и, во-вторых, подвергая этот дискурс интерпретации, развивая его исходное содержание.

Схема 1 также отражает возникновение петли обратной связи, благодаря которой развитие содержания первичного политического дискурса происходит не линейно (в терминах теории систем: абстрагируясь от исходного содержания в каждом шаге его последующего развития), а кругообразно (возвращая исправленное и дополненное содержание к его источнику).

Понятие обратной связи, возникшее с появлением кибернетики, активно используется в настоящее время в теории коммуникации, начиная с анализа модели коммуникативного акта и заканчивая изучением принципов функционирования сложных саморегулирующихся коммуникативных систем. Обратная связь рассматривается в качестве одного из ключевых свойств открытых систем. Именно обратная связь обеспечивает открытость системы, то есть ее способность обмениваться материалами, энергией или информацией со своим окружением. Окружением системы является совокупность всех объектов, изменения атрибутов которых воздействуют на систему, а также те объекты, чьи атрибуты меняются из-за поведения самой системы [Вацлавик 2000: 122-127].

Подобную открытую, находящуюся в круговой динамике систему представляет собой и политическое дискурсивное пространство, которое в терминах теории систем может быть охарактеризовано как пространственно-распределенная система [Николис 2003]. Система (политики) и окружающая ее среда (реагирующие) свободно взаимодействуют, образуя единую систему, единое пространство. Это взаимодействие носит характер кругообразных, взаимокausalных отношений: реагирующие не только подвергаются воздействию системы (в лице политиков), но и воздействуют на нее сами посредством дискурса реагирования. Взаимокausalность состоит в том, что реагирующие не только реагируют, но и провоцируют

реакцию политиков, а также других людей, входящих в это пространство.

На наличие петли обратной связи в дискурсе реагирования указывают интерпретирующие модусные языковые выражения, отражающие возврат реагирующего к содержанию исходного политического дискурса. Выделяются следующие типы модусов: модус чувственного восприятия, модус истинностной оценки, модус полагания (мнения), модус общей аксиологической оценки, модус эмоционального состояния и отношения, модус сомнения и допущения, модус знания, модус незнания, сокрытия и безразличия, модус желания и волеизъявления, модус необходимости, модус кажимости [Арутюнова 1999: 411]. Обработанный посредством модусов исходный политический дискурс предназначен политику и по петле обратной связи возвращается к нему.

Рассмотрим описанные выше особенности структурирования политического дискурсивного пространства на микроуровне, то есть на уровне организации пространства реагирования вокруг разового политического дискурса. Под разовым политическим дискурсом понимается дискурс, ограниченный местом и временем и являющийся составной частью более широкого собственного дискурса данного политика, а также дискурса того политического сообщества, к которому политик принадлежит [Серебренникова 2008].

Примером подобного разового дискурса может служить речь Джорджа Буша от 1 мая 2002 года. Он произнес ее на фоне баннера с надписью "Mission Accomplished" (Миссия завершена):

Major combat operations in Iraq have ended. In the battle of Iraq, the United States and our allies have prevailed. And now our coalition is engaged in securing and reconstructing that country. In this battle, we have fought for the cause of liberty, and for the peace of the world. Our nation and our coalition are proud of this accomplishment – yet, it is you, the members of the United States military, who achieved it. Your courage, your willingness to face danger for your country and for each other, made this day possible. Because of you, our nation is more secure. Because of you, the tyrant has fallen, and Iraq is free (<http://www.guardian.co.uk/world/>).

Хотя Буш и не произносил высказывания "Mission Accomplished", содержание его речи находилось в полном смысловом соответствии со словами на баннере за его спиной, от причастности к которому он впоследствии попытался отказаться. Именно высказывание "Mission Accomplished", смысл которого в том, что война в Ираке закончена, вызвало множественные дискурсы реагирования со стороны социального адресата. Некоторые из них представлены ниже (в хронологическом порядке):

1. But why has George Bush failed to capture so many Americans' hearts and minds? US writer Judd Legum, of the American Progress Action Fund, has

compiled 50 reasons why the Bush administration should no longer be in control of the US... <...> Reason 8: In May 2003, Bush landed on an aircraft carrier proclaiming “mission accomplished” and announced that major combat operations were over in Iraq. Asked if he regretted the stunt, he said he’d do it all over again (Mirror, Oct. 27, 2004);

2. For now, however, the situation in Iraq looks better than it has since that first flush of military success two years ago – and President Bush surely has learned enough since then not to mistake progress for “mission accomplished” (Washington Post, Apr. 7, 2005);

3. He [Bush] and his administration at first said the Saddam Hussein regime had weapons of mass destruction in Iraq, but that was false. They said Saddam Hussein was linked to Al Qaeda, but that was false. They said our troops would be greeted with flowers and affection, but that was false. They said the Iraq mission was accomplished, but that was false. With more than 2,000 of our fellow citizens now dead in Iraq and the majority of Americans rejecting his war, the president offers a rehash of his argument for war. After all those falsehoods and miscalculations, why should we believe him now? I certainly don’t (New York Times, Dec. 2, 2005);

4. When President Bush made his fateful “Mission Accomplished” speech in May 2003, he said: “Our coalition will stay until our work is done. Then we will leave, and we will leave behind a free Iraq.” For the last three and a half years, Mr. Bush has stayed the course with this position. Yet recently, as he did on Wednesday, the president has admitted that America has “patience, but not unlimited patience.” The facts on the ground in America and Iraq show that these positions are incompatible. Mr. Bush can either wait for a victory that will never come or accept that America’s patience has run out and withdraw our forces from Iraq (New York Times, Oct. 27, 2006);

5. Since Saddam’s statue was toppled four years ago to scenes of jubilation and President Bush declared it was “Mission accomplished”, more than 3,500 coalition troops have died and hundreds of thousands of civilians have lost their lives. The inevitable truth is that Iraq is embroiled in civil war (Daily Mail, Mar. 20, 2007);

6. In a far cry from his boast in May 2003 of mission accomplished, Mr. Bush offered a more modest assessment, saying the war could still be won (Guardian, Mar. 20, 2007);

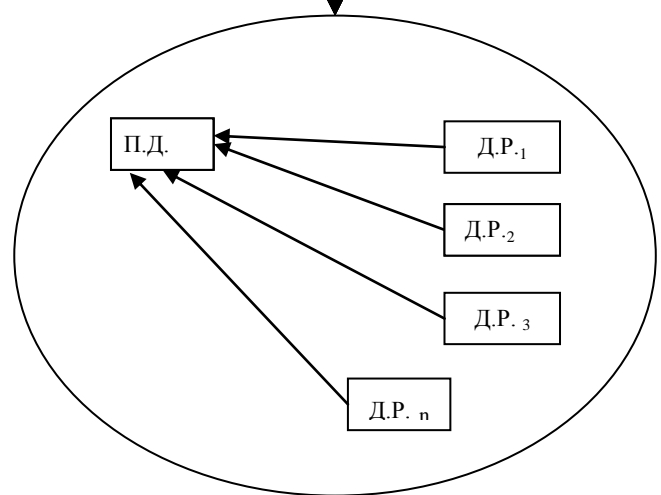
7. The President’s cautious tone contrasted sharply with the swagger shown when he stood on the deck of an aircraft carrier weeks after the US-led invasion that toppled Saddam Hussein and declared that major combat operations in Iraq were over (Herald, Mar. 20, 2007);

8.

Эти различные дискурсы реагирования объединены интердискурсивной связью, связью не непосредственной, а опосредованной – через один и тот же проникающий в них дискурс политика. В совокупности они образуют вокруг дискурса политика сетевое пространство дискурса реагирования, процесс возникновения которого представлен на схеме 2, где П.Д. обозначает политический дискурс (дискурс политика), а Д.Р. – дискурс реагирования:

Схема 2. Нахождение политического дискурса в пространстве дискурса реагирования

Соотношение между дискурсом политика и дискурсом реагирования строится по модели «стимул» – «реакция», что показано на схеме 2 стрелками. На ней также показано, что пространство дискурса реагирования окружает пространство дискурса политика и взаимодействует с ним. В основе этого взаимодействия лежит обратная связь.

В языковом отношении действие обратной связи проявляется в том, что дискурс реагирования обязательно включает в себя фрагменты первичного политического дискурса в виде одного или нескольких высказываний. Основными способами такого включения являются прямая речь (цитация), косвенная речь (перифраз) и аллюзия.

Так, в представленной выше выборке в примере 4 реагирующий цитирует отрывок из речи Буша дословно, без каких-либо изменений. В примерах 1, 3, 5, 6, 7 реагирующий использует косвенную речь, то есть пересказывает дискурс Буша своими словами, осуществляя его лексико-грамматические трансформации. Аллюзия используется в примере 2 и в примере 8, который представляет собой карикатуру на интервью человека с улицы, отвечающего на вопрос “Why I Like George Bush” (Почему мне нравится Джордж Буш). На одном из ее кадров нарисован мужчина, ответ которого: “He’s accomplished so many missions”. Это аллюзия на исходное высказывание “Mission Accomplished.” Нужно владеть предварительным знанием о

нем, чтобы понять, о чем идет речь в дискурсе реагирования.

Действие обратной связи проявляется также в том, что реагирующие подвергают смыслы, выраженные Бушем, интерпретации. Она осуществляется на основе сразу нескольких модусов, однако основными из них являются модус истинностной оценки и модус общей аксиологической оценки. Так, в примерах 3, 4 и 5 выражен модус истинностной оценки, а в примерах 1, 2, 6, 7 и 8 – модус общей аксиологической оценки.

На основе ведущих модусов выделяются два типа когнитивного взаимодействия дискурса политика и дискурса реагирования: по типу обратной связи с модусом истинностной оценки и по типу обратной связи с модусом общей аксиологической оценки.

Когнитивное взаимодействие по типу обратной связи с модусом истинностной оценки заключается в верификации реагирующим позиций политического дискурса. Так, в примере 3 реагирующий оценивает дискурс Буша о завершении миссии в Ираке как ложный, не соответствующий истинной, с его точки зрения, картине мира (They [Bush and his administration] said the Iraq mission was accomplished, but that was false). Сам Буш при этом предстает как человек неискренний, обманывающий, которому нельзя больше верить (After all those falsehoods, why should we believe him now? I certainly don't). В примере 4 реагирующий указывает на расхождение между позициями Буша в мае 2003 года и октябре 2006 года и на необходимость выбора одной, единственно правильной позиции (The facts on the ground in America and Iraq show that these positions are incompatible. Mr. Bush can either wait for a victory that will never come or accept that America's patience has run out and withdraw our forces from Iraq). В примере 5 реагирующий верифицирует дискурс Буша, опираясь на факты (more than 3,500 coalition troops have died and hundreds of thousands of civilians have lost their lives). Он разоблачает ложность этого дискурса и сообщает социальному адресату правду (The inevitable truth is that Iraq is embroiled in civil war). Считая выраженные политиком смыслы ложными, реагирующий оценивает его как человека неискреннего, выявляет его обман, лицемерие, клевету, притворство.

Сутью когнитивного взаимодействия по типу обратной связи с модусом общей аксиологической оценки является оценка личностных качеств политика по шкале «хорошо – плохо». В приведенных примерах реагирующие дают политику одну лишь отрицательную оценку, тем самым выявляя несоответствие политика выполняемой им институциональной роли. Так, в примере 1 речь идет о некомпетентности Буша и его администрации, которые, по мнению реагирующего, неспособны осуществлять грамотное руководство страной (US writer Judd Legum, of the American Progress Action Fund, has com-

plied 50 reasons why the Bush administration should no longer be in control of the US... <...> Reason 8: In May 2003, Bush landed on an aircraft carrier proclaiming "mission accomplished" and announced that major combat operations were over in Iraq). В примере 2 реагирующий указывает Бушу на совершенную им в мае 2003 года ошибку – объявление военной операции в Ираке завершённой. Тем самым он оценивает дискурс Буша как глупый, необдуманый, поспешный, а себя позиционирует как человека более умного, которому понятна оплошность Буша (President Bush surely has learned enough since then not to mistake progress for "mission accomplished"). В примерах 6 и 7 реагирующие указывают на хвастливость Буша (his boast in May 2003 of mission accomplished) и его самоуверенность, самодовольство (the swagger shown when he stood on the deck of an aircraft carrier weeks after the US-led invasion that toppled Saddam Hussein and declared that major combat operations in Iraq were over).

В целом, из двух типов обратной связи, характерных для структурирования пространств и выявленных в теории систем – позитивной и негативной, – в дискурсе реагирования в британской и американской культурах присутствует преимущественно негативная обратная связь с дискурсом политика. Это означает, что реагирующий предпочитает не хвалить, а критиковать политика. С точки зрения социальной когниции это можно объяснить следующим образом. Реагирующий как коллективный субъект – социальный адресат – заинтересован, со стороны фактов, в установлении истины, а со стороны действий политика – в установлении их соответствия общественным ценностям. Когнитивная обработка политического дискурса приводит к состоянию определенности неопределенные, неясные смыслы и восстанавливает реальное положение вещей. В обобщенном виде негативная направленность плюралистической интерпретации политического дискурса в дискурсе реагирования заключается в том, что социальный адресат не хочет быть обманутым и не хочет, чтобы нарушались отстаиваемые им ценности.

Согласно теории систем, постоянная позитивная связь приводит к застою и потере стабильности системы, а постоянная негативная связь обеспечивает стабильность (гомеостаз) системы за счет устранения имеющихся недостатков. Становится понятной общая негативная направленность дискурса реагирования в британской и американской культурах. Постоянная позитивная связь с обществом привела бы к застою и разрушению пространственно распределенной политической системы, в то время как постоянная негативная связь способствует устранению возникающих нарушений и сохранению равновесия общественной системы. Поэтому благодаря негативной направленности дискурса реагирования поддерживается ста-

бильное состояние пространства политического дискурса и политической коммуникации, что, несомненно, способствует и социальной стабильности в целом.

Возникает вопрос, возможна ли вообще такая политическая система, в которой реагирующие всецело принимают и одобряют выражаемые политиками смыслы, то есть выступают за то, чтобы оставить положение вещей таким, какое оно есть, не требуя от политиков корректировки их действий?

Примером подобного политического дискурсивного пространства, в котором преобладал лишь позитивный, комплиментарный дискурс реагирования, являлся советский политический дискурс, который П. Серио, как известно, назвал деревянным [Серио 1999]. В этом пространстве была невозможна критика политиков, смыслы, выраженные ими, безоговорочно должны были считаться истинными, а их личные качества – безупречными, отражающими необходимые для общества ценности. Хорошо известно, к чему привела подобная постоянная обратная связь – к так называемому застою, то есть к затвердеванию, одереветнению политической системы, которая в конечном итоге разрушилась.

В целом, теоретически важным является то, что понятие дискурсивного пространства позволяет исследовать дискурс в его динамическом аспекте – как дискурсивный процесс, участники которого заинтересованы в определенных смыслах, требуют их друг от друга, призывают к ним друг друга. В общем дискурсивном пространстве появляются особые стандарты, такие как потребность в согласии / несогласии, взаимная санкционированность, солидарная ответственность, взаимонаправленное влияние. В результате функционирования дискурса как средства координации людей возникает особый фоновый пространственный консенсус. Создается некое пространственное настроение,

взаимная убежденность в «правильности» произведенных дискурсов, а также открывается перспектива дальнейших дискурсивных обменов.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека – М: Изд-во «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.

Вацлавик П., Бивин Д., Джексон Д. Прагматика человеческих коммуникаций: Изучение паттернов, патологий и парадоксов взаимодействия – М: Апрель-Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. – 320 с.

Казыдуб Н.Н. Дискурсивное пространство как фрагмент языковой картины мира (теоретическая модель): монография – Иркутск: ИГЛУ, 2006. – 216 с.

Мерло-Понти М. Феноменология восприятия – СПб: Ювента, Наука, 1999. – 605 с.

Николис Г., Пригожин И. Познание сложного. Введение – М: Едиториал УРСС, 2003. – 344 с.

Плотникова С.Н. Политик как конструктор дискурса реагирования // Политический дискурс в России: Святыне без житий: Материалы постоянно действующего семинара. – М: МАКС Пресс, 2005. Вып. 8. С. 22-26.

Плотникова С.Н. Языковое, дискурсивное и коммуникативное пространство // Вестник ИГЛУ. Сер. Филология: Язык. Культура. Коммуникация. – Иркутск: ИГЛУ, 2008. Вып. 1. С. 131-136.

Серебренникова Е.Ф. Человек оценивающий: семиотика оценки на примере разового политического дискурса // Личность и модусы ее реализации в языке: колл. монография. – М: ИЯ РАН; Иркутск: ИГЛУ, 2008. С. 416-427.

Серио П. Русский язык и анализ советского политического дискурса // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. С. 337-383.

Чудинов А.П. Политическая лингвистика – М: Флинта; Наука, 2006. 256 с.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса – М: ИТДГК «Гнозис», 2004. 326 с.

© Плотникова С.Н., Домышева С.А., 2009

Романова Т. В.
Нижний Новгород, Россия
**КОММУНИКАТИВНЫЙ ИМИДЖ
И РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ
СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИКА**

УДК 811.161.1'06:32

ГСНТИ 16.21.27, 16.21.29

Код ВАК 10.02.01

Аннотация. В статье представлено сравнительно-сопоставительное содержание понятий «коммуникативный имидж» и «речевой портрет» и показана методика их анализа на примере текстового материала, рожденного в рамках политической коммуникации Нижегородского региона России. Понятие «коммуникативный имидж» раскрывается при анализе автобиографической книги (в жанре политической исповеди) Б.Е. Немцова «Исповедь бунтаря», понятие «речевой портрет» - при анализе публичной речи С.В. Кириенко.

Ключевые слова: коммуникативный имидж, речевой портрет, автоимидж, речевые стратегии и тактики.

Сведения об авторе: Романова Татьяна Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и общего языкознания.

Место работы: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова.

Контактная информация: 603074, г. Н. Новгород, ул. Куйбышева, д. 35, к. 77.

E-mail: philfac@lunn.ru (для Романовой Т.В.); soling@lunn.ru (для Романовой Т.В.).

Romanova T. V.
Nizhniy Novgorod, Russia
**THE COMMUNICATIVE IMAGE
AND LINGUISTIC PORTRAIT
OF A CONTEMPORARY POLITICIAN**

Abstract. The article reveals the contents of such concepts as “communicative image” and “linguistic portrait” in their comparison and describes the method of the analysis by the example of texts, belonging to the sphere of political communication of Nizhniy Novgorod region (Russia). The concept of the “communicative image of the politician” is discoursed through the analysis of an autobiographical book by B.E. Nemtsov “Confessions Of A Rebel” (in the genre of political confession); the concept “linguistic portrait” is discoursed through the analysis of public speeches by S.V. Kirienko.

Key words: communicative image, linguistic portrait, autoimage, linguistic strategies.

About the author: Romanova Tatyana Vladimirovna, doctor of philology, professor of the chair of Russian philology and general linguistics.

Place of employment: Nizhniy Novgorod State Linguistic University after N.A. Dobrolubov.

Одной из сфер приложения политической лингвистики в современной науке является изучение мышления политиков по языковым данным. При анализе речи политиков наиболее востребованными являются термины «коммуникативный имидж» и «речевой портрет». В данной статье мы представим содержание данных понятий и методику их анализа на примере текстового материала, рожденного в рамках политической коммуникации Нижегородского региона России.

Имидж (от англ. image – образ) в широком понимании – это обобщенный портрет личности, создающийся в представлении общественности на основании заявлений и практических дел личности. Имидж возникает только тогда, когда носитель имиджа становится «публичным», то есть когда есть субъекты его непосредственного или опосредованного восприятия. Имидж выступает своего рода посредником между политиком и массой. Люди воспринимают именно образ, постоянно воспроизводимый самим субъектом и средствами коммуникации, – «определенные черты, качества лидера, взятые в единстве политических, мировоззренческих, биографических, внешних качеств, резонирующих в предпочтениях электората» [Гордеева 1993: 17]. Имиджу приписывают три основные коммуникативные функции. Первая – облегчить аудитории восприятие информации о политике: «Массовое сознание не может воспринять всю сумму информации о нем, но с радостью согласно получать ключе-

вую информацию, задающую все основные с его точки зрения параметры, характеризующие лидера» [Почепцов 1997: 66]. Вторая функция – обеспечить режим наибольшего благоприятствования восприятию личности политика, проецируя на аудиторию те его характеристики, которые являются наиболее предпочтительными в конкретной электоральной среде. Третья функция – подготовить почву для формирования установок на избрание именно этого кандидата. «Мы должны быть достаточно точными в этом пункте: выбор определяется имиджем, а не человеком, поскольку 99% избирателей не имеют контактов с ним. Важно не то, что он собой представляет, а то, что проецируется, и, если быть точным, – не то, что проецируется, а то, что избиратель получает. Не человека мы должны менять, а получаемое впечатление» [Price 1970: 204], – так определяли стратегию своих действий организаторы избирательной кампании Р. Никсона в 1968 году. Структура имиджа политика подвижна и включает в себя постоянно взаимодействующие элементы: характеристики политического лидера – биологические, психологические и политические, поле жизнедеятельности, его цели; идеальный имидж; сообщения – вербальные и невербальные знаки; социальное ожидание; социальный заказ и т.п. Под **коммуникативным имиджем** понимают долговременную коммуникативную роль человека [Стернин 2001: 100]. Коммуникативный имидж связан с внешним и поведенческим имиджем. Важной составляющей комму-

никативного имиджа является автоимидж. **Автоимидж** как одна из составляющих понятия «имидж», с одной стороны, и как разновидность имиджа, с другой, представляет собой образ, сложившийся в сознании индивида, отражающий представления личности о своем собственном «я». Автоимидж определяется как «национально и гендерно маркированный образ «Я», сложившийся в сознании индивида как собственно личности, так и представителя института» [Даулетова 2004: 199-205]. Он является одной из составляющих понятия «имидж», однако, взятый в качестве основного объекта исследования, он приобретает глубину, многогранность и автономность, что выражается в его уникальной структуре (3 компонента: «собственно Я», «Я со стороны» и «Я идеальное») и вербальных средствах его выражения. Каждая составляющая представлена своим набором языковых (лексических, грамматических, синтаксических) и речевых (стратегий, ходов, тактик) средств реализации.

Рассмотрим процесс создания коммуникативного образа политика на примере книги Бориса Немцова «Исповедь бунтаря» [Немцов 2007 (все примеры даются по настоящему изданию с указанием страниц)]. Жанровую принадлежность данной книги можно определить как политическую исповедь. Основной задачей жанра выступает осуществление акта коммуникации между автором / адресантом и читателем / адресатом. В политических исповедях прослеживаются коммуникативная цель (эксплицитная – пролить свет на ход исторических событий; имплицитная – скорректировать или реанимировать свой публичный имидж), очерчено коммуникативное прошлое (рефлексивная ретроспекция имевших место событий профессиональной и частной жизни автора) и будущее (изменение отрицательных и усиление положительных диспозиций адресата по отношению к персоне автобиографа), воплощено событийное содержание (проникновение интимного в социальное и наоборот, связь настоящего с прошлым и будущим), введен определенный языковой формат (литературный язык с элементами разговорно-бытовой лексики и политической терминологии).

В книге Бориса Немцова явно просматривается коммуникативная цель скорректировать и реанимировать свой имидж. Моделируя свой коммуникативный имидж, автор выбирает для себя ряд коммуникативных ролей. Доминантой имиджа является роль **оппозиционера**. Самоподача в основном осуществляется эксплицитно: «Я являюсь оппонентом, оппозиционером, как угодно можно назвать, нынешней власти в России, потому что дорожу своей личной свободой и свободой вообще» (с. 70); «К тому же Немцов – оппозиционер» (с. 120). Имплицитная самоподача опознается по критике действующей власти и по противопоставлению себя ей: «Путин пограл все фундаментальные ценности, за которые мы боро-

лись, и мы не можем быть его сторонниками» (с. 80); «Я мог представить все что угодно, но чтобы Путин в момент, когда в центре Москвы взяты заложники думал о чужих рейтингах и популярности – никогда» (с. 134); «Сегодня в нем многие разочаровались. А вот я никогда не поддерживал Путина» (с. 55). Доминанта **оппозиционер** не исключает, а, скорее, предполагает другие составляющие имиджа, или микророли, например, **молодой реформатор**: «Меня до сих пор называют молодым реформатором» (с. 5); «Молодой, амбициозный и бескомпромиссный. Реформы превыше всего» (с. 22); «Небольшое число людей идет во власть, чтобы что-то сделать, изменить мир и страну. Я наивно пытался изменить мир» (с. 30). **Борец за свободу**: «Я критикую Путина и нападаю на него, потому что он хочет украсть мою свободу» (с. 70); «На знаменах СПС написано: "Свобода, собственность, законность!"» (с. 80); «Человек должен быть свободен» (с. 165). **Борец за социальную справедливость**: «Я выплачиваю 150 стипендий детям из Нижнего Новгорода. Плачу стипендию учителям в школе, которую сам закончил» (с. 167). Кроме того, следует отметить как факультативные составляющие имиджа следующие микророли: **заботливый сын** («Вообще я считаю, что все то хорошее, что у меня есть, – все от моей матери. Мне с ней сильно повезло. Главное, чтобы она не болела и чувствовала себя нормально» – с. 183); **любящий отец** («Я горжусь тем, и это, наверное, моя одна из самых серьезных удач в жизни, что у меня четверо достойных, симпатичных, приличных детей» – с. 178; «Я очень люблю всех своих детей и хорошо отношусь ко всем своим женам. Все дети, которые от меня родились, родились в любви» – с. 174); **человек, ведущий здоровый образ жизни** («У меня есть и собственные стимулы для здорового образа жизни – ответственность перед своими детьми и их мамами. Нельзя быть больным, не могу себе позволить стать беспомощным» – с. 50). Каждая из этих микроролей выполняет тактическую задачу построения достоверной модели личности (доминанта не обеспечивает восприятия личности как реальной, нужны специфические штрихи и краски, придающие портрету сходство с оригиналом).

Как уже было отмечено выше, автоимидж состоит из трех элементов: «собственно Я», «Я со стороны» и «Я идеальное». «Собственно Я» подразумевает реальную оценку индивидом себя. Оно состоит из осознанного восприятия и ценностей «Я». Информация о восприятии себя самого, которую автор пожелал обнародовать, как правило, передается набором определенных языковых средств. В рассматриваемой книге Бориса Немцова зафиксированы следующие формальные и семантические приемы, с помощью которых автор ставит читателя в известность о своем взгляде на **«собственно Я»**:

I. Формальные показатели.

1. Личное местоимение «я» + набор характеристик («Я – далеко не святой, нет» – с. 144;

«Я абсолютно не домашний человек» – с. 183; «Я человек общительный, мне интересны разные люди, контакты и так далее... Со мной жить тяжело. Я человек публичный, мне всегда нужны новые впечатления» – с. 183; «Я был достаточно закаленным бойцом» – с. 67).

2. «У меня есть / у меня нет» + перечень личных и деловых качеств («Но "звездной" болезни точно не было» – с. 32; «У меня есть и собственные стимулы для здорового образа жизни – ответственность перед своими детьми и их мамами. Нельзя быть больным, не могу себе позволить стать беспомощным» – с. 50).

3. Предикаты внутреннего состояния любить / не любить, переносить / не переносить, интересоваться / не интересоваться, хотеть / не хотеть («Но в то же время не хочу возвращаться в политику и во власть любой ценой» – с. 5; «... не хочу жить в стране победившего бандитского капитализма» – с. 22; «Я не хочу и не стремлюсь попасть во власть любой ценой, для меня власть не является пределом мечтаний» – с. 30; «Я не так сильно люблю власть, чтобы адаптироваться к чекистам, коммунистам или националистам» – с. 35; «Чиновником я быть не хотел» – с. 63; «Я лично ненавижу лицемеров и лгунов, которые на публике ведут себя совершенно иначе, чем в узком кругу» – с. 170; «И я не хочу постоянно обманывать близких мне людей» – с. 177). Выстраивается образ честной личности, для которой власть не является главной целью в жизни.

4. Модальные глаголы способности («К 43 годам я научился лучше разбираться в людях и представлял, кто есть кто, мог отличить недруга от друга, товарища от приятеля или просто хорошего человека» – с. 70).

5. Идентификация «своих» через интегрирующие местоимения «мы», «наше» («Поскольку фактов коррупции или злоупотребления служебным положением наши враги обнаружить не могли, то ОРТ и НТВ били по определенным имиджевым точкам» – с. 24; «Путин пограл все фундаментальные ценности, за которые мы боролись, и мы не можем быть его сторонниками» (с. 80); «При этом он как бы и демократов не трогает, он нас не боится. Он считает, что за нами нет силы, нет людей. Это первое. Если за нами будет огромная сила, миллионы людей тогда будет бояться» – с. 119). Через указание своей принадлежности к той или иной группе происходит автоматическое включение качеств, свойственных группе, в структуру «Я» индивида. В данном случае Немцов указывает на свою принадлежность к оппозиционному демократическому движению.

6. О себе в 3-м лице («С Немцовым им было все ясно» – с. 53; «Немцов может кричать на Майдане, что союз чекиста с рецидивистом – это извращение. Кремль это раздражает, но не подвигает на действия – Немцов имеет право, он политик. У него профессия. К тому же Немцов – оппозиционер» – с. 120; «Немцов ничего не украл, у него нет миллиардов, мы ему ничего не давали, он нам ничего

не должен. Он кричит, но это его профессия, что с ним делать?» – с. 120).

II. Содержательные признаки (семантика языковых средств и содержание речевых приемов).

1. Присоединение / уподобление («Небольшое число людей идет во власть, чтобы что-то сделать, изменить мир и страну. Я наивно пытался изменить мир» (с. 30)).

2. Противопоставление / контраст («Я никого из них не осуждаю, они – другие. Их воспитывали на иных, для меня неприемлемых принципах. Им нравится вылизывать вышестоящего начальника, ну а я не испытываю ни малейшего желания это делать и тем более получать от этого удовольствие. Они никогда не станут рисковать своим положением ради правды, а для меня чистая совесть важнее хлебного места» – с. 116; «В принципе, власть – это таз с нечистотами, от которого исходит неистребимое зловоние. В этот таз помещают людей. Одни в нем быстро растворяются и становятся частью этой зловонной массы, а другие в силу каких-то генетических или иных особенностей существуют в политике, барахтаются в тазу с нечистотами, им вся эта суeta и подлость неприятна, но внутрь, в души этих политиков зловоние не проникает» – с. 153).

3. Выражение жизнеформирующих принципов, ценностей, приоритетов («Как спастись от развращения, как защитить себя от подкупа и позора? Рецепт один: все должно быть максимально честно и открыто» – с. 160; «Есть несколько составляющих счастья – свобода, здоровье, материальное благополучие. Если ты хочешь быть счастливым, то должен думать о первом, втором и третьем. Я исхожу из следующего принципа: надо тратить деньги на близких и на себя, просто не хочу превращать жизнь в зарабатывание денег. Я зарабатываю деньги, чтобы жить, а многие мои товарищи-бизнесмены живут, чтобы зарабатывать деньги» – с. 165; «Свобода – фундаментальная ценность» – с. 177; «Для нормальной и полноценной жизни необходимо всего-то сила воли и стимул. Главное – любить жизнь, и тогда все получится!» – с. 210).

4. Приемлемая / неприемлемая роль («Чиновником я быть не хотел. Чиновник живет по неким внутрикорпоративным и, на мой взгляд, часто непристойным правилам. Зачастую он должен покрывать беспредел, воровство и вранье. Это не по мне» – с. 63).

5. Указание на слабые / сильные стороны («Должен признаться, в людях я разбираюсь не очень хорошо. Можно даже сказать, что плохо разбираюсь. Проблема – излишняя доверчивость» – с. 31; «Альфред Кох часто подкалывает меня: мол, кадровая политика – не самая сильная сторона Немцова. Признаю» – с. 32).

«Я со стороны» представлено в книге Немцова двумя разновидностями показателей: а) лексико-грамматическими, синтаксическими; б) прагматическими.

I. Первая разновидность показателей включает в себя текстовые реминисценции в виде определенных средств объективации.

1. Прямое цитирование устных высказываний / характеристик / ремарок («В конце [Ельцин] произнес примерно следующее: "Они – никто, я их знать не знаю. Вы – правительство"» – с. 25; «Спустя несколько лет я совершенно случайно столкнулся с Доренко в аэропорту Нью-Йорка. "Я же киллер. Тебя заказали", – добродушно пояснил Доренко» – с. 26; «Когда Путин стал президентом, и мы еще сохраняли нормальные отношения, он сказал: "Знаешь, в чем была ваша ошибка? Вы ведь тогда боролись с реальными властителями. Не имея достаточно власти, вы боролись с теми, от кого эта власть зависела. Надо было сначала получить власть, а потом бороться с олигархами"» – с. 28).

2. Стилизация под прямую речь («В результате они ходили к Ельцину и постоянно жаловались: мол, Немцов скандальный, с ним невозможно договориться и прочее» – с. 24).

3. Стилизация под косвенную речь («Вот ты, Немцов, – разрушитель государства, потому что, когда на Дубровке террористы захватили людей, ты говорил, что важно, чтобы все люди остались живы. А мы говорили, что важно, чтобы Россия сохранилась. Что для тебя важнее: эти несчастные 129 убитых или судьба Родины?» – с. 119; «Когда я вышел из зала, ко мне подошел человек с белесыми глазами и сказал, что за такие речи меня надо убить... Это был Рамзан Кадыров» – с. 130; «Он [Ахмад Кадыров] ... сказал, что уважает меня...» – с. 130).

II. Ко второй разновидности можно отнести следующие приемы:

1. Упоминание своих прозвищ и ярлыков, сформировавшихся в массовом сознании («молодой реформатор»).

2. Языковая фиксация реакции аудитории («Покойный Ахмад Кадыров пригласил меня в президиум и дал слово. Я сразу предупредил, что буду выступать с не очень популярных позиций. Сразу же по залу пошел угрожающий гул, хотя я еще толком ничего не успел сказать» – с. 129).

3. Кроме того, «Я со стороны» представлено в книге **послесловием**, написанным известным журналистом Павлом Шереметом. В нем Шеремет высказывает свое мнение по поводу личности Немцова и дает положительную оценку его личным и профессиональным качествам.

Третья составляющая автоимиджа **«Я идеальное»** реализуется в речи Бориса Немцова с помощью ряда речевых стратегий и тактик. «Я идеальное, гармонизирующее» реализуется в «Исповеди бунтаря» посредством стратегии «автоидеализации», а «Я идеальное прагматическое» – с помощью стратегии «автопрезентации».

I. Стратегия автоидеализации представлена следующими коммуникативными ходами:

1. «У меня есть нечто, что я хотел бы сохранить в себе». Данный коммуникативный ход отражает положительную оценку адресан-

том своих качеств, убеждений, позиций. В книге его успех обеспечивают следующие маркеры причастности: **а) позитивно окрашенные наречия** (приятно, интересно); **б) предикаты долженствования** (важно, необходимо, нужно, надо); **в) сослагательное наклонение** (не чувствовал бы себя).

2. «У меня есть нечто, что меня не устраивает в себе». С помощью этого коммуникативного хода осуществляется отрицательная оценка негативных и вызывающих субъективное неодобрение составляющих личности автора. В «Исповеди бунтаря» к языковым средствам, помогающим реализовать проекцию обозначенной оценки, относятся маркеры отчужденности, а именно: **а) устойчивые выражения** (не по мне, не мое); **б) прилагательные с отрицательной оценкой** (скандальный, раздраженный); **в) существительные с отрицательной коннотацией** (слабость, страсть).

3. «У меня нет чего-то, что я хотел бы иметь». Данный коммуникативный ход указывает на те качества и черты личности, которые ей не присущи, но необходимы для личностного душевного равновесия, для удовлетворения собой. В книге автор заявляет о пожеланиях самому себе с помощью следующих средств: **а) предикатов внутреннего состояния** (сожалею, хочу); **б) сослагательного наклонения** (вел бы иначе).

4. «У меня нет чего-то, что мне не нравится». Этот коммуникативный ход дает автору возможность заявить об отсутствии в своей концепции автоимиджа определенных, как правило негативных, черт. Такого рода посыл передается в произведении с помощью предиката *хотеть* с отрицательной частицей *не* или его синонимического коррелята *не иметь желания*, которые могут усиливаться наречиями-абсолютами *совсем, никогда* («Я не хочу постоянно обманывать близких мне людей»; «Я никогда к ним не адаптируюсь»).

II. Стратегия «идеальной автопрезентации» направлена на манипуляцию общественным мнением. Данная стратегия представлена двумя речевыми тактиками, позволяющими реализовать прагматический аспект «Я идеального»: тактикой соответствия адресату и тактикой самовозвеличивания.

1. Суть первой тактики заключается в спекулировании на предрасположенности адресата верить знакомому, родному. С этих позиций Немцов применяет следующие приемы: **а) ссылки на личный опыт**, в основном неудачный, с апелляцией к чувству жалости и сочувствия («... угробил кучу времени, совершил массу ошибок и потратил впустую много денег на пути к здоровому образу жизни»); **б) концепты высших общечеловеческих ценностей** (семья, свобода, счастье).

2. Вторая тактика (самовозвеличивание) основана на принципе вежливости, в частности, на максиме скромности (*modesty maxim*). Ее

суть заключается в том, чтобы минимизировать похвалу себя и максимизировать неудовлетворенность собой. Данный смысл реализуется с помощью следующих приемов: **а) слова-минимизаторы «некоторые / несколько»;** **б) вкрапления в автобиографический политический дискурс педагогического** с помощью деонтической модальности («В общем, помните: опоздание – проявление крайнего неуважения к людям»), авторских афоризмов («Здоровый политик – здоровые мысли, смелые поступки»).

Нужно отметить, что автор использует различные речевые стратегии и тактики не только при создании автоимиджа. Очевидно, что политические интересы автора требуют положительной презентации партии и самой личности лидера. Так, Б. Немцов в своей книге активно использует **стратегию самопрезентации**, то есть представление себя в привлекательном, выгодном свете. Для этого он использует ряд речевых тактик.

1. Тактика кооперации. Автор указывает на свою принадлежность к оппозиции, к демократам с помощью личного местоимения «мы» («При этом он как бы и демократов не трогает, он нас не боится. Он считает, что за нами нет силы, нет людей. Это первое. Если за нами будет огромная сила, миллионы людей тогда будет бояться» – с. 119).

2. Тактика размежевания. Немцов противопоставляет себя действующей власти («Я являюсь оппонентом, оппозиционером, как угодно можно назвать, нынешней власти в России» – с. 69), чиновникам и конформистам («Я не так сильно люблю власть, чтобы адаптироваться к чекистам, коммунистам или националистам. Я к ним не адаптируюсь. Никогда» – с. 35).

3. Тактика самооправдания. Борис Немцов указывает на свои ошибки, но находит для них объяснение и оправдание («Но я до сих пор не знаю, правильно ли я тогда поступил. С одной стороны, надо было идти на переговоры, чтобы меня не обвинили в трусости. С другой – я понимаю, что не слушать президента в ситуации чрезвычайного положения, когда все на грани, недостойно и не по-государственному» – с. 135; «Я был женат три раза. С точки зрения выстраивания политического имиджа это неправильно, но сердцу и телу не прикажешь. Я очень люблю всех своих детей и хорошо отношусь ко всем своим женам. Все дети, которые от меня родились, родились в любви» – с. 174).

4. Тактика самокритики. Немцов делает акцент на том, что, как и любому простому человеку, естественно совершать ошибки («Очевидно, что в 2003 году мы допустили ряд серьезных, роковых ошибок» – с. 68).

Наиболее ярко в книге «Исповедь бунтаря» представлена **стратегия дискредитации**. Причем, для речи Немцова характерна эксплицитная подача негативной информации о своих

противниках. Данная стратегия реализуется в следующих тактиках:

1. Тактика открытого обвинения («Путин пограл все фундаментальные ценности, за которые мы боролись» – с. 80).

2. Тактика осмеяния. Данная тактика реализуется с помощью таких речевых ходов, как: **а) использование метафоры** («Партийное образование под названием "Единая Россия" – это динозавр, у которого тело большое, а мозг маленький» – с. 113), **б) языковая игра** («Таким же хвостом головастика может стать "Справедливая Россия", которая образовалась в результате слияния "Партии жизни" с "Партией пенсионеров" и "Родиной". Иногда это образование так и называют – "Партия РоЖи" (родина и жизнь)» – с. 113). Также автор использует **прием закавычивания** как демонстрацию иронического отношения («Есть три грандиозных "достижения" Путина, за которые страна его еще вспомнит недобрый словом» – с. 57).

3. Тактика разоблачения. Борис Немцов рассказывает читателям про личные мотивы, которыми был движим Путин во время теракта на Дубровке («Проблема заключалась в популярности. "Ты представляешь, какая у тебя была бы популярность? А Лужков вообще превратился бы в стопроцентного кандидата на президентское кресло", – просто сказал Волошин. Я мог представить все что угодно, но чтобы Путин в момент, когда в центре Москвы взяты заложники думал о чужих рейтингах и популярности – никогда» – с. 134).

4. Тактика анализ-«минус». Уже упомянутую ситуацию с терактом на Дубровке Б. Немцов анализирует, выражая свое негативное отношение к участникам событий.

Итак, коммуникативный имидж политика создается с помощью разнообразных речевых и языковых средств. В книге Б.Е. Немцова «Исповедь бунтаря» имидж автора структурируется через роли, которые он для себя выбирает. Среди них можно выделить доминантные и факультативные микророли. Особое внимание уделяется созданию автоимиджа и вербальным средствам его создания. Кроме того, стратегии и тактики, реализованные в речи автора, характерны для политического дискурса в целом и также являются средствами создания речевого имиджа Бориса Немцова.

Понятие речевого портрета носителя языка или речевого портрета группы носителей языка не ново в лингвистике. Толчком к разработке понятия «социально-речевой портрет» явилась идея фонетического портрета, выдвинутая в середине 60-х годов XX века. М.В. Пановым и воплощенная им в ряде фонетических портретов политических деятелей, писателей, ученых XVIII-XX вв. Идея речевого портрета подхвачена другими учеными: [Ерофеева 1990, Земская 1990, Николаева 1991, Китайгородская, Розанова 1995] и т.д.

Выбирая «модель» для создания фонетического портрета, М.В. Панов обосновывает свой выбор именно социальными и социокуль-

турными соображениями: принадлежность к тому или иному поколению, социальному слою, следование в речи определенной культурной традиции (театральной, поэтической, бытовой и т.п.), наличие в речи локальных особенностей.

Предлагаемая нами методика анализа речевых портретов представителей разных социальных групп, с одной стороны, содержит своего рода «диагностирующие пятна» – социально маркированные способы выбора и употребления языковых средств и особенности речевого поведения («излюбленные» приемы и тактики), с другой стороны, претендуют на анализ языковой личности, под которой принято понимать базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, своего рода «семантический фоторобот», составляемый на основе мировоззренческих установок, ценностных приоритетов и поведенческих реакций, отраженных в словаре, языке личности. Характеристика языковой личности предполагает анализ ее вербально-семантического, лингвокогнитивного (тезаурусного), мотивационно-прагматического (деятельностного, стратегии и тактики) уровней.

Речевые портреты политиков можно представить с помощью методик контент-анализа, интенс-анализа, дискурс-анализа, а также с помощью психолингвистических методик.

В данной публикации мы сочли возможным остановиться на речевом портрете бывшего полномочного представителя Президента РФ в Приволжском федеральном округе, ныне главы «Росатома» Сергея Владиленовича Кириенко, так как собственно лингвистический материал не теряет своей актуальности и «вписывается» в характеристику регионального политического дискурса.

Источниками речевого материала являются официальный сайт Пресс-службы полномочного представителя Президента РФ в ПВО, on-line интервью, интервью сетевому изданию «Газета.Ru», интервью газете «Ведомости», радиостанциям «Маяк» (09.11.05), «Эхо Москвы» (28.06.04), программам «Страна и Мир» телеканала НТВ (05.07.04), «Завтрак с Соловьевым» телеканала ТВС (ноябрь 2005 г.).

В первую очередь, следует отметить, что интервью в радио- и телеэфире представляет – в той или иной степени – неподготовленную речь интервьюируемого. Разумеется, собеседникам может быть заранее известен предмет разговора, общая его схема и т.п., однако в самом широком смысле речь все же остается неподготовленной. В этой связи – в качестве наиболее очевидной ее особенности – можно отметить различные явления эмоционального характера: эмфатические повторы, множественное употребление вводных конструкций, не всегда правильное синтаксическое оформление речи и др. Например:

Повторы: (1)

– *«Наверное, в том, что впервые не государство само себя защищало, не государственная власть..., а сам народ»* – синонимический повтор для усиления антитезы государство-народ;

– эмфатический повтор

«И еще одна важная вещь. Люди, которые возглавили это ополчение, не собирались сами заниматься никакие руководящие посты. Ни Козьма Минин, ни Пожарский не собирались становиться ни царями, ни занимать никакие руководящие посты»;

«Мне кажется, что тогда россияне доказали свое право быть единой страной, единым государством»;

«Поэтому сейчас восстановлен храм, восстановлен полностью деньгами благотворителей»;

«...мне кажется, что, действительно, тот пример, который наши предки дали нам в 1612 году, он сегодня нужен, нужен просто потому, что...» (хиазм, стык);

«Это форум, на который собираются различные благотворители» («Маяк»).

[Здесь и далее сохранены орфография и пунктуация источника – Т.Р.]

Еще одна особенность речи С.В. Кириенко состоит в том, что он пытается логически выстраивать свою речь, связно, последовательно аргументировать, доказательно возражать и т.п., или, по крайней мере, его речь претендует на это. Так, например, в ряде случаев полпред пытается логично построить свое высказывание, для чего использует вводные слова *во-первых, во-вторых* и т.д., но после первого же из перечисленных пунктов он либо отвлекается на что-либо другое, либо чрезмерно углубляется в рассуждение о том, что прозвучало под *во-первых* и зачастую, таким образом, логика построения высказывания обрывается, синтаксическая конструкция высказывания остается незавершенной, и слушатель никогда не узнает, что должно было прозвучать *во-вторых*. При этом говорящий все же достигает своей цели: его аргументы, высказывания звучат веско, убедительно; использование конструкций с *во-первых*, хотя в данном случае и ложное, создает впечатление, что полпреду есть что сказать, что он обдуманно, со знанием дела отвечает на вопросы. Например:

«Что касается нужности сегодня этого праздника, мне кажется, что, действительно, тот пример, который наши предки дали нам в 1612 году, он сегодня нужен, нужен просто потому, что, во-первых, тогда спасение государства было делом не государственных чиновников, а народа. Вот это очень важно в России» (конец реплики);

«Во-первых, это не просто ложь, а это уже такая наглая ложь» («Маяк») (далее следует довольно развернутая реплика, но что имелось в виду «во-вторых», полпред так и не упоминает).

Встречаются и случаи формального отсутствия первой части конструкции при наличии второй, например:

«Принципиально важно качество и скорость. Кроме 9 миллиардов огромных инвестиций, это,

кстати, и работа, и заработная плата, и подряд для организаций, которые работают во Владимирской области и в Нижегородской, по которым идет эта дорога. Но самое главное – скорость. Вот каждый, кто пробовал проехать раньше по дороге Москва – Нижний Новгород, знает, что это минимум 5,5 – 6 часов. Ну а если зимой и там с гололедом не повезет, то можно было и 7 – 8 часов проехать. Сегодня это гарантированные 4 часа. Вот таких, это безопасность» («Маяк»).

Обращает на себя внимание частое употребление С.В. Кириенко слова *важно* и однокоренных с ним. Так, в интервью радио «Маяк» это слово употреблено 16 раз.

Рассмотрим конструкции и сочетания, в которых оно встречается:

«И еще одна важная вещь...»; «3 ноября – важное событие – открытие дороги Москва – Нижний Новгород, дороги, которая сделана по европейским стандартам... Это важнейший подарок для Нижнего Новгорода»; «Кстати, я в перечне событий, которые происходят в эти дни в Нижнем Новгороде, не назвал важнейшее событие – это форум социального действия»; «Идут с подарками, идут со своей помощью. И очень важно, чтобы это, конечно, было не только в день 4 ноября»; «И я все-таки считаю, что это не только день славы российского оружия, хотя и это, конечно, очень важно»; «...Такой символ очень важный»; «Ведь для нас принципиально важно, чтобы...»; «Принципиально важно качество и скорость»; «Вот очень важно, например, что в этой программе...»; «Дальше – родовспоможение – важнейший проект, который...»; «Кстати, крайне важно, что сама женищина выбирает роддом...»; «Для нас это особенно важно, ...»; «Вот это очень важно в России»; «Кстати, для нас, не удержусь, скажу, это особенно важно, потому что сам заказ этих автомобилей в основном придется на автомобильные заводы Поволжья».

Из вышеприведенных примеров видно, что С.В. Кириенко, с одной стороны, употребляет прилагательное *важный* и форму его превосходной степени *важнейший* в сочетании с такими существительными как *событие, проект, работа* и т.п., для того, чтобы усилить звучание своей мысли, наиболее явно подчеркнуть значимость упоминаемого, расставить свои приоритеты. С другой стороны, все эти *важно* в конструкциях «для нас / это очень / особенно / принципиально важно, что / чтобы...» в речи полпреда призваны подчеркнуть, что власть, которую он собой олицетворяет, не безликий механизм, а структура персонифицированная, заинтересованная в жизни людей, знающая, что для них ВАЖНО и что им нужно.

Специфично использование С.В. Кириенко личных местоимений Я – Мы и их форм. Большую часть этих употреблений можно распределить по нескольким группам в зависимости от целей, которые преследует говорящий:

1. Употребление местоимения *я* с целью подчеркнуть, что С.В. Кириенко – один из нас, просто отдельный человек со своим мнением,

частной жизнью и т.п.: «Наверное, главное, что праздник 4 ноября воспринимают как новый праздник. А для меня это скорее возвращение праздника»; «Мне кажется, что тогда...»; «Конечно. И я считаю, что в этом как раз и пример, который давало нам ополчение Минина и Пожарского...»; «Такой праздник нам нужен. Я уверен в этом»; «Я считаю, что это пример того, что есть цели, ради которых можно отбрасывать разногласия» («Маяк»).

2. Употребление местоимения *мы* (и притяжательного местоимения *наш*) как тактика создания целостного образа «Мы – жители Поволжья», тактика обозначения тождественности интересов С.В. Кириенко интересам жителей региона: «Кстати для нас, не удержусь, скажу, это особенно важно, потому что сам заказ этих автомобилей в основном придется на автомобильные заводы Поволжья. Для нас это особенно важно, дополнительные возможности для развития этих предприятий»; «И у нас теперь традиция, что губернатор получает на инаугурацию три символических подарка... Теперь это такая наша поволжская традиция»; «Но в этом празднике участвуют сегодня и мусульмане Поволжья. У нас действительно прошли большие мероприятия...»; «У нас ведь, кстати, все делегации, которые приехали в Нижний Новгород..., идут к людям, которым нужна помощь»; «...то в этот раз у нас праздник скорее связан с движением из Москвы в Нижний» («Маяк»).

3. Употребление местоимения *мы* = федеральная власть и ее представитель в регионе, полпред С. Кириенко (притяжательное местоимение *наш*): «Важнейшая работа, которую мы делаем вместе с руководителями регионов, это отбор заявок, их проверка на то, чтобы эта техника действительно была нужна»; «Боле того, по поручению Президента мы сейчас ведем работу...»; «Памятник Москва приготовила давно и готова была подарить Нижнему Новгороду, но мы понимали, что нельзя памятник перед разрушенным храмом, так не делается на Руси»; «Функции облегчаются, характер взаимоотношений [между федеральной властью и губернаторами – Т.Р.], я бы не сказал, что не меняется, пожалуй, он у нас последние несколько лет собственно, был характером сотрудничества...» (Там же).

Число употреблений личного местоимения *мы*, ассоциирующего фигуру полпреда как с федеральной властью, так и с региональной, примерно одинаково. Это в известной степени объясняется спецификой позиции полномочного представителя Президента РФ как некоего промежуточного властного звена между центром и регионами. Подобное осторожное балансирование наблюдается и является общим местом в речи многих региональных политиков, так или иначе зависящих от центра. Однако есть и особенность. В речи региональных политиков нередко упоминание Москвы в негативном контексте, а Приволжского региона – в позитивном, что является собой попытку декларировать самостоятельную, но зависимую от

федерального центра позицию. В речи же С.В. Кириенко, в силу специфики положения, которое он занимает (он – полномочный представитель Президента РФ в регионе, т.е. непосредственный носитель федеральной власти как более сильной по отношению к региональной), оппозиция «федеральный центр – Поволжье» всегда присутствует только в положительном контексте. Например: *«Собственно задачу для полпредов сформулировал Президент Российской Федерации. Она очень простая и понятная. Президент принял решение о выделении небывалых средств на социальные расходы...»; «Более того, по поручению Президента мы сейчас ведем работу, о том, что те функции федеральных органов на территории, которые можно отдать регионам, должны быть отданы регионам» («Маяк»): «Но ведь характерно, наверное, и то, что все это [ополчение Минина и Пожарского 1612 г. – Т.Р.] происходило в Нижнем Новгороде..., а речь шла о центре страны, о Москве. То есть казалось бы, о городе достаточно далеко от Нижнего».*

– (Кириенко): *«Правда. И в этом, наверное, целостность России. Мне кажется, что тогда, в 1612 году, россияне доказали свое право быть единой страной, единым государством»; «Это важнейший подарок для Нижнего Новгорода, на мой взгляд, это возврат Москвой, если хотите, долгов Нижнему Новгороду. Когда-то ополчение шло из Нижнего в Москву, а теперь качественная европейская дорога пришла из Москвы в Нижний Новгород»* и др.

Следует отметить, что С.В. Кириенко апеллирует к фактам истории с целью создания максимально позитивного восприятия оппозиции «Москва – Поволжье». В интервью он приводит и краткие исторические сведения о том, как нижегородцы Козьма Минин и Дмитрий Пожарский собрали ополчение для освобождения столицы и спасения российской государственности. Открытие реконструированной автотрассы Москва – Нижний Новгород трактуется в речи С.В. Кириенко как некое символическое действие, как возврат Москвой долгов Нижнему Новгороду.

Интересно рассмотреть ценностный аспект речи С.В. Кириенко, т.е. к каким образам, понятиям, аксиологемам, концептам он обращается в своих высказываниях, каким содержательным материалом он оперирует.

Речь С.В. Кириенко, как, наверное, и любого другого политика, прежде всего наполнена национально значимым содержанием. Это и образ Российской государственности; сильной, уверенной в себе центральной власти; образ многоконфессиональной России – единой семьи народов; образ героического прошлого нашей страны, ее великой истории (события 1612 г.); образ славы российского оружия. В свете этого содержания С.В. Кириенко предстает как истинный патриот, твердо верящий в величие России политик; его волнуют и проблемы региона, и проблемы страны в целом.

Основной речевой стратегией С.В. Кириенко является стратегия построения собственного политического имиджа. Из наиболее весомых тактик можно отметить следующие (см. примеры выше):

1. тактика акцентирования внимания на единстве целей федеральной и региональной власти – процветание России;

2. тактика кооперации с региональными политиками;

3. тактика пропаганды разумности и – в то же время – силы центральной власти;

4. тактика намека на невидимую мощь и силу центральной власти;

5. тактика создания видимости наведения порядка в соответствии с каким-то строгим, разумным планом;

6. тактика размежевания с разжигателями национальной розни;

7. тактика апеллирования к примерам истории в вопросах многоконфессиональности России и отношений центра и регионов;

8. тактика доверительной беседы, открытости, искренности.

Таким образом, особенности языковой личности С.В. Кириенко определяются, в первую очередь, спецификой занимаемой политиком должности (представитель федеральной власти в регионе) и спецификой самого региона (прежде всего – многоконфессиональность). Именно эти факторы определяют содержание высказываний С.В. Кириенко и форму их речевой презентации.

Судя по преобладанию категоричных утвердительных либо отрицательных предложений в речи С.В. Кириенко, ему присущ наступательный тип речевого поведения. Это языковая личность с доминирующей стратегией уяснения (С.В. Кириенко часто переспрашивает, уточняет предмет речи в форме вопроса), формулирует в речи комплекс своих оценочных суждений, предпочитает достичь своей цели имплицитно.

Языковой личности С.В. Кириенко присущи также такие характеристики, как дескриптивность (констатирует факты), клишированность (стереотипность), а также статика (речь не движется, ответы однообразны, С.В. Кириенко говорит об одном предмете речи, постоянно подводит к нему, даже если изначально был задан другой вопрос). Он умеет грамотно и плавно перейти с невыигрышной для освещения его имиджа темы на более выигрышную.

Исходя из тех или иных речевых показателей выстраивается психологическая структура данной личности. С.В. Кириенко – явный интроверт, хотя и отвечает на все вопросы журналистов, он не расположен к долговому общению, к встречным, дополнительным вопросам, нескритен, но осторожен в речи. Это сенсорный тип личности, так как любые выводы С.В. Кириенко – результат наблюдений. Он некреативен в речи. Сочетание всех доминирующих черт позволяет выявить некий психотип личности;

это, в первую очередь, реалист: в его речи доминирует аналитический стиль мышления, он видит и отражает действительность сквозь призму эмпирических фактов, в речи всегда присутствует вывод или мораль.

Нужно сказать, что социально-речевые портреты, составленные нами на основе анализа особенностей речи региональных политиков – бывшего полпреда Президента Российской Федерации в ПФО Сергея Кириенко, губернатора Нижегородской области Валерия Шанцева и мэра Нижнего Новгорода Вадима Булавинова – дают возможность выявить общие, характерные для всех представителей власти, закономерности речевого поведения.

Главной стратегией личности является стратегия позиционирования себя в глазах аудитории, формирование своего положительного образа.

Характерными тактиками для реализации данной стратегии будут, во-первых, тактика размежевания с представителями предшествующей власти и сходная с ней тактика – «я не такой как...», заявляющие о самостоятельности, индивидуальности данной языковой личности; во-вторых, тактика кооперации с представителями вышестоящих органов власти, в частности с Президентом РФ.

На вербально-семантическом уровне данному типу личности присуще использование в речи официально-деловой лексики, канцеляризмов, клишированных выражений (*принципиально / крайне важно*), статистических данных, оперирование лексемами, входящими в тематическую группу «государство»: *государственная власть, руководящие посты, единая страна, Законодательное собрание, регион*.

Речь наполнена национально-значимым содержанием: это и образ Российской государственности, сильной централизованной власти; и образ многоконфессиональной России – единой семьи народов; и образ стремительно развивающегося региона, на который возлагаются огромные надежды; и образ города, традиции которого сохраняются, несмотря на новые проекты его застройки.

Таким образом, имидж – это долговременная инициативная коммуникативная роль, которую «играет» человек для достижения популярности, завоевания внимания, поддержания интереса к личности, получения выборной

должности и т.д. Понятие речевого портрета в узком смысле соотносится с особенностями речевого поведения человека, в широком – с языковой личностью, прототипом носителя определенного языка. Предметом анализа в первом случае (коммуникативный имидж) являются стратегии и тактики речевого поведения и те коммуникативные роли, которые реализуются с помощью речевых стратегий и тактик; во втором случае (речевой портрет) – вербально-семантические, тезаурусные, мотивационно-прагматические особенности речевого поведения человека. Как при анализе коммуникативного имиджа, так и при анализе речевого портрета востребованными являются методики контент-, интен-, дискурс-анализа, психолингвистические методики.

ЛИТЕРАТУРА

Гордеева О.И. Политический имидж в избирательной кампании // Технология и организация выборных кампаний. Зарубежный и отечественный опыт. – М., 1993.

Даулетова В.А. Вербальные средства создания автоимиджа: Автореф. дис. канд. филол. наук. – Волгоград, 2004.

Даулетова В.А. Языковая личность и «я» (на материале политических автобиографий) // Языки и транснациональные проблемы: Материалы 1 международного науч. конф. 22 – 24 апреля 2004 года. Т. 2. М. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2004.

Иссерс О.С. Что говорят политики, чтобы нравиться своему народу // <http://www.rusword.com.ua>.

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики. – Омск, 1999.

Карасик В.И. Оценочная мотивировка, статус лица и словарная личность // Филология, 1994. №3.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 2002. С. 36.

Немцов Б.Е. Исповедь бунтаря. – М.: Партизан, 2007.

Почепцов Г.Г. Имидж от фараонов до президентов. – Киев, 1997.

Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / Под ред. Л.П. Крысина. – М., 1998.

Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. – Воронеж: Изд-во Воронежского ГУ, 2001.

Price R. Memorandum // McGinnis J. The selling of the president 1968. – Richmond Hill, 1970.

© Романова Т.В., 2009

Сергио П.

Лозанна, Швейцария

Перевод Е. Б. Плаксиной, К.Л. Филатовой

ОТ ЛЮБВИ К ЯЗЫКУ
ДО СМЕРТИ ЯЗЫКА¹

б. УДК 811.161.1

ГСНТИ 16.21.27, 16.21.07

Код ВАК 10.02.01;

10.02.19

Аннотация. В статье разрабатывается теоретический конструкт «Советского Дискурса о

Abstract. The article elaborates on a theoretical notion of the «Soviet Discourse about the Language»

Языке», который характеризуется иррациональной любовью к языку и призван оправдать его внутреннее превосходство над другими языками. Также рассматриваются проблемы языкового единства, совершенства языка, понятие нации.

Ключевые слова: русский язык, советология, дискурс, совершенство языка, нация.

Сведения об авторе: Серио Патрик, доктор философии, профессор факультета филологии.

Место работы: Университет Лозанны.

Контактная информация: University of Lausanne, department of philology, Anthropole, CH – 1015, LAUSANNE, Switzerland.

E-mail: Patrick.Seriot@unil.ch

Сведения о переводчике: Филатова Ксения Леонидовна, аспирант, ассистент кафедры перевода и переводоведения.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620089, г. Екатеринбург, ул. Крестинского, д. 57, кв. 43.

Сведения о переводчике: Плаксина Елена Борисовна, ассистент.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, Институт педагогики и психологии детства.

which is characterized by irrational love for the language and is bound to justify its inherent superiority in comparison to other languages. The problems of linguistic unity, of language perfection and of the nation as a concept are also raised.

Key words: Russian language, sovietology, discourse, language perfection, nation.

About the author: Seriot Patrick, PhD, professor of the department of philology.

Place of employment: University of Lausanne.

About the translator: Filatova Ksenya Leonidovna, post-graduate student, associate professor of the chair of translation and translation studies.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

About the translator: Plaksina Elena Borisovna, associate.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

В первой части данной работы о «Великом Русском Языке» изучается иррациональный характер любви к языку в том, что мы обозначили термином «Советский дискурс о языке» [Ср. Seriot 1983]. Во второй части представлена аргументация в пользу выделения советского дискурса о языке, призванного оправдать такую ситуацию, в которой один язык доминирует в силу внутреннего превосходства [Ср. Seriot 1984]. То, что должно было составить третью часть [2], посвященную «сознательному вмешательству в язык», описано нами в публикации в *Энциклопедии Дидро* [Ср. Seriot 1986].

В данной работе мы продолжаем исследование советского дискурса о языке, выдвигая следующий тезис: дискурс о единстве и прозрачности великого русского языка дублирует дискурс о единстве и прозрачности общественного строя в СССР. Мы не говорим, что существует такая вещь, как «тоталитарная лингвистика». Мы хотим только показать, как определение языка как прозрачной коммуникации, очевидно внутреннее для советского языкознания, может высветить взгляд на общество, в котором Субъект, влюбленный в свой инструмент коммуникации, возрождается только, видя его – языка – умирание.

Советский дискурс о языке (Ср. [Seriot, 1983] о принципе составления корпуса, уязвимость этого принципа здесь признают, но он тем не менее навязывается постоянным повто-

рением логофильских тем (в значении [Pierssens 1976: 11]) – это не просто дифирамб, классическое самовоспевание (по типу, например, «слава КПСС», «слава великому советскому народу»). Есть нечто большее в этой бредящей логофилии, в этих многословных повторениях, как и в анафемах, адресованных тем, кто не разделяет этой необузданной страсти. Есть что-то на уровне желания, фантастического желания избежать разделения, вылечить от невыносимой раны: будто что-то в языке может выйти из-под контроля, уйти от предопределённости, от прозрачности. Именно следы этого желания, последствия этой логофилии мы и будем сейчас изучать.

1. Единый язык – один

Советский дискурс о языке настаивает на диахроническом единстве языка: через эпохи речь идёт о всё той же субстанции, обеспечивающей постоянство в концепции Истории как прогрессивной эволюции. И весь историзм XIX века проявляется в подобных высказываниях:

Пешковский подчеркивает постепенность языкового развития, отсутствие в нём скачков. Консерватизм литературного наречия, говорит он, объединяя века и поколения, создает возможность единой мощной многовековой национальной литературы [Березин, Головин 1979: 387].

Но здесь и появляется первый важный семантический сдвиг: «язык», о котором говорят в советский дискурс о языке, – это совершенно особый объект, который совершенно не со-

¹ Первая публикация на французском языке: De l'amour de la langue à la mort de la langue // Essais sur le discours soviétique. N. 6. Univ. de Grenoble-III, 1986. P. 1-19.

ответствует предмету лингвистики на Западе: речь идет о «литературном языке» (то, что мы перевели как «нормативный язык» [ср. Seriot 1982]). Для этого языка-субстанции нетрудно проследить историю: это внеязыковая история установления его норм:

Как мы видим, в период образования и распространения языка великорусской нации создаётся множество учебных книг, что также внесло свой вклад в установление норм русского языка [Шермухамедов 1980: 43].

Но было бы неверно усматривать в нормализации языка только простой эффект артефакта: норма – это тело жизни языка:

Что же касается попыток вывести норму за пределы лингвистики («пусть, дескать, её изучают эмпирики, это не дело теоретиков»), такое стремление стать спиной к живому языку, к процессу его функционирования должно быть оценено как желание противопоставить теорию языка практике его реального бытования [Будагов 1983: 244].

Несмотря на историческую подвижность языковой нормы, её общественное значение очевидно. Несоблюдение нормы или небрежное к ней отношение наносит ущерб коммуникативной функции языка. Утверждения, до сих пор встречающиеся в американской и западноевропейской лингвистике, согласно которым всякая языковая норма – это будто бы своеобразная диктатура в языке, следует признать несостоятельными профессионально, дилетантскими [Будагов 1983: 248].

Особенно сбивает с толку это определение единства языка, которое основано одновременно на «объективности» нормы и на её «обязательности». Действительно, норма либо является нормой для всех: одно из «свойств» русского языка заключается в том, что его нормы «обязательны для всех говорящих» [Филин, 1977], либо (у того же автора) «обязательна для всех образованных людей» [Филин 1977: 8]. Если ВРЯ един, кажется, он не является равно единым для всех своих носителей...

Составленный из позитивных определений, из субстанции, а не из противоречивых ценностей, великий русский язык, единый язык, также является тем, что объединяет все языки, на которых говорят в СССР, создавая «общий лексический фонд» этих языков [Протченко 1975: 13], основание если не для их идентичности, то по крайней мере для их сосуществования.

Русский язык, будучи одним из важнейших интернациональных компонентов общесоветской культуры, творчески содействует выработке черт интернационализации в языках социалистических наций и народностей СССР [Белодед 1975: 7].

Великий русский язык, единый в своей норме и субстанции, именно этим и отличается от других языков, которые он объединяет в своей

универсальности. Мы уже видели, что по-русски сказать можно всё. Дело в том, что великий русский язык имеет не только больше слов для лучшего выражения мыслей, он также содержит в себе одном все те концепты, которые есть в других языках:

Русский язык – это феномен необычный, совершенно оригинальный, очень развитый и развивающийся с поразительной скоростью. Это язык, в формах которого уже сохранено бесконечное количество универсальных человеческих знаний, язык, в который, несомненно, выгодно и удобно вводить всё больше информации [Костомаров 1975: 82].

2. Договорённость о смысле слов

Так как язык – это полноценная субстанция, а не система дифференциальных признаков, в советском дискурсе о языке слова языка имеют прямое значение, самостоятельное значение, «независимое от контекста», [Будагов 1983: 192], узнаваемое по тому, что оно даётся первым в словаре [Там же: 191, 194] (ср. Это представление о языке как об энциклопедии, или картине мира, это двойная избыточность реальности: «Вслед за Анатоном Франсом, для которого «слова – это образы и словарь – это весь мир, расположенный в алфавитном порядке» (1931), отметим, что изменения, которые произошли в жизни общества в середине XX века, естественным образом нашли свое отражение в жизни литературного языка, в особенности в развитии его лексики его стилей, и т.д.» [Белодед 1977: 4]). Следовательно, любое «переносное» значение может быть только метонимическим переносом, что предполагает, как в классической риторике, существование абсолютной отправной точки для переноса. Ни метафора, ни языковая игра не возможны в этой теории позитивного определения знака, равно как и не рассматривается возможность увидеть в двусмысленности что-либо кроме ошибки, недочёта, который следует подвергнуть исправляющему воздействию. Во имя идеала коммуникации как «общественного факта», язык провозглашается однозначным инструментом, и значение доступно в силу достижения договорённости, посредством здравого смысла:

Я убежден, что доводы сторонников концепции «язык и речь сами по себе двусмысленны» совершенно несостоятельны. Чем больше развит язык, чем глубже его история, чем богаче литература, на нём созданная, тем менее вероятна сама возможность возникновения двусмысленности. Как общее правило, двусмысленными бывают не национальные языки, а лишь отдельные слова и конструкции в устах людей, по тем или иным причинам плохо владеющих данным языком (...) [Будагов 1975: 22] (...) само утверждение о двусмысленности языка и утверждение о социальной природе языка теоретически несовместимы. Одно из них резко противоречит другому. Сама общественная природа языка обеспечивает точность и недву-

смысленность всех его ресурсов, в области лексики и в области грамматики.

Убеждение, согласно которому все естественные языки человечества (в отличие от искусственных языковых построений) являются сами по себе во многом двусмысленными, фактически ошибочно, теоретически ассоциально. Языки не могли бы выполнять своей важнейшей функции в обществе – средства общения и средства выражения мыслей и чувств людей, живущих в этом обществе, если бы они были сами по себе двусмысленными [Будагов 1975: 23].

Это сопоставление двусмысленного и ассоциального интересно тем, что оно уподобляет невладение языком отклонению от нормы: это невозможность или отказ, по причине дурной воли, подчиняться «законам» языка. То есть, двусмысленность – это уже не просто проблема формы, как во французских классических грамматиках, а проблема общественного единства. Это не часто отмечалось, но несомненно, здесь и находится одно из принципиальных несоответствий между лингвистическими теориями Сталина и Марра: для Сталина язык не знает деления на классы, он является инструментом коммуникации, орудием народа-субъекта. Источник двусмысленности – это недостаток «образования», а не идеологическая установка при получении сообщения.

В советском дискурсе о языке, который кажется нам намного более «неосталинским», чем «неомарристским», интерпретация сообщения – это техническая проблема владения языковой нормой, но никогда не построение смысла в зависимости от дискурсивных особенностей получения сообщения:

Можно ли утверждать, что небрежную, неточную, неряшливую речь правильно поймут? А какие «неувязки» выходят иной раз в связи из-за неправильного толкования, это каждый испытал на своём собственным опыте [...]. Нет, неправильную речь или трудно понять, или можно понять ошибочно. А неправильно поймешь – неправильно и поступишь. Значит, культура речи не личное дело каждого из нас, а общественная потребность и необходимость [Люстрова, Скворцов 1972: 5].

Отказ от двусмысленностей, свойственных языку, может сравниться лишь с отказом от любой идеологической установки в порождении и интерпретации дискурса, отказ оттого, что общественные отношения могут порождать функционирование не-коммуникации.

3. Безупречный язык – это язык?

Великий русский язык – язык прозрачной коммуникации [Ср. Seriot 1985], язык соответствия слов и вещей, таким образом, вроде бы не имеет границ в силе номинации и отражения реальности. Но именно здесь его слабое место. Этот язык-который-всё-может-сказать, столь совершенный, что какая-либо тень на нём возможна лишь в употреблении людей неграмот-

ных или нечестных, что тем самым помещает его вне единого сообщества говорящих, этот совершенный язык, в котором нет недостатков, нет недочётов, нет упущений и нет лагун, будучи лишён невозможности сказать тем самым лишается реальности, в том значении, в котором Ж.-Кл. Милнер (Отметим, что обновление реальности языка, негативное по сути своей, а не эмпирически позитивное, рассматривается как «материалистическая позиция в лингвистике» по F. Gadet и M. Rêcheux [Неуловимый язык: 30]) использует этот термин, заимствованный у Лакана [Ср. Milner 1978].

Там мы и находим норму, «объективную и обязательную». Этому навязываемому определению, которое позитивно сформулировано в советском дискурсе о языке, отзывается эхом требование свободы, как например у Р. Барта, жалеющего, что он обречён во французском выбирать между мужским и женским, без возможности использовать средний род («язык – это фашист»). Как в одном, так и в другом случае, происходит соотнесение внутренне свойственного языку (правило, которое противопоставлено невозможному варианту) и внешнего владения языком (будь то в рамках регламентации или цензуры). Мы сейчас увидим, что может означать отказ от способности мыслить язык-объекта в терминах невозможного (представляется, что советский дискурс о языке панически боится пустоты...) для того, как рассматривается сообщение говорящих.

4. Нация как самосознающая единица

Для Сталина – ещё один пункт разногласия с Марром – язык есть одна из принципиальных характеристик нации. С декабря 1913 года он провозглашал:

Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей*, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры [Сталин 1978: 15].

(Внутри марксистского течения были рассмотрены другие определения нации, ср. прежде всего, «австромарксизм» (O. Springer, O. Bauer, резко критикуемые Сталиным в 1913 году), отделяющий концепт нации от концепта территории и языка (признавая, как следствие, что евреи могут считаться народом, что отрицал Сталин)).

Это определение нации встречается повсеместно в виде «скрытой цитаты» в советском дискурсе о языке (например, в статье «национальный язык», написанной В.В. Ивановым в Энциклопедии Русского Языка, который вновь повторяет слово в слово это высказывание, не ссылаясь на его источник, тоже самое и у Ф.П. Филина [1977: 8]). (Тема «общности психических черт» и «национального характера» недавно была представлена как научный критерий изучения отношений язык/нация на франко-советской конференции

по философии в докладе Ю.Н. Караулова (директора Института русского языка) в Москве) в Доме наук о человеке в Париже, 4-го декабря 1986 года). Нация, как и «общество», которому она иногда уподобляется, ведёт себя по образу индивида, как полноценный, целостный субъект, наделенный самосознанием и сознанием своего единства. Слово «нация» используется каждый раз, когда возникает необходимость применить критерий, внешний по отношению к специфически языковым механизмам, чтобы осознать её – нации – единство; каждый раз, когда размышление о «внешних («общественных») влияниях» на язык могло бы привести к разрушению этой единицы, призванной основываться на критерии однозначной коммуникации между (взаимозаменяемыми) субъектами единой коммуникации. Нам кажется интересным отметить чрезвычайное сходство аргументов Сталина [1913] и А. Мейе, которые были представлены в то же время [Meillet 1906a, 1906b: цит. по Puech-Radzynski 1978: 49]. Не рассматривая возможность какого-либо прямого влияния одного на другого, следует всё-таки сделать вывод о том, что в начале века ещё доминировали представления о нации, присущие «эпистеме» XIX в, идеи, восходящие, прежде всего, к Гердеру, а именно: а) язык – это отражение нации и б) нация как осязаемая единая сущность является гарантом единства языка. Итак, если советский дискурс о языке так легко и так массово подхватывает эту тему, пришедшую из другой эпохи, то дело, как нам кажется, опять же в том, что советский дискурс о языке основывается на отказе от соссюрковского эпистемологического разграничения, согласно которому объект языкознания не существует на уровне субстанции. Яростность этого отторжения Соссюра заставляет нас считать, что теория значимости, невещественной материальности знака выходит за рамки споров в лингвистической теории и непосредственно касается идентификации общества (*corps social*) с телом (*corps tout court*). Советский дискурс о языке строится на идее объективного существования языковой системы в однородном сообществе говорящих:

Щерба, под влиянием лекций Бодуэна, выдвигает своё понимание системы языка, которое заметно отличается от соссюрковского. Он считает, что система есть то, что объективно заложено в данном языковом материале и что объективно проявляется в «индивидуальных речевых системах», возникающих под влиянием этого языкового материала. Следовательно, в языковом материале необходимо искать источник единства языка внутри данной общественной группы [Березин-Головин 1979: 388].

Как мы видели, именно это единство – фантомное – сообщества говорящих и гарантирует материальное единство языка. На этом пункте следует остановиться; единство и однород-

ность сообщества говорящих – это как раз одно из оснований теории Соссюра, как, впрочем, и Хомского (Это одно из принципиальных критических возражений, которые западная социолингвистика адресует этим двум лингвистическим теориям: постулируемое однородное общество, без вариаций в языковых реализациях. Вместо этого предлагается «лингвистика речи» [ср. Calvet 1975]). Что же тогда можно сказать о противопоставлении советского дискурса о языке и Соссюра? Нам кажется, что как это ни парадоксально, то, что советский дискурс о языке не может принять в теории Соссюра – это не столько идея об однородности массы говорящих, сколько постулат об автономности языка, о его недоступности влияниям со стороны действий говорящих на нём, короче говоря, то, что у языка есть свой порядок. Научная абстракция у Соссюра, идеализация у Хомского, язык является объектом познания, конструируемым в рамках теории, а не эмпирическим объектом, и такие исследования, как у Ж.-Кл. Милнера, показали, что этот собственный порядок основан на регулярностях, разнородных, отклоняющихся от нормы, но неизбежных, и что это можно выявить в рассуждениях, основанных на невозможном (но не на запрещённом). В советском дискурсе о языке, напротив, язык – это заполненное пространство, поддерживаемое нормами употребления «авторов, которые пользуются авторитетом» [Ср. Seriot 1982]. Тогда сообщество говорящих – это уже не абстрактная идеализация, необходимая для теории языка как собственного порядка; в советском дискурсе о языке оно становится говорящим телом, целостность которого должна предполагаться, оно – единственный гарант того, что язык действительно един. Получается, что открытие «своего» языка сообществом, настоящая «стадия зеркала» этой сознательной индивидуальности, которой является говорящий народ, происходит одновременно с его рождением как нации.

Создание общего национального языка – важнейший этап в истории каждого народа. Только в таком языке нация получает средства для полного раскрытия своих духовных сил и возможностей и для широкого участия в мировом культурном движении. Только такой язык и может стать основой национальной науки и литературы. Он же содействует сплочению всех сил народа, укреплению политического могущества нации и росту её влияния среди других государств. Понятно, что национальный литературный язык, как общее достояние всего народа, служит предметом народной гордости, самого внимательного попечения и ухода [Виноградов 1945: 9].

Если тот факт, что язык-объект в определении Соссюра подвергается яростной критике Бурдьё [Ср. Bourdieu 1982], как нам кажется, совершенно не затрагивает фундаментальной важности вклада Соссюра, а именно, собствен-

ного, присущего языку порядка, то, напротив, вся совокупность рассуждений Бурдые могла бы, по нашему мнению, быть очень адекватно применена к отношению языка и его пользователей, в том виде, в котором это отношение определено в советском дискурсе о языке. Для Бурдые язык норм – это не то же самое, что «легитимный язык», эффективность которого основывается на иллюзии свободного выбора и на чистой коммуникации между общественными субъектами. Действительное происхождение этого легитимного языка следует искать во властных отношениях:

Любой дискурс, призванный стать авторитетным и цитироваться как пример «хорошего стиля» навязывает некую власть языку и его простым носителям [Bourdieu 1982: 47].

Отбрасывая идею о том, что эффект легитимации некоторых видов дискурса обусловлен их внутренними свойствами (синтаксической сложностью, лексическим богатством), Бурдые полагает, что авторитет легитимного языка объясняется строго неязыковыми факторами: социальными условиями его производства и воспроизводства. Мы же выдвинули гипотезу [Ср. Seriot 1982: 79], что нормы так называемого «литературного» русского языка, объекта исследования советской социолингвистики – это не что иное, как идеализированная модель языковой продукции бюрократии, появившейся в конце 1930-х годов. Уточним, тем не менее, что постоянное смещение, которое происходит в советском дискурсе о языке между системой и стилем, между потенциально возможным и реализациями, позволяет принимать дискурс за нормы языка. Здесь и сокрыт настоящий идеологический смысл догматизма советского дискурса о языке, который склонен признавать только одну языковую практику и навязывать её как Язык с большой буквы (Великий русский язык). Здесь же и сильно резонируют работы кружка Бахтина как напоминание о том, что в СССР монололизация не всегда преобладала в работах о языке, монололизация, несущая интересы доминирующей группы, извлекающая интерпретацию «смысла» из дискурса с внутренней релятивизацией диалогизма. Отсюда и происходит это много раз повторяющееся утверждение единодушия:

Россия нашла свой путь, путь всеобщего единодушия мысли. И мы, советские люди, говорим на едином языке, понятном для всех нас и мы одинаково думаем о жизненно важных проблемах. И в этом единодушии мысли и есть наша сила и наше преимущество перед другими народами, столь раздираемыми внутренне, разобщенных, разделённых несходством своих идей [Василий Ильенков. Большая дорога. 1949 (удостоен Сталинской премии), цит. по: Синявский 1983: 77].

Эти заявления о единстве языка кажутся нам возможными только потому, что дискурс,

доминирующий в СССР (для которого советский дискурс о языке – лишь частный случай), основывается на отказе от любой неопределённости в языке, как и от любой двусмысленности в языковых произведениях. Отметим к тому же, что советский дискурс о языке работает только с устойчивыми дискурсивными универсумами (научная терминология или цитаты логофилов XIX века), и никогда не берётся за корпусы, в которых может проступить набросок диалогизма или отсутствие единодушного согласия. Этим и объясняется полное отсутствие рефлексии по поводу идеологических факторов разделения или коммуникационных сбоев в обществе, основанном на отношениях столь же прозрачных, как и торговые отношения:

В.И. Ленин считал, что единство языка – это очень важное условие для нормальных торговых и экономических отношений [Колесник 1977: 20]. (Стоит сопоставить с высказыванием из отчёта аббата Грегуара на Конвенции 1793 года: «На протяжении всей страны существует столько жаргонов, которые затрудняют продвижения торговли» [цит. по Hagège 1985: 203]).

Этим и объясняется данная совершенно сталинская концепция языка, стоящего выше классов:

Язык и общество, как известно, неразрывно связаны. Язык есть средство обмена мыслями, согласования совместных действий людей, это душа народа, бесценный дар человека [Шермухамедов 1980: 6]. Речь человека, как и он сам, могла возникнуть только в обществе и служит обществу, отражает жизнь общества, закрепляет результаты мышления, культуры и опыта на всем протяжении человеческой истории и содействует их дальнейшему развитию [Шермухамедов 1980: 20].

Заключение.

Некоторые несоответствия и противоречия современного советского дискурса о языке могут объясняться тем, что «дискуссия о языке 1950 года», начатая в Сталиным в газете «Правда», чтобы покончить с марристскими теориями в языкознании, ничего не решила, не дала эпистемологический скачок, не произвела новых понятий, а только лишь похоронила – на административном уровне – любую постановку проблемы, которая имела целью – конечно, очень по-социалистически – усомниться в идее существования Единого языка у Единого народа. Оставив саму возможность рефлексии над конфликтными вопросами, без которых ни одно общество не может материально существовать, дискуссия эта породила переливание из пустого в порожнее тяжеловесного советского дискурса о языке, всё строит и строит Вавилонскую башню, образ единого тела, говорящего на языке ангелов.

ЛИТЕРАТУРА

Белодед И.К. Функционирование языков народов СССР в условиях расцвета социалистических наций // Вопросы языкознания. 1975. № 4.

Белодед И.К. Научно-технический прогресс и язык художественной литературы // Вопросы языкознания. 1977. № 3.

Березин Ф.М. Русский язык: его роль в развитии и укреплении советского общества и международного сотрудничества // Березин Ф.М. История лингвистических учений. – М., 1984

Березин Ф.М., Головин Б.Н. Общее языкознание. – М., 1979

Будагов Р.А. Что такое общественная природа языка // Вопросы языкознания. 1975. № 3.

Будагов Р.А. Язык. Реальность. Язык. – М., 1983.

Виноградов В.В. Великий русский язык – М., 1945

Костомаров В.Г. Программа КПСС о русском языке. – М., 1963

Люстрова З.Н., Скворцов Л.И. В мире родной речи. – М., 1972

Протченко И.Ф. Лексика и словообразование русского языка советской эпохи. – М., 1975

Русский язык – энциклопедия / Под ред. Ф.П. Филина. – М., 1979.

Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос. – СПб., 1978.

Филин Ф.П. Советское языкознание: теория и практика // Вопросы языкознания. 1977. № 5.

Якубинский Л.П. Ф. Де Соссюр о невозможности языковой политики // Якубинский Л.П. Избранные работы. – М., 1986. С. 71-81.

Шермухамедов С. Русский язык — великое и могучее средство общения советского народа. – М., 1980.

Bourdieu P. Ce que parler veut dire. – Paris, 1982.

Calvet L.J. Pour et contre Saussure. – Paris: Payot, 1975.

Hagege Cl. L'homme de paroles. – Paris: Fayard, 1985.

Meillet A. Observations générales sur le langage // dans L'année psychologique. – Paris, 1906.

Meillet A. L'état actuel des études de linguistique générale. – Paris, 1906.

Milner J.C. L'amour de la langue. – Paris: Seuil, 1978.

Pecheux M. Sur la (dé-)construction des théories linguistiques // dans D.R.L.A.V. N°27. 1982.

Picchio R. Questione della lingua e slavia cirilometodiana // dans PICCHIO R. (éd.) Studi sulla questione della lingua presso gli slavi. – Rome, 1973.

Pierssens M. La tour de babil (la fiction du signe). – Paris: Ed. de Minuit, 1976.

Puech C., Radzynski A. La langue comme fait social: fonction d'une évidence // dans Langages. N°49. 1978.

Seriot P. La sociolinguistique soviétique est-elle "néo-marriste"? // dans Archives et documents de la Société d'Histoire et d'épistémologie des sciences du langage. N°2. 1982. Pp. 63-84.

Seriot P. La Grande Langue Russe, objet d'amour et/ou de connaissance? // dans Essais sur le discours soviétique. N°3. 1983. Pp. 103-124 (GRENOBLE-III).

Seriot P. Pourquoi la langue russe est-elle grande? // dans Essais sur le discours soviétique. N°4. 1984. Pp. 57-92 (GRENOBLE-III).

Seriot P. L'un et le multiple: l'objet-langue dans la politique linguistique soviétique // dans Etats de langue (Encyclopédie Diderot). – Paris: Fayard, 1986.

Seriot P. De l'amour de la langue à la mort de la langue // Essais sur le discours soviétique. N. 6. Univ. de Grenoble-III. 1986. P. 1-19.

© Серιο П., 2009

© Плаксина Е. Б.,

Филатова К.Л. (перевод), 2009

Сивенкова М. А.
Минск, Беларусь

Sivenkova M. A.
Minsk, Belarus

**ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ В БРИТАНСКИХ
И РОССИЙСКИХ ПАРЛАМЕНТСКИХ ДЕБАТАХ**

**ANSWERS TO QUESTIONS IN BRITISH
AND RUSSIAN PARLIAMENTARY DEBATES**

УДК 82-54

ГСНТИ 16.21.27, 16.21.55

Код ВАК 10.02.19; 10.02.20

Аннотация. Статья посвящена анализу некоторых компонентов линейной структуры сложных ответов на вопросы в британских и российских парламентских дебатах. При этом сопоставляются русско- и англоязычные подготовительные, этикетные и оценочные речевые ходы, которыми отвечающие на вопрос сопровождают свой ответ.

Abstract. The article focuses on the components of the sequential structure of multi-unit answers to questions in British and Russian parliamentary debates. Preparatory, etiquette-related and evaluative speech moves in English and Russian are compared.

Ключевые слова: парламентский дискурс России и Великобритании, сопоставительные исследования политического дискурса, парламентский ответ, речевой ход, линейная структура, спрашивающий, отвечающий.

Key words: parliamentary discourse in Russia and the UK, comparative studies of political discourse, parliamentary answer, speech move, sequential structure, questioner, respondent.

Сведения об авторе: Сивенкова Мария Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры речеведения и теории коммуникации.

About the author: Sivenkova Maria Alexandrovna, candidate of philology, associate professor of the chair of communication studies.

Место работы: Минский государственный лингвистический университет.

Place of employment: Minsk State Linguistic University.

Контактная информация: Республика Беларусь, 220034, г. Минск, ул. Захарова, д. 21, ауд. В 505.

E-mail: maria.sivenkova@tut.by

Ответы на парламентские вопросы представляют собой привлекательный объект лингвистического анализа как с точки зрения многообразия речевых ходов, входящих в их состав, так и в плане национально-культурной специфики их реализации.

Поскольку политикам в ходе публичных выступлений приходится параллельно решать сразу несколько (зачастую противоположных) коммуникативных задач, связанных, например, с законотворчеством, позитивной презентацией своей коалиции и негативной – оппонентов, сопоставлением слов собеседника [Fetzer 2007], управлением впечатлением о себе [Bull 2003], это не может не отражаться на линейной структуре (под линейной структурой (англ. sequential structure) понимается последовательность речевых ходов, входящих в состав сложного речевого действия) их высказываний. Так, отвечая на вопросы, политики, принимающие участие в парламентских дебатах, часто предпринимают попытки не только удовлетворить информационные потребности адресата, но и прорекламировать успехи своей партии, высмеять неудачи оппонентов, похвалить или поддержать союзников и покритиковать или разбить аргументы соперников, продемонстрировать заботу об избирателях и др. (см., например, исследование [Chilton 2004: 95-109], в котором анализируются такие функции британской парламентской вопросно-ответной сессии, как инициация новых членов, солидаризация с единомышленниками, демаркация дискурсивных границ между либералами и консерваторами и др.).

Сопоставление дискурсивных практик политиков из разных стран является актуальной за-

дачей современной лингвопрагматики и политической лингвистики, поскольку, как справедливо отмечают Э.В. Будаев и А.П. Чудинов, оно дает возможность «лучше разграничить, с одной стороны, закономерности, общие для всего цивилизованного мира или какой-то его части, а с другой – специфические признаки того или иного национального политического дискурса», что в конечном итоге может способствовать «лучшему взаимопониманию между народами и межкультурной толерантности» [Будаев, Чудинов 2006]. При этом указанная исследовательская задача релевантна и для парламентского дискурса, сопоставительные исследования которого позволяют выявить целый ряд таких значимых лингвистических и нелингвистических переменных [Bauley 2004: 14], как правила вежливого речевого поведения, терпимость к проявлениям вербальной агрессии, предпочтение абстрактного / конкретного политического языка, концептуализация иронии и юмора в данной культуре и др.

Цель данного исследования состоит в выявлении и сопоставительном анализе некоторых наиболее частотных компонентов линейной структуры сложных ответов на вопросы, заданные в ходе парламентских дебатов. Материалом послужили стенограммы пленарных заседаний Государственной Думы Российской Федерации (<http://www.duma.gov.ru>) и палаты общин Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии (Hansard Records, <http://www.publications.parliament.uk/pa/cm/cmhansrd.htm>) за 2007–2009 гг., из которых методом сплошной выборки было отобрано 127 англоязычных и 124 русскоязычных ответа на вопрос.

Как показал анализ линейной структуры полученных ответов, лишь 13% англоязычных и 11% русскоязычных примеров представляют собой речевые акты ответа, не осложненные никакими вспомогательными компонентами. Ср.:

Dr. Brian Iddon (Bolton, South-East) (Lab): *What assessment he has made of the likely effect on small businesses of the measures announced in the pre-Budget report.*

The Financial Secretary to the Treasury (Mr. Stephen Timms): *The impact will be very strongly positive. The package addresses small businesses' cash flow problems, their access to credit and management of their tax liability. The fiscal stimulus will be crucial in encouraging economic recovery* (Hansard Records, 18 Dec. 2008).

В то же время большинство ответов (по 110 примеров, что составляет 87% англоязычной и 89% русскоязычной выборки) являются сложными речевыми актами, состоящими из нескольких речевых ходов, сопровождающих ответ. Ср. следующий ответ на вопрос об учете высокотехнологичных инфраструктурных проектов в дорожном строительстве, заданный А.В. Корниенко, представителем фракции КПРФ, руководителю Федерального дорожного агентства О.В. Белозёрову в рамках «правительственного часа», т.е. парламентской процедуры, в ходе которой приглашенные высокопоставленные лица отвечают на вопросы депутатов:

Белозёров О.В. *Уважаемый Алексей Викторович, спасибо за вопрос. Действительно, новая программа на 2010–2015 годы как раз и отличается тем, что прежде всего учитывает инновационный подход к развитию дорожной отрасли – это ускоренное внедрение всех новейших технологий и в том числе интеллектуальных систем. Интеллектуальные системы, я с вами полностью согласен, позволят нам частично решить и проблему заторов на дорогах, тем более в программу заложены мероприятия по реализации совместно с Роскосмосом системы ГЛОНАСС – оборудование машин, предоставление дополнительных услуг водителям. Хотел бы ещё поблагодарить за 257-й закон, которым нам дали полномочия (кроме полномочий, естественно, и обязанность) заниматься придорожным сервисом, и в программе на 2010-2015 годы у нас есть подразделы, направленные не столько на дорожное строительство, сколько на обустройство дорог в целом и улучшение быта водителей. Спасибо* (Стенограмма заседания Государственной Думы, 10.12.2008).

Как видим, отвечающий инкорпорирует в свой ответ три благодарности – две метакоммуникативные (первая адресована спрашивающему, вторая, по всей вероятности, благодарит аудиторию за внимание и указывает председателствующему на факт завершения ответа) – и одну содержательную (акцентирующую факт успешного, с точки зрения отве-

чающего, законотворчества) и одну реплику, в которой О.В. Белозёров соглашается с мнением спрашивающего.

Ср. также фрагмент ответа министра Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий С.К. Шойгу на вопрос, заданный ему представителем фракции «Единая Россия» В.П. Денисовым во время «правительственного часа», посвящённого проблемам МЧС:

Шойгу С.К. *Ульяновская плотина. Первая задача, которую мы решали, решаем, продолжаем решать и не знаю, сколько ещё будем решать, но, надеюсь, в ближайший год во всяком случае завершим, – это задача по так называемым бесхозным гидротехническим сооружениям. Два года назад у нас их было восемьсот семьдесят, сейчас их осталось чуть больше трёхсот, но они есть. И здесь, конечно, мы либо определяем собственника, либо принимаем меры по ликвидации этого гидротехнического сооружения. В данном случае я могу единственное вам сказать: мы посмотрим это гидротехническое сооружение отдельно. Вот так, с лёту не хотелось бы вам давать каких-то векселей здесь. Мы его посмотрим внимательно и постараемся предпринять ряд шагов. Но это, мне кажется, надо делать в том числе в рамках уже принятого и разработанного Водного кодекса. Во всяком случае, то, к чему мы призывали, – это к наведению порядка на воде. Когда река принадлежит нескольким хозяевам, как и гидротехническое сооружение, то это уже отдельная тема. А этот вопрос я с удовольствием возьму под контроль. Спасибо.* (Стенограмма заседания ГД, 17.12.2008).

Как видно из примера, линейная структура данного ответа осложнена за счет нескольких метакоммуникативных речевых ходов, в которых министр констатирует тему вопроса/ответа (*Ульяновская плотина*), ограниченный характер ответа (*В данном случае я могу единственное вам сказать*) с соответствующей мотивировкой в виде ссылки на условия общения (*с лёту*), а также дает обещание проконтролировать ход решения проблемы и благодарит аудиторию за внимание.

Рассмотрим три функциональных типа компонентов, часто встречающихся в составе парламентских ответов на вопросы: подготовительные, этикетные и оценивающие.

▪ Подготовительные речевые ходы.

К числу наиболее востребованных как в количественном, так и в качественном аспекте относятся подготовительные ходы, отражающие коммуникативный план (англ. communicative agenda) отвечающего и призванные сориентировать спрашивающего и аудиторию в структуре ответа и некоторых его важных характеристиках (степень детализации и точности, новизны, откровенности и др.), а также

причинах, побуждающих отвечать определенным образом.

Представляется целесообразным выделить следующие подтипы подготовительных ходов.

➤ ходы, отражающие дискурсивное продвижение от одного вопроса к другому или от одной структурной части ответа к другой.

Поскольку парламентские вопросы, как и ответы, в большинстве случаев обладают сложной линейной структурой, состоящей из нескольких вопросов и комментариев, которые, в свою очередь, могут состоять из нескольких частей, кооперативный отвечающий может помочь спрашивающему и аудитории проследить за ходом ответа, задействуя ряд метакоммуникативных сигналов. Ср.:

Вот это первая часть вопроса. Вторая часть; По второй части вопроса скажу; И наконец, последнее, о чём я хочу сказать; Теперь по первому вопросу; Это ответ на ваш первый вопрос; Отвечая на первый вопрос; по второй части вопроса скажу; Отвечая на первую половину вашего вопроса, могу сказать; Вторая же часть ответа на этот вопрос заключается в том, что...; И последняя часть вашего вопроса; First, ... Secondly, ..., Thirdly; Finally; The second point to make is that ...

➤ ходы, указывающие на тему ответа.

Используя данные речевые ходы, отвечающий преследует, видимо, те же цели, применяя при этом в качестве ориентиров темы вопросов, а не порядок их поступления или структурные части. Ср.:

Теперь по поводу тех замечаний, которые были сделаны; Что касается кризиса, хотел бы отметить следующее; В отношении внедрения новых материалов; Ну, вернёмся к справедливой рыночной цене; Ну давайте мы теперь о доходах; As for the problems relating to payment of tax; In relation to the cost of the scheme; On equipment.

➤ ходы, в которых говорящий выбирает порядок ответа.

Необходимость в таких речевых ходах особенно очевидна в случае, если отвечающий намерен отклониться от стандартной процедуры ответа, заключающейся в последовательном ответе на вопросы в порядке поступления. Ср.:

Начну со второго вопроса; С последнего вопроса начну, по поводу банкротства; Let me try to deal with my hon. Friend's points in turn.

Как справедливо отмечает Е.Г. Задворная, наличие подобных речевых ходов может быть свидетельством реализации отвечающим тактики уклонения в ситуации, «когда отвечающий получает целую серию вопросов, из которой он в принципе может выбрать “удобные” для себя вопросы и “не заметить” нежелательные» [Задворная 2006: 62].

О функциональной близости трех приведенных выше подтипов метакоммуникативных

подготовительных ходов свидетельствуют, на наш взгляд, факты их совместного употребления в речи (ср.:

Начну с первого вопроса, в отношении мостов; Если отвечать на ваш первый вопрос, о тяжёлом положении страховщиков).

Анализ фактического материала показывает, что речевые ходы, отражающие дискурсивное продвижение от одного вопроса к другому, а также ходы, в которых говорящий выбирает порядок ответа, мало характерны для англоязычных парламентских ответов (5 употреблений), тогда как в русскоязычной выборке они представлены в 8 раз чаще (40 употреблений). Ходы, указывающие на тему ответа, также обнаруживают более высокую частотность в русскоязычной выборке: 35 русскоязычных vs. 8 англоязычных употреблений. Следует также отметить, что русскоязычные клише демонстрируют и большее разнообразие с точки зрения их поверхностной структуры по сравнению с англоязычными коррелятами (см. примеры выше), что наводит на вопрос о возможных причинах подобных количественных и качественных различий.

По всей вероятности, они обусловлены расхождениями в институциональных правилах, регулирующих процедуру ответов на вопросы. Так, в документе, содержащем требования к парламентским вопросам в Соединённом Королевстве, указано, что «парламентские вопросы должны быть составлены как можно более лаконично», а также, что устный вопрос должен представлять собой «одиночный вопрос, не требующий длинного ответа (например, большого количества данных)» [Parliamentary questions 2007: 4] (перевод наш – М.С.). При этом в обязанности спикера входит периодически напоминать министрам и парламентариям о данных требованиях. Ср. следующий фрагмент, в котором спикер перебивает и призывает к порядку лейбориста Д. Чейтора, пытающегося задать сразу два вопроса министру здравоохранения Д. Примароло:

Mr. David Chaytor (Bury, North) (Lab): *Has my right hon. Friend seen the article published this week in the International Journal of STD and AIDS by researchers from Southampton university and others, which suggests an enormously strong link between the rapid growth of binge drinking and the continuing growth of sexually transmitted diseases? The authors recommend as one solution adopting a different approach to the provision of condoms—that is, providing them free in pubs, clubs and taxis. What is my right hon. Friend's view of that, and does she think that it might have a role to play in reducing the—*

Mr. Speaker: **Order. One supplementary is fine.**

The Minister of State, Department of Health (Dawn Primarolo): *I have seen the reports of the research on the links between unsafe sex*

and binge drinking. <...> (Hansard Records, 18 December, 2007).

Ср. также следующий пример вмешательства спикера, вызванного слишком долгим изложением фактов, предваряющих вопрос лейбористки А. Сибек:

Alison Seabeck (Plymouth, Devonport) (Lab): *I have listened to my right hon. Friend's response and to the questions from other hon. Members, but I want to inject a slightly more positive note into the discussion by flagging up the work of the Springboard Fund, an offshoot of Business Link based in Devon and Cornwall that resulted from the sale of Business Link. The fund has just had its 100th inquiry in the short time since it has been set up from a group of people who want to set up new businesses. There is real interest in setting up new businesses, despite the downturn. People are going to the Springboard Fund because the banks are not opening their doors—*

Mr. Speaker: **Order. The hon. Lady is asking a supplementary question, and it should be brief.**

Mr. Timms: *Like my hon. Friend, I welcome and support the measures that the Government have in place <...>* (Hansard Records, 18 Dec. 2008).

Соответствующая процедура в Государственной Думе основана на совсем ином принципе – временном ограничении, состоящем в том, что «продолжительность вопроса не должна превышать одну минуту, ответа на вопрос – три минуты» (Регламент ГД, раздел II, глава 5, статья 41, пункт 14). Микрофон выступающего, нарушившего данную норму, отключается, однако по решению председательствующего коммуниканту может быть предоставлено время для завершения вопроса. Ср. следующий фрагмент стенограммы, в котором затянувшийся сложный вопрос В.И. Кашина, адресованный министру культуры А.А. Авдееву, сопровождается отключением микрофона и влечет за собой просьбу не нарушать регламент:

Председательствующий. *Депутат Кашин Владимир Иванович, первый вопрос. Включите микрофон депутату Кашину.*

Кашин В. И., фракция КПРФ. *Спасибо. Александр Алексеевич, мы хотели вам выразить благодарность за то, что вы отметили тяжёлое положение, которое складывается в русском селе, в российском селе в целом, и убеждены, что вы будете принимать в этом плане соответствующие меры. А вопросы у нас к вам следующие. Первый. В Москве и других промышленных центрах и столицах много нарушений с точки зрения отношения власти к памятникам культуры, даже к тем, которые находятся под охраной ЮНЕСКО. В частности, в Москве сегодня уничтожено больше сотни таких зданий, сооружений, и всё больше сегодня говорят, тянутся мысли к тому, чтобы приблизиться к некрополю на Красной площади, к Мавзолею, где сегодня всевозможные пляски и недоступные, как говорится, мероприятия... (Микрофон отключён.)*

Председательствующий. *Владимир Иванович... Ну, добавьте время задать вопрос. Кашин В. И. Александр Алексеевич, ваше отношение к этому вопросу. И второй вопрос – по природным паркам, по национальным паркам, таким, как "Лосиный Остров" и другие, в отношении которых сегодня тоже недостойное поведение – истребление великого достояния нашего народа и страны. Каковы ваши в этом плане действия и отношение?*

Председательствующий. *Пожалуйста. И просьба ко всем: укладывайтесь в одну минуту.*

Авдеев А. А. *Вопрос чрезвычайно актуальный. У нас сейчас наконец-то создана отдельная, специальная служба по охране памятников. <...>* (Стенограмма заседания ГД, 2 июля 2008).

Вполне закономерно, что ввиду отсутствия ограничений на количество задаваемых вопросов, депутат Государственной Думы имеет возможность задать столько вопросов, сколько сочтет нужным или успеет в отведенное время. При относительно высоком темпе речи и минимальной представленности других компонентов, осложняющих линейную структуру сложного вопроса (На нашем материале, большинство парламентских вопросов, как и ответов, имеют сложную линейную структуру, в которую помимо собственно вопроса/ов входят фоновые знания, необходимые для понимания вопроса, подготовительные метакоммуникативные ходы, призывы к действию и другие компоненты) (например, мотивировок, похвал или критических замечаний в адрес оппонента / его коалиции), число вопросов часто составляет 2–3 (а в отдельных случаях может доходить и до 5), причем затрагивать они могут несколько тем. В такой ситуации у отвечающего коммуниканта появляется как возможность выбора вопросов, на которые он собирается реагировать в первую очередь, так и своего рода негласная обязанность облегчить понимание (как правило, сложного) ответа за счет разнообразных подготовительных ходов.

➤ ходы, осуществляющие подготовку к восприятию планируемого речевого акта / жанра.

Как отмечает Д. Брэйзил, один из лучших способов подготовки речевого акта состоит в его предварительной номинации [Brazil 1995: 181]. Осуществляя ходы данного типа, отвечающий коммуникант называет последующее речевое действие, квалифицируя его как ответ, сообщение, подтверждение, объяснение, уточнение, напоминание, совет и др. Ср.:

Я отвечаю на этот вопрос; Я хотел бы ответить; Разрешите ответить?; Поэтому у нас предложение следующее; Теперь объясню, почему ...; я просто добавлю, что...; Я хотел бы пояснить, что...; Я бы немножко уточнил ту оценку, которую вы высказали; Просто напомню вам, может быть, вы не знаете об этом, но...; The answer to the hon. Gentleman is yes; I can confirm that...; We are happy to inform hon. Members from both sides of the House about...; I can reassure my hon. Friend that...; Let me

just remind the right hon. Gentleman of...; May I give her a piece of kindly and well meant advice?.

➤ описательные ходы.

Подготавливая адресата к восприятию довольно сложной последовательности речевых действий, инкорпорированных в его ответ, коммуникант зачастую испытывает потребность охарактеризовать планируемые высказывания с точки зрения таких критериев, как:

- новизна / известность сообщаемого

(Как я уже говорил; Я уже говорил сегодня в предыдущем выступлении, что...; Ответ примерно такой же самый, какой был дан двум депутатам, которые уже задавали подобный вопрос; I repeat the point that I made to my right hon. Friend);

- степень детализации ответа

(Отвечу очень коротко; Могу ответить коротко, могу длинно, отвечу и коротко, и длинно; Я просто два слова скажу; В данном случае я могу единственное вам сказать; Although I shall not go into detail; All I can say to the hon. Lady is that...; I would simply to say to him...; The answer is simply that...; I shall start with a generality);

- наличие в ответе нескольких подпунктов

(I wish to say three things on that; There are two things that I should like to say; There are two key issues);

- характер сообщаемой информации

(Но приведу несколько цифр статистики; Я вам приведу пример; Моя личная точка зрения заключается в том, что...; Let us stick to the facts);

- незамедлительность ответа

(Сразу отвечу; Я вам сейчас сразу на всё отвечу; Ответ на второй вопрос сразу);

- жесткость/мягкость ответа

(Может быть, я слишком жёстко скажу по этому поводу, но...; I say to the hon. Gentleman in the kindest way possible);

- точность

(Я боюсь, что не очень точно буду цитировать);

- существенность/второстепенность

(Теперь по существу законопроекта; Я говорю для вас по существу заданного вами вопроса; To answer the question specifically);

- качество ответа

(Nice line, but I think I can do a bit better than that);

- откровенность ответа

(Но надо честно и прямо сказать, что...; Честно говоря; Прямо скажу; Frankly).

➤ пояснительные ходы.

В отличие от описательных метакоммуникативных ходов, объясняющих каким образом отвечающий собирается удовлетворять информационные потребности аудитории, пояснительные ходы эксплицируют причины, по которым он выбирает определенную тактику речевого поведения, а также цели, которые коммуникант при этом преследует. Ср.:

Последний аргумент. Я приношу извинения, чтобы просто упередить другие вопросы в будущем; Начну с последнего вопроса, потому что это всё-

таки ближе по тематике к нам; Я, конечно, не хочу тут вступать в полемику или в дискуссию, но...; So that the hon. Gentleman understands the sequence of the decisions, let me remind him that...; I am reluctant to comment on specific proposals because of the quasi-judicial nature of the function of my right hon. Friend the Secretary of State in this context.

Обобщая сказанное выше, отметим, что метакоммуникативные ходы, выполняющие функцию подготовки аудитории к восприятию ответа, превалируют количественно и качественно в русскоязычных парламентских ответах.

- Этикетные речевые ходы.

Данные коммуникативные ходы призваны продемонстрировать факт соблюдения отвечающим элементарных норм речевого этикета. К ним относятся, прежде всего, **благодарности** метакоммуникативного характера, направленные как на сам вопрос или входящий в его структуру комментарий адресата (*Спасибо вам огромное за ваш вопрос; Я очень благодарен коллеге за тот вопрос, который был задан; I am grateful to the right hon. and learned Gentleman for asking questions to which I can give clear answers; I thank my hon. Friend for that comment and her question*), так и внимание аудитории (*Спасибо большое; Спасибо за внимание*).

Первые располагаются, как правило, в инициальной позиции, являясь стандартной преамбулой ответа на вопрос в русском парламенте (примерно 50% русскоязычных благодарностей), а вторые сигнализируют о завершении ответа (около 40% русскоязычных благодарностей). Как показал наш анализ, благодарности могут быть адресованы и председательствующему за предоставление возможности ответить (*Спасибо, Любовь Константиновна*).

Востребованность **извинений** в составе ответов на вопросы объясняется как особенностями коммуникативного поведения говорящего, например, его излишней эмоциональностью (*Я прошу прощения, погорячился*), затянутостью ответа (*Последний аргумент. Я приношу извинения*) или задержкой с ответом (*I apologise to the House and to the Prime Minister for the fact that it has taken a little bit longer than I would have liked to get the policy options to a stage where we can make a firm decision and issue a statement*), так и особенностями самого ответа: конфликтогенным потенциалом формулировок (ср., например, фрагмент ответа на вопрос, заданный представителем ЛДПР: *Я извиняюсь перед вашей партией, надо прекратить либеральничать*), а также оскорбительным характером содержащихся в ответе предположений, мнений, фактов (*Зачастую, я прошу прощения, мы даже забываем, о чём спрашивали министра*).

Сравнительный анализ русско- и англоязычных ответов показывает, что для последних этикетные благодарности характерны в значительно меньшей степени, чем для первых. Так, лишь в 3 англоязычных ответах на вопрос

встретились благодарности за вопрос или комментарий, тогда как в русскоязычной выборке насчитывается 47 благодарностей за вопрос, предоставление слова или внимание. Извинения также являются более частотными в русскоязычном корпусе (5 русскоязычных vs 1 англоязычное извинение).

Специфичным для англоязычных этикетных компонентов, входящих в состав ответа на вопрос, является наличие среди них **приветствий, поздравлений и пожеланий**, адресованных новым членам парламента. Ср.:

The Parliamentary Under-Secretary of State for Communities and Local Government (Mr. Sadiq Khan): *Before I answer the question, may I congratulate and welcome the new members of the Opposition Front-Bench team and wish well those who have gone to pastures new and less green? The answer to the hon. Gentleman is yes. <...>* (Hansard Records, 20.01.2009).

Другим этикетным речевым действием, типичным для парламента Великобритании, является речевой акт **декларации**, в котором коммуникант отдает дань уважения людям, чьи поступки, по мнению говорящего, внесли особый вклад в жизнь британского общества / мирового сообщества. Ср.:

I pay tribute not only to the British and American forces, and the forces from other countries, that contributed to the effort in Iraq, but to the Iraqi people, who—sometimes under huge provocation and huge persecution—have contributed to the building of their democracy (Hansard Records, 18.12.2008).

Таким образом, русскоязычные этикетные благодарности за вопрос, предваряющие ответ, и за внимание, завершающие его, представляют собой стандартные «коммуникативные реверансы» (выражение Е.Г. Задворной [2006: 64]), принятые в Государственной Думе. Специфика же британского парламентского ритуала проявляется в особых декларациях уважения и дискурсивных практиках, связанных с присутствием новых членов парламента.

- Оценочные речевые ходы.

Наличие данных ходов в структуре ответа мотивировано как спецификой парламентской деятельности, заключающейся в представлении и защите эффективных и своевременных законодательных инициатив и отвержении некорректных/неактуальных законопроектов, так и с особенностями политического дискурса, в целом предполагающего борьбу с оппонентами и защиту интересов своей коалиции [Bull 2003; Chilton 2004; Ilie 2004].

Позитивные оценочные речевые действия, входящие в состав сложных ответов в парламенте, реализуются в основном в форме речевых актов благодарности (*I am grateful for the right hon. Gentleman's words, which I think will command great support in the House*), приветствия (*Это действительно мы должны приветствовать;*

That is why I welcome what France, Germany and other European Governments have done to support their economies, as their actions will create the right conditions to encourage and support our exporters), поздравления (*I congratulate the hon. Gentleman on his ingenuity in drawing those issues together*), похвалы (*The hon. Gentleman makes an extremely important point and summarises the planning position extremely well*), декларации (*Именно в рамках социальной защиты безработных граждан такая норма предлагается, и мы, Правительство Российской Федерации, её поддерживаем*).

Объектом позитивной оценки в парламентских ответах может являться как сам вопрос (*Хороший вопрос; вопрос на самом деле интересный; это вопрос исключительно интересный; Вопрос абсолютно справедливый; The hon. Gentleman raises a very real issue relating to bank recapitalization*), его фрагмент (*I appreciated what the right hon. Gentleman said right at the beginning*) или постановка вопроса (*Считаю, что постановка вопроса корректна; Спасибо за вопрос, он имеет полное право на существование*), так и личность спрашивающего / отвечающего (*Как всегда, постановка вопроса у Владимира Вольфовича исключительно логичная; My hon. Friend is renowned for his common sense and practicality*) либо коалиция спрашивающего / отвечающего (*Одна оппозиция здесь сидит – ЛДПР; We are supporting the economy and are helping people*).

Кроме того, позитивная оценка может касаться предложений, прозвучавших в вопросе (*Что касается второго предложения, оно весьма интересное, вносите как положено*), действий правительства (*I welcome and support the measures that the Government have in place; That is the right thing to do*), обсуждаемых законопроектов / поправок и др. документов, работа с которыми относится к компетенции членов парламента (*Он [законопроект], так сказать, в теме, он своевременен и нужен; А эту поправку считаю весьма корректной и готов её рассмотреть в процедурном порядке; The announcements that we made in the pre-Budget report were right*) и др.

Среди типов речевых актов, востребованных при выражении **негативных оценок**, обращают на себя внимание упреки (*Вы же получаете все шикарную зарплату, у вас хорошие квартиры, чего же никто не усыновит?; Вы не обратили внимания, хотя я специально назвал эту цифру*), поучения (*Если я в вопросе что-то не понимаю, то я или переспрошу, или изучу этот вопрос дополнительно; Давайте мы не будем страсти здесь нагнетать непонятно почему и непонятно для чего; I repeat the suggestion that she does her own research in future*), предположения (*presumably, his party prefers service cuts*), сожаления (*and I am sorry that the Conservatives do not share that view; And sadly it is something that the Conservative party has opposed; This provision is of real potential benefit to consumers, and I wish I could say that it was untypical of the Conservatives not to share that concern*).

Негативные оценки в парламентских ответах могут касаться как законодательных инициатив или предложений (*Вы предлагаете национализировать либо банк целиком, либо часть его. Это не лучшее решение, не самое эффективное; I know that he does not agree that we should go further, but his approach is just plain wrong*), так и адресоваться определенным личностям (*Меня пугает, что вы так считаете, потому что закон направлен совсем на другое; (иронич.) К сожалению, в Думе, кроме вас, нет специалиста столь широкого профиля, являющегося специалистом во всех вопросах*), партиям (*Mr. Speaker, you only have to look at the behaviour of Front Benchers opposite to see how fit they are to run anything*) или всем членам парламента (*Вы законами лишили нас уже всего; So far as shoes are concerned, I must say that the House of Commons is often less well behaved than an Iraqi press conference*).

Следует отметить, что личностно-ориентированная критика в ответах депутатов Государственной Думы, на нашем материале, встречается в основном после вопросов, содержащих негативные оценки адресата, что может означать наличие причинно-следственных связей между элементами критики в вопросе и ответе (что вполне закономерно с точки зрения конфликтологии: конфликтоген-стимул провоцирует конфликтоген-реакцию). Ср., например следующий фрагмент:

Горячева С. П., фракция «Справедливая Россия». <...> *Вот что сегодня делается для того, чтобы в Приморском крае как сейсмичной территории, а у нас несколько разломов серьёзных, была создана система для проведения сейсмических исследований и своевременного предупреждения граждан? И я просто не могу понять то, что вы говорите. Как это? Какое страхование от землетрясений? Вы о чём говорите вообще? Мне кажется, во всех странах мира это те формажорные обстоятельства, когда государство обязательно помогает.*

Шойгу С. К. *Вы знаете, я, конечно, не хочу тут вступать в полемику или в дискуссию, но всё-таки за восемнадцать лет работы на этом поприще я научился рассуждать профессионально на любые темы. Если я в вопросе что-то не понимаю, то я или переспрошу, или изучу этот вопрос дополнительно. По поводу страхования жилья.* <...> (Стенограмма заседания Государственной Думы, 17.12.2008).

Примечательно, что личностно-ориентированная критика может сопровождаться и критикой целых партий/фракций или даже всех депутатов Государственной Думы. Ср.:

Плетнёва Т. В., фракция КПРФ. *У меня вопрос к Владимиру Вольфовичу. Владимир Вольфович, вы очень много говорили не по теме, а вот по теме.* <...> *Вот вопрос такой: скажите, пожалуйста, куда пойдут деньги, которые будут сейчас увеличены, пенсия? Куда именно: в детский*

дом, на счёт ребёнка, опекуну, который есть? <...>

Жириновский В. В. *В данном проекте закона как раз речь идёт об увеличении именно самой пенсии, они в виде пенсии деньги получают. Это не просто увеличение финансирования по поддержке детей, потерявших кормильцев, двух родителей, а им увеличивается именно их пенсия.* <...> **Но мне не понятна ваша претензия относительно темы.** *Мы же должны вскрывать причины, почему они появляются, дети-сироты, иначе будет конвейер сохраняться. Мы будем каждый раз давать какие-то пособия и улучшать жизнь уже по факту, а лучше предотвращать. Чем эпидемиями заниматься, лучше, чтобы не было болезней.* <...> **Но когда я предлагал это здесь, в зале заседаний, вы смеялись** <...> *Давайте, депутаты все, усыновим по два ребёнка – вот уже девятистам детям мы сможем жизнь облегчить. Вы же получаете все шикарную зарплату, у вас хорошие квартиры, чего же никто не усыновит?* <...> **Ничего не изменилось абсолютно, до сих пор рабоче-крестьянская власть, вы всё одна партия КПСС под разными знамёнами: КПРФ, или “ЕДИНАЯ...”, или “Справедливая...”.** *Одна оппозиция здесь сидит – ЛДПР. (Шум в зале.) Душим вас, давим, но никак не додавим, народ... (Микрофон отключён.)*

Председательствующий. *Вот, Тамара Васильевна, почесали там, где не чесалось, – получили трёхминутный ответ в рамках Регламента. (Стенограмма заседания Государственной Думы, 16.01.2009).*

Любопытно отметить, что существенных отличий в количестве позитивных оценок в двух исследуемых корпусах не было обнаружено (15 в русскоязычной выборке vs. 24 – в англоязычной), тогда как негативных оценок в англоязычном корпусе в три раза больше, чем в русском (32 английских речевых хода, выражающих негативную оценку, vs. 10 русских (Относительно низкая частотность таких ходов опровергает, на наш взгляд, известный стереотип о том, что парламентские вопросно-ответные сессии являются лишь поводом для дискредитации оппонентов, своего рода «ребяческим спектаклем», преследующим единственную цель выставления их в глупом виде [Rutland 2005: 53]), причем большая часть англоязычных негативных оценочных речевых действий адресована консерваторам, представляющим оппозицию в исследованный период. В русскоязычной же выборке соотношение личностно-ориентированной критики и критики, адресованной определенной партии / всем депутатам, примерно одинаково.

Среди особенностей поверхностной структуры высказываний, содержащих негативные оценки консерваторов, отметим востребованность стилистической фигуры антитезы, построенной на противопоставлении активности и гибкости правящей партии, с одной стороны, и бездействия и косности оппозиции – с другой. Нельзя не отметить удобства таких конструк-

ций, позволяющих в одном коммуникативном ходе похвалить действия собственной партии и дискредитировать оппонентов. Ср.: *That is real action being taken by the Government, not the gesturing of the Conservative party; This country has a choice: we can either let the recession take its course, which is the policy that the Conservative party seems to advocate, or we can decide to take action to help people and businesses; We are flexible and willing to take whatever steps are necessary to help people through these times, which, as I have said, stands in marked contrast to the policy of the Opposition to do nothing; Those are all innovative steps taken by this Government in the teeth of opposition from the Conservatives, who simply want to stand on the sidelines, wring their hands and do nothing to help people through this difficult period.* Учитывая частотность оформленной подобным образом критики оппонентов (примерно 20% англоязычных ответов), такие речевые ходы, на наш взгляд, могут считаться одним из специфичных ритуалов британских парламентских ответов.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что типичный парламентский ответ на вопрос представляет собой сложное речевое образование, в структуру которого помимо самого ответа входят разнообразные подготовительные, этикетные и оценочные ходы. К числу наиболее ярких лингвоспецифичных отличий можно отнести доминирование подготовительных и этикетных ходов в российских парламентских ответах и преобладание оценочных компонентов – в британских.

ЛИТЕРАТУРА

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Современная политическая лингвистика [Электронный ресурс]. – Екатеринбург, 2006. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/budaev-chudinov-06a.htm> (дата обращения: 17.01.2009).

Задворная Е.Г. Коммуникативные тактики уклонения в научном дискурсе // *Respectus Philologicus*. – 2006. № 10 (15). 2006. С. 61-72.

Регламент Государственной Думы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.duma.gov.ru> (дата обращения: 07.12.2008).

Bayley P. Introduction: The whys and wherefores of analysing parliamentary discourse // *Cross-Cultural Perspectives on Parliamentary Discourse* / Ed. by P. Bayley. – Amsterdam: Benjamins, 2004. P. 1-44.

Brazil D.A. *Grammar of Speech*. – 2nd ed. – Oxford [et al.]: Oxford University Press, 1995. 264 p.

Bull P.E. *The Microanalysis of Political Communication: Claptrap and Ambiguity*. – London: Routledge, 2003. 256 p.

Chilton P.A. *Analysing Political Discourse: Theory and Practice*. – London: Routledge, 2004. 224 p.

Fetzer A. Challenges in political interviews: An intercultural analysis // *Political Discourse in the Media: Cross-Cultural Perspectives* / Ed. by A. Fetzer, E.G. Lauerbach. – Amsterdam: Benjamins, 2007. P. 163-196.

Ilie C. Insulting as (un)parliamentary practice in the British and Swedish parliaments // *Cross-Cultural Perspectives on Parliamentary Discourse* / Ed. by P. Bayley. – Amsterdam: Benjamins, 2004. P. 45-6.

Parliamentary questions: Factsheet P1 procedure series [Electronic resource]. – London: House of Commons Information Office, 2007. – Mode of access: <http://www.parliament.uk/factsheet> (date of access: 07.12.2008).

Rutland P. Britain // *Comparative Politics: Interests, Identities, and Institutions in a Changing Global Order* / Ed. by J. Kopstein, M. I. Lichbach. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 39-9.

© Сивенкова М.А., 2009

Червиньски П.

Катовице, Польша

**ЯЗЫК СОВЕТСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ:
СЕМАНТИКА ПОЗИТИВА
В ОБОЗНАЧЕНИИ ЛИЦ**

УДК 811.161.1(09)

СНТИ 16.21.27, 16.21.29

Код ВАК 10.02.19; 10.02.20

Аннотация. Статья содержит разработку начального фрагмента системной модели, лежащей в основе советского образа и представления действительности в отношении тех позитивных признаков, которые поощрялись и развивались, внедряясь в языковое сознание носителей языка. Основу модели составляют параметры, выводимые из значений слов и словоупотреблений, характерных для языка советского времени, в двух проекциях – заряженного и не заряженного советской системой (идеологией) отношения к обладателю экспонируемого далее как ведущего и акцентированного признака. Параметры (их четырежды два) подразделяются, каждый, на пять оснований, отображающих смысл выхода из состояния покоя (возбуждение) с переходами (от направленности, поддержки выхода и возвращения) к достижению результата. Проецируемая и продуцируемая модель показана в действии и своих отражениях для семантики слов, называющих лиц, человека, с точки зрения необходимых советской системе и также в нем продуцируемых и проецируемых свойств. В предлагаемой разработке описываются в указанном отношении такие слова, как *гвардеец, боец, солдат, часовой, коммунист, большевик, марксист* и т.п. Показано их обусловленное выводимой моделью и отнюдь не случайное место. Действующая и соответствующим образом устроенная на основе валентностных соотношений, представленная как уровневая система может служить примером организуемых идеологическим и политическим (пропагандистским, манипулятивным) способом, имеющим выход в язык и сознание, концептуальных и семантических построений.

Ключевые слова: язык советской действительности, обозначения лиц, семантика позитива, языковая картина мира, язык и идеология, парадигматическая модель описания.

Сведения об авторе: Червиньски Петр, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка.

Место работы: Силезский университет.

Контактная информация: ul.Zytnia, 12. 41-205, Sosnowiec, Poland.

E-mail: czerwinski.piotr@gmail.com

Chervinsky P.

Katowice, Poland

**LANGUAGE OF THE SOVIET REALITY:
SEMANTICS OF POSITIVE
IN DESIGNATION OF PERSONS**

Abstract. The article contains a development of an initial fragment of system model underlying the Soviet image and representation of reality concerning those positive attributes, which were encouraged and developed, taking root in language consciousness of native speakers of Russian. The basis of model is made with parameters deduced from the meanings of words and word-usings, characteristic for language of the Soviet time, in two manifestations - charged and not charged by the Soviet system (ideology) attitude to the owner of exhibited further as conducting and emphasized attribute. The parameters (four twos) are subdivided, everyone, into five bases displaying sense of an exit from a condition of rest (excitation) with transitions (from an orientation, support of an exit and returning) to achievement of result. The manifested and produced model is shown in operation and its reflections for semantics of words naming persons and man, from the point of view of necessary to the Soviet system and also in him produced and manifested properties. In the offered development there are described in the specified attitude such words, as *gwardеец, боец, солдат, часовой, коммунист, большевик, марксист* etc. It is shown their caused by deduced model and completely not casual place. Working and in appropriate way arranged on a basis of valency parities submitted as level system can serve an example organized ideological and political way (propaganda, manipulation) having an output in language and consciousness, conceptual and semantic constructions.

Key words: language of the Soviet reality, designation of persons, semantics of a positive, language world picture, language and ideology, paradigmatic model of the description.

About the author: Chervinsky Petr, doctor of philology, professor, head of the chair of Russian language.

Place of employment: Silesian University.

Одна из отличительных черт того состояния общественного сознания, которое отличало советский период времени от времени до и после него, состояла в таком отношении к действительности, которое можно было бы определить как воздействующее-продуцирующее (См. предшествующую данной статье, посвященную той же проблеме: Семантика советского позитива в контексте продуцируемого представления действительности (на материале обозначения лиц) // Политическая лингвистика. 2008. № 3 (26). с. 110-127, содержащую теоретические рассуждения со ссылками на литературу и положения, дальнейшее раз-

витие которых представляет собой предлагаемая работа). Воздействующее – поскольку имеющее направляющий, организующий, дающий ориентиры единственно правильного мышления и понимания источник. Продуцирующее – в силу задания (не скрываемого, объявляемого, проявляемого), стоящего перед этим источником, связанного с формированием, воспитанием необходимым образом ориентированного человека, способного продуцировать, производить, своими делами, трудом, действительность, придавая ей желаемый и объявляемый пропагандой вид. Однако в силу того, что дей-

ствительность, в отличие от воображаемого представления о сознании соответствующим образом воспитуемого человека, объективно не поддается желаемому воздействию, не изменяется в навязываемом ей отношении, процесс продуцирования осуществляется в виде ментального образа. Желаемое, разделяясь в проекции к будущему и настоящему, предстает как желаемое будущее, к которому достигнутое в настоящем желаемое (выдаваемое за действительное) неизменно стремится. В определяемом, таким образом, сознании человека, метафорическом, метафоризируемом, по своему существу, действительность предстает как метафора, продуцируемый образ, переносное и опосредованное отображение самой себя.

Продуцируемость, тем самым, лежит в идее формируемого подобным образом с помощью языка отношения: продуцируемое сознание продуцируется на основе продуцируемого представления действительности с целью дальнейшего продуцирования представления все той же, меняющейся в желаемом направлении только в сформированном соответствующем образе сознания действительности. Но это достаточно, поскольку действительный и объективный выход процесса, его наблюдаемый в реальности результат далеко не так значим и необходим, как результат представляемый и субъективный. Неизбежная тавтологичность, следующая из обращаемой замкнутости пресловутого круга и самотождества образа и оригинала – того, что в сознании, тому, что в действительности, связана с тем, что продуцируемый образ, создаваемое в сознании представление действительности необходимо, на самом деле, для изменения, формирования, продуцирования наделенного нужными признаками сознания, а не действительности. Сознание оказывается замкнутым, обращенным на самого себя. Продуцируемое с помощью языка представление действительности становится средством формирования необходимым образом организованного, устроенного сознания человека.

Было бы необоснованно думать, что продуцируемое сознание продуцировалось в закладываемом источником виде. То, что закладывалось, и то, что из этого получалось, неизбежно должно было проходить и проходило корректировку опытно наблюдаемой, хотя в известной мере и искаженной опосредуемым представлением о себе, действительности. Не менее важной, влияющей на результат, составляющей следовало бы признать и мотивируемое состояние сознания подвергающегося воздействию человека. Предполагаемый, следовательно, как окончательный образ присутствующего в сознании представления действительности, отображенного (не обязательно явно) в ее языке, мог бы складываться из взаимодействия по крайней мере пяти, по-разному соединяемых и неоднозначно участвующих в общем процессе,

сторон: того, что исходит из заявляемого, прокламируемого источником (1); того, что связано с его внутренним, закладываемым, интенциональным, скрываемым и в известном смысле намеренным (2); того, что следует из объективного, опытно-наблюдаемого и обобщенного представления воспринимаемой и переживаемой, проживаемой человеком, действительности (3); того, что связано с осознаваемой им частью своего ментального существа (4) и, наконец, того, что присутствует в нем неосознанно, как внутренне направляющее, мотивирующее и регулирующее (5). Отражаемый в языке советской действительности, таким образом, результат можно было представить в виде соединения составляющих по следующей схеме:

(Интенция → Прокламация ← Эмпирическое →
Когниция ← Мотивация)
= Продуцируемое представление действительности

В наиболее явном и очевидном, и потому показательном, виде продуцирующее намерение (интенционально-прокламационная часть воздействия-взаимодействия) обнаруживает себя в языке советской действительности в том, что представлялось источником как положительное для человека и в человеке. Как образ для подражания, воспроизводства для каждого и в себе (другое дело, чем мотивировался, как осознавался и как претворялся он, этот образ, в итоге – когнитивно-мотивационная и продуцируемая часть общей схемы). По признакам его, по чертам, в своей совокупности желательный, но реально не достигаемый, либо только предположительно достигаемый, а потому продуцируемый и индуцируемый. Назовем его, этот образ, для простоты представлением советского позитива – положительных качеств того, что должно быть и как должно быть в советском желательном человеке (производимом производимой им же действительности, ее и творцом, и продуктом).

Этим был обоснован выбор взятого для описания лексического (для начала и явности) материала – поощряемо-положительные, с точки зрения представления действительности, обозначения, номинации советского человека, имеющие закладываемый в них как апеллятивный, воздействующий воспитательно-дидактический смысл. Воздействующий, апеллятивный и продуцирующий сознание человека в желательном отношении смысл имеет не только лексический или фразеологический, непосредственно наблюдаемый, материал. Его имеют речевые контексты, синтаксические конструкции, ситуативные отнесения, пресуппозиции, схемы строения текста (если иметь в виду только язык), т.е. все то, что можно было бы определить как генеративно-перцептивную базу языка советской действительности. Все это в своей совокупности, по сравнению с лексикой менее очевидное (а потому и, возможно, более

неподвижное, не так скоро меняющееся и уходящее), можно было бы, имело бы смысл, поддавать изучению и анализу в соотнесении и на основе лексемного материала.

Интересующий нас позитив, бывший объектом предпринятого анализа, укладываясь в определенную парадигмосистему, дает представление, образ, будучи выявлен, советски ориентированных выборов, оценок и предпочтений. Образ позиции, места и определения человека в его отношении к действительности (воспринимаемой как советская и продуцируемая). Следовательно и тем самым, способен дать представление и о ней самой с точки зрения продуцирующего отношения к формируемому, воспитуемому, в необходимом виде ориентируемому, должным образом складываемому, по желательным признакам собираемому, человеку. Поскольку процесс этот осуществлялся в основном и в первую очередь на основе и с помощью языка, язык может стать источником соответствующих рассуждений и определений. Язык, его связанная с представлением советского позитива для человека семантика, но семантика не прямо лексическая, в лексическом материале, в обозначениях лиц, себя опосредованно, собираемым образом, только отображающая. Как и каким именно образом, будет следовать из рассмотрения, предмет которого составляет именно данного рода не прямо лексическая семантика, связанная с представлением человека советской действительности, отражаемым в сознании и в языке.

Прежде чем перейти к описанию интересующей нас системы, имеет смысл задуматься над тем, что можно было бы определить как парадигматический образ целого для советского позитива советской действительности применительно к обозначению лиц. Повторение слова *советский* в данном случае имеет принципиальный характер, поскольку просто человеческий позитив и он же, но только советский, равно как действительность, и она же советская, для рассматриваемой нами системы сознания и языка, применительно все к той же советской действительности и советской эпохе, существенно различаемые вещи.

Парадигматический образ целого понадобится для того, чтобы увидеть то общее основание и тот ключ, который послужит своеобразным входом в систему, его оператором и (одновременно, а также впоследствии) операндом. Основой этого образа (что предстоит уточнить и проверить в дальнейшем) представляется воплощаемая в субъекте-лице идея множасьегося, распространяющегося, заряжающего других и заряжаемого от других, т.е. взаимно направляемого, когерентно-интерферирующего участия. Роль субъекта-лица (советского человека) состоит в согласуемо-направляемом участии в процессе создания необходимого представления действительности. Советские люди, по известному определению, занятые мирным

созидательным трудом, создавали этим трудом, приближали свое и всего человечества светлое будущее. Оттолкнемся от этой формулы при описании занимающего наше внимание предмета.

Лицо, человек, выступая участником, партиципантом совместного созидательного процесса, представляемого как в статике, так и в динамике, т.е. как состояние в его длительности и как проявление, или действование, – человек, придающий движение процессу, имеющему смыслом созидание советской действительности, а также испытывающий воздействие с его (процесса) и ее (советской действительности) стороны, включенный (включившийся), втянутый в этот процесс, может быть наблюдаемым в общем движении, состоянии в четырех (согласно образу организуемой системы) своих проявлениях, возможных ролях. В роли действующего лица, или действителя (способного к необходимому действию и определяемого, характеризованного по этому признаку как позитив). В роли деятеля, занятого, используемого в какой-то сфере, приписываемая деятельность которого, не обязательно связанная с осуществлением какого-то рода действий, определяется скорее как место, позиция, положение, процессуально заряженное состояние в продуцируемой системе. В роли носителя, обладателя признака, представляемого как важный, необходимый, с точки зрения организуемой системы общественно значимый. И, наконец, в роли представителя, или репрезентанта, какой-то группы, какой-то части, какого-то коллектива, объединения, совокупности, множества, т.е. как элемент, входящий в общее социальное целое.

Четыре указанных ролевых проявления – действитель, деятель, обладатель и представитель – отражаются при представлении позитивных значений обозначаемого ими субъекта в четырех других, передаваемых отношениях 1) к тому, что отдельно, является, предстает единичным (сингулятив); 2) к тому, что является множеством, совокупностью, представляет объединение, общество, социум (социатив); 3) к тому, что представляет собой систему, устройство (структуратив) и 4) к тому, что воспринимается как ее проявление, функционирование (проектив).

Получаемые в результате объединения позиции имеют два связанных категориально соотношения, которые можно было бы определить как а) внутреннее, имманентное, свойственное и б) привносимое, придаваемое, испытываемое воздействие на себя извне. Иными словами, заряженное (кумулятивное) и не заряженное, или позиционное, аддитивное, проявление. Общая схема всех указанных соотношений выглядела бы следующим образом (интересующие нас значения находились бы в двух центральных колонках):

	Заряженные	Не заряженные	
Отдельность	<i>Наделенный</i>	<i>Отмеченный</i>	Носитель
Объединение	<i>Принадлежащий</i>	<i>Нужный</i>	Представитель
Структура	<i>Причастный</i>	<i>Поставленный</i>	Деятель
Функционирование	<i>Действующий</i>	<i>Организуемый</i>	Действующий

Прежде чем перейти к отражению выделенных курсивом значений в лексическом материале с более подробным их описанием, имеет смысл дать о них общее представление.

Наделенность / отмеченность следует понимать как такую характеристику, которая предполагает признак, приписываемый лицу как его носителю (обладателю) и отделяющий его от других, выделяющий его при сравнении с ними и на их фоне. Признак, определяющий человека вне связи с отношениями к включению его, вхождению в большее – множества, объединения, числа таких же, как он, и ему подобных (отношение к социуму) или системы, устройства, объединения целого с его институтами, установлениями, порядками, правилами и т.п. (отношение к стране и советскому строю), а также вне проявления в характеризующем действии или деятельности в этой системе. Речь идет, таким образом, о признаке, характеризующем человека в его особенности и отличии от других, который может быть признаком внутренне свойственным (кумулятивным) либо придаваемым кем-то, какой-то организацией, учреждением извне (аддитивным). Сопоставление признаков, заключенных как характеризующие лицо в лексемах *герой, боец* (по природе, характеру – *боец революции, за дело рабочего класса, социалистического фронта, за высокое качество продукции*), *энтузиаст, общественник* (по призванию), с одной стороны, и *светило, светоч, маяк, гигант (науки, мысли, труда)*, с другой, определяемых и те и другие как признаки по показателям обладания и обособления (отделения) дает возможность увидеть отличие кумулятивности от аддитивности.

Признаки первого ряда проявляют себя как такие, которые определяются (воспринимаются) называющим в отношении их имманентности, свойственности, наличия, принадлежности характеризованному ими лицу, их носителю и обладателю. В то время как признаки второго – как определения, характеристики, даваемые ему, приписываемые ему другими, кем-то, каким-то авторитетом (авторитетами), т.е. институционально, извне. Называя кого-то *героем, энтузиастом, бойцом, общественником*, говорящий определяет его как такого, кто способен, готов к особым, исключительным, выделяющим его на фоне других, характеризующим его положительно, проявлениям, поведению, действиям, и эти признаки, согласно вкладываемому о них представлению, являются

ся неотъемлемой частью его природы, характера, воспитания, его духовного облика как отдельности и обособленного лица. Определяя кого-то словами *светило, светоч, маяк, гигант (науки, мысли, труда)*, говорящий либо авторитетный (пропагандистский, публицистический) источник, если он это делает без иронии, присоединяется к существующему общему мнению, опирается на него либо к нему апеллирует, его таким своим употреблением вводя в обиход, делая достоянием общего представления о нем. Ирония, в свою очередь, строится, достигается вследствие непрямо, внутренне отрицаемого, подвергаемого сомнению общего мнения, существующего и принятого либо же выдаваемого за таковое (игра позиций и точек зрения). Определяя кого-то *героем*, а кого-то *энтузиастом*, кого-то еще *бойцом, общественником*, равным образом – кого-то словом *светило*, другого *светоч, маяк, гигант*, говорящий, источник такого определения, находит, хочет видеть в определяемом, показать, приписать ему признаки ряда носителя (обладателя) как внутренне свойственные (наделенность, кумулятивность) либо приписываемые (отмеченность, аддитивность), отличающиеся, разные в каждом отдельном случае. Отличия этих и им подобных признаков составляют смысл дальнейшего описания, отдельно для каждого из выделенного в таблице курсивом значений.

Принадлежность / нужность приписывается лицу, определяет его, как имманентное (кумулятивное) либо придаваемое (аддитивное) свойство, в отношении его вхождения, включения в большее множества себе подобных – коллектива, объединения, ассоциации, группы, массы, массива, числа (разновидности множеств на данном уровне представления себя не проявляют). Принадлежность / нужность, тем самым, определяет лицо как представителя, репрезентанта, какого-то социума, какой-то общности, в его отнесенности к этой общности, принадлежности (кумулятивности) либо приданности, приписанности, назначенности, поставленности (аддитивности) в ней. Различие того и другого, пока что без уточнения всего дальнейшего, могут проиллюстрировать *красноармеец, интербригадoveц, известинец, краснопутиловец* в отношении первого признака (принадлежности) и *плановик, кадровик, агроном, председатель* в отношении второго (нужности). В лексемах первого ряда заложено представление об отнесенности: член такого-то коллектива, группы, один из – боец Красной Армии (*красноармеец*), член интербригад (*интербригадoveц*), работник газеты «Известия» (*известинец*), рабочий Путиловского завода (*краснопутиловец*). Лицо, человек определяется по этому признаку, который становится одновременно средством его положительно-одобрительной характеристики, через отношение, отнесенность к соответствующим образом оцениваемому, общественно значимому кол-

лективу. Лексемы второго ряда определяют тех, кто включается, вводится, назначается в коллектив, приписывается, придается ему (сам коллектив при этом как средство оценочной и определяющей характеристики себя не проявляет, коллектив может быть любой). И через представляемую таким образом аддитивность предполагают важным для понимания заключенного в них позитивного смысла и соответствующей оценки обозначаемого лица, что и становится определяющей их чертой, тот признак, который был обозначен как нужность. Речь идет в данном случае о необходимости, важности, нужности обозначенного словом лица, его места и роли, выполняемых им, возложенных на него заданий и функций, что и содержится как его позитивная характеристика в слове. Заданий и функций для коллектива и общества, в отношении к занимаемой должности, на которую он назначен, поставлен, принят. Оценка данной его позиции в коллективе, а также общественной роли, следующей из выполняемых им функций, никак не зависит от его внутренних качеств, как в предыдущем случае (признаки наделенность / отмеченность). Это оценка его соответствия месту, оценка самой позиции и доверия к нему (со стороны поставивших, пользующихся общественным авторитетом, вышестоящих), признание его быть достойным и подходящим, его проверенность и социальная апробация. Нужность, как характеристика и как определяющее качество, следует как направленный признак не от лица и не от коллектива. Это характеристика общественной необходимости в отношении коллектива занимаемой данным лицом позиции. Для того чтобы подразумеваемый, предполагаемый (implicite) коллектив как общественная единица функционировал так, как следует и как должно быть, играя в обществе назначаемую ему для этого роль, нужно, чтобы была в коллективе необходимая для достижения этого соответствующая позиция, место и роль – для субъекта-лица, занимаемые и осуществляемые подходящим для этого человеком. Также как коллектив, человек этот не наделяется при обозначении словом какими-то выделяющими его, подчеркивающими его особенность, исключительность признаками, определяющими его в отношении предпочтительности. Человек этот может быть, также как коллектив, любим, но только, и это самое главное, должен быть в нем общественно нужным.

Причастность / поставленность определяет лицо в отношении его проявления, значения его деятельности к системе – ее становлению, устройству, организации, стабильности, безопасности, существованию, развитию и т.п. Под системой следует понимать государственное устройство, строй, страну. То есть структуру с ее институтами, целями, установлениями, задачами, функциями, правилами, по отношению к которым общество (социум, объединение, мно-

жество предыдущего основания) выступает как материализующая, реализующая, осуществляющая все это и все это на себе испытывающая и в себе несущая, субстанциальная часть. С точки зрения рассматриваемого парадигматического строения причастность / поставленность как основание предполагает следующую, третью, по отношению к двум предыдущим, ступень. Лицо, человек, выступая, характеризуясь, определяясь по представляемым основаниям как проектив, как проекция признаков, отраженных в нем свойств отношения к общему целому, на первой ступени (наделенность / отмеченность) проявляет себя как отдельность, на второй (принадлежность / нужность) – как позиция в социуме, на третьей, рассматриваемой, – как реализующий через себя и в себе структуру целого и реализуемый в ней и по отношению к ней субстантив. Как позиция, положение, место в осуществляющей, реализующей себя системе целого через посредство деятельности обозначаемого соответствующими словами лица. Системодетельностные позиция, место, значение, роль, из которых и на основе которых следуют позитивные смысл и оценка для называемого человека.

Так же, как и предыдущие (и последующее) основания, причастность / поставленность дифференцируют признаки кумулятивности и аддитивности – того, что выступает как имманентное либо как приписываемое извне. Отличие в этой паре могут иллюстрировать *авроровец*, *стахановец*, *целинник*, *бамовец*, с одной стороны, и *агроуполномоченный*, *двадцатипятидесятничник*, *инструктор*, *группкомсорг*, с другой. Первый ряд предполагает внутреннее, по зову сердца, по призванию, призыву, отклику, а также отношению, положению, месту, случайности, т.е. своего рода стихийности и(ли) инициативности причастного к системе проявления со стороны лица, действительно такого либо за такое выдаваемого. Второй – назначение, направление, откомандирование, уполномочивание, придание, поставленность по отношению к системе. *Авроровец*, член экипажа крейсера «Аврора», своим легендарным выстрелом открывшего новую страницу человеческой истории, воспринимается как тот, кто имеет отношение, причастен к этому событию, обладающему значением первоначала, исходной точки для дальнейшего установления и развития системы. *Стахановец* – как тот, кто имеет отношение, причастен к наращиванию, росту укрепляющей, поддерживающей, опорной, жизнеобеспечивающей составляющей как ведущего основания системы. *Целинник*, соответственно, как причастный к ее (жизнеобеспечивающей составляющей) пространственному распространению, расширению. *Бамовец* – как тот, кто причастен к освоению поддерживающих, способствующих ее реализацию и оптимальное функционирование пространств. Соответственно, *агроуполномоченный* – постав-

ленный от комитета партии куратор сельского хозяйства – имеет отношение к жизнеобеспечивающей составляющей. Но не как производитель, а как организующее и контролирующее, мобилизующее других начало, проводящее необходимую политику на вверенном участке сельскохозяйственного производства. *Двадцатипяти тысячник, инструктор, группкомсорг*, аналогичным образом, являясь представителями мобилизующей и направляющей, руководящей составляющей целого системы, поставленными, призванными и уполномоченными, способствуют реализации ее настраивающих, организующих, а не производящих функций.

Между поставленностью как признаком рассматриваемого основания и нужностью основания предыдущего можно увидеть некоторое сходство. Отличие этих двух признаков, следующее из их отношения к социуму или к системе, может быть относительным. Строится оно на сопоставлении внутренне свойственных, сущностных, необходимых, с точки зрения общества, мест, позиций, ролей для лица в данном коллективе с позициями, местами, ролями (а с этим отчасти и самими коллективами), следующими не из внутренней, коллектива и социума, необходимости, а из воображения о реализации приписываемых, видимых в системе и продуцируемой ей действительности функций и задач. Поставленность, тем самым, представляет собой последующее и внешнее, надстроенное (встроенное) по отношению к предыдущему (нужности) основание, идущее не от знания о функциональной природе общества и коллектива, а от представления о развиваемой системе с идеей заложенного в ней строительства общественного будущего. Это последующее и внешнее, встроенное, может восприниматься как мобилизующее и организующее по отношению к внутреннему и функциональному. Реализуются эти признаки в противопоставлении того, кто нужен – народному хозяйству, дальнейшему его развитию, делу, стоящим перед обществом экономическим, производственным, социальным задачам, кто выполняет полагающуюся для этого работу, являясь работником, тружеником на вверенном ему участке, тому, кто назначается, направляется, ставится, наделяясь полномочиями, обязанностями с какой-то внешней целью – контроля, мобилизации, организации, проведения политики, для решения вопросов больших, охватывающих, способствующих реализации задач иного рода. Первый, таким образом, может быть воспринят как осуществляющий задачи внутренне поля действия, второй – как проводник, способствующий реализации (применительно к условиям действительности) идейно-политических задач.

Четвертая пара признаков – действующий / организуемый – представляет собой следующий по отношению к предыдущим уровень. Система определяется через лицо в отношении

к своему функционированию, т.е. в движении, динамике. Действующий, как имманентное, кумулятив, предполагает действие и способность к проявлению в действии – со стороны лица, в нужном, желаемом, способствующем, усиливающим направлении, для системы и ее задач, с должным участием и силой, самозабвенно, преданно и не щадя себя. Организуемый, как аддитив, т.е. внешнее, приписываемое, придаваемое, предполагает втягивание, включение, – не действие, а задействие в какое-то занятие, движение, объединение, с пропагандистской, воспитательной, общественно-политической либо другой какой-то целью, того же организующего, включающего, задействующего порядка. Противоположение данной пары признаков, тем самым, отражает в качестве общего идею должного, желаемого для человека, как действующего (задействуемого) члена формируемого общества и создаваемого этим обществом будущего, – в ее достигнутости, реализованности, с одной стороны, и закладываемом, приближаемом достижении, с другой. Такой человек, как есть (образец, пример для подражания, желаемый в системе), и такой, какой, чтобы был, чтобы мог им стать (образцом, примером, желаемым будущим в системе). Иллюстрацией первого признака могут быть лексемы *боец* (участник каких-либо действий) – как тот, кто бьется, активно добивается необходимых целей, своими действиями участвует в деле преобразования, достижения, осуществления идей, заложенных в системе; *борец* (за мир, за дело рабочего класса, пламенный, неутомимый); *защитник* (рубежей, отечества), *страж, стражи* (границы, неба, верный). Иллюстрацией второго – *юнармеец, пионер, комсомолец, коммунист, колхозник*. *Юнармеец* – член военизированного отряда, участник военно-спортивной игры, проводимой в школах и между школами, – как тот, кто, входя, включаясь в мероприятие, принимает участие в действиях, имеющих целью не формирование, не создание, не организацию существующих и новых частей, элементов и отношений в системе, а подготовку себя как участника и отряда, членом которого он является, воспитание, выработку каких-то умений, навыков и способностей, рассчитываемых на их использование в будущем, важных и нужных системе. Данное представление и составляет смысл определяемого признака. Задействие, организуемость имеет целью организацию, закладывание оснований на будущее, ближайшее или далекое. Тех оснований, реализация которых предполагается к осуществлению в людях, человеческом материале, с его помощью и при его посредстве. Подобным образом могут быть описаны и представлены *пионер*, как член детской коммунистической организации, *комсомолец* (член коммунистического союза молодежи), *коммунист* (член коммунистической партии), *колхозник* (член колхоза) и др. – в отношении

участия, задействия их, организации в какого-то рода объединения, имеющих целью предполагаемое либо планируемое использование их ради целей, необходимых системе.

Дальнейшие уточнения предполагают рассмотрение каждого из представленных в общем виде значений с определением соотношений в структуре их внутреннего устройства. Устройство это будет предполагать различия в подзначениях, имеющие дифференцирующий смысл и составляющие в своей совокупности характеризующее представление об их значении в парадигматической системе.

Наделенность, первый из рассматриваемых признаков, можно представить как то, что устанавливает отношение обладателя к тому, что, воздействуя, предполагает, требует для него обладания каким-то качеством. Качество это имеет три стороны сочетаемого уточнения – в отношении самого обладателя, в отношении воздействующего внешнего и в отношении того, что интересует советскую систему (ее идеологию, ее предъявления к человеку, ее установление, порядок, характер, строй).

Предъявляемые, желаемые для обладателя системой признаки можно было бы уложить в сочетании, предполагающем действие как выход из состояния покоя и возвращение к нему. Первой такой позицией, фазой, видом, соотносимым с другими, было бы возбуждение как исходная точка. Вторую позицию составляли бы признаки, определяемые в свойствах направленности, наступательности. Третью и связанную с ней четвертую – поддерживающие и обеспечивающие возможность выхода и возвращения, обращения в себя (центробежные и центростремительные). И пятую составляло бы свойство, предполагающее способность проявления в желательном действии с возможным или реальным достижением нужного результата (результативность):

возбуждение – направленность – поддержка (выхода – возвращения) – результативность

Признаки первого (выделенного жирным шрифтом) основания могли бы получить расширение в виде таких, как неуспокоенность, воодушевленность, приподнятость, способность к самопожертвованию, бескорытность мотивов, горячность, желание быть полезным другим, приносить пользу людям. То есть укладывались бы в своего рода мотивационную сферу своего обладателя как потенциального действующего, способного, когда будет надо и если потребуются, в должном и нужном, направленном и направляемом, отношении, ради целей, во имя системы, себя проявить. Воплощением этих признаков (как внутренних, мотивационных свойств обладателя) могли бы быть, при условии их соответствующего использования и восприятия, т.е. лексико-семантической

интерпретации, такие слова, как *энтузиаст*, *общественник*, *коллективист*, *патриот*, *интернационалист*. С дальнейшим их, внутренним, подразделением, предполагающим наложение той же сетки пяти оснований: по своим внутренним качествам, свойству характера, исходу, началу – *энтузиаст*; по виду, характеру внешнего проявления, направленности – *общественник*; по виду, характеру качеств, которые поддерживают, обеспечивают необходимо направленный выход вовне – *коллективист* и такое же, необходимое обращение, возвращение внутрь, в себя, понимаемого как свое коллективное – *патриот*; и, наконец, как те признаки, которые предполагают способность проявления в желательном действии с достижением нужного результата – *интернационалист*.

Сказанное требует уточнений и объяснений. Относительно лексико-семантической интерпретации, т.е. использования и восприятия значения слова. И относительно укладываемых в какие-то ячейки слов, что может выглядеть стройно и симметрично, а потому вызывать резонное недоверие к объективности и оправданности процедуры.

Относительно первого необходимо сказать о том, что привлекаемые в качестве иллюстраций слова представляют собой единицы особой функциональной сферы, особого речевого узуса – советского словоупотребления, со смещенной, акцентированной, переакцентированной, нагруженной дополнительно либо, напротив, усеченной и суженной структурой значения. Со структурой значения нередко намеренно обобщенно-размытой (что отмечается целым рядом исследователей и определяется ими как свойство пропагандистского языка), допускающей и предполагающей субъективную интерпретацию и домысливание, интериоризацию и субъективизацию, при восприятии. И, наконец, подобного рода слова, используя в текстах языка советской действительности, в печати, в средствах массовой пропаганды прежде всего, а оттуда затем и в речи, предполагают различающиеся в своих значениях и акцентах употребления, обуславливаемые клишированным, т.е. более или менее устойчивым и ограниченным в выборе, сопровождением. Подобного рода отличия в семантике словоупотреблений одной и той же лексической единицы (что в ряде случаев находит свое отражение и в словарях), предполагают возможность их различного понимания и толкования, с отнесением не сходных по какому-то признаку словоупотреблений одной лексемы, не всегда имеющих статус лексического значения, к разным представляемым нами парадигматическим группам и основаниям. Одно дело, скажем, такие выражения, как *Он хороший общественник*. *Плохой из него общественник*. *Вырастить, воспитать общественника*. *Общественник – это призвание*. *Общественниками не рождаются, общественниками становятся*. И дру-

гое – *Работа общественника. Собрание общественников коллектива. К этому делу следует привлечь общественников. Общественники подвели.* В первом случае речь может идти о внутренних качествах человека, его предрасположенности (хотя возможно и что-то другое). Во втором – о характере, виде и способе деятельности.

«Большой толковый словарь русского языка» в своем толковании различает еще два признака, давая их как взаимные дополнения и уточнения в пределах одного лексического значения, как две его стороны. Отличия эти, тем самым, не определяют лексико-семантический статус употребления слова: **общественник**, -а; м. Человек, который активно участвует в общественной жизни, работе; человек, выполняющий какие-л. обязанности на общественных началах. *Я по натуре своей о. Работа общественника – дело неблагодарное, не сулящее выгод* [См., напр.: Шарифуллин 1990; Купина 1995; Зильберт 1994; Bralczyk 2001 и др.]. Первый пример (*Я по натуре...*) относится к первой части определения, второй, соответственно (*Работа общественника...*), ко второй, которая следует за точкой с запятой.

Можно продолжить представленное определение, уточнив его в отношении не просто тот человек, который участвует в общественной жизни (он может еще или уже, или вообще в ней не участвовать), а тот, который испытывает призвание к подобному рода деятельности, способен по внутренним качествам, подходит к ней, может оказаться хорошим или будет хорошим в ней. Контексты типа *Из него бы получился хороший общественник. Во мне умирает общественник. Советский человек – это врожденный общественник. В каждом необходимо не только увидеть, но и вырастить, воспитать общественника*, – эти контексты не предполагают ни первое, ни второе, ни того, кто активно участвует в общественной жизни, ни того, кто делает что-либо без вознаграждения, т.е. на общественных началах. Они акцентируют не действие, не деятельность и их характер, а внутреннюю предрасположенность обладателя, связанную, обусловленную готовностью, умением и способностью не заботиться о себе, своем личном благополучии, не требовать вознаграждения, посвящать себя. Значение, таким образом, можно было бы уточнить, определив *общественника* как такое лицо, которое имеет предрасположенность к..., активно участвует в..., выполняет обязанности в том отношении, что... И это было бы левой частью определения, правой частью которого могло бы быть то, что включает общественный характер предполагаемой либо осуществляемой субъектом деятельности.

В этом случае и в этом месте мы подходим к тому, что составляет смысл уточнений и объяснений относительно процедуры. Предметом ее представления являются не слова, и не зна-

чения слов, и даже не словоупотребления и их семантика в языке советской действительности. Предметом являются признаки, организуемые в некоторую парадигмосистему, себя в семантике словоупотреблений языка советской действительности последовательно и не случайно отображающие. Отношения этих признаков к значениям словоупотреблений, а возможно также, и к лексическим значениям слов не являются ни предопределенными, ни симметричными. Невозможно сказать, что некий признак свойствен прямо и непосредственно данному словоупотреблению, он может в него в каком-то случае входить и его, как советское словоупотребление, определять, притягивать или притягиваться им, но на условиях, предопределяемых не семантикой слов, не лексическими особенностями и правилами словоупотреблений, а на условиях действующей самостоятельно и в словах себя, по своим законам, отображающей парадигмосистемы.

При таком понимании и при таком подходе та часть определения *общественника*, которая была условно названа левой, имела бы, могла бы иметь в описываемой системе не закрепленный характер, имея способность последовательно, равно как и одновременно, в двух или трех, себя проявить в возбуждении как пункте исхода (предрасположенность к...), в поддержке выхода (активно участвует в...) и возвращения (выполняет обязанности в том отношении, что...). Не исключено также, что и в каких-то других отношениях. Та часть определения, которая была названа правой – готовность, умение, способность не заботиться о себе, своем личном и пр., выводила бы к следующему подуровню, в котором *общественник* отличается от *энтузиаста*, *коллективиста*, *патриота*, *интернационалиста* – по виду, характеру внешнего проявления, направленности объединяющего их признака отнесенности к мотивационной сфере субъекта.

С учетом сказанного приводимые в качестве иллюстраций лексемы следует понимать как такие, которые, на основании существующих лексикографических описаний и необходимых для этого уточнений в связи с контекстами и клише, показывают возможные и допустимые, реализуемые и(ли) предпочтительные отображения признаков для описываемой парадигмосистемы, а потому не единственные, возможные в другой своей интерпретации и ином понимании на основе каких-то употреблений. Поскольку цель состояла не в том, чтобы описывать и определять слова, а в том, чтобы вывести отображаемую в них, устроенную как семантический код, систему, связанную с советскими представлениями действительности (советской картиной мира), постольку слова использовались для большей наглядности и иллюстрации не случайности связываемых с языковым выражением семантических оснований и признаков. В подобном ключе имело бы смысл опре-

делять и воспринимать все дальнейшее. Поскольку в полном объеме, подробно во всех составляющих, систему показать не удастся, впрочем, это и не было целью предпринятого разбора, основания и признаки в основном будут даваться без обращения к подуровням, с уточнениями возможных значений.

В связи с предполагаемой и как бы закладываемой, могущей показаться излишней, подробностью определяемых признаков и оснований логичным и обоснованным, видимо, будет вопрос о смысле подобного представления. Смысле для понимания природы того объекта, который был выбран для описания. Речь идет о системе внутренних ощущений и представлений, связанных с восприятием и отношением к социальной действительности в ее реализации к настоящему, будущему и прошлому, ориентированной, вписанной в мировоззренческий код, определяемый как советская идеология. Код этот задает систему оценок и ценностей, систему интерпретаций и объяснений как наблюдаемых, так и не наблюдаемых явлений и проявляет себя в наборах и сочетаниях характерных, типичных признаков, имеющих семантическую природу. Признаки эти вписываются в соотношения большие и охватывающие, являясь проекцией, отражением, интерпретирующим и идеологизированным воплощением каких-то связей, смыслов и механизмов, представляющихся в своем не заряженном, не ориентированном идеологически виде чем-то не сразу соотносимым, не чувствуемым в своей советской определенности. В каком-то моменте, на каком-то этапе и уровне семантического оформления в системе появляется, возникает эта определенность, как дополнительный фильтр, как идеологический компонент, как усложнение, вставка, включение или довесок. На каком этапе и как это происходит и так ли выглядит? Или, возможно, система выводимого общего уже изначально, структурно, исходно является советизированной, но не в семантической или оценочной, а во внутренней, глубинной части, не осознаваемой, неощутимым и незаметным образом ориентирующей восприятие, интерпретацию и понимание человека в нужное русло и направление? Как это происходит или может происходить, поскольку трудно себе представить в этом вопросе какую-либо, не допускающую иные возможности, исключительность. Теоретическое представление через построение модели, особенно для сознания и языка, имеет, по-видимому, не объясняющий смысл, с точки зрения того, что показывает, как это действует, а смысл, приближающий к пониманию исследуемого объекта, дающий возможность наглядно, более очевидно понять и представить нечто, не слишком доступное и не охватываемое в своей совокупности, т.е. как целое или системное, без такого своего представления. В связи с чем описываемая нами модель имеет целью способствовать большей

наглядности и целостности понимания того, что было свойственно языку советской действительности в одном из ее проявлений, определяемых нами как позитив, желаемое и приписываемое, для советского человека. Выявление характерных для этого, соотносимых, участвующих в организации советского позитивного образа человека, признаков, не обязательно, не исключительно и не наглядно советских в своей оценочной и смысловой природе, но эксплуатируемых, используемых для этих задач, будет способствовать, как представляется, выбранной цели. Степень подробности представления признаков, передающих определяемые в своей действительной или потенциальной советизированности значения, должна зависеть от целей исследования и описания системы, воспринимаемой как существующая и отражаемая как интерпретирующая, объясняющая выбранную для рассмотрения природу вещей. Однако без более или менее ясного представления о ней самой осмысленное усечение подробности вряд ли возможно – потери для понимания как в отношении интересующих признаков, так и для объясняющей их смысл, его движение и оформление, системы окажутся неизбежны. Предлагаемое поэтому описание не будет строго следовать идее достаточной и необходимой подробности, стремясь показать не только, а может быть, и не столько сами признаки характерно советского позитива, сколько действующую как их порождающую, их оформляющую и их объясняющую систему, модель.

возбуждение – **направленность** –
поддержка (выхода – возвращения) –
результативность

Признаки направленности, второго (выделенного жирным шрифтом) основания рассматриваемого параметра наделенности, в качестве расширения предполагают такие, как интенсивность, решительность, сила напора, напор проявления, давления вовне, от себя, упорство, настойчивость, наступательность, боевитость, способность действовать до конца. Смыслом их могла бы быть сильная воля, находящаяся в состоянии возбуждения (переход от первого основания) энергия, отображающая себя в необходимо направленном характере предполагаемого действия. Речь идет о заряженности, постоянной и неизменной готовности к использованию этой энергии как выходу, направленному от себя, из себя вовне, – субъективный желательный образ заложенного в свойствах определяемого человека, свернутого и дремлющего в нем характера будущего и возможного действия, проявления (спящий режим системы, если воспользоваться современными представлениями). Иными словами, это должен быть тот, кто всегда в дозоре, всегда на посту, кто самоотвержен (по первому основанию), всегда подтянут (в прямом и переносном значе-

нии), предан, способен в любую минуту к активному наступлению, действию. Иллюстрацией этих качеств могли бы служить такие слова, как *гвардеец* в значении 'активный, решительный борец за что-л.' [определение см.: Мокиенко, Никитина 1998] – «Молодой гвардеец пятилетки» (почетный знак ЦК ВЛКСМ), *боец* (революции, за дело рабочего класса, социалистического фронта, за светлое будущее, трудового фронта, за высокое качество продукции, мирного фронта, на фронте просвещения, за высокие урожаи), *солдат* (революции, партии, настоящий, верный, преданный), *часовой* (Родины). С дальнейшим, возможным их внутренним подразделением, предполагающим наложение той же сетки пяти оснований (второе основание при этом отсутствует, проявлений его в примерах мы не находим, что, впрочем, вполне возможно и допустимо для разбираемой системы): 1) по исходным качествам, в соответствии с признаками, ему присущими, составляющими его природу – *гвардеец*; 3) по признакам, связанным с обеспечением выхода, направленности вовне – *боец*; 4) по признакам, обеспечивающим необходимое обращение внутрь, поддержку центростремительной силы, способность, надежность, опору для сохранения силы действия – *часовой*; 5) по признакам, допускающим, предполагающим способность проявления в желательном действии с достижением должного результата – *солдат*.

Имеет смысл рассмотреть возможность подобного выбора, допускающего отнесение слова к той или иной группе признаков-подзначений, определив одновременно условия, согласно которым слово начинает приобретать семантику, необходимую для осваиваемой ее для себя, его себе подчиняющей в нужном для себя отношении системы. Рассмотрим для этого четыре взятых для иллюстрации слова, с тем чтобы попытаться увидеть в них то, что обосновывало бы принятое по признакам отнесение. Для решения этой задачи достаточным представляется опереться на данные двух словарей – «Словаря русского языка в 4-х томах» (МАС), как представляющего лексический материал языка советской эпохи, и цитировавшегося уже ранее «Большого толкового словаря русского языка» (БТС), как дающего материал с учетом его употребления в речи.

Гвардеец определяется как 'военнослужащий гвардии' (МАС; БТС). В БТС это первое из значений, второе дается как разг. 'о том, кто имеет высокий рост, крепкое сложение, молодцеватый вид'. Для выбранной нами задачи требуется также представление о слове *гвардия*, поскольку из первого определения не следует то, какими признаками должен обладать военнослужащий, включаемый в ее состав, тем самым, без понимания признаков *гвардии* неясен и интересующий нас переход от *гвардейца* 1-го и(ли) 2-го значений к *гвардейцу* – решительному борцу и *молодому гвардейцу* *пяти-*

летки советского словоупотребления. *Гвардия* определяется как 'лучшие, отборные части войск' || перен. 'испытанные деятели на каком-л. поприще; мужественные, преданные своему делу борцы' (МАС). Это второе и переносное, помещаемое после знака || как оттенок значения, может определяться отчасти как семантический советизм, если под делом и поприщем понимаются революционные преобразования, строительство социализма, борьба за советскую власть, защита завоеваний партии большевиков и т.п. О чем свидетельствуют, впрочем, и приводимые в МАС примеры: *Оба [Леденев и Корчагин] были типичные представители молодой и старой гвардии большевиков.* Н. Островский, *Как закалялась сталь. В нашем городе [Ленинграде] старая рабочая гвардия России образовала то ядро, из которого выросла великая партия большевиков.* Тихонов, Ленинград принимает бой.

БТС дает прямое и переносное определение *гвардии* в МАС как значения разные и несколько по-другому, добавляя еще одно, в МАС отсутствующее, в качестве 2-го, а представленный в нем советизм оттенка значения как значение самостоятельное и 3-е, расширяя в возможностях употребления за счет допускаемого теперь потенциально отсутствия большевистского дела-поприща и устранения признаков 'мужественные', 'преданные', 'борцы': 1. Лучшие, отборные воинские части (первоначально – для охраны императора). 2. В некоторых странах: военное или военно-полицейское формирование; воинская часть, являющаяся личной охраной главы государства, военачальника и т.п. 3. Лучшая, испытанная часть какого-л. коллектива, группы. *Старая рабочая г. России. Старая большевистская г. Молодая г.* (о наиболее активной в общественной жизни молодёжи).

Из приведенных определений следует, что ведущими для слова *гвардия* оказываются признаки 'лучшие', 'отборные', 'испытанные', те, кому поэтому доверена защита особо важного лица, фигуры, символа, т.е. чего-то обладающего высшей ценностью. В соответствии с поставленной задачей, предполагающей выведение мотивирующей основы употребления слова в языке советской действительности, следует задуматься над вопросом – по какому основанию, вследствие чего определяется это 'лучшее', 'отборное', 'испытанное'? Подсказкой может послужить 2-е значение в БТС: имеются в виду особенные, отличительные признаки, определяющие физическую силу, крепость, предстательность, т.е. особенную, характерную для данного лица предрасположенность для того, чтобы *быть гвардейцем*, выделяющую, делающую его исключительным по сравнению с другими. К этому следует добавить представление о гвардии как о частях, имеющих свою историю и славную традицию, сохраняющих ее, заботящихся о ней, передающих ее тем, кто

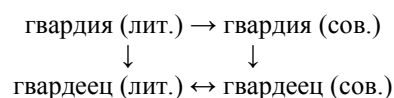
вступает в ее ряды. Историю и традицию, в которых данная гвардия и ее гвардейцы предстают как испытанные, проверенные в боях, не подводящие, не роняющие достоинства и чести, – признаки, также связанные с предрасположенностью, но идущие от членства, состояния *быть гвардейцем*.

Гвардеец советского употребления может быть определен, на основе сказанного, как испытанный, проверенный, а потому отборный, лучший, в отношении надежности и преданности (поскольку для него это вопрос достоинства и чести) делу партии и государства (на основе признака ‘защита обладающего высшей ценностью’), а следовательно, мужественный, стойкий, борющийся до конца, – участник производимых партией революционных преобразований общества, строитель социализма и коммунизма.

Заключительную часть представленного определения (от слова *участник*) можно рассматривать как общую для советского позитива в обозначении лиц. Все предыдущее, следуя из признаков, заложенных в лексическом значении слова, становится дифференцирующим для советизированной леммы или ее такого словоупотребления, а потому является объектом описания в разбираемой модели. На основании этих признаков, заложенных и содержащихся в значении советизируемого слова, делается вывод об отнесенности их к позициям в модели. Тем самым, получается, что представление в слове позитива о лице содержит смысл а) то, что это участник производимых революционных преобразований в обществе, строитель коммунизма – в отношении любого слова и б) то, какого вида, рода, типа, какими признаками характеризующийся участник – для дифференцирующего определения по словам и группам слов, укладываемым своими признаками в описываемой модели.

Если сравнить, что было бы небезынтересно, слово *гвардеец* языка советской действительности с его прототипом и коррелятом русского литературного языка, можно увидеть и вывести некоторую закономерность существующего между ними соответствия и перехода. Сравнение при этом следовало бы производить не только и не столько на основе отражаемых в словарях лексических значений, сколько на основе более расширенного их представления. С учетом заложенных в значениях действующих и осознаваемых признаков, выступающих в качестве мотивирующих, предопределяющих возможную и последующую деривацию, перенос и появление нового, смещенного и измененного значения. В этом случае *гвардеец* как литературный коррелят мог бы получить (с необходимой для этого ориентацией к *гвардейцу* советского словоупотребления) примерно следующую характеристику: а) лицо, представитель мужского пола, служивший либо служащий в особого рода войсках, а также выглядящий, по-

хожий, наделенный признаками такого, т.е. б) высокий, крепкий (физически предрасположенный), сильный, храбрый, мужественный, бравый, носитель свойств тех отборных и лучших частей, к которым принадлежит – надежность, испытанность, верность, преданность в деле защиты того, что имеет высшую ценность. Сравнение с *гвардейцем* советского словоупотребления дает основание предполагать деривацию не по линии *гвардеец* литературного языка > *гвардеец* как семантический советизм, а образование последовательно соотносимых *гвардия* > *гвардеец* литературного языка, *гвардия* > *гвардеец* как советизмы. Данное соотношение могло бы выглядеть следующим образом:

Иными словами, *гвардеец* советского языка развивается на основе признаков слова *гвардия* как советизма, поддержку, возможность и внутреннюю дополнительную соотношенность приобретая в *гвардейце* литературного языка, в котором, с точки зрения его собственных семантических признаков, нет тех, которые бы предполагали способность прямого и непосредственного перехода к *гвардейцу* как советизму. Соотношение между ними можно рассматривать вследствие этого как вторичное, опосредованное и дополнительное.

Для интересующего нас слова (*гвардеец* как советизм) следовало бы в качестве определяющего вывести тот состав, который его соотносит с *гвардией* как семантическим советизмом. Выведение в данном случае важное и не случайное, связанное с употреблением слова. В языке советской действительности большей частотностью и закрепленностью обладала *гвардия*, в то время как слово *гвардеец* в описанном нами значении встречалось значительно реже, в ограниченных случаях и контекстах, соотносясь в сознании с *гвардией* и фактически следуя из нее. Само использование слова *гвардеец* как советизма можно было бы объяснить, без особых преувеличений и оговорок, наличием уже существующего *гвардеец* литературного языка, т.е. индуктивной способностью языка, порождающей, довольно легко и просто, нечто новое на основе уже имеющегося. Поскольку есть такое слово, пусть и в ином значении, другое такое же, вследствие внутренних порождающих причин (от *гвардии* как советизма), появляется без затруднений, а если не возникает, не входит в речевой обиход, то присутствует на поверхности языкового сознания как слово-потенциализм.

Признаками рассматриваемого *гвардейца*, в связи с советизированной *гвардией* и на ее основе, были бы те, которые выводят нас к представлению о направленности, наступа-

тельности, **заряженной силой и волей готовности действовать** в нужном, для большевистской партии, советской власти и государства, направлении. Те признаки, которые в МАС определялись как перен. 'испытанные деятели на каком-л. поприще; мужественные, преданные своему делу борцы', с уточнением дела и поприща в необходимом ключе, в отношении к партии, власти и государству. Признаки эти, связанные с заряженной силой и волей готовностью необходимым образом действовать, относились бы к основанию 'направленность' ('наступательная активность') в отношении 'наделенности' (см. табл.) в определяемой модели, составляя внутри направленности для *гвардейца* проявление (1) – по **исходным** качествам, на основании того, что определяло исходящую от самого субъекта и от его принадлежности гвардии, членстве в ней, необходимую, должную предрасположенность, предопределенность релевантных для основания свойств.

Представленный механизм-процедуру определения признаков в их отношении к устройству модели, с меньшей теперь подробностью, проследим на трех последующих примерах того же 'заряженного силой и волей готовности необходимым образом действовать' основания. *Боец*, отнесенный к проявлению (3) – по признакам, связанным с обеспечением выхода, направленности вовне, в одном из своих значений (*боец революции, социалистического фронта, рабочего класса, за высокое качество продукции*) может быть представлен как тот, кто своими действиями, своим участием в революции, рабочем движении, революционном преобразовании общества, строительстве социализма и пр. проявил себя как наделенный бойцовскими качествами – настойчивостью, упорством, умением бороться до конца, способностью действовать по-боевому, а потому надежный, проверенный, преданный, тот, на кого можно и следует полагаться, кто, будучи, в случае необходимости, ударно-опорной силой направленного движения-действия (революционного, преобразующего), обеспечивает возможность его осуществления, выхода от себя, из себя вовне. Ударно-опорный, как проявление, предполагает соединение-переход от (2), в словах для разбираемого основания не представленного (на основе ударности), к (3) **опоры** (включение смыслом в себя предыдущего для последующего – одна из существенных черт разбираемой модели) и усилению этого (3) в характеристике **обеспечивающего возможность осуществления действия** в его необходимой (для партии, государства, власти) направленности вовне. *Боец*, тем самым, во внутреннем своем семантическом представлении и устройстве, в отношении к разбираемой модели и позиции определяющих его признаков в ней, равно как и всякое другое слово, может быть отнесен к тому или иному ее основанию с по-

следующими уточнениями в его значениях и подзначениях на основе дифференцирующих признаков своего смыслового состава. Такими признаками из ряда для него релевантных представляются следующие из названных:

- 'тот, кто своими действиями, своим участием в... проявил себя как наделенный ... качествами' – относящие к основанию наделенности (устанавливающей отношение обладателя к внешнему, к тому, что, воздействуя, предполагает, требует обладания определенным качеством);

- 'кто проявил себя как наделенный бойцовскими качествами – настойчивостью, упорством, умением бороться до конца, способностью действовать по-боевому' – относящие к составляющему наделенность значению активизируемой направленной наступательности (заряженной силой и волей готовности необходимым образом действовать);

- 'тот, на кого можно и следует полагаться, поскольку, будучи, в случае необходимости, ударно-опорной силой направленного революционного, преобразующего движения-действия, способен, проверен, в том отношении, что обеспечивает возможность осуществления, выхода этого действия от себя, из себя вовне' – относящие к подзначению обеспечение выхода заряженной силой и волей готовности.

В связи с разбираемым словом имеет смысл обратить внимание на такую особенность, как зависимость определяемых признаков от семантической ориентации словоупотребления. *Боец* предоставляет для этого весьма показательный материал, отражение которого можно найти в словарях, причем значения литературные довольно последовательно соотносятся в данном слове с советизированными. В коротком и беглом сопоставлении интересующая нас проблема выглядела бы следующим образом (для большей наглядности дадим материал в таблице):

Определения БТС (литературного языка)	Значения в языке советской действительности	Основания и признаки в парадигматической системе
1. О военнослужащем (преимущественно рядовом, солдате). <i>Два бойца. Бойцы-пограничники.</i> В Красной Армии (1918-1942): рядовой красноармеец в противопоставлении командиру. <i>Награждаются лучшие бойцы и командиры части.</i>	Входящий в состав регулярного воинского формирования, цель которого – защита социалистического Отечества от его внешних врагов.	Принадлежащий , как представитель объединения, с уточнением последующего значения и подзначения основания применительно к смыслу слова. (см. табл. 1)
2. Член военизированной организации отряда и т.п. <i>Б. отряда самообороны. Б. ОМОН. Бойцы пожарной команды.</i>	Член отряда, группы (комсомольской, студенческой и т.п.), организованных для выполнения определенной	Принадлежащий , как представитель объединения, с уточнением последующего значе-

	работы, какого-л. задания и т.п. <i>Бойцы строительной студенческих отрядов.</i> (МАС)	ния и подзначения для этого смысла.
3. Участник боя (2-3 зн.); воин. <i>Кулачные бойцы. Бойцы-огольцы</i> (шутл.). <i>Бойцы тыла.</i>	Употребление в языке советской действительности по сравнению с литературным значением слова не специфично.	Действующий (признак действователя применительно к функционированию в системе).
4. Разг. О человеке с бойцовскими качествами. <i>Несмотря на падение, выиграл золотую медаль: настоящий б.!</i>	Употребление данного значения в языке советской действительности совпадает с литературным.	Наделенный, как носитель признаков по основанию направленности с предположительным проявлением к (2) – ‘заряженная готовность’.
5. = Борец (тот, кто борется за что-л. или против чего-л. <i>Борцы Сопроотивления. Б. за мир, за справедливость.</i>)	Описанное значение (<i>боец революции, социалистического фронта, рабочего класса, за высокое качество продукции</i>).	Наделенный , как носитель описанных признаков по основанию направленности с проявлением к (3) – ‘обеспечивающий возможность осуществления действия’.
6. <i>Проф.</i> Рабочий скотобойни, занимающийся убоем скота.	Данное значение в языке советской действительности не актуализировано.	—

Значения, проявляющие себя в языке советской действительности как ему свойственные и для него специфичные, смещенные по сравнению с литературными, а потому становящиеся объектом для представления в описываемой модели, находятся, соответственно, в 1-й, 2-й и 5-й строках таблицы. Значения 3-й и 4-й совпадают с литературными и потому не описываются в представляемой модели. Значение 6-й строки в языке советской действительности не употребительно. Значения 1-й и 2-й строк, относимые к общему основанию принадлежности, различаются далее между собой на последующих уровнях, подобно тому, как значение 5-й строки, описанное подробно, отличается по показателю подзначения от значения строки 4-й, не описываемого в силу его совпадения с литературным.

Представленные соотношения имеют закономерный характер. Лексемные употребления языка советской действительности в своих значениях, в случае их формального совпадения с лексемами литературного языка, могут быть 1) в нем актуальными и для него специфическими, т.е. отличающимися по смыслу от литературных лексем в своих советизированных значениях; 2) в нем актуальными, но для него не спе-

цифическими, т.е. от значений литературных лексем (помимо контекстных, а потому не закрепленных и обусловленных, возможных советизируемых вкраплений и коннотаций) существенно не отличающимися; 3) в нем не актуальными и для него не типичными, встречающимися в его контекстах как обычные литературные единицы. Объектами описания в представляемой модели, тем самым, являются единицы первого ряда. Единицы второго, объектами не являясь, могут в отдельных случаях привлекаться при описании для сопоставления. Единицы третьего ряда для языка советской действительности интереса не представляют.

Остающиеся в характеризующем, наряду с *бойцом*, основании направленности *часовой* и *солдат* относятся к употреблениям, для языка советской действительности актуальным и специфическим. *Часовой*, отнесенный к проявлению (4) – по признакам, обеспечивающим необходимое обращение внутрь, поддержку центростремительной силы, способность, надежность, опору для сохранения силы действия, в интересующем нас значении (*часовые Родины, границы, рубежей, часовой порядка* – о милиционере) может быть представлен как тот, кто являет собой (**наделенный**, тем самым, необходимыми признаками), в силу своей **заряженной силой и волей готовности** (следующей из неослабевающей бдительности стоящего на часах) действовать необходимым образом и в нужный момент – надежную охраняющую, защищающую, **обеспечивающую безопасность** для совершаемого, осуществляемого (революционного преобразования, строительства социализма и коммунизма) **ограду, закрытость, запору против** возможного вредоносного, деструктивного действия, противодействия каких-либо сил извне (4). Наделенность – заряженная готовность – обеспечение обращения (безопасности) составляют, тем самым, основу значения *часового*.

Солдат, будучи отнесен к проявлению (5) основания направленности – по признакам, предполагающим способность проявления в желательном действии с достижением должного результата – может быть описан в своем соответствующем значении как тот, кто, будучи **наделен** необходимыми признаками, в силу своей **заряженной силой и волей готовности** действовать в необходимом направлении и должным образом – признаки, совпадающие с *часовым, бойцом* и *гвардейцем*, однако следующие у него, в отличие от них, из его положения *стоять на военной службе* (т.е. в постоянной, предписываемой, готовности к действиям боевого характера, по первому зову и требованию, подчиняясь военному долгу и командирам, не противореча, не подвергая сомнениям, не задавая лишних вопросов, не принадлежа себе). Будучи наделен и заряжен подобным образом, он является тем, кто способен активно и эффективно действовать, на кого

можно и следует положиться, именно как на **действителя и ударную силу осуществления**, достижения – революции, планов революционного преобразования общества, строительства социализма, защиты завоеваний на этом пути (как цели и результата). Это *солдат революции, верный солдат партии, солдат социалистического строительства, солдат трудового фронта, солдат Отечества, солдат(ы) Сталина*, т.е. 'тот, кто посвятил себя какому-л. делу и преданно служит ему' (по определению МАС и БТС), но не просто какому-л., а преданный делу революции, Сталину, его призывам, борец за социализм [определение см.: Мокиенко, Никитина 1998]. Иными словами, тому, что имеет отношение к общему делу (*opus finitum*) представляемой системы, в котором *солдат*, наряду с другими словами семантики позитива, проявляет себя как участник происходящего, наделенный – заряженной силой и волей готовности – к осуществлению необходимого действия, составляющими основу его значения в языке советской действительности.

возбуждение – направленность – **поддержка** (**выхода** – возвращения) – результируемость

Отражение признаков следующего основания рассматриваемого параметра наделенности (поддержка выхода) можно показать на примерах значений слов *большевик, ленинец, марксист (настоящий, твердый, верный, проверенный, крепкий, истинный), коммунист* (как носитель необходимых признаков, а не просто член коммунистической партии). Особенность данного основания предполагает такие характеристики, которые обеспечивают, поддерживают получившую возбуждение первой фазы энергию, заряженную силой и волей второй, претворяя ее в неотвратимое и нерушимое в своем выходе действие третьей, облакаемое в признаки, связанные с идеей сжатия, собирания, сгущения, мобилизации направленной силы. Такие, как твердость, несгибаемость, стойкость, стояние, прочность, надежность, уверенность – опора несущей силы, умение и способность мобилизовать, поднимать, заражать других, вести за собой, в своей твердости, несгибаемости, намерении действовать быть достойным для подражания примером – обеспечивающие подхвата, распространения, поддержки выходящего действия.

С тем чтобы установить характер соотношений между возможными подзначениями основания, выведя их из материала примеров, определим для начала ориентированную к задаче семантику выбранных слов, памятуя о том, что первое подзначение выводится на основании признаков намечающегося исхода (возбуждение), второе – признаков наступающей активизации (заряженная направленной силой и волей готовность), третье – признаков

поддерживающе-мобилизующего обеспечения несущей силы, четвертое – признаков обеспечения ее защиты (ограда и сохранение) и пятое – действующей результативности в достижении осязаемого выхода.

Большевик, равно как и другие за ним слова, должен быть при этом разобран не как представитель определенного вида объединения, группы, партии, а как носитель, возможно, по этому основанию и на этой основе (значение наделенности), приписываемых ему характеристик и свойств, обуславливающих интересующее нас отношение к позиции обеспечения выхода в каком-то одном из пяти его проявлений. Насколько эта задача будет в своем разрешении следовать из значения и представления о нем самом, а насколько иметь придаваемо ориентируемый, нацеливаемый характер, попробуем посмотреть на примерах. БТС и МАС в своих толкованиях этого слова непосредственных указаний на подобного рода признаки не дают, определяя его по отношению к принадлежности – член большевистской партии, сторонник большевизма, а большевизм как 'крайне радикальное течение...', вылившееся в создание партии большевиков, свержение законной власти и установление в России диктатуры этой партии' (БТС); 'революционное, последовательно марксистское течение...', получившее воплощение в пролетарской партии нового типа, в партии большевиков' (МАС). Необходимые для предпринимаемой характеристики признаки можно было бы поискать в том, что прямо или непрямо (зная, о чем идет речь) обозначено в этих словарях как 'крайне радикальное', 'свержение законной власти', 'установление диктатуры', 'революционное', 'последовательно марксистское', 'партия нового типа', отвлекаясь при этом как от современных, так и советского времени оценок и коннотаций.

Признаки эти связываются с тем, что определялось в таких выражениях, как *настоящий большевик, большевики не сдаются (не плачут, не отступают), для большевика нет непреодолимых преград (трудностей)*. Представление об этом содержится в 3-м значении «Толкового словаря русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова (ТСУ): **большеви́к**, а, м. (полит.) **3.** Стойкий, последовательный, не знающий колебаний революционный марксист-ленинец. *Настоящий б.* – *Эти люди, очевидно, забыли, что мы, большевики, – люди особого покроя. Они забыли, что большевиков не запугаешь ни трудностями, ни угрозами.* Стлн.

Характеризующими признаками в интересующем нас отношении, на основе этих трех словарей, были бы те, что связываются с идеей не останавливаться ни перед чем при достижении поставленной своей партией цели, не брать в расчет никаких оговорок и исключений, твердо и неуклонно стоять на своем, последовательно и во всем идти до конца, не отклоняться и не сгибаться при овладении и удержании до-

минации, господства и власти. Неустрасимость, твердость, упорство, стойкость в упорном и неуклонном стремлении к цели, натиск, напор – признаки, которые ближе всего соотносятся с представлением о наступательности, составляя, тем самым, проявление (2) при основания обеспечения выхода – заряженная силой и волей готовность последовательно и постоянно действовать в указанном партией направлении.

Следующее слово *ленинец* будет интересно в таком же, характеризующем, отношении, как позитив, наделенный приписываемыми ему в продуцируемом представлении советской действительности признаками. Определяется это слово через его отношение к *ленинизму* – как верный последователь, непоколебимо преданный делу, последовательно осуществляющий принципы ленинизма в своей деятельности. *Ленинизм*, в свою очередь, толкуется как учение, представляющее собой дальнейшее развитие и конкретизацию марксизма (практический марксизм) в условиях империализма и строительства коммунизма. Идея развития, преданности, претворения в деятельности и деле, признаки, заключенные в представлении *быть (верным) последователем* чего-то, кого-то, соответствуют проявлению (3) в основании обеспечения выхода – поддержка, сжатие, собирание, мобилизация выходящей направленной силы, должное сопровождение, придание ей необходимого, требуемого характера. *Настоящий, истинный, верный ленинец* в этом случае – тот тот, кто последовательно, в практической деятельности, осуществляет принципы претворения общества, но не действует, не является тем, кто делает и производит, а обеспечивает, поддерживает осуществление действия, правильным отношением, пониманием, являясь опорой силы, а не ударным ее механизмом и рычагом.

Марксиста, с опорой на словари, можно было бы определить как исходное (1) проявление к обеспечению выхода, в силу его отношения к необходимому знанию, системе взглядов, идейной и правильно ориентированной мировоззренческой подготовленности, как исходной и первой необходимости, предпосылки, условия для возможности осуществления и достижения всего остального. *Марксист* в своем отношении к *марксизму* – учению о наиболее общих законах развития природы и общества, о революции, победе социализма и строительстве коммунизма, в качестве характеризующих признаков позитива определяет, тем самым, знание законов исторической неизбежности смены формаций, владение теорией революционного преобразования общества, что в своей сущности и составляют идею исходного представления (1) по отношению ко всему остальному для достижения и в этом смысле последующему.

Коммунист, в разбираемом отношении к характеризующим признакам, дает представле-

ние о проявлении (4) основания обеспечения выхода для значения наделенности (обладания) в модели, выступая как обеспечивающее признаков центростремительной силы, защиты и обращения, поддержки надежности и безопасности действующей направленной силы. Проявление (4) связывается также с идеей отклика, должного и охотного реагирования, подхвата и обеспечения необходимых тылов для того, что как поддерживающее и мобилизующее выходило из (3). Идея эта не чужда искомому представлению советского позитива для *коммуниста*, определяемого по словарям как ‘член коммунистической партии’ – *боевого, революционного авангарда рабочего класса*, ‘передовой, ведущей части класса, общества’ [определение см.: Мокиенко, Никитина 1998]. Положение, которое можно определять как включаемое проявление (3) с переходом в (4), – последующее включает в себя значение предыдущего. Партии, обеспечивающей реализацию планов построения социализма и коммунизма, в отношении которой (реализации) *коммунист* в интересующем нас случае проявляет себя не столько как опора действующей силы (этой роли в большей степени соответствует *ленинец*), сколько поддержка ее неуклонного, обеспечивающего надежность продвижения в желательном, мобилизованном на этапе (3), направлении. Позиция (4), таким образом, ближе, по сравнению с (3) к идее действия и осуществления в действительности (5), к идее реализации, что хорошо согласуется с соотношением признаков, передаваемых в соответствующих значениях *ленинец* (3) и *коммунист* (4).

Таким образом, развертывающуюся общую и объединяющую, с точки зрения характеризующего положения в языке советской действительности, идею советского позитива, отраженную в рассмотренных четырех словах можно было бы уложить в последовательности четырех позиций *марксиста* (1) – *большевика* (2) – *ленинца* (3) – *коммуниста* (4). Их взаимное расположение, предполагающее последовательность и похожую на валентную соотносительность, давало бы представление о части некоторого фрагмента целого, определяемого как семантико-парадигматическая модель языка советской действительности. Позиция (5) – результируемость, на основе собранного лексического материала, оказалась для основания обеспечения выходящей силы незанятой. Лексическая незаполненность той или иной позиции, вполне допустимая и возможная для системы, с одной стороны, всегда относительна и в известном смысле условна, поскольку может быть заполняема значениями употреблений, оттенками, признаками каких-то, в том числе и рядом стоящих слов (*коммунист*, к примеру, может быть интерпретирован в отношении не только 4-й, но и 3-й и 5-й позиций). С другой стороны, незаполненность, относительная либо условно-сомнительная заполненность той или

иной какой-то либо не только одной из пяти позиций могут служить типологическим, характеризующим данное основание свойством, определяя его специфичность по отношению к другим, также каким-то собственным образом заполненным либо не заполненным по позициям оснований. Подобного рода специфику и выводимую на этой основе для оснований и признаков характерность можно будет увидеть, а затем и сравнить, после более или менее полного представления всей системы, на основе возможности видения целого, его устройства, закономерных связей и отношений, что не могло входить в задачу данного рассмотрения по условиям первого приближения к проблеме.

В заключение данной, не завершенной части, представляется важным вывести определявшиеся в своей последовательности признаки на уровень актуализации их для советского позитива в отношении обозначаемого, называемого человека, лица. Подобное представление, при его достаточной и необходимой для этого полноте, может позволить в дальнейшем вывести общее, увидеть заложенный в обозначениях образ желательного, продуцируемого советской действительностью позитива для человека как участника, участника пущенного в движение процесса. Выводимые по первым трем основаниям параметра наделенности соотносимые, развиваемые в общем движении, признаки можно было бы обозначить как 1) самоотверженность, отказ от себя, необходимость такого отказа как условие и исход, во имя представляемого как общее дело, цель (opus

finitum) для фазы, названной *возбуждение*, фазы начала выхода из состояния покоя; 2) активная наступательность, ударная сила, заряженная силой и волей готовность действовать в нужном для этого направлении, для следующей фазы, обозначенной словом *направленность*; 3) способность к мобилизации и вовлечению в общее дело для фазы, обозначенной как *обеспечение выхода*. Дальнейшее описание оснований и признаков рассматриваемой модели, с целью ее представления как целого, будет предметом последующих разработок.

ЛИТЕРАТУРА

- Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С.А. Кузнецов. – Санкт-Петербург, 2000.
- Зильберт Б.А. Языковая личность и «новояз» эпохи тоталитаризма // Языковая личность и семантика. – Волгоград, 1994.
- Купина Н.А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. – Екатеринбург; Пермь, 1995.
- Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. – Санкт-Петербург 1998.
- Словарь русского языка в 4-х томах. Гл. ред. А.П. Евгеньева, 2-е изд. – М., 1981-1984.
- Червиньски П. Семантика советского позитива в контексте продуцируемого представления действительности (на материале обозначения лиц) // Политическая лингвистика. 2008. № 3 (26).
- Шарифуллин Б.Я. О лексике и фразеологии политизированного языка // Лексика и фразеология. Новый взгляд. – М., 1990.
- Bralczyk J. O języku polskiej propagandy politycznej lat siedemdziesiątych. – Warszawa, 2001.
- © Червиньски П, 2009

РАЗДЕЛ 2. ЯЗЫК – ПОЛИТИКА – КУЛЬТУРА

Быкова Л. В.
Сургут, Россия

ОТРАЖЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА НЕМЕЦКИХ И АВСТРИЙСКИХ КОМПОЗИТОРОВ В ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНАХ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ

УДК 81'373.6

ГСНТИ 16.21.27

Аннотация. Исследование сфер-источников прецедентных феноменов, восходящих к немецкоязычной культуре, показало, что четвертое место по частотности занимает сфера-источник «Музыка». В дальнейшем были выделены области прецедентности, восходящие к творчеству австрийских и немецких композиторов и музыкантов.

Ключевые слова: прецедентный феномен, сфера-источник, Германия, Австрия, музыка.

Сведения об авторе: Быкова Людмила Владимировна, преподаватель кафедры немецкого языка.

Место работы: Сургутский государственный университет.

Контактная информация: 628400, Тюменская область, г. Сургут, ул. Лермонтова, д. 10, к. 15.

E-mail: LVBykova@yandex.ru

Bykova L. V.
Surgut, Russia

THE REPRESENTATION OF WORKS OF GERMAN AND AUSTRIAN COMPOSERS IN PRECEDENT PHENOMENA OF THE RUSSIAN PRESS

Код ВАК 10.02.19

Abstract. The examination of the source domains of the precedent phenomena originating in the German-speaking culture showed that the source domain «Music» is the fourth in the rate of occurrence frequency. The spheres of precedence for the precedent phenomena referring to works of Austrian and German composers and musicians have been defined in the course of investigation.

Key words: precedent phenomenon, source domain, Germany, Austria, music.

About the author: Bykova Ludmila Vladimirovna, lecturer of the chair of German language.

Place of employment: Surgut State University.

В своей работе мы рассматриваем инокультурные прецедентные феномены, в частности, феномены, восходящие к немецкоязычной культуре. Под прецедентными феноменами мы понимаем вслед за Ю.Н. Карауловым и Е.А. Нахимовой как известные значительной части представителей лингво-культурного сообщества и актуальные в когнитивном плане единицы, обращение к которым обнаруживается в речи представителей данного лингво-культурного сообщества.

Материалом для исследования послужили статьи современных центральных высокотиражных газет («Известия», «Газета», «Коммерсант», «Культура», «Литературная газета», «Новая газета», «Российская газета», «Труд» и др.) за 2003-2007 годы. В наш корпус вошло 2960 примеров употребления ПФ.

Важным аспектом изучения прецедентных феноменов является выявление их сфер-источников, что, по мнению многих ученых, позволяет определить ту среду фоновых знаний, в которую оказывается погруженным адресат соответствующих текстов (Н.Д. Бурвикова, Е.А. Земская, Ю.Н. Караулов, В.Г. Костомаров, Е.А. Нахимова, Ю.Б. Пикулева, Т.Е. Постнова, Е.Г. Ростова, Г.Г. Слышкин, Р.Л. Смулаковская, А.Е. Супрун и др.).

В научных статьях, монографиях и диссертационных исследованиях можно обнаружить различные классификации прецедентных феноменов по сферам-источникам. Так, например, Г.Г. Слышкин, проанализировав фольклорные смеховые произведения русской культуры, предложил следующую классификацию прецедентных текстов: 1) политические плакаты, лозунги и афоризмы; 2) произведения классиков марксизма-ленинизма и руководителей Советского государства; 3) исторические афоризмы; 4) классические и близкие к классическим произведения русской и зарубежной литературы, включая Библию; 5) сказки и детские стихи; 6) рекламные тексты; 7) анекдоты; 8) пословицы, загадки, считалки; 9) советские песни; 10) зарубежные песни [Слышкин 2000: 72].

Исследуя прецедентные феномены в художественном дискурсе на материале английских и русских текстов, С.В. Банникова классифицирует данные феномены по следующим семантическим группам: 1) Античная мифология, 2) Религия, 3) Топонимы, 4) Литературные произведения, 5) Произведения других видов искусства, 6) История и политика, 7) Язык (фразаологизмы, пословицы, поговорки) [Банникова 2004: 12-15].

В статье Е.А. Нахимовой прецедентные имена в политической коммуникации классифицируются по следующим субсферам-источникам: 1) социальная субсфера (политика, экономика, образование, техника, развлечения, медицина, война, криминал, спорт); 2) субсфера искусств (литература, театр, изобразительное искусство, музы-

ка, архитектура, мифология и фольклор); 3) субсфера науки (физика, математика, биология, химия, история, география, филология). При этом автор отмечает, что данная классификация не претендует на полноту охвата всех сфер (так, в нем перечислены лишь некоторые направления науки) или точное определение границ между сферами [Нахимова 2004: 48-50].

В основу классификации прецедентных феноменов по сферам-источникам в работе О.П. Семенец, посвященной динамике изменения корпуса прецедентных текстов в газетах 1950-1990-х годов, положены типы источников в соответствии с видами искусства, в рамках которого были созданы тексты-источники, их принадлежности к разным культурным традициям и эпохам: 1) Русская классическая литература, 2) Советская литература, 3) Зарубежная литература, 4) «Новая» литература (цитаты из произведений так называемой «возвращенной» литературы, например, текстов Булгакова, Хармса, Солженицына), 5) Советская песня, 6) Популярная песня, 7) Советское кино, 8) Западное кино, 9) Идеологически значимые цитаты, лозунги, 10) Детская литература, 11) Музыка, 12) Живопись, 13) Телевидение, 14) Реклама [Семенец 2004: 8].

Некоторые исследователи, рассматривая в своих работах ПФ, ограничиваются единицами лишь из некоторых сфер-источников. Например, в диссертации Н.С. Бирюковой, посвященной восприятию студентами прецедентных феноменов, используемых в современной политической коммуникации, материалом послужили прецедентные феномены из сфер *Политика* и *Литература* [Бирюкова 2005], а М.И. Косарев изучает прецедентные феномены со сферой-источником Кино в политической коммуникации Германии и США [Косарев 2008].

Таким образом, мы видим, что единой схемы классификации прецедентных феноменов по сферам-источникам не существует. Авторы исследований проводят данную работу, исходя из материала и целей исследования.

Анализ и обработка корпуса зафиксированных нами в современных российских печатных СМИ прецедентных феноменов, восходящих к немецкоязычной культуре, позволил выделить следующие сферы-источники: 1) Литература, 2) Вторая мировая война, 3) Философия, 4) Музыка, 5) Наука, 6) Политика, 7) Искусство, 8) Автомобили, 9) Топонимы, 10) Экономика.

Четвертое место по количеству примеров в нашем корпусе занимает прецедентных феноменов (10,8 %) занимает сфера-источник *Музыка*. Формируется она областями прецедентности, восходящими к творчеству австрийских и немецких композиторов и музыкантов. Количественно обращения к прецедентным феноменам, связанным с творчеством немецких композиторов (54,3%), незначительно преобладают над обра-

щениями к прецедентным феноменам, связанным с творчеством австрийских авторов (45,7%).

Наиболее частотным прецедентным именем из сферы-источника *Музыка* оказалось имя австрийского композитора Вольфганга Амадея Моцарта (33,5%). Моцарт является одним из «символов» Австрии:

Однако под чьим руководством полетит в страну Моцарта наша национальная команда [по хоккею] — пока неясно. (Новая газета 04.04.2005).

Прецедентное имя *Моцарт* используется денотативно как один из величайших музыкальных гениев человечества:

— *Денис, вы считаете себя композитором? — Нет. Я просто сочиняю. Композитор — это высшая планка. Композиторы — это Бах, Моцарт, Чайковский.* [интервью с виолончелистом] (Литературная газета 18.04.2007); *Еще не родился более совершенный музыкант и поэт, чем Моцарт!* (Независимая газета 01.12.2006).

Коннотативно прецедентное имя *Моцарт* также характеризует людей как истинных гениев, употребляется по отношению к музыкантам и композиторам:

К вековой дате со дня рождения «нашего Моцарта» — выдающегося композитора прошлого столетия Дмитрия Шостаковича Московская филармония подготовила колоссальный музыкальный форум, который продлится с сентября до конца декабря. (НГ 11.09.2006); *Качество в искусстве не зависит от количества. Появится Моцарт или нет, не зависит от того, сколько в это время людей пишет музыку.* (К 05.10.2006); к людям других профессий: *А Петр Ефимович [Тодоровский] — Моцарт своего дела.* (Культура 01.09.2005).

Широко известно, что Моцарт начал играть и сочинять музыку в очень раннем возрасте. Поэтому прецедентное имя *Моцарт* употребляется коннотативно по отношению к очень талантливым детям-музыкантам:

Судьбы вундеркиндов в чем-то похожи одна на другую: когда ребенок виртуозно, вдумчиво и музыкально исполняет сложные произведения, это поражает, но рождает обоснованные мысли о будущем «маленьких Моцартов» со знаком вопроса. (Независимая газета 02.03.2007).

Также данным прецедентными именами обозначают вундеркиндов, проявляющих таланты в других областях:

Вы сознательно воспитывали вундеркинда, этого Моцарта — в двенадцать лет редкий ребенок в девятом классе учится, да еще на отлично? (Труд 23.12.2004).

Зафиксированы примеры характеристики при помощи прецедентного имени *Моцарт* «одаренных» малолетних преступников:

Стали устанавливать личность ворюшек и ахнули. Паренек оказался знаменитым Ваней А., которо-

го в Петрозаводске прозвали «криминальным Моцартом»! (Труд 13.10.2004).

При жизни гений Моцарта не был признан, и композитор умер в бедности. Данная прецедентная ситуация актуализируется в следующем примере:

Для того, чтобы свести концы с концами и не менять при этом профессию, преподаватели музыкальных школ, как правило, дают частные уроки. Разумеется, расценки на «Моцарта на дому» напрямую зависят и от региона, в котором живет педагог, и от его опыта. (Культура 28.09.2006).

Среди произведений Моцарта в нашем корпусе присутствует прецедентное имя «*Волшебная флейта*», которое актуализируется формально, как в следующем примере:

«Обойдемся без волшебной флейты?» [заголовок] [о проблемах детского театра имени Натальи Сац] (Труд 19.04.2005).

Следующее по частотности употребления прецедентного имени в данной группе — Людвиг ван Бетховен (21,2 %). Имя этого великого немецкого композитора употребляется денотативно, воплощая высочайшее мастерство, зачастую недостижимое для современных музыкантов:

Вчера включил Муз-ТВ и видел клип группы «Республика счастья». Это феноменально. Продукт «Фабрики звезд» по сравнению с «Республикой счастья» — это как Бетховен и Игорь Крутой. (Независимая газета 15.11.2006).

Коннотативно прецедентное имя *Бетховен* используется реже, чем, например, прецедентное имя *Моцарт*, и только по отношению к гениальным композиторам, например, Шостаковичу:

«Он — композитор XXI века, Бетховен наших дней», — добавил дирижер [Ростропович]. (Газета 25.09.2006).

Бетховен в конце жизни потерял слух, но не прекратил работать. Данный факт в качестве прецедентной ситуации приводит в пример призывнику врач:

Ухогорлонос Дробаха осматривает призывника. — Жалобы есть? Нет? Хорошо. Про Бетховена слышали? Глухой был, а музыку писал. Повторяйте за мной цифры: тридцать восемь, двадцать шесть, сорок один, семьдесят. Отлично. Свободны. (Новая газета 6.11.2003).

Эта же прецедентная ситуация актуализируется в статье об академике Лосеве, что позволяет также сделать вывод, что Бетховен и Лосев для автора — гении равного масштаба:

Но до последнего дня — а умер Лосев в возрасте 95 лет — ученый продолжал работать: писал, точнее, диктовал свои статьи и книги, занимался переводами любимых греческих философов. Как оглохший Бетховен слышал свою музыку «внутренним слухом», так и находившийся во тьме Лосев видел иной свет. (Литературная газета 28.03.2007).

Девятая симфония Бетховена актуализирует значение музыкального шедевра:

«Весна священная» поставлена в мае 1913 года. Через 15 лет будут писать, что этот балет воплощает весь XX век, как Девятая симфония Бетховена воплотила XIX. (Новая газета 16.08.2004); Наукой доказано, что клонированные люди будут быстро стареть. <...> К примеру, проклонировуют Бетховена, а он вместо того чтобы засесть за Десятую симфонию и наслаждаться жизнью, будет лечиться от таких болезней, против которых медицина бессильна. (Труд 16.01.2003).

Другие произведения Бетховена актуализируются формально:

*«Лунная соната» [заголовок] [Москва и Дели будут создавать космический аппарат, который в 2012 г. доставит на Луну совместную исследовательскую лабораторию] (Известия 13.11.2007); Эта глава новейшей истории называется, понятное дело, «Суверенная демократия». Даже названия пунктов звучат здесь как *ода к радости*: курс президента В.В. Путина на консолидацию общества... восстановление государства... восстановление позиций во внешней политике... духовная жизнь российского общества... [о новых учебниках истории и обществознания] (Новая газета 12.11.2007).*

Следующий композитор, творчество которого посредством прецедентных феноменов представлено в СМИ – Рихард Вагнер (14,9 %). Прецедентное имя *Вагнер* и при денотативном, и при коннотативном использовании актуализует значение «гений»:

Но политиками и экономистами сделано все для того, чтобы лишить народ этого необыкновенного, божественного дара воспринимать искусство на том уровне, на котором оно стоит – на уровне Чайковского, Вагнера, Пушкина, Рафаэля. (Российская газета 26.04.2005); Эротика – могучая сила творчества. Лукино Висконти – Вагнер кинематографической эротики. (Литературная газета 14.03.2007).

Произведения Вагнера отличаются масштабностью, монументальностью:

<...> очень важно показать крупнейшее музыкальное произведение, созданное в годы Второй мировой войны. В Германии такое монументальнейшее произведение – «Кольцо нибелунга» Вагнера, у нас – «Война и мир» Прокофьева. (Российская газета 29.04.2005); «Сказка о царе Салтане» заметно уступает главным творениям Римского-Корсакова. <...> Между тем в этой сказочке есть замечательные хоры, потрясающие симфонические эпизоды и уже явственно слышится „русский Парсифаль“ – будущее «Сказание о невидимом граде Китеже». (Российская газета 10.03.2005).

Как правило, они актуализируются формально:

«Гибель баскетбогов» [заголовок] [баскетбольная команда Америки не вышла в финал чемпионата мира] (Коммсант 02.09.2006).

Следующую область прецедентности образует имя немецкого композитора Иоганна Себастьяна Баха (11,8 %):

Или, скажем, на родине Гете и Баха практически отсутствуют школьные традиции и внеклассная жизнь. (Российская газета 10.03.2006).

Данное прецедентное имя также является символом гениальности не только в музыке:

«Юбилей русского Баха» [заголовок] [к 150-летию композитора С.И. Танеева] (Культура 07.12.2006); но и в других областях: В учебниках социологии, часто являющихся откровенными переводами, студентов учат, что Макс Вебер «фундаментальностью своих замыслов и величием идей напоминает в музыке Баха». (Литературная газета 14.03.2007).

Прецедентные феномены, связанные с произведениями Баха, в российской прессе нами зафиксированы не были.

Следующая по частотности апелляция область-источник связана с творчеством австрийского композитора Франца Шуберта (6,2%). Шуберт родился в пригороде Вены, он любил этот город, его произведения были очень популярны в венских салонах, поэтому в прессе можно увидеть подобные примеры:

Вена – это место, где рядовой стул свивается в форму скрипичного ключа, претендуя на родство с Шубертом. (Коммсант 04.03.2006).

Трудная творческая судьба композитора стала прецедентной ситуацией:

Да, власть держала Шостаковича под плотной опекой, но все его 15 симфоний прозвучали при жизни композитора. А сравните: Шуберт в славной, доброй, благосклонной к музыкантам Вене ни одну из своих 9 симфоний так и не услышал. (Труд 11.01.2007); <...> в XIX веке пошла такая вещь, композиторы – они как бы гениальные. Шуберт умирает от голода, но у него есть неисполненные симфонии и ни копейки денег. Просто гениальный художник пишет в стол. [о написании музыки на заказ] (Газета 04.10.2005).

Встречается в дискурсе СМИ имя еще одного австрийского композитора и дирижера Густава Малера (2,8 %). В прессе актуализируется его манера работы:

Бруно Вальтер [дирижер] – это просто копия Малера, как бы его сын. (Культура 21.12.2006).

Трудности, с которыми сталкивался в своей жизни этот дирижер, также нашли отражение в современной прессе:

Да и что реагировать на каждый задиристый выпад? Например, однажды музыканты мне позвонили и говорят: «Владимир Теодорович, нас страшно обидели, написали, что оркестр напоминает стадо баранов». Я их утешил: о Малере и многих других музыкантах еще хлеще писали... [интервью с Владимиром Сиваковым] (Труд 7.09.2004).

Единственными нашими современниками, апелляции к которым обнаружены в дискурсе СМИ, является рок-группа «Рамштайн» (2,5%). Данная группа обладает своим собственным характерным звучанием:

Под ремикс из оперного исполнения «Аве Мария» и агрессивной немецкой музыки в духе «Рамштайн» модели с гладко залаченными волосами продемонстрировали по-немецки жесткую коллекцию. (Газета 20.10.2005).

Как видно из следующих примеров, группа уже заработала себе «имя» в музыкальном мире:

в Европе многообразие музыкальной индустрии по сравнению с Россией бесконечно. В Европе есть, например, немецкая группа «Рамштайн» и есть множество совершенно непохожих на нее британских групп. А наши исполнители, как ни крути, все одинаковые. Они на фиг никому в Европе не нужны. (Труд 18.10.2007).

Наиболее частотные области прецедентности со сферой-источником Музыка отражены в следующей таблице.

Область прецедентности	Кол-во	%
Моцарт	108	33,5
Бетховен	68	21,2
Вагнер	48	14,9
Бах	38	11,8
Шуберт	20	6,2
Малер	9	2,8
Рамштайн	8	2,5
Штраус	8	2,5
Другое	15	4,6
Всего	322	100

Среди прецедентных феноменов со сферой-источником Музыка подавляющее большинство составляют прецедентные имена (93,5%). В группе прецедентных имен, в свою очередь,

преобладают имена композиторов (73,9%), а названия произведений составляют 21,4%. Небольшое количество прецедентных ситуаций свидетельствует о том, что факты биографий композиторов малоизвестны для российских читателей. Этим же объясняется и наличие всего лишь одного прецедентного высказывания.

Выявление сфер-источников прецедентных феноменов особенно перспективно при изучении инोकультурных единиц, так как позволяет определить те сферы иностранной культуры, которые оказали наибольшее влияние на культуру-реципиента.

ЛИТЕРАТУРА

Банникова С.В. прецедентность как лингвокультурный феномен (на материале английских и русских текстов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2004.

Бирюкова Н.С. Восприятие студентами прецедентных феноменов, используемых в современной политической коммуникации. Дис... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2005.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987.

Косарев М.И. Прецедентные феномены со сферой-источником «Кино» в политической коммуникации Германии и США. Дис... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2008.

Нахимова Е.А. Прецедентные имена как ментальное поле в политической коммуникации // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Т. 14. Екатеринбург: УрГПУ, 2004. С. 47-61.

Семенец О.П. Прецедентный текст в языке газеты: динамика дискурса 50-90-х годов. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб, 2004.

Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М., 2000.

© Быкова Л.В, 2009

Елисеева С. В.
Сургут, Россия

**ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
И АКТУАЛИЗАЦИИ
ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ,
ОТНОСЯЩИХСЯ К СУБСФЕРЕ «СКАЗКА»
СФЕРЫ-ИСТОЧНИКА «ЛИТЕРАТУРА»**

УДК 81'371

ГСНТИ 16.21.27

Аннотация. Анализ прецедентного феномена «Золушка» на материале российской и американской прессы показал, что его когнитивная модель имеет пропозициональную структуру, и позволил определить особенности функционирования и актуализации подобных прецедентных феноменов, что обусловлено их принадлежностью к субсфере «Сказка» сферы-источника «Литература».

Ключевые слова: прецедентный феномен, сфера-источник, сказка, когнитивная модель.

Сведения об авторе: Елисеева Светлана Викторовна, преподаватель кафедры английского языка и лингводидактики.

Место работы: Сургутский государственный университет.

Контактная информация: 628400, Тюменская область, г. Сургут, ул. Дзержинского, д. 6, кв. 89.
E-mail: ana-eliseev@rambler.ru

Eliseeva S. V.
Surgut, Russia

**THE CHARACTERISTICS OF FUNCTIONING
AND ACTUALIZATION OF THE PRECEDENT
PHENOMENA REFERRING
TO THE SUB-DOMAIN «FAIRYTALE»
OF THE SOURCE DOMAIN «LITERATURE»**

Код ВАК 10.02.19

Abstract. The analysis of the precedent phenomena «Cinderella» based on the material taken from the Russian and American press demonstrated that its cognitive model has the propositional structure. The investigation served to define the characteristics of functioning and actualization of the precedent phenomena under review which is conditioned by their reference to the sub-domain «Fairytale» of the source domain «Literature».

Key words: precedent phenomenon, source domain, fairytale, cognitive model.

About the author: Eliseeva Svetlana Viktorovna, teacher of English of the chair of English and linguadidactics.

Place of employment: Surgut State University.

Сказочный сюжет является носителем культурно-значимой информации. О неразрывной связи сказочного сюжета и той культуры, в которой он возник и существует, писали многие исследователи фольклора и мифологии (И.Г. Гердер, В. и Я. Гримм, М. Мюллер, Ф.И. Буслаев, А.Н. Афанасьев, А.Н. Веселовский, В.Я. Пропп, Е.М. Мелетинский, И.И. Ревзин, Н.М. Зоркая и др.). В исследовании сказки используются самые различные методы и приемы, в большинстве своем те же самые, что и при исследовании мифов, потому что для многих исследователей между данными феноменами не существует явных различий [Завьялова 2007: 68]. Материалом для мифа и сказки служит сама человеческая жизнь во всех ее проявлениях.

Восприятие и понимание мира человеком, как древним, так и современным, происходит посредством единственного познавательного инструмента – человеческого тела и человеческого сознания, за рамки которого выйти невозможно. И как бы ни менялся мир вокруг, инструмент познания остается исключительно внутри человеческой природы. Только на основании получаемых таким образом «данных» человек строит свое понимание мира и себя в этом мире. Поэтому «наивные» теории, которые находят свое отражение и в мифе, и в его «наследнице» – сказке, и в национальной картине мира в целом, имеют самое непосредственное отношение к языку, как выразителю содержания представлений человека – носителя определенной культуры – о мире и о самом себе.

Особый вклад в изучение сказки внес выдающийся русский ученый-структуралист В.Я. Пропп. Основное внимание в своих работах

«Морфология волшебной сказки» и «Исторические корни волшебной сказки» исследователь уделяет сказочному сюжету – его линейному построению и прямой зависимости каждого последующего события от предыдущего. В работе раскрываются основные сюжетно-значимые узлы, происхождение которых базируется на наивных теориях. Являясь сторонником теории ритуала, В.Я. Пропп пишет: «Сказка сохранила следы очень многих обрядов и обычаев: многие мотивы только через сопоставление с обрядами получают свое генетическое объяснение» [Пропп 1998: 120]. Исследователь отрицает предположение мифологической школы об исторических предпосылках сказки, указывая на то, что многие сказочные образы и ситуации не восходят ни к какой объективной действительности, но что действие в сказке вызывается не непосредственно, а «в преломлении известного мышления, в конечном итоге обусловленного тем же, чем обусловлено само действие. Как миф, так и обряд, есть продукт некоторого мышления. (...) Первобытное мышление не знает абстракций. Оно манифестируется в действиях, в формах социально организации, в фольклоре, в языке» [Пропп 1998: 127-128]. Таким образом, В.Я. Пропп указывает на наличие универсальных аспектов человеческого мышления, результатом чего и является схожесть сказочных сюжетов у представителей разных этнических культур.

Исследование В.Я. Проппа и его последователей позволяет уловить те общие смысловые линии мифологических и сказочных сюжетов, основанные на функциональной взаимозависимости друг от друга. В.Я. Пропп выделяет посто-

янные, устойчивые элементы сказки как сказочные функции – «поступки действующего лица, определенные с точки зрения их значимости для хода действия» [Пропп 1998: 20]. Автор также отмечает строгую последовательность сказочных функций в ходу развертывания сюжета.

Разработанная В.Я. Проппом методика анализа волшебной сказки стала базой для исследований, посвященных проблемам семиотики текста. Рассмотрение динамических связей как определенной последовательности действий героев, что в целом соответствует структуре сказочного сюжета (как это описано в работах В.Я. Проппа, Е.М. Мелетинского и И.И. Ревзина), было представлено и в концепции М. Минского о фреймах. Фрейм понимается как объемный, многокомпонентный концепт, представляющий собой «пакет информации», знания о стереотипной ситуации [Болдырев 2001: 37]. Фреймы, таким образом, отражают культурные установки в отношении описываемых в тексте сказки событий и обуславливают развитие сюжета в определенной логической последовательности. «Фрейм обладает более или менее конвенциональной природой и поэтому конкретизирует, что в данной культуре характерно и типично, а что нет» [Кубрякова 1996: 88]. Дж. Лакофф, опираясь на теории о фреймах М. Минского и Ч. Филлмора, а также на понятие «схема», разработанное Румельхартом, рассматривает такие структуры как пропозициональные модели. По его мнению, эти модели позволяют представить репрезентации знаний с помощью конвенциональных пропозициональных структур, которые обеспечивают понимание различных ситуаций» [Lakoff 1987: 116]. Если рассматривать сказочный сюжет как пропозициональную модель, то динамика развития сюжетного хода будет представлена пропозициями, а смысловые пространства модели – слоты – будут заполняться в ходе создания сказки. Выделенные В.Я. Проппом функции могут быть представлены как функции пропозиции.

В ходе рассмотрения прецедентного феномена «Золушка / Cinderella» в качестве аналитического инструмента мы прибегли к классификации функций, описанных В.Я. Проппом. Таким образом, элементы структурно-функционального подхода к сказочному сюжету позволяет выделить элементы, из которых строится общая модель прецедентного феномена «Золушка / Cinderella».

Основой нашего анализа послужили смысловые компоненты когнитивной модели. Анализ проводился на материале статей из российской (138) и американской (114) прессы, в текстах которых содержался рассматриваемый прецедентный феномен.

Анализ текстов газетных статей, содержащих прецедентный феномен «Золушка» для российских или прецедентный феномен «Cinderella» – для американских источников, позволил выделить 52 и 46 смысловых компонен-

тов соответственно. Все смысловые компоненты можно условно разделить на две основные группы: (1) признаковые – смысловые компоненты, имеющие вид пропозиции типа X – (это) Y (Ср.: «**Золушка – принцесса**»; «**Золушка – трудолюбивая**»; «**Золушка – сказка**»). При актуализации этих смысловых компонентов прецедентный феномен выступает как прецедентное имя [Красных 2002: 48] или прецедентная ситуация [Красных 2002: 60]; (2) сценарные – смысловые компоненты, имеющие вид фрейма или его фрагмента. Сценарные смысловые компоненты относятся к сюжету в целом, к отдельным функциям или к группам функций. При актуализации таких смысловых компонентов прецедентный феномен выступает как прецедентная ситуация. ИКМ «Золушка» содержит единственный смысловый компонент сценарного типа, сегмент которого при актуализации выступает как прецедентное высказывание [Красных 2002: 48] – «**Я не волшебник, я только учусь**».

Для американской ИКМ «Cinderella» наиболее часто актуализируются признаковые смысловые компоненты «**Золушка – персонаж / героиня сказки / мультипликационного фильма // Уолта Диснея (США)**» (амер. 25,44%), близкий к нему по содержанию «**Золушка – принцесса / одета как принцесса / диснеевская / одна из (четырех) диснеевских принцесс // которую можно встретить в парке Диснея**» (амер. 17,54%) и «**Золушка – сказка / книга / история // классическая / известная / старая**» (амер. 16,66%). В российской ИКМ «Золушка» смежный смысловый компонент «**Золушка – сказка / история / миф // классическая / известная / старая**» также достаточно частотен (рус. 29,09%). Однако самой высокой частотностью актуализации отличается смысловые компоненты сценарного типа «**Золушка – скромная бедная девушка // которая достигает высокого положения / становится богатой и успешной**» (рус. 38,40%), причем, как показывает анализ данных актуализации смысловых компонентов, основной акцент падает именно на первый сегмент смыслового компонента. На это указывает доминирующее в ИКМ «Золушка» представление о героине, как притесняемой бедняжке. Достаточно высокочастотный для российской ИКМ смысловый компонент «**Золушка – страдальца**» (рус. 12,32%) в американской ИКМ не представлен. Значительным количественным преобладанием отличается СК, входящий в российскую ИКМ «**Золушка одета бедно / выглядит плохо / замарашка**» (рус. 12,32%) от смежного с ним СК американской ИКМ «**Золушка – прислуга / простушка / замарашка**» (амер. 4,38%).

Еще одной отличительной особенностью российской ИКМ «Золушка» является присутствие нескольких смысловых компонентов, акцентирующих внимание читателя на причине или способе достижения счастья Золушкой. «**Золушка добивается счастья по воле судьбы**» (рус. 21,74%) – третий по частотности СК, что

указывает на его релевантность для модели в целом. Эту же мысль подтверждает наличие в ИКМ «Золушка» СК **«Золушка – счастливая / везучая»** (рус.8,69%), который в американской ИКМ не представлен. Актуализация СК «Золушка добивается счастья благодаря своим дарованиям» (8,69%) характерна для публикаций на спортивную тему. СК **«Золушка добивается счастья благодаря волшебству»** нередко дополняет первые два приведенных СК и является наименее частотным (рус. 5,07%). Для американской ИКМ «Cinderella» неизменно релевантным является указание на причину обретения героиней счастья, которое входит в общий сценарный СК **«Золушка – простая / крестьянская девушка // которая становится принцессой // за свое трудолюбие / доброту»** (амер. 11,40%).

Для обеих ИКМ характерно определение Золушки как доброй, трудолюбивой, скромной, красивой. И американские и российские источники отмечают, что **«Золушка – блондинка»** (амер. 3,51%; рус. 2,17%); в российских текстах актуализируется СК **«Золушка – наивная»** (рус. 7,97%), в американских газетных публикациях присутствует СК с негативной коннотацией **«Золушка – слащавая»** (амер. 3,51%).

ИКМ ПФ «Золушка / Cinderella» представляет собой сложную фреймовую или пропозиционную структуру, которая может быть представлена в контексте как в общем виде, когда отражены только ключевые компоненты сюжета, так и в виде отдельных сюжетных функций. Примерами к первому случаю служат актуализованные СК **«Золушка – скромная бедная девушка // которая достигает высокого положения / становится богатой и успешной»** (рус. 38,40%) и **«Золушка – простая девушка / крестьянская девушка // по происхождению // которая стала принцессой // за свое трудолюбие / доброту»** (амер. 11,40%). Ср.: *«История Золушки нередко становилась реальной биографией. Мой отец из украинской семьи батраков получил образование и стал московским профессором. И таких судеб было много»* («Наше варварское «я», ЛГ, 29 августа – 4 сентября 2007 г.). Ср.: *«I feel like Snow White or Cinderella because I'm here where I've always dreamed of being," she said. // Jessica DeRoche, the coordinator of TRIO at NCTC, praised Ms. Dixon's hard work and determination»* («Katrina evacuee thriving on new ground», The Dallas Morning News, 15 июля 2007 г.).

К смысловым компонентам, указывающим на принадлежность ПФ «Золушка / Cinderella» к сфере-источнику «Литература» и ее субсфере «Сказка», относятся **«Золушка – персонаж / героиня сказки»** (рус. 13,77%), **«Золушка – сказка / книга / история // классическая / известная / старая»** (амер. 16,66%), **«Золушка – сказка со счастливым концом / оптимистичная / позитивная»** (рус. 1,45%; амер. 9,65%) и др. Особенностью субсферы «Сказка» является

нечеткость, относительность хронологического и национально-культурного компонента. Как показал анализ материала, ИКМ ПФ «Золушка / Cinderella» содержит СК **«Золушка – сказка / миф // французская / европейская // Шарля Перро»** (рус. 7,25%), **«Золушка – история, произошедшая в средневековье»** (амер. 5,26%), **«Золушка – сказка / книга / история // написана Шарлем Перро // французским писателем (XVII век)»** (амер.2,63%). Однако, наряду с приведенными СК, в американских источниках высокую частотность показал СК **«Золушка – это мультипликационный фильм // Уолта Диснея (США) // классический»** (амер. 7,89%) и **«Золушка – это персонаж / героиня сказки / мультипликационного фильма // Уолта Диснея (США)»** (амер. 25,44%). Два последних СК не только хронологически отсылают ПФ к XX веку, но и значительно снижают вероятность актуализации национально-культурного компонента, относящего ПФ к французской культуре. Это явление обусловлено особенностями возникновения, развития и бытования сказки как источника прецедентности. Существенным для нашего анализа является тот факт, что смысловые компоненты, выделенные для ИКМ «Золушка / Cinderella», по содержанию совпадают именно с сюжетом, изложенным в версии Шарля Перро. Поэтому, несмотря на присутствие в американской модели низкочастотного СК **«Золушка – сказка / книга // братьев Grimm (Германия // XIX век)»** (амер.0,88%), мы можем с уверенностью полагать, что сюжетной базой и мультипликационного фильма Уолта Диснея, и других значимых для российской и американской лингвокультур версий «Золушки» послужила сказка французского писателя XVII века Шарля Перро.

Обратимся к анализу сказочных сюжетных функций, нашедших выражение в ИКМ, построенных на данных из российских и американских источников. Завязка первого сюжетного хода представлена СК **«У Золушки умерла мать / нет матери»** (рус. 1,45%; амер. 3,51%). Смерть матери выполняет функцию «отлучки», за которой неизбежно следует введение в сюжет антагониста / вредителя. Такому введению соответствует СК **«У Золушки есть злая мачеха»** (антагонист) (рус. 1,45%; амер. 7,89%) и **«У Золушки есть две сводные сестры»** (ложные герои) (рус. 2,90%; амер. 6,14%). Приведенные смысловые компоненты указывают на источник страданий героини – действия антагониста и ложных героев. Благодаря логике их появления вслед за «отлучкой», контекст, в котором актуализуются данные СК, обладает модусом ожидания беды, испытаний. Ср.: *«Хотите услышать сердцещипательную историю о бедной Золушке, которая одолела все невзгоды и стала принцессой? Есть такая история, причем не сказка Шарля Перро, а подлинная, начавшаяся в 1945 году на Украине... // Она росла, не зная своих родителей, потому что двухмесячным*

младенцем оказалась в детском доме. Сама придумала себе имя – Нина, а фамилию ей дали в честь певицы Лидии Руслановой, популярной исполнительницы русских песен» («Сирота, ставшая королевой», РГ-Неделя, 2 декабря 2005г.). Ср.: «*Ellen's biggest problem revolves around her Aunt Nadine and her 12-year-old cousin Dora, who lie and misrepresent to cheat Ellen out of her inheritance. //Ellen is able to deal with life's complications because she believes that a higher power – her mother's spirit – is looking out for her. "Shine wasn't an ordinary person. She wasn't like you or me. She fairly glowed."// When the truth comes out, this Cinderella girl gets the castle and the gold; unfortunately for Stuart, she nixes the prince.*» («Scrappy orphan shows true grit», The Minneapolis Star Tribune, 13 января 2006г.).

На героиню накладывается запрет – ей не позволено выходить из дома, иметь личную жизнь. Эта функция представлена СК «**С Золушкой плохо обращаются в семье**» (рус. 10,87%), «**У Золушки – трудное детство**» (амер. 2,63%), «**Золушка выполняет всю работу по дому // тяжелую**» (рус. 10,87%; амер. 9,65%). Так как функция наложения запрета в сказке непосредственно связана с вытекающей из нее функцией нарушения запрета и является зачином дальнейшего развития сюжета к финалу, где беда или недостача ликвидируются, то при актуализации приведенных СК в контексте часто подразумевается именно такое развитие событий. Такое развитие ситуации соответствует описанной Дж. Лакоффом модели «Источник – Путь – Цель» [Lakoff 1987: 275]. Ср.: «*Я очень долго верила в Пэр Нозля и вообще в сказки. Когда вчетвером мы укладывались на ночь в кровать, то я представляла себя сестричкой Мальчика-с-пальчика – я действительно была крошкой. Когда мне поручали мести пол, то воображала себя в роли Золушки*» («Мирей – это праздник», Труд, 30 дек.2006г.). В приведенной статье рассказывается о трудном пути певицы к успеху. Обращение к ПФ с актуализацией СК функции «наложение запрета» позволяет читателю «развернуть» схему достижения цели через испытания. Ср.: «*Tony Plana, who plays Betty's father, Ignacio, described himself as thrilled, grateful and humbled to be a part of history as the first Latino-based show to be nominated for an Emmy. // "We're just feeling like Cinderella at the ball," Plana said. "We usually feel like we're sweeping up ashes, so we're enjoying this."*» («Scenes from the red carpet at the Emmys», The Orange County Register, 16 сентября 2007г.). В последнем примере актер, получивший номинацию Эмми, сравнивает себя с Золушкой, которая тяжело работала, но в итоге получила желаемое.

В своем анализе сказочных сюжетов В.Я.Пропп отмечает, что завязка сказочного сюжета, построенная на изоляции героини своими корнями в мифологическое заключение девушки перед свадьбой. Если рассматривать ПФ «Золушка / Cinderella» как образ-схему «Источ-

ник-Путь-Цель», то именно заключение брака ставится целью в сказке, отсутствие брака представляет собой недостачу (по Проппу). Таким образом, свадьба героини – это слот в когнитивной модели, представляющий собой достижение желаемой цели, а запрет и его последующее нарушение – слоты, обозначающий начало пути к достижению цели. Это объясняет актуализацию смысловых компонентов, которые можно отнести к функции запрета, как генерирующие развитие сценария описанным образом. С другой стороны, заключенные девушки представляются «святыми страдальцами». Отсюда вытекает актуализирующийся только в российских источниках СК «**Золушка – страдальца**» (рус. 12,32%). Отсутствие данного атрибутивного, аксиологически окрашенного СК в американских источниках указывает на то, что наличие страдания как значимого оценочного элемента для американских авторов и читателей нерелевантно. Здесь актуализируются признаковые СК «**Золушка – добрая / скромная / трудолюбивая**» (амер. 7,89%), содержащий позитивную оценку, и/или отрицательно окрашенный СК «**Золушка – прислуга / простушка / замарашка**» (амер. 4,38%).

Еще одна сказочная функция выполняет роль первого элемента образа-схемы «Источник-Путь-Цель» [Lakoff 1987: 275] – это функция наличия недостачи. Данная функция актуализируется через СК «**Золушка мечтает поехать на бал и встретить принца**» (рус. 7,97%) и «**Золушка мечтает поехать на бал**» (амер. 13,16%). Развитие сценария представлено сегментом «**мечта Золушки сбывается**». Ср.: «*Все было томно и благопристойно, а за кордоном на танцевальной площадке молодежь танцевала танцы диско под старенький магнитофон. Там шла совсем другая жизнь. И только на Андреевском мосту толпились золушки, пришедшие посмотреть на бал и принца хотя бы издалека*» («Соло золотого соловья», Известия, 18 июня 2007г.). Ср.: «*I'm fighting this giddy feeling as the show approaches; feeling, I suppose, like Cinderella at the Camouflage Ball. Since coming to the Times-Union, we've initiated a New Stuff feature every week, spotlighting products for the outdoors. I suspect I'll come back with enough new information to share to keep that slot filled for months to come*» («On the road for outdoors exhibits», The Florida Times Union, 7 января 2007 г.). Здесь стоит отметить отличительную особенность СК российской модели – героиня мечтает поехать на бал, чтобы встретить принца, таким образом, для героини важно в первую очередь устройство личную судьбу, так как именно замужество повысит ее статус, ликвидирует беду. Анализ американской модели показывает, что героиня в первую очередь мечтает попасть на бал, а брак с принцем является следствием повышения ее социального статуса до уровня принцессы. Таким образом, для российской модели постулируемой недостачей изначально является

отсутствие мужа у героини, а для американской модели – отсутствие высокого социального статуса. Наличие недостачи мужа в американской модели определится только с началом второго хода сказочного сюжета. Однако в силу того, что финальной целью для обеих моделей все же является женитьба, актуализация СК **«После бала / в полночь карета Золушки превратилась в тыкву / лошади – в мышей / великолепное платье – в простую одежду»** (рус. 3,62%; амер. 5,26%) выражает разочарование. Ср.: *«Приход нового губернатора Новгородской области Сергея Митина для бывшего госсекретаря РСФСР оказался практически тем же самым, что полночь для Золушки, засидевшейся на балу у принца. Только вместо платья и кареты Геннадий Бурбулис может лишиться места сенатора региона в Совете федерации, которое он занимал в течение шести лет»* («Кто подкапывается под Бурбулиса?», Известия, 5 сентября 2007 г.). Ср.: *«Playtime: I'm an unabashed Scholastic video fan, and with Kathy Bates and Patrick Stewart reading, what's not to like? // Time out: If you borrow my copy, be sure to return it before midnight lest you turn into a pumpkin»* («Hot kids' vids ... », The Chicago Tribune, 5 июня 2007 г.).

Следующим этапом сюжета является вступление в сказку дарителя-помощника, Крестной, от которой герой получает волшебное средство, чтобы ликвидировать беду. Эта функция актуализируется посредством СК **«У Золушки есть волшебница Крестная (с волшебной палочкой) // которая помогает Золушке осуществить мечту»** (рус. 7,25%; амер. 8,77%). Атрибут дарителя – волшебная палочка, а в российском варианте встречается еще и мальчик-паж (на основе популярной советской экранизации сказки «Золушка» 1947 года). *«– Золушке полагается роскошный наряд. // (...) У меня такого костюма не было. // – И тогда появилась фея... // – Моей феей оказался, как ни странно, Арнольд Шварценеггер. Мы с хореографом и тренером долго думали, как нам выкрутиться. И решили использовать образ Хищника – киногероя моего любимого артиста»* («Крестница Терминатора», РГ – Неделя, 27 декабря 2004 г.). Ср.: *«Writer-director John Gatins is so worshipful of a child's starry-eyed aspirations that he forgets to ground them in narrative honesty. He's like Cinderella's fairy godmother, waving a magic wand over his sentimental script to clear the track for a sprint to your heart»* («Plays both the horses and the heartstrings», The Houston Chronicle, 27 января 2007 г.). Волшебное средство – платье и туфельки, как способ попадания в иной мир, как средство перевоплощения, трансформации. Ср.: *«At one booth, hand-painted signs proclaimed "Cinderella is proof shoes can change your life" and "Complaint department: 300 miles then turn left"»* («Sweet smell of a festival», The Colorado Springs Gazette, 18 сентября, 2006 г.). Волшебные средства выполняют функцию помощников. Впо-

следствии волшебные средства становятся идентификаторами новой ипостаси героини – из простушки она превращается в принцессу. Но в момент дарения Золушка еще не принцесса, ей еще предстоит пройти «инициацию».

Другое волшебное средство – транспортное – тыква-кареета. По выполнении своей функции средство утрачивает волшебное свойство, в то время как платье и туфли – не исчезают окончательно, так как их задача – не только символизировать переход из одного мира – в другой, но и быть его атрибутами в дальнейшем. При актуализации смыслового компонента **«Золушка поехала на бал // в карете // из тыквы»** (рус. 7,25%; амер. 8,77%) чаще всего происходит обращение к форме тыквы как полого объекта, внутри которого можно разместиться. Таким образом, в рамках данной пропозиции реализуется образ-схема «Контейнер». Ср.: *«А дальше, как в «Золушке», сядишь в свою «тыкву» и едешь куда-нибудь в центр или на крайняк в Крылатское в круглосуточную «Якиторию»* («Рублевские сказки», НГ, 10 ноября 2005 г.). Ср.: *«Shoppers at my local supermarket are hungry to embrace the season. With childlike grins, they load their carts with one or two large jack-o'-lantern pumpkins from the supply outside the front door. Some add a fairy-tale pumpkin, the type with pale tan skin streaked with green»* («Sweet pumpkin pleasures», The Orange County Register, 26 октября 2006 г.).

В отношении атрибутов стоит отметить особенность американской ИКМ «Cinderella», которая скорее относится к визуальному ряду: **«Золушка одета в красивое платье // пышное // голубое»** (амер. 14,91%), **«Золушка носит тиа-ру»** (амер. 5,26%), **«На балу Золушка обута в стеклянные туфельки // (без каблуков)»** (амер. 3,51%). Нельзя отрицать влияния на построение ИКМ «Золушка» художественных или мультипликационных экранизаций, но при анализе российских публикаций подобных устойчивых признаков выявлено не было. В качестве исключения можно отметить только общий для обеих моделей СК **«Золушка – блондинка»** (рус. 2,17%; амер. 3,51%).

СК **«На балу Золушка поражает всех // своей красотой»** (рус. 2,17%; амер. 1,75%), **«Золушка провела ночь на великолепном балу»** – представляют собой завершение первого хода сказки, и при актуализации этих смысловых компонентов в тексте статьи часто выражается именно идея достижения желаемого, ощущение счастья оттого, что сбылась мечта. Ср.: *«В 1963-м я был молод, открыт и желал славы. Хотел стать артистом, мечтал сниматься в кино, и вдруг это и сбылось, как в сказке о Золушке»* («Творчество – лишь инструмент для самопознания», Культура, 8-14 декабря 2005 г.). Ср.: *«Diablo Cody's Cinderella moment had arrived. Her film "Juno" was less than four hours from its Hollywood premiere. Her highly anticipated comedy was about to be seen for the first time by hundreds*

of the industry's most important people. And so was Cody. It was to be a flashbulbs-and-red-carpet event and she had nothing to wear» («Diablo Cody: Running with the devil», The Minneapolis Star Tribune, 13 декабря 2007 г.).

Попав во дворец, Золушка проходит своего рода «инициацию» и теперь она уже не Золушка-простушка, а принцесса, и в этом новом качестве она может претендовать на руку принца. Таким образом, обозначается основная недостача и начинается второй ход сказки. СК **«Золушка встретила на балу Прекрасного Принца»** (рус. 6,52%; амер. 10,53%) находится на границе между двумя связанными между собой схемами «Источник – Путь – Цель», представляющими два сюжетных хода сказки. Рассматриваемый СК представляет либо «Цель» для первой схемы, либо «Источник» для второй. Ср.: *«Юля согласилась принять участие в конкурсе по моему совету, чтобы мир посмотреть, хотя у нас не было даже подходящего платья. (...) Все было как будто бы не всерьез, поэтому когда по телевизору услышали, что дочь стала «Мисс Мира», не поверили. Юля нам рассказывала, что решающий голос за нее отдал сын Алена Делона... // Но после победы я по-другому представляла Юлину будущую жизнь»* («Почему русские золушки не становятся принцессами», КП, 6 июня 2006 г.). В данном примере подчеркивается, что ожидания достижения счастья как цели не оправдались, несмотря на развитие известной схемы. Авторы статей нередко прибегают к приему разрушения сюжетной линии или ее частичного нарушения, придавая контексту модус непредсказуемости жизненных ситуаций, возможности альтернативного развития событий. Ср.: *«Oh my! This is an easy one! Location: any of the fancy charity events I'm always reading about – rather wistfully, I might add – In The Chronicle's "Swells" section. Date: Gavin Newsom. He's my ultimate Cinderella date – a hottie with a heart of gold»* («Two cents», The San Francisco Chronicle, 21 октября 2005 г.).

После превращения Золушки в принцессу и ее возвращения в новом качестве домой, принцу предстоит отыскать ее. Этот путь лежит через символическую лестницу – выход из дворца и через туфельку. Туфелька является не только путем к скрывшейся принцессе, но и ее «обратным билетом» во дворец. Таким образом, туфелька олицетворяет собой именно «Путь», средство, способ: **«Золушку находит принц // по потерянной туфельке»** (рус. 2,90%; амер. 5,26%). Ср.: *«На память о тех днях осталась еще одна милая фотография: мама примеривает туфли в обувном магазине. А отец (что немислимо само по себе, зная его характер и вообще мужскую нелюбовь к примеркам) терпеливо ожидает ее решения. Золушка надевает туфельку на ножку, которая за годы войны привыкла к тяжелым кирзовым сапогам...»* («Маршал Конев – знаменитый и неизвестный», КП, 28 декабря 2007 г.). В приведенном примере

туфелька представляет собой «путь от войны к миру», а в следующем примере из американской прессы та же туфелька выступает как «путь к сердцу». Ср.: *«Ryan Jahnke has spent years trying to seize the moment on the ice. Off-ice? No problem. This is a guy who proposed to his wife, Tashiana, by dropping to one knee and reading from a parchment scroll, miniature glass slipper in hand»* («Local skater targets Turin», The Colorado Springs Gazette, 13 января 2005 г.).

Согласно структуре сказочного сюжета, путь к принцессе подразумевает испытание при участии ложных героев. Это находит отражение в случае актуализации СК **«Сводные сестры Золушки, пытаюсь выйти замуж за Прекрасного Принца вместо нее, старались натянуть на свои крупные ноги миниатюрную хрустальную туфельку Золушки // что было бесполезно»** (амер. 0,88%). В приводимом далее примере дается сравнение кандидатов в президенты, которые пытаются подражать Рональду Рейгану, но, как и в случае с сестрами Золушки, являются всего лишь ложными героями. Ср.: *«We are now in something like the fifth round of the pin-the-tail-on-the-next-Reagan game and it's getting old. Catering to the conservative base, the GOP presidential candidates keep trying to put on the Reagan mantle the way Cinderella's ugly stepsisters tried to cram their dogs into her glass slipper. Not gonna happen»*. («The Gipper glass slipper», The Dallas Morning News, 15 октября 2007 г.).

Далее происходит узнавание героя, успешное завершение испытания, что указывает на положительный для героя результат. В связи с этим и СК **«Маленькая туфелька оказалась Золушке впору»** (рус. 2,90%; амер. 2,63%) при актуализации подразумевает удачное разрешение ситуации. Ср.: *«When the ring arrived, it fit like Cinderella's slipper. The cobalt stone caught the light in just the way I had hoped. But the etching, my life's motto, I noticed with shock, was misspelled. "Capre diem," the inscription read»* («It takes daily effort to seize the day», The Orange County Register, 24 октября 2007 г.).

Вступление героев в брак, представленное СК **«Золушка выходит замуж за принца»** (рус. 21,01%), **«Золушка и Прекрасный Принц поженились // во дворце»** (амер. 11,40%), **«Золушка сумела покорить сердце принца»** (рус. 3,62%), **«Золушка нашла настоящую любовь»** (амер. 4,38%), означает достижение финальной цели, ликвидацию основной недостачи, счастливое разрешение проблемы. Это подтверждается СК, которые относятся ко всему сюжету и демонстрируют принадлежность рассматриваемого ПФ к субсфере «Сказка»: **«Золушка – сказка / история о любви»** (рус. 2,17%; амер. 4,38%), **«Золушка – сказка со счастливым концом / оптимистичная / позитивная»** (рус. 1,45%; амер. 9,65%). Ср.: *«Влюбленная мысленно разговаривает с кумиром, иногда вслух. Пишет ему длинные письма, в которых исповедуется с*

*искренностью ребенка, и никуда их не отправляет. Она смотрит все фильмы с его участием и часто пересматривает. Вырезает из журналов статьи о нем, собирает его фотографии. Он, единственный, неповторимый, смог бы оценить ее душу, понять ее порывы и стремления, превратить из Золушки в Принцессу» («Любовь как боль и спасение», ЛГ Детское время, 10-16 октября 2007 г.). В приведенном примере обращение к ПФ из субсферы «Сказка» и актуализация СК **«Золушка – сказка о любви»** подчеркивают оторванность от реальности со стороны подростков, влюбленных в своих кумиров. Ср.: «*The princesses also have inspired a line of wedding gowns by designer Kirstie Kelly that aim to evoke the happily-ever-after vibe in chiffon, satin and taffeta. (...) "The second she gets engaged, she starts thinking about love, the idea of a wedding. 'How do I want to feel?' She'll walk into a salon and say, 'I just want to feel like Cinderella» («New in the Magic Kingdom, Disney-branded wedding gowns», The San Francisco Chronicle, 24 июня 2007 г.). В приведенной статье находит отражение мнение, что свадьба для девушки – это одно из главных событий в жизни, поэтому выбор свадебного платья – дело чрезвычайной важности. Автор прибегает к ПФ «Cinderella», чтобы показать полноту восторженного волнения от сбывающейся мечты, достигнутой цели и ожидание счастливой жизни. В связи с этим нередко в статьях, содержащих ПФ из субсферы «Сказка», приводится клишированное выражение, характерное для сказочного повествования «happily ever after» – СК **«Золушка и Прекрасный Принц жили долго и счастливо»** (амер. 3,51%).**

В целом анализ прецедентного феномена «Золушка», произведенный на основе текстов российских газет и анализ прецедентного феномена «Cinderella» на материале статей американской прессы показал:

1. Идеализованная когнитивная модель прецедентного феномена «Золушка /Cinderella» имеет пропозициональную или фреймовую структуру, то есть, представлена в виде связанных пропозиций, которые соотносятся с функциями сказочного сюжета и атрибутами, заполняющими слоты когнитивной модели.

2. Наиболее высокую частотность актуализации в американской модели показал смысловой компонент признакового типа, что демонстрирует частоту обращения к прецедентному феномену «Cinderella» в американских газетных текстах как к прецедентному имени или прецедентному тесту. В российской модели самым частотным является сценарный смысловой компонент, что указывает на приоритетность обращения к прецедентному феномену «Золушка» в российских публикациях как к прецедентной ситуации.

3. И в российской и в американской модели прецедентного феномена «Золушка / Cinderella» хронологический и национально-культурный компонент присутствует, но показывает относительно низкую частотность. Это объясняется принадлежностью рассматриваемого прецедентного феномена к субсфере «Сказка»: сказочные сюжеты мигрируют из культуры в культуру, из поколения в поколение. Однако, как показывает содержание ИКМ прецедентного феномена, литературной основой для различных форм воплощения сказочного сюжета «Золушка / Cinderella» является сказка французского писателя XVII века Шарля Перро.

4. Для достижения тех или иных прагматических задач авторы статей могут не только следовать сюжету сказки как прецедентной ситуации, но и исказить и разрушать его. Однако на структуру ИКМ это не влияет.

5. Создание идеализованной когнитивной модели на основе выявления смысловых компонентов прецедентного феномена «Золушка» / «Cinderella» и рассмотрение полученной модели с помощью инструментария анализа сказочного сюжета, предложенного В.Я. Проппом и его последователями, позволяют выделить те элементы структуры ИКМ, на которые расставляются дискурсивные акценты. Обращение и уровень частотности тех или иных фрагментов сказочного сюжета, соответствующих определенным функциям, употребление которых не является случайным и подчиняется определенным закономерностям, указывают на то, какие элементы модели являются ключевыми. Такие элементы не только служат инициаторами развертывания интертекста, но и задают направление такому развертыванию.

ЛИТЕРАТУРА

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс Лекций по английской филологии. – Тамбов: Изд-во Тамб.ун-та, 2001. 123 с.

Завьялова К.В. Функционирование прецедентного текста и прецедентного имени: сказка «Золушка» в русской, американской, испанской и венгерской лингвокультурах: дисс. ...канд. филол. наук. – М., 2007. С.68-71

Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 284 с.

Кубрякова Е.С., Демьяненко В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1996. 245 с.

Пропп В.Я. Морфология <волшебной> сказки. Исторические корни волшебной сказки. (Собрание трудов В.Я. Проппа). – М.: Издательство «Лабиринт», 1998. 512 с.

Lakoff, G. Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind. – Chicago: University of Chicago Press, 1987.

© Елисеева С.В., 2009

Иванова Ю. М.
Волгоград, Россия

**СТРАТЕГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА
ИГРОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

(на материале текстовых ролевых игр)

УДК 81'373.6

ГСНТИ 16.31.31

Ivanova J. M.
Volgograd, Russia

**STRATEGIES IN COMMUNICATIVE GAMES
(BASED ON ON-LINE TEXT RPGs)**

Код ВАК 10.02.19

Аннотация. В статье анализируется стратегическая структура игрового взаимодействия в рамках отдельно взятой коммуникативной игры и описывается процедура стратегического анализа.

Ключевые слова: стратегия, стратегический анализ дискурса, коммуникативная игра, некомуникативная игра, кооперативная игра, конфликтная игра, миметическая игра, агональная игра.

Сведения об авторе: Иванова Юлия Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации.

Место работы: Волгоградский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 400065, г. Волгоград, ул. Быкова, д. 6, кв. 33.

E-mail: julivanova@yandex.ru

Abstract. The article dwells on the strategic structure of a particular communicative game and the procedure of strategic analysis.

Key words: strategy, analysis of discourse strategies, communicative games, non-communicative games, games of cooperation, games of conflict, mimesis, agon.

About the author: Ivanova Julia Mihailovna, candidate of philology, assistant professor of the chair of intercultural communication.

Place of employment: Volgograd State Pedagogical University.

1. Стратегический анализ дискурса. Понятие стратегии (а вслед за ним и тактики) пришло в лингвистику из военной науки (Клаузевиц 1994, Жюльен 2000, Кола 2001) и прочно закрепилось в ней в последние десятилетия. Из всего многообразия лингвистических концепций стратегии и отдельных случаев употребления данного термина в различных значениях (Подробные обзоры лингвистической литературы, каким-либо образом использующей термин стратегия (тактика), содержатся в следующих публикациях: [Теория и практика... 1989: 32; Методология исследований... 2001: 486; Плотникова 2002: 56-60; Шейгал, Иванова, 2004]) мы здесь принимаем то понимание стратегии, которое, на наш взгляд, наиболее полно сохраняет внутреннюю форму изначальной терминологической метафоры. Явление *стратегии*, рассмотренное в междисциплинарном аспекте, представляет собой способ поведения человека в условиях некоторого *конфликта* («конфликтом естественно считать всякое явление, относительно которого можно говорить о его участниках, об их действиях, об исходах явления, к которым эти действия приводят, о сторонах, так или иначе заинтересованных в этих исходах, и о сущности этой заинтересованности» [Энциклопедия кибернетики 1975: Т. 1: 333]), то есть в условиях *непосредственной недостижимости поставленных целей* (Сама идея игры предполагает наличие некой цели, непосредственное достижение которой исключено: нельзя играть, если к достижению цели не существует препятствий (так, например, детские игры в «мячик», состоящие в простом перекидывании мяча от одного игрока к другому теряют свою актуальность для детей среднего и старшего возраста, и тем более взрослых людей: с улучшением координации движений 7 – 10-летние дети находят волейбол, баскетбол и другие игры с мячом более интересными,

поскольку «просто ловить мяч слишком легко»: наличие правил управления движением мяча делает достижение конечной цели игры гораздо более сложным => интересным)).

Стратегическое поведение есть серия актов выбора из некоторого количества альтернативных вариантов действий, разворачивающихся линейно, но объединенных в систему. Каждый из отдельных актов выбора в системе стратегического поведения обусловлен представлениями действующего об оптимальности (Под оптимальностью действия / стратегии понимается его / ее свойство вести наиболее экономным путем к верному / оптимальному для действующего решению задачи [Подр.: Энциклопедия кибернетики 1975]). Ранее *стратегия речевого воздействия* определялась автором данной статьи как «модель отдельного действия в структуре деятельности речевого воздействия» [Иванова 2003]. Здесь, при рассмотрении игрового коммуникативного поведения, мы предлагаем определять *стратегию игрового взаимодействия* как модель отдельного действия в условиях игрового взаимодействия.

Идея определения стратегии как обобщенной модели единичного действия (Эта идея противостоит обыденному стереотипному представлению о стратегии как о заранее разработанном плане, которого неукоснительно придерживается действующий в процессе деятельности) заимствована из области математики, где феномен стратегического поведения подвергся на сегодняшний день наиболее высокой степени формализации, а именно из теории игр [см., напр.: Straffin 1993]. Для формализации стратегического поведения необходимо учитывать пошаговость решения любой задачи, связанной с *невозможностью непосредственного достижения результата*, как в случае игрового взаимодействия. Каждый из последовательных шагов, совершаемых играющим, тут

же проверяется им на предмет соответствия требованиям оптимальности. Именно действие, совершаемое в условиях неопределенности и возможности выбора, с учетом достигнутых промежуточных результатов деятельности и прогнозируемого развития событий, может быть признано *основной единицей (деятельности) игрового взаимодействия, стратегией*. Возможный набор операций, из которых осуществляется выбор, получает, таким образом, статус тактик игрового взаимодействия.

Ранее автором данной статьи была предпринята попытка стратегического анализа предвыборных теледебатов, традиционного жанра политической риторики США [Иванова 2003]. Было выявлено, что стратегии, составляющие основу речевого воздействия в жанре предвыборных теледебатов, образуют систему, которая представляет собой иерархию уровней, коррелирующую с темпоральной организацией диалога. Первый (базовый) уровень этой иерархии соответствует интродуктивной, второй – варьирующей, а третий – аддитивной стратегии. В структуре каждой из стратегий выделяется набор тактик, которые соотносятся со стратегией как варианты с инвариантом. В зависимости от ряда факторов (роли говорящего, его коммуникативной позиции на момент говорения, структуры конфликта, ограничений, накладываемых конвенциями жанра на коммуникативные действия игроков и т.д.) коммуниканты на различных этапах диалога избирают различные стратегии речевого воздействия. В обобщенном виде данная модель может быть представлена в следующей таблице.

Таблица 1. Система стратегий речевого воздействия в жанре президентских предвыборных теледебатов

Уровень	Стратегия	Цели
Первый	Интродуктивная	- сообщение информации (1)
Второй	Варирующая	- сообщение информации; - разрушение установленных речью оппонента смысловых связей (2)
Третий	Аддитивная	- сообщение информации; - разрушение установленных речью оппонента смысловых связей; - встраивание новых смысловых связей на место разрушенных (3)

Целью стратегического анализа дискурса является описание механизмов взаимного влияния коммуникантов в диалоге. Данный анализ основан на формализации диалогиче-

ского взаимодействия в терминах теории деятельности А.Н. Леоньева [см., напр., Леонтьев 1983] и приложении процедуры теоретического анализа деятельности к анализу диалога. Выводы, полученные таким способом, позволят найти пути оптимизации диалогического общения в таких сферах как профессиональное общение, масс-медиа или межкультурная коммуникация, а также разработать методику обучения речевому воздействию и защите от него. Процедура стратегического анализа диалогического взаимодействия имеет следующий вид:

(1) исследуемое коммуникативное событие описывается в аспекте его основных категорий (хронотоп, участники, ролевая структура), что помогает определить структуру конфликта интересов участников общения,

(2) индуктивно (путем анализа материала) и дедуктивно (путем построения предположений и анализа широкого контекста коммуникативного события) выявляются основные и второстепенные цели взаимного влияния коммуникантов в диалоге (с учетом выявленной в (1) структуры конфликта интересов),

(3) определяются когнитивные структуры (концепты, фреймы, сценарии), составляющие информационное ядро коммуникации в диалоге,

(4) классифицируются информационные операции, с регулярностью повторяющиеся в общении,

(5) соотносится содержательная (виды информации) и формальная (система стратегий) составляющие диалога с целью выявления динамики взаимного влияния коммуникантов в диалоге.

В данной статье мы займемся анализом стратегической структуры взаимодействия в рамках жанра текстовой он-лайн RPG, применив описанную процедуру анализа взаимного влияния в диалоге к исследованию игрового общения.

2. Классифицирование игровых ситуаций в целях стратегического анализа. Среди множества возможных оснований для классификации игр [см., напр., работы Caillois 1958; Эльконин 1999, Хейзинга 2003] нам необходимо найти те, которые отвечали бы цели рассмотрения игровой коммуникативной ситуации в аспекте ее стратегической структуры. Первый важный критерий классификации игровых событий относится к характеру игровых действий. Еще Хейзингой предложено подразделять игры на игру-борьбу и игру-представление [Хейзинга 2003]. Данное основание для классификации отражено в **Таблице 2** как противопоставление *агональных* игр *миметическим*. Кроме того, рассмотрение стратегической структуры игрового взаимодействия делает необходимым подразделение игровых ситуаций (как собственно игр, так и, например, спонтанных игровых «вспышек» в естественном общении) на две категории на основании следующего критерия:

коммуникативные цели игроков совпадают / не являются взаимоисключающими ↔ цели игроков являются взаимоисключающими. Первая ситуация дает игры кооперативного типа, вторая – конфликтного (см. Таблицу 2).

Таблица 2. Классификация игр по признаку характера игровых действий и совпадения – несовпадения интересов игроков.

1. соотношение целей (интересов) игроков	1.1. Кооперативные	1.2. Конфликтные
	- цели игроков совпадают / не являются взаимоисключающими; = игра с ненулевой суммой)	- цели игроков являются взаимоисключающими; = игра с нулевой суммой
2. характер игровых действий		
2.1. Агональные - игровые действия носят состязательный характер	- шарады	- футбол; - шахматы
2.2. Миметические - игровые действия носят характер подражания чему-либо	- «ручеек»; - «чехарда»; - историческая реконструкция - альных боев	- состязания в танцах, музыке, актерском мастерстве и т.д.; - «КВН» и т.п.; - «Мафия»

Несомненно, трудно без остатка разделить все множество известных хотя бы одной культуре игр на столь грубо очерченные четыре группы. Скорее, целесообразно говорить о наличии четырех переменных, которые принимают различные значения в различных игровых структурах, давая неповторимые комбинации соотношений *агон* – *мимесис* и *кооперация* – *конфликт*, известные в культуре под дорогими с детства именами любимых игр. Поясним вышесказанное на примерах.

е.g. Трудно спорить с тем, что шахматы являются *агональной конфликтной игрой* (по используемой в данной статье терминологии): основная цель игроков – победа в партии, причем победа одного из игроков исключает победу другого, а ничья исключает победу обоих. Говоря в терминах теории игр, шахматы – классическая игра с нулевой суммой. Однако стоит присмотреться к шахматным фигурам, и каждый увидит несомненное сходство доски с полем битвы (где клетки – репрезентация стратегического осмысления пространства битвы командованием армий), а двух комплектов фигур – с вражескими армиями, каждая из которых выходит на бой под своим знаменем (определенного цвета). Внутри данного войска существует субординация: кони, слоны и ладьи «младше» королевы, но «стар-

ше» пешек. Тут перед каждой пешкой открыта почти невероятная, чудесная возможность «дослужиться» до высшего звания при условии, что она «проявит стойкость» и ей «улыбнется» ее «солдатская удача». Данную метафору можно было бы развивать, как это сделано, в частности, в телефильме реж. Г. Юнгвальд-Хилькевича «Д’Артаньян и три мушкетера» в сцене, где кардинал Ришелье «учит» Д’Артаньяна играть в шахматы, попутно используя данную развернутую метафору для того, чтобы объяснить юному гасконцу, на чьей стороне ему следует «играть» в реальной жизни.

Таким образом, видим, что, несмотря на то, что мимесис, несомненно, не является важной чертой шахмат в сознании большинства людей, нельзя отрицать, что он, тем не менее, играет определенную роль в структуре этой игры. Хотя, конечно, в шахматы можно играть и без красивых, «реалистичных» фигур, например, пронумерованными или разноцветными шашками.

е.g. Другой пример игры, в которой сочетание всех четырех характеристик дает весьма причудливую форму (за что эту игру так любят и дети, взрослые), – «Бояре» (Правила см., например, здесь: <http://rukh.hole.ru/games/childgames/page2.htm>). Несомненно, по сути эта игра носит *агональный характер*: в ней есть победители и проигравшие. Но кто они? С точки зрения стороннего наблюдателя игры в момент победы, проигравшие – это 2 человека, а победившие – все остальные. Однако, игра начинается при наличии двух равновеликих команд, и затевается именно как противостояние между двумя равновеликими командами. В конечном итоге, структура игрового – *агонального* и *конфликтного* – взаимодействия приводит к тому, что побеждающая команда пополняется игроками команды, терпящей поражение (причем эта ситуация может перевернуться в любой момент).

В приведенном выше примере победа одной из команд – это практически (с оговорками) плод кооперативного усилия обеих команд, что делает структуру *агональности* в данной игре более сложной, чем в большинстве *агональных* игр. Но нельзя забывать и о *миметической* части игрового взаимодействия. Начальный момент каждого «раунда», когда команды, выстроившись в линию, «сходятся» по очереди, произносятся хором ритуализованные речитативы: «Бояре, а мы к вам пришли! Дорогие, а мы к вам пришли!» и т.д., – не менее важен для развития игры, чем собственно *агональный* момент «разбивания цепи». Таким образом, игровое взаимодействие как бы поделено на две части: *агональную* и *миметическую*, – каждая из которых играет важную роль и игре.

Итак, для описания стратегической структуры игрового взаимодействия необходимо учитывать два фактора: во-первых, степень, в которой цели говорящих являются взаимоисключающими, во-вторых, характер (направленность) игровых действий. Соотношение

между этими факторами определяет набор и содержание стратегий игрового взаимодействия.

3. Текстовая RPG как особый тип коммуникативного события. Научная концепция игры переживает сегодня этап бурного развития. Категория игрового сравнительно давно находится в поле зрения философов: Ж. Бодрийяр (1999), Л. Витгенштейн (1958), Э. Финк (1988); социологов и культурологов: Й. Хёйзинга (2003), Э. Гоффман (1961), И.Е. Берлянд (1992), Л.Т. Ретюнских (1997); психологов: Э. Берн (2000), Б.М. Величковский (2006), Л.С. Выготский (2003), Г. Лэндрет (1991), Д.Н. Узнадзе (2004), З. Фрейд (1925), Д.Б. Эльконин (1999); математиков: Э.И. Вилкас (1990), Т.А. Саати (1977); языковедов: Т.А. Гридина (1996), В.З. Санников (2002), А. Вежбицка (1997). Лингвистическая концепция игрового представлена на сегодняшний день узкоспециальными исследованиями феномена языковой игры [Гридина, 1996; Санников, 2002], которые, на наш взгляд, без особого риска можно назвать исчерпывающими, а также лингвофилософской теорией «языковых игр» Л. Витгенштейна (1958), в которой «игра» выступает в роли терминологической метафоры, предвосхитившей сегодняшние исследования в области лингвистической прагматики и теории дискурса.

Данное исследование придерживается «среднего пути», который условно можно назвать игровой концепцией дискурса. Эта концепция состоит в том, чтобы рассматривать всю сумму форм человеческого (преимущественно вербального) общения через призму принадлежности к сфере игрового. Такой взгляд на человеческую коммуникацию предполагает (1) выделение прототипически игровых ее форм, которые образуют игровой дискурс, (2) противопоставление данного образования дискурсу принципиально неигровому (серьезному, утилитарному), а также (3) исследование динамики игрового элемента естественной коммуникации в «нейтральной зоне» (то есть в дискурсе, который не относится однозначно ни к игровому, ни к неигровому, а лишь включает некоторые элементы игры).

Выделение игровых коммуникативных событий как особого типа КС возможно с учетом следующей системы противопоставлений игрового неигровому (основанной на обобщении результатов многочисленных исследований категории игрового):

(1) наличие – отсутствие ответственности / опасности,

(2) обратимость – необратимость результатов,

(3) обыденность – инобытие,

(4) настоящее/реальное – вымышленное / фикциональное / нереальное,

(5) непрерывность реального времени и пространства – искусственная ограниченность / игрового времени (и пространства),

(6) необратимость реального времени – обратимость игрового времени,

(7) наличие выигрыша (победы) / завершенность – незавершенность / относительность результатов деятельности и т.д.

В данной статье мы займемся рассмотрением стратегической структуры одного из прототипных жанров игрового дискурса, а именно текстовой RPG (от англ. Role-Playing Game, ролевая игра). Прототип сегодняшних RPG – настольные игры: именно такую форму имеет игра «Dungeons and Dragons», лежащая у истоков ролевого движения. Использование компьютерных технологий привело к возникновению целого ряда разновидностей RPG:

- компьютерных RPG («computer role-playing game», или CRPG);

- видео-RPG («console role-playing game, a CRPG for video game consoles»);

- тактические RPG («tactical role-playing game, a video game with both CRPG and turn-based strategy elements»);

- текстовые RPG («online text-based role-playing game, a role-playing game played online using a solely text-based interface such as TELNET, an internet forum, or in a chat») (<http://en.wikipedia.org/wiki>).

Последним словом в развитии техники RPG стали игры, представляющие собой многопользовательские он-лайнные версии компьютерных RPG, снабженные чатом и форумом (Lineage, World of Warcraft, Guild Wars, Everquest II, Matrix и т.д.).

Материалом для данной статьи послужили *онлайнные текстовые RPG*, размещенные на сайте (<http://www.lotrplaza.com>). Специфичность коммуникативного события текстовой RPG состоит в том, что, в полной мере являясь игрой с точки зрения формы, оно также характеризуется наличием естественной коммуникации высокой степени сложности и информационной насыщенности. Это происходит благодаря тому, что здесь речь является материалом игры, и это дает нам право называть данный жанр коммуникативной игрой, противопоставляя ее играм некоммуникативным (где речь лишь является вспомогательным средством ведения игры, e.g. все спортивные игры, игры с предметами: игра в мяч, скакалки, «классики»; большинство агональных игр: догонялки, «казаки-разбойники», пионерская «Зарница», игры-пантомимы, шарады, а также многие игры, использующие языковой материал, такие как кроссворды, «Города», «Виселица», различные викторины и т.д.).

Онлайновая текстовая RPG обладает рядом специфических особенностей, обусловленных как принадлежностью данного коммуникативного события к виртуальному дискурсу, так и его игровым характером. RPG происходит на специальных форумах в Интернете. Текстовые RPG размещаются на специальных форумах в Интернете. Один из участников, берущий на

себя обязанности мастера игры («гейм-мастера», «ГМа» = GM; от англ. «game master»), формулирует примерную концепцию будущей игровой сессии, а заинтересовавшиеся игроки подписываются для участия и вступают в игру. Обобщая, можно определить суть коммуникативного события RPG так: игроки совместными усилиями создают повествование об определенном вымышленном событии (цепи событий).

Хронология текстовой RPG обусловлен принадлежностью данного коммуникативного события к виртуальному дискурсу. Пространство игры характеризуется двойственностью: виртуальное «пространство» форума (разделенное на две зоны: IC «in character» и OOC «out of character») дополняется фикциональным пространством текста RPG. Игровое время в RPG также имеет сложную структуру: время игры состоит из фикционального времени текста RPG и реального времени, в котором протекает взаимодействие игроков. Поскольку онлайн-овая текстовая RPG всегда является пошагово организованной, реальное время здесь делится на неравные промежутки, отведенные для того, чтобы каждый участник мог отреагировать на сообщение-стимул, размещаемое модератором (гейм-мастером) при каждом новом повороте сюжета. *Участники* текстовой RPG – члены игрового интернет-сообщества, многие из которых не знакомы в реальной жизни, что роднит онлайн-овые RPG с другими жанрами виртуального дискурса. Кроме того, в игре они выступают под двойной маской: это собственно игровой персонаж в рамках конкретной игровой сессии, а также виртуальная личность пользователя, обладающая определенным статусом, историей и кругом общения в рамках портала. *Ролевая структура* RPG формируется на основе «подписки» пользователей на конкретную игровую сессию, заявленную предполагаемым гейм-мастером. Описание сюжета будущей игровой сессии дает пользователям представление о том, какие герои могут участвовать в подобной истории.

Исследование стратегической структуры взаимодействия в рамках коммуникативных игр позволяет вывести закономерности, имеющие отношение не только к собственно играм, но и к менее структурированным спонтанно возникающим игровым ситуациям в естественном общении.

4. Стратегическая структура текстовой RPG. Анализ стратегической составляющей игрового взаимодействия в рамках текстовой RPG позволит нам не только формализовать структуру собственно игрового коммуникативного взаимодействия, но и построить предположения о том, что представляет собой *спонтанная игра в коммуникации* – каким образом она затевается (как игроки узнают об игровых интенциях друг друга, какие маркеры они используют для подтверждения своего желания / нежелания вступить в игру), как устроена ее внут-

ренняя структура, какие цели преследуют игроки и к каким результатам они приходят.

Говоря о стратегической структуре игрового взаимодействия, необходимо установить основные коммуникативные цели участников общения. По нашим наблюдениям, коммуникативные действия каждого участника текстовой RPG направлены на достижение, по крайней мере, трех основных целей:

- 1) развитие собственного персонажа:
 - а) *описание персонажа,*
 - б) *создание его личной истории;*
- 2) взаимодействие с другими участниками игры:
 - а) *кооперация,*
 - б) *противодействие;*
- 3) создание непротиворечивой игровой реальности:
 - а) *отреагирование,*
 - б) *реинтерпретация.*

Очевидно, что все три коммуникативные цели взаимосвязаны, их раздельное осуществление невозможно, однако, для стратегического анализа текстовой RPG целесообразно искусственно разделять данные цели и рассматривать пути их достижения отдельно. Приведенные выше цели, однако, никак не оговариваются перед началом игры, точнее всего их можно определить как неписанные правила коммуникативного события RPG. Для достижения этих целей игроки сообщают читателям соответствующую информацию. В конечном итоге, *развитие персонажа сводится к заполнению слотов соответствующего фрейма.* Наблюдения показывают, что содержательная сторона взаимодействия в текстовой RPG организована вокруг фреймов развиваемых игроками персонажей, а также вокруг сценария конкретной игровой сессии. Иными словами, эти когнитивные структуры составляют информационное ядро коммуникации в рамках исследуемого коммуникативного события.

Таблица 3. Информирование действия игроков в рамках текстовой PRG.

№	Информирование о персонаже	Информирование о персонаже	Примеры
1	- о деталях его внешности	- о деталях его одежды	<i>The wizard's <u>twilight eyes</u> twinkle as she smiles at the dwarf...</i>
	- о чертах характера	- о его эмоциях,	<i>Slightly ashamed of her own plain travelling outfit, consisting of a long dark-blue robe, heavy boots and a dark-grey cloak with a large hood, Maerwen waved at Eruverde in greeting.</i>
			<i>More than commonly <u>asocial</u>, he never felt easy in a pub.</i>
			<i>She <u>felt alienated</u>, yet she</i>

		страхах - о его прошлом	<i>knew most of the fault lied within herself. It was her pride of her intellect that Melko tried to play on as he was gathering allies for his first assault. Flattered by this at first, she had a long conversation with Nienna afterwards, which saved her from a possible downfall.</i>
2	Информирование о взаимодействии персонажа с окружающими:	- о его действиях - о наблюдаемых реакциях на слова, поступки окружающих - о его речевом взаимодействии с окружающими - о его мыслях, подозрениях, симпатиях по отношению к окружающим	<i>The dwarfette ducked the first snowball swiftly, sticking her tongue out at Mac who had dared to launch the cold missile at his Queen. And she gave the Capt'n a quick smile.</i> <i>- Ayia, curuni! E, gurthanya ni hilyanë... Mal nanyë norimë. (Quenya: Hail, witch! Indeed, my death chased me... But I am a good runner!)</i> <i>As he was making himself comfortable right in front of her, Nessime was desperately looking for the next thing to say...</i>
3	Информирование о фикциональной реальности игрового мира:	- об условиях окружающего мира - о текущих событиях - об истории, законах, традициях	<i>The dust of Isengard's lower libraries is enough to drive anyone crazy!</i> <i>Trade had been good with the outside world but she had not relised how open the mines of Khazad-dum had become.</i> <i>"My dear ladies, you are sitting beneath the 'holy herb', which has certain ancient and holy customs associated with arrival into its presence.</i>

Сообщая читателям информацию о своем персонаже, его взаимодействии с другими персонажами игры, а также об окружающих его вещах и происходящих событиях, игрок встраивает пропозиции в структуру фрейма своего персонажа и сценария игры. Однажды встроенный в структуру текста факт не может (по крайней мере, не должен) быть проигнорирован другими игроками. Игрок выбирает, о чем информировать читателей и партнеров по игре и либо изобретает новые факты, либо обрабатывает (реагирует на / реинтерпретирует факты, введенные другими игроками).

Проанализируем динамику игрового взаимодействия на материале одной из многочисленных ролевых игр из серии «Паб». Основная

сюжетная линия игры – вечер (день) в пабе. Правила игры почти не ограничивают действия игроков:

(1) *Everyone was to bring their own Yule dish to the gathering, or drink if they preferred. Maybe they had a surprise present for someone special too?*

- *Feel free to decorate!*

- *Everyone is to bring something, preferably one of the 3 mentioned above.*

- *Everyone is to describe what they are wearing in their first or second post in the thread.*

- *Remember to have fun; marathons are definitely not required! Actually short ones are easier to follow!*

Рассмотрим (на примере одного эпизода) структуру кооперативного и конфликтного взаимодействия игроков. Краткое содержание игрового эпизода:

в пабе Казад-Дума (царство гномов) гном **Durgil** пытается подшутить над гномкой **Boraxa** и гостей, эльфийкой из Лориэна (одного из эльфийских царств) **Lilath**. Придумав шуточный предлог, гном настаивает на своем праве получить по два поцелуя (в обе щеки) от каждой из них. Он на ходу сочиняет историю о том, что висящая на стене «священная трава», под которой расположились эльфийка и гномка, оскорблена их присутствием, и нарушительницы «старинных гномьих законов» должны отправиться в тюрьму (ужасы которой он подробно описывает для того, чтобы запугать «нарушительниц» несуществующих «законов»). Есть, однако, другой способ загладить вину: каждая из них может «заплатить штраф», поцеловав «обвинителя» в обе щеки. Гномка **Boraxa** полностью исполняет желание шантажиста, а эльфийка **Lilath**, не желающая идти на поводу у хитрого гнома, целует его в лоб. Окрыленный успехом, гном переключает свое внимание на ведьму **Maerwen**, которая находит способ оставить его ни с чем. Гном вынужден ретироваться.

Необходимо подчеркнуть, что данное игровое взаимодействие происходит практически «на пустом месте»: во-первых, у «паба» изначально нет никакой сюжетной линии, во-вторых, гейм-мастер в «пабе» исполняет роли обслуживающего персонала (хозяин паба, официантка, уборщица), то есть, он скорее реагирует на действия игроков (выполняет заказы, убирает, разнимает драки и т.д.), чем задает условия для этих действий (как это происходит в более жестко структурированных RPG, где только гейм-мастер имеет право направлять сюжетную линию игры). Иными словами, фикциональная реальность, в которой происходит игра, совместно творится игроками в процессе игры. Кроме того, игроки «паба» не мотивированы ничем, кроме получения удовольствия от процесса игры (за выдающийся вклад в более серьезные игровые события игроки иногда получают бонусы в виде знаков отличия, игровых денег или очков опыта). Другой важной особенностью

данной коммуникативной игры является то, что у нее нет ни правил, ни ходов, форма которых была бы строго зафиксирована: каждый из игроков имеет возможность либо предложить свою собственную игру другим игрокам, либо играть по правилам, задаваемым другими игро-

ками (подробнее об этом: ниже, при анализе конфликтного взаимодействия).

Обратимся к анализу текста RPG с тем, чтобы проследить, каким образом сообщаемая игроками информация помогает им достичь основных целей игры.

Таблица 4. Кооперативные игровые действия (Durgil, Boraxa, Lilath)

№	Реплика персонажа	Информирующие действия	Стратегии речевого воздействия
1	Durgil I thought, based upon her glance and reaction, that Lilath had picked up on the joke, but poor Boraxa still seemed ... lost? ----- (I couldn't quite tell if that was the normally vacant look... or an improvised vacant look! I still couldn't read Boraxa well yet.)	1.1. интерпретация действий другого игрока	варьирующая
	----- "My dear ladies, you are sitting beneath the 'holy herb', which has certain ancient and holy customs associated with arrival into its presence. Failure to comply with the ancient rituals ... well, the laws are quite specific, I'm afraid." I raise my hand and continue: "There is only I way that I am aware of to avoid the ancient penalties for failing to observe the rituals ... it requires <u>all</u> violators to kiss the 'accuser' upon both cheeks! One must pay double the price for violations ... or must I be forced to call the Watch?"	1.2. интерпретация видимых реакций другого игрока	варьирующая, аддитивная
	----- Lilath Lilath glanced between Boraxa and Durgil . Her smile growing with each second that passed. "We must fix this problem Boraxa." She let out a little gasp but the truth be told, she had already experienced nearly everything he had said... except dismemberment. ----- Her without a limb... ----- (...) Standing up, she winked at Boraxa, grabbed Durgil's head and placed a brief kiss on his forehead. "Many Yule blessings to you Durgil ." She whispered before turning back to the table and sitting down.	1.3. встраивание вымышленных фактов в структуру реальности	интродуктивная + косвенная характеристика собственного персонажа за счет стили речи
2	----- Lilath Lilath glanced between Boraxa and Durgil . Her smile growing with each second that passed. "We must fix this problem Boraxa." She let out a little gasp but the truth be told, she had already experienced nearly everything he had said... except dismemberment. ----- Her without a limb... ----- (...) Standing up, she winked at Boraxa, grabbed Durgil's head and placed a brief kiss on his forehead. "Many Yule blessings to you Durgil ." She whispered before turning back to the table and sitting down.	2.1. информирование о наблюдаемых реакциях собственного персонажа	варьирующая
	----- Her without a limb... ----- (...) Standing up, she winked at Boraxa, grabbed Durgil's head and placed a brief kiss on his forehead. "Many Yule blessings to you Durgil ." She whispered before turning back to the table and sitting down.	2.2. косвенное информирование о личной истории персонажа (намек на большой опыт)	аддитивная
	----- Her without a limb... ----- (...) Standing up, she winked at Boraxa, grabbed Durgil's head and placed a brief kiss on his forehead. "Many Yule blessings to you Durgil ." She whispered before turning back to the table and sitting down.	2.3. информирование о мыслях персонажа	варьирующая + косвенная характеристика собственного персонажа
	----- Her without a limb... ----- (...) Standing up, she winked at Boraxa, grabbed Durgil's head and placed a brief kiss on his forehead. "Many Yule blessings to you Durgil ." She whispered before turning back to the table and sitting down.	2.4. информирование о взаимодействии персонажа с другими игроками (информирование о словах и действиях персонажа)	интродуктивная - кооперативное игровое действие (= попытка «сыграть вничью», лишь частично выполнив условие противника)
3	Maerwen Oh, how pleasant it was to get a warm greeting from a dear friend and a sister in arms after such a long time! ----- Before Maerwen could say a word she felt Eruvérdé's mighty bearhug and heard words of hearty welcome. ----- However much she wanted to share the news and describe her long and dangerous travels, she thought it wise to wait until they could talk about it alone.	3.1. информирование об эмоциях персонажа	варьирующая
	----- Before Maerwen could say a word she felt Eruvérdé's mighty bearhug and heard words of hearty welcome. ----- However much she wanted to share the news and describe her long and dangerous travels, she thought it wise to wait until they could talk about it alone.	3.2. косвенная характеристика собственного и чужого персонажа через намек на личную историю и отношения	аддитивная
	----- Before Maerwen could say a word she felt Eruvérdé's mighty bearhug and heard words of hearty welcome. ----- However much she wanted to share the news and describe her long and dangerous travels, she thought it wise to wait until they could talk about it alone.	3.3. отреагирование	варьирующая
	----- Before Maerwen could say a word she felt Eruvérdé's mighty bearhug and heard words of hearty welcome. ----- However much she wanted to share the news and describe her long and dangerous travels, she thought it wise to wait until they could talk about it alone.	3.4. отказ от коммуникации + косвенная характеристика собственного персонажа через намек на событие личной истории	аддитивная

<p>Meanwhile, she said with a laugh: - Ayia, curuni! E, gurthanya ni hilyanë... Mal nanyë norimë. (Hail, witch! Indeed, my death chased me... But I am a good runner!)</p>	<p>3.5. отреагирование + косвенная характеристика собственного персонажа (использование эльфийского языка как знак принадлежности к расе Istar)</p>
<p>4 Durgil “OK, I guess that is sufficient for an... Elf! We Dwarves cannot expect others to grasp the full concept of our laws, so <u>I will accept that ‘noggin smooch’ as payment.</u></p>	<p>4.1. информирование о собственной вербальной реакции на действия другого персонажа (+ характеристика за счет иронии)</p> <p>интродуктивная варьирующая, аддитивная - кооперативное игровое действие: «согласие» принять «неполную плату» (= признание символической «ничьей»)</p>
<p>However... the ancient Dwarven laws are fixed and neither she nor I can change them... So, what’s it gonna be? A trip to the dungeons (or worse) or will you take a chance on possible ‘familial’ retribution and pay your penalty? I’ve been in the dungeons ... and I don’t recommend them! Trust me on this, if nothing else!”</p>	<p>4.2. информирование о словах собственного персонажа: введение фактов с целью запугивания другого персонажа; характеристика персонажа за счет реинтерпретации действий другого персонажа (Lilath)</p>
<p>I coax Lilath and Boraxa to the other table with Eruverde and another wizard, Maerwen.</p>	<p>4.3. встраивание в структуру игровой реальности факта, касающегося других игроков</p> <p>интродуктивная</p>
<p>“Greeting and Merry Yule to you”, I address Maerwen. I believe you might find something of interest in what I have to tell you ... a small witticism that has sort of a visual component to it, best observed from that location, I believe!” With a final quick look to Boraxa, “ My dear ...please think hard on what I’ve told you ...”</p>	<p>4.4. информирование о словах собственного персонажа: - повторное использование запугивания (Durgil – Boraxa) - затевание новой игры (Durgil - Maerwen)</p>
<p>5 Boraxa Boraxa could not help but give Durgil a warm smile.</p>	<p>5.1. информирование о наблюдаемых реакциях собственного персонажа</p> <p>интродуктивная</p>
<p>He was such a silly dwarf, but a creative one.</p>	<p>5.2. информирование о мыслях собственного персонажа по поводу другого персонажа</p> <p>варьирующая</p>
<p>Oh why not, she thought and <u>gave him a quick kiss on each cheek.</u></p>	<p>5.3. информирование о мыслях и действиях собственного персонажа по отношению к другому персонажу:</p> <p>интродуктивная - кооперативное игровое действие (= признание полной победы игрока Durgil)</p>

Как видно из приведенного выше анализа, между игроками **Durgil**, **Boraxa** и **Lilath** произошёл *кооперативный миметический игровой обмен*. Игрок **Durgil**, умело воспользовавшись вымышленными фактами, вынудил игроков **Boraxa** и **Lilath** полностью или частично выполнить нужное ему действие (оба игрока выдали информацию о том, что их персонажи по очереди «поцеловали» гнома). Этот факт примечателен, прежде всего, тем, что в полной версии игры (которая приводится здесь в сокращённом виде) хитроумный «гном» поначалу встретил достаточно жесткий отпор, однако умудрился вырвать искомый поцелуй как у «гномки», так и у «эльфийки». Стратегии игроков дают информацию об их индивидуальном игровом стиле, а также о качестве, которое можно условно «яркостью» персонажа (количеством и плотностью важной для игрового взаимодействия информации о персонаже, сообщаемой игроком). Так, например, действия игрока **Durgil** чаще всего сопровождаются косвенной

характеризацией собственного персонажа, а также интерпретацией и отреагированием на действия и наблюдаемые реакции других игроков (1.2./1.3./4.1./4.2), в то время как персонаж **Boraxa** явно не обладает такой степенью «яркости», поскольку вместо косвенной характеристики в речи **Boraxa** почти всегда присутствует прямая, а действия этого игрока в большинстве своем элементарны по составу, то есть, не содержат попутной (косвенной) характеристики других персонажей, интерпретации их действий (5.1./5.2/5.3). Именно этим и объясняется, на наш взгляд, полный успех игровой стратегии «гнома»: будучи относительно более ярким персонажем, он управляет ситуацией за счет умело используемых стратегий. Персонаж **Lilath**, обладающий сравнительно большей яркостью, чем **Boraxa**, приводит игровое взаимодействие к символической «ничьей»: не будучи способной найти способ оставить персонажа **Durgil** ни с чем, она, тем не менее, ухитряется «заплатить штраф» в «меньшем размере»

(один поцелуй в лоб, вместо двух поцелуев в обе щеки).

Обобщая анализ стратегий игрового взаимодействия, используемых игроками в данной ситуации, отметим: игрок **Durgil**, владеющий всем стратегическим репертуаром, умело применяет нужные стратегии для достижения желаемого эффекта. Игрок **Boraxa**, чей стратегический репертуар кажется достаточно бедным, судя по приведенному фрагменту, избирает путь кооперативного взаимодействия после некоторых попыток противостоять персонажу **Durgil**. Игрок **Lilath** избирает путь, представляющий собой нечто среднее между кооперативным и конфликтным взаимодействием. Выбор **Lilath** представляется интересным в силу того, что, несмотря на очевидное владение широким репертуаром стратегий, этот игрок, обнаруживавший поначалу конфликтное поведение, соглашается на компромисс.

Рассмотрим теперь **конфликтное игровое взаимодействие** на примере обмена, происходящего между игроками **Maerwen** и **Durgil** сразу же после обмена, содержащегося в **Таблице 3**. **Durgil** начинает взаимодействие с новой «жертвой» с того, что озвучивает свои «скрытые» намерения:

Durgil

Well, I had been 'smacked' by an Elf ... elfess? ... elfette? Ms Elf? ... (on the forehead) and 'swacked' by a Dwarfette on both cheeks. (1) Now, if I could just snag a good snog from one wizzy ... wizardess? ... wizardette? ... (2) all I could hope for is a Hobbitette and one of those valkyrie Rider-types... I haven't forgotten about you, my dear ... trust me!" I say with a grin.

Таким образом, используя варьирующую (1) и интродуктивную (2) стратегии, «гном» задает цель своей игры: получить поцелуй от **Maerwen** (с тем, чтобы переключиться на девушек оставшихся рас). **Maerwen**, по видимому, не собирается быстро сдаваться, и таким образом задает правила собственной игры (в противовес игре, объявленной «гномом»). Данное взаимодействие можно однозначно назвать конфликтным, поскольку намерение вступить в противостояние здесь заявлено прямо: *one had to be very smart, indeed, to upset his plans.*

Maerwen

Now, the... - let me put it this way - "kissed"... (3) Dwarf, whose name was Durgil, immediately insisted on a closer acquaintance... (4)

Well, why not have some fun (5) , Maerwen thought to herself with an inward smile (6).

One didn't need to be a Maya to guess what Durgil's intent was (7), but, judging by the success this fellow was having, one had to be very smart, indeed, to upset his plans (8).

So, Maerwen decided to start with some teasing (9).

Well, technically, the correct term is "witch", master dwarf, - she said to Durgil with a subtle smile (10), -

but the Elvish word "curuni" does, perhaps, sound a bit less negative... - she went on hoping to teach the fellow to guard his thoughts more carefully when in the presence of... well, let's face it... witches...(11)

Практически не вводя никаких новых фактов, кроме декларации желания вступить в конфликтную миметическую игру (9), **Maerwen** использует стратегии 2-го (варьирующую: 3, 4, 10) и 3-его (аддитивную: 5, 7, 8) уровня, реинтерпретируя происходящее так, чтобы захватить игровую инициативу, до сих пор находившуюся в руках игрока **Durgil**. Примечательно, что игрок обходится без использования интродуктивной стратегии даже для того, чтобы ввести информацию о собственных телепатических способностях (свойственных магам в мире данной игры). Таким образом, можно утверждать, что **Maerwen** пытается навязать своему противнику собственную игру, от которой тот отказывается, физически перемещаясь к другому столу в пространстве воображаемого «паба»:

Durgil

It had been a long while since I'd had this much fun in a pub ... or anywhere else exactly! Well, it was only fun until one of the wizards ... wizardesses ... flippin' 'witches' (as one termed herself) decided to scan my thoughts! (12) How rude!!! (13) (And possibly embarrassing if they had 'dug' a little deeper!)(14) That was it for me! I didn't want to 'play' with the 'wizards' ... 'curuni' ... witches ... sorceresses ... wizardettes... AN-YONE along those lines anymore! (15) I remembered why I usually didn't try to 'let my beard down' in social gatherings ... too many 'snoopers'! (16)

*I started to execute a small exercise I've used in the past if it seemed that my brain was being invaded ... (17) *[... 99 bottles of ale on the wall, 99 bottles of ale! Take one down and pass it around ... 98 bottles of ale on the wall! ... 98 bottles of ale on the wall ... 98 bottles of ale ...]* There you go; read THAT for a while! *[... take one down and pass it around ... 97 bottles of ale on the wall ...]* The 'tune' could get addictive after a bit ... if you let it! Kind of like ... "Meow, meow, meow, meow;... meow meow meow meow; ... (higher octave now) ... " --- yeah!!! Just like the commercial!!! It's INYOUR brain now, isn't it!? --- hehehehe! (18)*

Здесь конфликтное взаимодействие между игроками достигает своего апогея: **Durgil** использует варьирующие стратегии (12, 13, 14) для того, чтобы отреагировать на предшествующие ходы **Maerwen**: он критикует ее поведение, реализуя тактику оценочной характеристики [подр. Иванова 2003]. Далее следует реакция на ее действия: информация о чувствах и воспоминаниях персонажа, вводимая при помощи интродуктивной стратегии (15, 16), и шуточная месть «гнома», пытающегося обратить оружие противника против него самого: отсчет бутылок, призванный проучить **Maerwen**, которая осмелилась «прочитать его мысли» (18).

Стратегическая структура проанализированного выше конфликтного взаимодействия представляется гораздо более сложной, чем стратегическая структура предыдущего, кооперативного фрагмента. Во втором фрагменте сталкиваются игроки (**Maerwen** и **Durgil**), каждый из которых сориентирован на коммуникативную победу, и свободно владеет полным репертуаром коммуникативных стратегий.

Правильный подбор информационно-коммуникативных фрагментов и умелое введение их в текст при помощи наиболее уместных стратегий позволяют игрокам совершать удачные и интересные ходы. Неумение пользоваться всем арсеналом стратегий ведет к вынужденной кооперации (как в случае с игроком **Boraxa**), состоящей в полном принятии условий других игроков. В случае, если игрок ориентирован на победу, он может попытаться навязать противнику свою игру (как в случае **Maerwen** и **Durgil**). Отказ от игры (выполненный в рамках игровой логики и без противоречия структуре фикционального мира игры) является иногда лучшим способом избежать поражения.

Стратегически более выгодным является создание яркого персонажа, поскольку хорошо развитый и детализированный фрейм персонажа позволяет игроку маневрировать в структуре взаимодействия, находя правдоподобные основания для большего количества действий или реакций (что в целом повышает степень свободы игрока). При столкновении ориентированных на конфликтное взаимодействие игроков, умения, опыт и стратегический репертуар которых не уступают друг другу, часто имеет место попытка навязать противнику собственную игру. В конечном итоге, и в таких ситуациях решающим фактором (при всех прочих равных условиях) может также оказаться яркость персонажа.

ЛИТЕРАТУРА

Баранов А.Н., Паршин П.Б. Речевое воздействие и аргументация // Пирогова Ю.К., Баранов А.Н. и др. Рекламный текст: семиотика и лингвистика. – М., 2000. С. 109-163.

Берлянд И.Е. Игра как феномен сознания. – Кемерово, 1992.

Берн Э. Игры, в которые играют люди: Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры: Психология человеческой судьбы. – М., 2000.

Бодрийяр Ж. Система вещей. – М., 1999.

Вежицка А. Речевые жанры // Жанры речи. – Саратов, 1997.

Величковский Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии познания. Т.2. – М., 2006.

Вилкас Э.Й. Оптимальность в играх и решениях. – М., 1990.

Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. – М., 1958.

Выготский Л.С. Психология развития человека. – М., 2003.

Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. – Екатеринбург, 1996.

Жюльен Ф. Путь к цели: в обход или напрямик. Стратегия смысла в Китае и Греции / Пер. с французского В. Лысенко. – М.: Московский философский фонд, 2000.

Иванова Ю.М. Стратегии речевого воздействия в жанре предвыборных теледебатов. Дис. канд. филол. наук. – Волгоград, 2003.

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М., 2002.

Клаузевиц К. О войне. – М.: «Логос», «Наука», 1994.

Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: Курс лекций. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2001.

Кола Д. Политическая социология. – М.: «Весь мир», «ИНФРА - М», 2001.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность // Избранные психологические произведения: В 2 т. Т. 2. – М.: Педагогика, 1983.

Методология исследований политического дискурса. Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып. 2 – Минск: БГУ, 2001.

Плотникова С.Н. Неискренний дискурс. – Иркутск, 2000.

Ретюнских Л.Т. Игра как она есть или онтология игры. – Москва-Липецк, 1997.

Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М., 2002.

Саати Т.А. Математические модели конфликтных ситуаций. – М., 1977.

Теория и практика риторики массовой коммуникации (Научно-аналитический обзор). – М., 1989.

Узнадзе Д.Н. Общая психология. – М., СПб., 2004.

Финк Э. Основные феномены человеческого бытия // Проблема человека в западной философии. – М., 1988.

Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. – М., 1925.

Хейзинга Й. Homo Ludens / Человек играющий. Статьи по истории культуры. – М., 2003.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – Волгоград, 2000.

Шейгал Е.И., Иванова Ю.М. Предвыборные теледебаты как жанр стратегической коммуникации // *Respectus Philologicus* № 5 (10). – Вильнюс, 2004. С. 29-41.

Шейгал Е.И., Иванова Ю.М. Игровой дискурс: игра как коммуникативное событие. // Известия РАН. Серия литературы и языка. № 1. 2008. С. 3-20.

Эльконин Д.Б. Психология игры. – М., 1999.

Энциклопедия кибернетики. Т. 1. – Киев, 1975.

Caillois R. Les Jeux et les Hommes. – Paris, 1958.

Goffman E. Encounters. Two Studies in the Sociology of Interaction. – Indianapolis, 1961.

Landreth G. Play Therapy: The Art of the Relationship. – Florence, 1991.

Straffin P.D. Game Theory and Strategy. – The Mathematical Association of America, 1993.

Надель-Червиньска М.
Катовице, Польша

ДВЕ РОССИИ ГЛАЗАМИ
«ДАЧНИКА С 1918 ГОДА»,
ИГОРЯ СЕВЕРЯНИНА

УДК 821.161.1

ГСНТИ 16.21.27, 16.21.33

Nadel-Chervinsky M.
Katowice, Poland

TWO RUSSIAS BY EYES
OF «SUMMER-REZIDENT SINCE 1918»,
IGOR SEVERYANIN

Код ВАК 10.02.01

Аннотация. В статье параллельно рассматриваются, в контексте русской ментальности, дискурсы политический и поэтический, отражением которых служат, в частности, тексты И. Северянина. Для поэта, представителя вынужденной эмиграции, существуют две России и два взгляда на эту страну – изнутри и снаружи.

Ключевые слова: русская ментальность, политический дискурс, контрасты России, экспрессивная оценка, стихотворный текст, Игорь Северянин.

Сведения об авторе: Надель-Червиньска Маргарита, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка института восточнославянской филологии.

Место работы: Силезский университет.

Контактная информация: E-mail: ma6570@gmail.com

Abstract. In the article there are examined in parallel, in the context of Russian mentality, two discourses – political and poetical, reflection of which it is served, in particular, I. Severyanin's works. For the poet, the representative of enforced emigration, there are two Russias and two views on this country - inside and out of it.

Key words: Russian mentality, the political discourse, contrasts of Russia, expressive appreciation, poetical text, Igor Severyanin.

About the author: Nadel-Czerwińska Margarita, candidate of philology, associate professor of the chair of Russian language of institute of east philology.

Place of employment: University of Silesia.

На первый взгляд, анализ политического дискурса поэтического творчества Игоря Северянина кажется подходом абсурдным. Именно неприятие реальной жизни заставило русского поэта-эксцентрика провозгласить себя в начале XX века эго-футуристом. Именно оно уводило Северянина в мир несбыточных грез – мир, погруженный в волны задумчивой музыки, аромата цветов, в скользкие тени удивительных женщин и прозрачных литературных ассоциаций.

Однако, в отличие, допустим, от символистов, акмеистов и имажинистов, северянинские произведения даже начала его творчества пе стрят приметами своего сложного времени, пусть неравномерно, избирательно, но очень точно и метко называя детали и признаки реального российского бытия. И это, видимо, приводит мечтателя-индивидуалиста в шумный лагерь Д. и Н. Бурлюков, М. Маяковского, А. Крученых, В. Каменского, В. Кандинского и других не менее демонстративных и оригинальных личностей, защищавших свободное искусство и звонко раздававших пощечины общественному вкусу в России до 1917 года.

А оттого все «новое» виделось неизбежным, близким и радужным, причем в нем, новом будущем такого прекрасного далека, обязательно должно было найтись множество места – для индивидуального творчества каждого, для Больших Поэтов и Розовых Слонов. Эта самая тяга к бескрайним просторам и свободе самовыражения толкала футуристов колесить по России. А с ними трясся в неудобных вагонах довольно странный, немолодой, разочарованный жизнью поэт, слывающий в той же России певцом житейского комфорта, аристократической роскоши, беспочвенных мечтаний и сексуальных утех, т.е. всего того, чего у самого

Игоря Васильевича Лотарева в реальности никогда, возможно, и не было.

Назовем этот своеобразный феномен российского ментального бытия парадоксом небыточности (п1). Парадокс этот свойственен как русскому поэтическому дискурсу, так и российскому дискурсу политическому. В первом случае сразу припоминается много знакомых строк: *Никогда я не был на Босфоре...* (С. Есенин); *Послушай! Далёко-далёко на озере Чад Таинственный бродит жираф...* (Н. Гумилев); *Предо мной золотой аналой И со мной сероглазый жених...* (А. Ахматова); *Здравствуй, правнуков жилище, – И мое, и не мое!..* (И. Анненский); *Я блуждал в игрушечной чаще И открыл лазоревый грот...* (О. Мандельштам) и т.п. Во втором случае приходит на память множество лозунгов: *Земля – крестьянам! Искусство принадлежит народу. Вперед, к победе коммунизма! Пятилетку в четыре года. За себя и за того парня. Каждому пассажиру – по мягкому месту. Удвоим удои скота. И на Марсе будут яблони цвести...* Последний, впрочем, наглядно показывает, насколько условна бывает грань между поэтическим и политическим, когда речь идет о России после 1917 года...

Конечно, можно сказать, что И. Северянин, в противовес известной идеи добровольного замыкания поэтов в *башне из слоновой кости*, демонстративно, что ему так свойственно, строит в стихах свой собственный *дворец двенадцатитажный*. И в этом дворце роскоши и любви он сам предпочитает этаж отсутствующий – *тринадцатый этаж*, где ничто не отгораживает его поэтическое эго-«я» от окружающего мира, от мира реального (п1). Здесь все открыто ветрам и *протяжному вихрю*, здесь не спрятаться, *не сплутовать сердцем*, и ни от кого *ничего не скрыть* в этом обнаженном ми-

ре и такой же обнаженной душе поэта – ибо обо всем, что делается в этом мире, казалось бы, тайно, на самом деле *знает целый свет уже*. [Тринадцатая. Север. 1990: 228-229.]

Столь полная открытость и незащищенность внутреннего мира в окружающем пространстве мира внешнего возводится Игорем Северянином – и в этой его «новелле», и в других стихотворениях – в некий фатальный абсолют. И в этом угадываются не только терзания больной человеческой души поэта. Безнадёжно оттесняется в прошлое век минувший русской культуры, с дорогими сердцу именами ее корифеев, такими как К. Фофанов, М. Лохвицкая, С. Надсон, К. Бальмонт и другие, к которым так часто обращается автор в поэтических строках. Наступивший несет новое, неизвестное, а потому тревожен ожиданием приближающегося и непредсказуемого. В году 1910-м всего несколько лет отделяет поэта от грядущей войны, затем рокового все всей России 1917-го.

Поэтому северянинская *башня* принципиально иная, отличная от *башни* замкнутого элитарного кружка Г. Иванова, Д. Мережковского, З. Гиппиус. Башня, венчающая вычурную дворцовую конструкцию стиха, – это *тринадцатый*, ирреальный и сюрреальный, этаж без этажа, комната без комнаты, это как бы пространство Вселенной собственного поэтического *я*, открытое ветрам нового XX века. Это пространство, никому не принадлежащее и ни от чего не способное защитить мятущуюся русскую душу, в том числе от *той, кого не знаю и узнать не рад*, оттого и чудится в этих строках нечто пророческое:

*Но бывают ночи: заберусь я в башню,
Заберусь один в тринадцатый этаж,
И смотрю на море, и смотрю на пашню,
И чарует греза все одна и та ж:
Хорошо бы в этой комнате стеклянной
Пить златистогрезый черный виноград
С вечно-безымянной, странно так желанной,
Той, кого не знаю и узнать не рад...*
[Тринадцатая. Север. 1990: 228-229.]

Сопоставив эти две «башни поэтов» и столь рознящиеся концепции их возведения (дискурс поэтический), можно вывести следующие два феномена российского ментального бытия. Первый из них назовем парадоксом самоограничения (п2а; *слоновая кость* как материал вечный, не поддающийся внешним воздействиям; такая башня надёжно изолирует – добровольных ли? – узников). Второй феномен назовем парадоксом аквариума (п2б; все видно, открыто чужим глазам; самому не скрыться, ничего не спрятать, да и нет ничего своего материального; изоляция в пустоте, вакуум человеческих отношений).

Впрочем, уже очень скоро те же самые парадоксы, казалось бы, исключительно поэтических фантазий, характерных для Серебряного века русской поэзии, будут узнаваемы совер-

шенно в ином контексте (дискурс политический). Со скрежетом задвинется *железный занавес* целой эпохи, искусственно переполовиня многие судьбы (п2а). Надежно захлопнутся за многими поэтами железные двери камер, просматривающихся через глазок, как *аквариумы* (п2а + п2б; тюремно-лагерный жаргон). А пройдут в России десятилетия и – такое же название получит известная рок-группа: идея *аквариума* останется актуальной (п2б).

Также и через сто лет, по возведении Игорем Северяниным *тринадцатого этажа*, с трибун будут призывать к «транспарантности» и «прозрачности» всего, всех и каждого (п2б). Слишком долго отсутствие «своего» (собственного, материального, жизненно необходимого) навязывалось как добродетель (п2а). Так же, как и полный отказ от сохранения чего-либо «своего за душой» в пользу *коллективизма* и подчинения *общественному мнению*, официально господствующему (п2а + п2б). Коммунистическая *идейность* легко подменяется в этом случае православным *бессребренничеством* (п2а). Россия, давно уже лишенная национальных и религиозных корней, как должное принимает эту новую форму далеко не новой идеологии, в которой воспеваются *нищие духом* и *отказ от материальных благ* (п2а + п2б). В который раз здесь строится «новое» общество по старому, хорошо знакомому, образцу...

Надо отметить, что уже в раннем, эгофутуристическом, периоде творчества поэта Игоря Северянина (Или *Игоря-Северянина*, как предпочитал себя сначала именовать Игорь Васильевич Лотарев, одна из наиболее ярких и неоднозначных фигур *Серебряного века* русской поэзии) образ России удивительно конкретен, точен, выпукло достоверен (п2а + п2б). Заметим, что на этапе экспериментального стихотворчества у поэта этот образ, пожалуй, оказывается единственно реалистичным – несмотря на демонстративно экзотическую фантастичность и почти полную оторванность от реальной действительности витиеватых северянинских *лозз*, которые похожи на сложную художественную вышивку, разноцветными тонкими шелками по китайскому шелку (п1).

Впрочем, сами ориентальные темы поэта не привлекали, хотя определенная общность стилистической выразительности поэзии Игоря Северянина и великолепной прозы Пьера Лоти, модного тогда в Европе и Петербурге, очевидна. Причем первое (субъективная непривлекательность данной темы) возможно, видимо, потому, что поэт всю Россию воспринимал как *Наш варварский русский Восток* (п2б), который – казалось ему временами, даже еще в 1921-м году, – когда-нибудь, в каком-то отдаленном и туманном будущем (п1), все-таки *Вселенную спасет*. Кто, чем и как – это совершенно не важно, лишь бы «всех спасти», «всем продемонстрировать силу», а за этим чудятся все те же идеологические жупелы: *сильная ру-*

ка, сильная власть, сильная воля, сильная Россия.

Для российской ментальности XX – XIX веков характерно также семантическое равенство *сильный = железный*. Это – *железные рука, воля, власть*. Это также – *железные кулак, конь, Феликс; закон, дверь камеры; установки, правила*. Это они создают в том же ментальном – замкнутом – круге (п2а + п2б) печально известное ощущение *железного занавеса*. А *железный век*, как известно, – это век в арварстава, темный век жестокости и безумия, век *неуместности и невольности* русского поэта. Однако, находясь даже *среди озверелых людей*, в этот *ужасный век* (п2б), Северянин в 1917-м году пишет следующие строки:

*И в зле добро, и в добром злоба,
Но нет ни добрых, нет ни злых.
И правы все, и правы оба,—
Их правоту поет мой стих.
И нет ни шведа, ни японца,
Есть всюду только человек,
Который под ненужьем солнца
Живет свой жалкий полувек.
[Промельк. Север 1990: 130]*

Не то, чтобы в пространстве этого человеческого *ненужья* и *варварского русского Востока* Игорь Северянин сам чувствовал себя азиатом (этого в стихах не найдем), но воспринимал самого себя отчасти *варваром*, пришлым из *варварской страны*, где – обратим внимание! – в замкнутом пространстве варварских (нецивилизованных) отношений *на несчастье другого всякий счастье строить прав* (п2а). Абстрактная история реально не осуществимой любви (п1) *королевы Ингрид и Эрика светлоокого, Севера короля*, так же, как и все у поэта, имеет несколько ассоциативных подтекстов – если не в целом как текст, то во фрагментах текста и семантике отдельных знаковых элементов, его составляющих.

Заметим, что достоверная реальность пейзажей в северянинских стихах как бы параллельна с реалистическими приметами и деталями российского бытия (городского, провинциального, сельского), повседневной жизни до переломного 1917-го года. «Городское» и «провинциальное» при этом становятся у Северянина мишенями резкой и острой сатиры, «сельское» – предмет воспевания. В противопоставленности *выдуманное / реальное (= мертворожденное / жизненное), искусственное / натуральное (= искусство / природа), фальшивое / искреннее (= истинное / ложное)* узнаваемы и его философско-поэтическое кредо, и прямолинейная негибкость большой души Игоря Васильевича Лотарева.

Это вечная и невыносимая для него проблема выбора, когда приходится жить не *крылато, как орел* (п1), и не *как умный человек, опередивший на столетье век* (п1), а *скользя меж двух соединившихся «нельзя»* (п2б). [Бле-

стящая поэза. Север 1990: 57] И когда он говорит в 1907-м о *Человеке, заковавшем свой разум в строгих принципов духа кольчугу*, он имеет в виду также себя (п2а + п2б).

Последнее можно рассматривать либо как двойственность мироощущения Игоря Северянина-Лотарева, либо как болезненное слабование, провоцирующее позицию ухода от жизни – от неблагоприятной действительности в мечтания о *красоте*, поэтические *грезы-фантазии* (п2а), ухода из жизни – в мысли о собственной смерти, а также о самоубийстве других (п2б). Тема смерти у поэта, на протяжении всего его поэтического творчества, не раз актуализируется и решение ее неоднородно. Интересна также в этом контексте северянинская дилемма «жизнь вне России как смерть» / «жизнь в новой России как смерть». Закономерен и вывод «необходимо вернуться в Россию, чтоб там умереть» (п1), но это уже заключительный аккорд в мотиве эмиграции, существовании вне России. Мотив ограничений (*соединившиеся «нельзя»*; п2а) и мотив отторжения, насильственного вытеснения вовне, за пределы России (человеческое *ненужье, под ненужьем солнца*; п2б), еще в марте 1918-го года сольются в горькие поэтические строки:

*Мы шли по Нарве под конвоем,
Два дня под арестом пробыв.
Неслась Нарова с диким воем,
Бег ото льда освободив.
В вагоне заперты товарном, —
Через Везенберг и через Тапс, —
В каком-то забытом кошмарном.
Всё время слушали по «инанс».
Мы коченели. Мерзли ноги.
Нас было до ста человек.
Что за ужасные дороги
В не менее ужасный век!
Прощайте, русские уловки:
Въезжаем в чуждую страну...
Бежать нельзя: вокруг винтовки.
Мир заключен, но мы в плену.
[По этану. Север 1990: 134]*

В принципе, свойственная Северянину жизнеутверждающая позиция – это своеобразная форма индивидуального поэтического аутотренинга, внушение себе и окружающим мысли, что «жить все-таки надо, не смотря ни на что». Для поэта такой активной формой жизни является сопротивление (и внутреннее, и внешнее), сопротивление всему тому, что ему пытаются навязать, приписать, заставить принять. Деятельно безвольный (п2а), поэт находит выход и самореализацию все в новых поэтических скандалах (п2б). В 1918-м, говоря о своей *двусмысленной славе* как результате *явного вызова условностям* в своих стихах (что для него самого при этом есть не более чем п1), поэт подчеркивает, что его *двусмысленные темы* — *двусмысленны по существу*:

*Во мне выискивали пошлость,
Из виду упустив одно:
Ведь кто живописует площадь,
Тот пишет кистью площадной.
Бранили за смешенье стилей,
Хотя в смешенье-то и стиль!
Чем, чем меня не угостили!
Каких мне не дали «pastilles»!..*

[Двусмысленная слава. Север 1990: 136]

Здесь калька с французского *дать «pastilles»* соответствует русскому фразеологическому варианту *преподнести пилюлю* кому-нибудь, в значениях «доставить неожиданную неприятность; сделать или сказать какую-либо гадость, неллицеприятность; поставить публично в ложное положение; доставить пренеприятные минуты». Поэт относится к этому философски, с насмешкой: *Но даровав толпе холопов // Значенье собственное "я", // От пыли отряхну обувь...* [Эпилог. Север 1990: 171]

Однако холопы в стихах И. Северянина не крестьяне и *говор хат*, так им *боготворимый*, а неумные салонные льстецы, у которых в душе – *осколки строф Мюссэ*, а на лице – *обидное бездушье* (п2а). *Что до того, что скажет Пустота под шляпками, цилиндрами и кепи?* – для поэта вопрос не столько риторический, сколько *наболевший и острый* (1910). Поэтому *площадность* (п2б) есть для него прежде всего обобщение того, что ему претит в современной ему России – *пустословия и фразерства, лживости и фанфаронства, примитивности и глупости, отсутствия чувств и глубокого ума*. И это обобщение он демонстративно, а с его точки зрения – *площадно*, оформляет в эпатажность своих *поэз*, направленных против тех, кто им истового аплодирует на *поэзкоконцертах*. Для него самого это *рифмы-кукиши*.

Приведем лишь несколько таких опусов:

...лучат волособлонды зло-специной Эскламонды... (1914); *...И ея сиятельство Навела лорнет На природу, ставшую Crème d'épine vinette...* (1914); *...Экстравагантно выпускает лиф, Лорнирует базарно каждый смокинг... При этом всем – со вкусом носит титул, Иной щеке даря свою ладонь.* (1911); *...И что тут прелесть? и что тут мерзость? Бесстыж и скорбен ночной пуант. Кому бы бросить наглее дерзость?..* (1911); *Лакей и сен-бернар – ах, оба баритоны! – Встречали нас в дверях ответом на звонок. Камелии. Ковры. Гостиной сребротоны. Два пуфа и диван. И шесть бесшумных ног...* (1914).

Площадность стиха, площадность зрелищ и публичных выступлений – то, что роднит Северянина и Маяковского по-настоящему, не из простого позерства.

И так современно звучат северянинские стихи 1913-го года, воистину *опередив столетье на век* в который раз: и разве это написано, в определенном смысле, не про современную «гламурную» *офраченную* Москву?.. Русский «гламур» – это звучит так по-северянин-

ски, как остальное новейшее словотворчество столичного *бомон(д)а*:

В смокингах, в шик опроборенные, великосветские олухи

В княжесей гостиной наструнились, лица свои оглушив:

Я улыбнулся натянуто, вспомнил сарказно о порохе.

Скужу взорвал неожиданно нео-поэзный мотив.

Каждая строчка – пощечина. Голос мой – сплошь издевательство.

Рифмы слагаются в кукиши. Кажет язык ассонанс.

Я презираю вас пламенно, тусклые Ваши Сиятельства,

И, презирая, рассчитываю на мировой резонанс!..

[В блестящей тьме. Север 1915: 14]

В 1926-м Северянин о себе напишет: *...Он — в каждой песне, им от сердца спетой, Иронизирующее дитя. И еще следующее, очень для него важное и определяющее:*

Он тем хорош, что он совсем не то,

Что думает о нем толпа пустая,

Стихов принципиально не читая,

Раз нет в них ананасов и авто...

[Игорь Северянин. Север 1990: 92]

Отвергая, в частности, *бархатную сказку*, которой лишь *сердца друг другу ранили* (п1), поэт погружается в реальную, но не менее *растянутую* его, действительность и строки его «Секстины» в январе 1910-го во многом уже звучат для России пророчески: 1) *Бодришь, народ: ведь не один во тьме ты, – Мы все во тьме – повсюду и везде.* (мотив затемненного разума, необразованности и всеобщего безумия; п2а) 2) *И ты, мужик, твердишь везде, везде, Что близок час... Так предрешил во тьме ты.* (мотив неизбежного возмездия и, одновременно, конца света – как мотив Апокалипсиса; п2б) 3) *Они – костры, но те костры – везде...* (мотив инквизиции, в прошлом, настоящем и будущем; п2б) 4) *Народный гений, замкнутый в нужде...* (мотив нищеты, материальной и вынужденно духовной; п2б) 5) *Я вижу смерть, грядущую в звезде...* (мотив приближающейся смерти; п2а + п2б) 6) *...смерть везде! Она грядет, она уже везде!..* (мотив апокалипсический; п2а + п2б) 7) *Крылью привет карающей звезде – Она несет конец земной нужде...* (мотив заслуженной кары и возрождения к новой жизни; п1). Но когда изгнанник И. В. Лотарев столкнется с реальным множеством смертей (от *красного террора*) и умиранием духа (в вынужденной эмиграции русских интеллигентов), поэт Игорь Северянин откажется от воспевания абстрактного Культа Смерти, что было особенно свойственно ему в начале творческого пути:

Скелетом черным перелесея

Пускай пугает: страх сожну.

*Люблю октябрь, предснежный месяц,
И Смерть, развратную жену!..
[Октябрь. Север 1990: 24]*

До исторической черты 1917-го года важным моментом в контексте восприятия России как противопоставленности для И. Северянина свое (= приемлемое) / несвое (= неприемлемое), мое (= личное) / чуждое (= чужое) стало участие страны в Первой мировой войне. После черты 1917-го, февральской, а затем октябрьской революций, – *приятие / неприятие* того, что происходит и делается вокруг, т. е. *приятие / неприятие* новой российской действительности – новой власти (*железного кулака* и *железного Феликса*), новых порядков и новой, не знакомой ему раньше, ментальности. И обличительная северянинская сатира в 1919 году, сатира на «новую» Россию, обретает поэтому особую силу слова (п2а + п2б):

*Правительство, влекущее в строй армий
Художника под пушку и ружье,
Напоминает повесть о жандарме,
Предавшем палачу дитя свое.
Правительство, лишившее субсидий
Писателя, вошедшего в нужду,
Себя являет в непристойном виде
И вызывает в нем к себе вражду.
Правительство, грозящее цензурой
Мыслителю, должно позорно пасть.
Так, отчеканив яркий нимб цензурой,
Я хлестко отчеканиваю власть.
А общество, смотрящее спокойно
На притеснение гениев своих,
Вандального правительства достойно,
И не мечтать ему о днях иных...
[Поэза правительству. Север 1990: 147]*

Следует оговориться, что тема России для Игоря Северянина всегда была и остается до конца его дней темой больной – больной, в своей субъективной незавершенности и объективной неразрешенности. Не по своей вине и по чужой воле (О своей принудительной «эмиграции» он сам не раз говорил: «Я дачник с 1918-го года!..», поскольку ему не разрешили вернуться в Петербург из эстонской деревни, где Северянин с женой отдыхали каждое лето) оставшись за пределами родины, поэт двойственно переживает свою с ней связь, а также двойственно переживает и вынужденный разрыв. И, где бы он ни находился, внутри России, до лета 1918 года, или затем вне ее пределов, его отношение к этой стране всегда неоднозначно, что хорошо прослеживается в северянинских стихах.

Поэтому нельзя не согласиться с тем, что замечает один из немногих исследователей творчества поэта, В. Греков: «Правильнее было бы сказать, что весь поэтический мир Игоря Северянина изначально двойственен. Поэт как бы взвешивает на весах добро и зло: *И в зле — добро, и в добром — злоба*» [Северянин 1990:

11]. Из-за той же двойственности поэтического мироощущения и В. Брюсов в своей статье 1916 года «Игорь Северянин» [Брюсов 1975: 451] отмечает следующее: «...Не всегда легко различить, где у Игоря Северянина лирика, где ирония. Не тогда ясно, иронически ли изображает поэт людскую пошлость, или увы! сам впадает в мучительную пошлость». Но еще раз присоединимся к мнению Грекова – «внимательный читатель отличит *стилизацию* под пошлость от самой пошлости, лирического героя от самого автора, который *прячется* за своим героем с иронической усмешкой» [Северянин 1990: 6].

Одной из сторон такой двойственности северянинской поэзии является свойственная его стихам *полемичность*, нередко слишком эмоциональная, иногда даже чересчур субъективная. Так, в стихотворении 1907 года поэт о России пишет [Здесь и далее поэтические тексты цитируем по кн.: Северянин 1990]:

*...А знаешь край, где хижины убоги,
Где голод шлет людей на тяжкий грех,
Где вечно скорбь, где лица вечно строги,
Где отзвучал давно здоровый смех,
И где ни школ, ни доктора, ни книги,
Но где — вино, убийство и... вериги?..
[Ты знаешь край? Север 1990: 20]*

Эти строки представляют собой ответ на вынесенную в эпиграф цитату из А. К. Толстого: *Ты знаешь край, где все обильем дышит?* Поэтизация родной земли здесь так же узнаваема (п1), как советские яблони, цветущие на Марсе, – это то, что хотелось бы повсеместно видеть, то, что не раз реализовалось Северяниным в его *поэзогрезах*.

Однако родной край, каким видит его Северянин в преддверии будущих *ананасов в шампанском, ветропросвисте экспрессов и крылолете буеров* (п1 + п2б), нищ, уныл, погружен в безнадежность (п2а). Здесь, в 1908-м, обитают *жалкие темные люди*. [Бледнел померанцевый запад.... Там же: 26] А годом позже поэт восклицает:

*И хочется мне крикнуть миллионам
Нездарностей, возвращенных в кабаке:
«Приличней быть в фуражке почтальоном,
Чем лириком в дурацком колпаке».*

Увы, собратья по перу *лубочно вдохновенны*, большинство из лириков — *без лиры, // И песни их звучат не из груди...* [«Собратья». Север 1990: 31] Пишет он также о живущих в этой стране следующие строки:

*Они способны, дети века,
С порочной властью вместо прав,
Казнить за слабость человека,
Стихийно мощь его поправ.
[В защиту Фофанова. Север 1990: 34]*

На одиночество в России, к сожалению, обречены и маленький человек, и одаренная лич-

*Но в поезде надо, — и не было денег, —
И нечего было продать.
Я чувствовал, поле опять изумрудно,
И лютики в поле цветут...
Занять же так стыдно, занять же так трудно,
А ноги сто верст не пройдут.
Гулять же по городу — видеть автобус,
Лицо проститутки, трамвай...
Но это же гадость! Тогда я взял глобус
И, в грезах, поехал в Китай.
[CARTE-POSTALE (фр. Почтовая открытка).
Север 1990: 58]*

Знаменательно и выраженное в стихотворных строках решение поэта, к которому охотно присоединялся с чувством цитировавший данные строки Маяковский, уехать из этой страны (русская интеллигенция обычно в таком случае и таком контексте добавляет: *Богом проклятой страны или России*) куда-нибудь подальше (п2б) – например, *поехать в Китай*, хотя бы в *грезах* (п1). Почему так хочется уехать из нее куда угодно? На этот вопрос Игорь Северянин сам отвечает в других строках, помеченных тем же годом (п2а):

*Я сам себе боюсь признаться,
Что я живу в такой стране, [...]
Где блеск и звон карьеры — рубль,
А паспорт разума — диплом;
Где декадентом назван Врубель
За то, что гений — не в былом!..
Я — волк, а критика — облава!
[Поэза вне абонемент. Север 1990: 63]*

Стихи носят, как обычно для поэта, остро сатирический и явно эпатажный характер и потому завершаются соответствующей тирадой, рассчитанной на бурную – чаще всего негативную – реакцию зрительного зала (п2б + п1):

*Но я крылат! И за Атлант —
Настанет день — польется лава —
Моя двусмысленная слава
И недвусмысленный талант!
[Там же]*

Свою *двусмысленную славу* поэт презирает так же, как пеструю публику *поззоконцертов и турниров словоборчества* (п2б), на которых рядом с ним *раскрывают рты стиха титаны и кроты* (п2а). [Самогимн. Север 1990: 62]

Но наступает год 1914-й, а затем год 1917-й. Первая мировая война. Революция. Россия захлебывается в кровавом мятеже. И было бы неверно считать, что эти страшные события не нашли отражения в творчестве Игоря Северянина, а так и остались для него *за струнной изгородью лиры* (п2а).

Достаточно вспомнить стихотворения, датированные 1914 года, – в них такие страшные слова (п2б), как:

*Вчера Земля сошла с ума...
[Умалишенная. Север 1990: 74-75],*

или строки о сознательном отказе от кровопролития (п2б) –

*Я перевозмог порывы гнева:
Убив другого — я убит...
[Стихи в ненастный день. Север 1990: 76-77].*

А вот строфа, датированная 1915 годом (п2а):

*Это страшно — все одно и то же:
Разговоры, колкости, обеды,
Зеленицик, прогулка, море, сон,
Граммфон, тоска, соседей рожки,
Почта, телеграммы про победы,
И в саду все тот же самый клен.
[Это страшно. Север 1990: 95].*

И стихотворный диалог 1916 года (п2а):

*– Все соседи сражаются,
Не воюем лишь мы.
– Но у нас, слава Господу,
Все здоровы умы...
[Любопытство Эклерезиты. Север 1990: 110-111]*

(Воюющей Европе поэт противопоставляет свою иллюзорную *Миррэлию*, в которой люди настолько мудры, что отказываются воевать и ссориться с соседями)

Стихи в ненастный день, за которые Северянина склоняли в прессе, как до 1917-го года, так и после него, были, собственно, ответом самому себе, на написанные в 1914-м такие нескромные строки (п2б + п1): *Я – ваш любимый, ваш единственный – // Я поведу вас на Берлин! Всеобщая эйфория воинствующего «русского духа» в первые дни войны 1914-го года сопоставимы аналогичной эйфорией, искусственно подогревавшейся в советский период против потенциального врага-агрессора (п1) – прежде всего против Германии (в память о двух пережитых войнах), а также против США (страны, которую нужно догнать и перегнать, в первую очередь в гонке вооружения). Та же модель искусственно актуализирована – чтобы не сказать «реанимирована» – в последнее десятилетие (п2а + п2б).*

Итак, даже Игорь Северянин поддался всеобщей истерике патриотического психоза, нагнетаемой и в печати и в пламенных публичных выступлениях политических деятелей. Потом поэт испытывал по этому поводу острое чувство стыда, результатом которого и стало стихотворение, написанное в *ненастный день*. К этой же теме Северянин вновь возвращается, но уже в другом стихотворении:

*Не поняты моей страной
Стихи «В ненастный день». [...]
Не тронута моей страной
Осталась рабская порода.
Зерно, посеянное в зной,
Не принесло тогда приплода,
Что для морального урода
Призыв к любви? урод — как пень...
[Баллада XIII. Север 1990: 120-121]*

Для поэзии Игоря Северянина, влюбленно-го в простоту деревенского быта, в наивность незамысловатых человеческих отношений (о чем им написано множество стихотворений), так неожиданно прозвучит в 1917 году: *рабская порода – народа, народ – урод – как пень...* (п2а + п2б) А ведь совсем скоро, уже через каких-нибудь несколько лет, вслед за Северяниным, опальным, и другой большой русский поэт, Борис Пастернак, срифмует абсурдное, эпихально пророческое: *родина – уродина* (п2а). Уродлива я Россия. Вырождающийся народ. Чтобы бросить такие обвинения собственной стране, как это сделали два Поэта, необходимо ощущать себя *вне ее и над тем*, что в ней творится (п2б). Следует постичь свою *несопричастность* (п2б) тому, что происходит в России по жестокой воле очередного *паяца* (п2а).

Но тот же Игорь Северянин, в том же самом 1917-м, писал и такие строки (п1 + п2б):

*Да, верю я, наперекор стихии,
Что вал растет, вздымающий волну,
Которая всё-всё сольет в одну,
А потому — я верю в жизнь России!*

[Поэза последней надежды. Север 1990: 128-129]

Снова мы сталкиваемся с двойственными порывами его мятущейся души. Россию ему трудно любить, такую, какой она есть. И возненавидеть ее он не может, как не может оставаться равнодушным к тому, что в ней происходит (п2а + п1):

*Ночами, в бессонницу, мне
Мучительно думать о горе народа,
О жутком, — о близком к нам, — дне.*

[Поэза скорбного утешения. Север 1990: 131]

Пророчески звучит также его, упомянутое выше, страшное стихотворение 1918 г., *По этапу*. [Север 1990: 134]

За *странным тяготеньем к хамству* (п2б) одураченной толпы, за ее *восторгами перед силой грубой*, а также за собственными наблюдениями того, как человек *весь стержнеет без закона* (п2б), в самый разгар революционных событий поэт делает парадоксальный вывод:

*Не люди — люди, или я —
Не человек, раз люди — люди!*

[Поэза моих наблюдений. Север 1990: 143]

Но это уже взгляд со стороны – Игорь Северянин теперь стал вынужденным эмигрантом (п2а). На родину ему не суждено вернуться (п1; со знаком «минус»). Можно только всю остальную жизнь пристально и пристрастно следить – из-за границ – за тем, что там, в н у т р и, происходит (п2а).

Поэт наивно пытается достучаться стихотворной строкой до разума, или коллективного безумия, большевиков:

*Правительство, когда не чтит поэта
Великого, не чтит себя само
И на себя накладывает veto
К признанию и срамное клеймо.*

[Поэза правительству. Север 1990: 147]

Тщетно... Он и сам оказывается беспомощным здесь, за пределами родины (п2б), –

*В этой маленькой русской колонии,
Здесь спасающей от беззакония
Свои бранные дух и тела..., где
Ищут все лишь еды и тепла.*

[Поэза для беженцев. Север 1990: 153]

Образованным людям опять *стыдно* (п2а), снова им даже *не у кого занять*.

В руки Игоря Северянина время от времени, правда, попадает провинциальная пресса (п2а), однако и в ней можно найти информацию о *громах и молниях проклятых дней* (п2б):

*Из тусклой ревельской газеты,
Тенденциозной и сухой,
Как вы, военные галеты,
А следовательно — плохой,
Я узнаю о том, что в мире
Идет по-прежнему вражда,
Что позабыл весь мир о мире
Надолго или навсегда...*

И тогда поэт напишет:

*И вот читаю в результате,
Что арестован Сологуб...
Что умер Леонид Андреев,
Испив свой кубок не до дна...
Что Собинов погиб от тифа
Нелепейшею из смертей...
что вечно юный старец Репин
В Финляндии...*

[Поэза душевной боли. Север 1990: 155-156]

Теперь Россия для него – это цепь трагичных кончин великих поэтов (п2а + п1; со знаком «минус»). Умирает Александр Блок, с которым, собственно, Северянин никогда не был особенно близок:

*Теперь пережить мне дано
Кончину еще одного
Собрата — гиганта. О Русь
Согбенная! горбь, еще горбь
Болящую спину. Кого
Теряешь ты ныне? Боюсь,
Не слишком ли многое! Но
Удел твой — победная скорбь.*

[На смерть Александра Блока. Север 1990: 171]

Расстрелян Николай Гумилев. Об этом шепчутся в России (п2а) и как-то сразу узнают за границей (п2б). В связи с этим на Игоря Северянина вновь нахлынули воспоминания и речь невосполнимых утрат (п2а + п2б):

*Я Гумилеву отдавал визит,
Когда он жил с Ахматовою в Царском,
В большом прохладном тихом доме барском
Хранившем свой патриархальный быт. [...]*

*Не знал поэт, что смерть уже грозит
Не где-нибудь в лесу Мадагаскарском
Не в удушающем песке Сахарском,
А в Петербурге, где он был убит.
[Перед войной. Север 1990: 178]*

Той же теме трагичных смертей (п2а) посвящены и такие стихотворения, как Сологуб, Гумилев, воспоминаниям о милом литературном прошлом России – стихотворения Гоголь, Фет, Фофанов [Север 1990: 194, 196, 190, 191, 192.] Особенно резко на общем поминальном фоне (п2б) звучат следующие строки:

*И не трагично ль утомленным векам
Смежиться перед хамствующим веком,
Что мелким бесом вертится у ног?..
[Сологуб. Север 1990: 193]*

Это для России настал хамствующий век, это там, в ней, все катится в тартарары, идет кувырком (п2б), мелким бесом вертится у ног нового царствующего паяца. Поэту Северянину родная когда-то страна, утраченная, увы, навсегда, отвела роль не только пассивного, но и бессильного зрителя, созерцателя со стороны (п2а):

*Вселенная — театр. Россия — это сцена.
Европа — ярусы. Прибалтика — партер.
Америка — «раек». Трагедия — «Гангрена».
Актеры — мертвецы. Антихрист их премьер.
О зритель, трепещи! от бешеных животных,
Ужасных в ярости, от мертвецов бесплотных
И смертью веющих — преградой лишь барьер.
[Сонет. Север 1990: 162]*

Граница, преграда-барьер, жестоко отрезавшая Северянина от этого мира (п2б), одновременно стала для него, поэта, спасительной гранью (п2а). Ведь из-за страшной черты, которую ему самому не преступить, грозно веет смертью. Ему самому этой смерти дано избежать (Он умрет 20 декабря 1941 года. Игорь Северянин умрет в год начала для России второй мировой войны и, по иронии судьбы, в канун очередного дня рождения человека, ставшего для его любимой родины кровавым тираном. День рождения И. Сталина праздновался в стране 21 декабря). Но северянинское сердце всегда оставалось в России (п1):

*Ты потерял свою Россию...
Россию нужно заслужить!
[Что нужно знать? Север 1990: 182]*

О русской эмиграции им написано и другое (п1: п2б → п2а):

*Вернуться в дом Россия ищет троп...
[Классические розы. Север 1990: 180]*

А, может быть, это сама Россия (п2б) хочет «вернуться»? Вернуться туда, откуда ее изгнали, к тому, чего ее насильственно лишили, – к своим истокам, к своей культуре (п2а), к критическому разуму старой русской интеллигенции?

И в стихотворении 1927 года эта больная для поэта тема звучит особенно остро, что подчеркнуто самим названием «Не более чем сон» (п1):

*Мне удивительный вчера приснился сон:
Я ехал с девушкой, стихи читавшей Блока.
Лошадка тихо шла. Шуришало колесо.
И слезы капали. И вился русский локон...
И больше ничего мой сон не содержал...
Но, потрясенный им, взволнованный глубоко,
Весь день я думаю, встревоженно дрожа,
О странной девушке, не позабывшей Блока...
[Не более чем сон. Север 1990: 199]*

Россия ему, большому русскому поэту Игорю Северянину, могла уже только сниться, хотя, как он считал, ...не дело для поэта годами жить без родины своей... Все это он особенно горько выразит в маленьком стихотворении, 1928 года, о бесполезности попытки бегства – бегства в никуда и отсутствии стимула продолжать жить (п1: п2а + п2б):

*Мне хочется уйти куда-то,
В глаза кому-то посмотреть,
Уйти из дома без возврата
И там — там где-то — умереть.
Кому-то что-то о поэте
Споют весною соловьи.
Чего-то нет на этом свете,
Что мне сказала бы: «Живи!...»
[Чего-то нет... Север 1990: 107]*

Но, в отличие от многих своих соотечественников, представителей творческой интеллигенции того же поколения, Игорю Северянину «повезет»: он умрет своей смертью в собственном своем доме, на своей постели (п2а). Пусть даже умрет он не таким уж старым, но зато его не постигнет судьба С. Есенина и Вл. Маяковского, Н. Гумилева и М. Цветаевой, Д. Хармса и О. Мандельштама, А. Ахматовой и многих-многих других (п2б). Не всем ли им посвящено стареющим Северяниным стихотворение, написанное в октябре 1935 года, в Таллинне? То ли это эмоциональный выплеск накопившегося негодования (п2б), то ли славившая сердце многолетняя боль, за себя и других (п2а):

*Летишь в экспрессе — жди крушенья!
Ткань доткана — что ж, в клочья рви!
Нет творчества без разрушенья —
Без ненависти нет любви.
Познал восторг — познай страданье.
Раз я меняюсь — я живу.
Застыть пристойно изваяню,
А не живому существу!
[Гармония контрастов. Север 1990: 114]*

Его тело не окажется брошенным где-то на безымянном пустыре либо закопанным в горах мусора на какой-нибудь свалке, а будет похоронено со скромными почестями в чужом краю, который, впрочем, всегда был сердцу поэта особенно дорог (п2а + п1). Нет, его не положат

в гроб фарфоровый на ткань снежинок яблоневых, ...под искры музыки оркестровой, под вздох изнеженной малины, как когда-то, в далеком 1910-м, писал в стихах «Мои похороны» (п1). И в этом декабре 1941-го года не будет всем весело и солнечно (п2б) от того, что осветит лица милосердие... Не сбылась, конечно, и мечта о площади в Москве, имени поэта, где когда-нибудь (п1) ...моя держава Мне на чугуунную главу Венко возложит величаво!

Однако в последний путь Игорь Северянин – большую совесть прежней, навсегда утраченной России – проводят немногие близкие поэту люди. И, может быть, когда-нибудь сбудутся пророческие слова, написанные русским поэтом в 1925 году, в стихотворении, названным им «Народный суд» (п1):

*Я чувствую, близится судное время:
Бездушье мы духом свои победим,
И в сердце России пред странами всеми
Народом народ будет грозно судим.
И спросят избранники – русские люди –
У всех обвиняемых русских людей,
За что умертвили они в самосуде
Цвет яркой культуры отчизны своей...
[Из сб. Классические розы. Север. 1922-1930 гг.]*

В то же время Северянин понимал, что бы услышал в ответ: *И скажут они: «Мы обману-ты были, // Мы верили в то, во что верить нельзя...»* [Там же.] В 1925-м году много стихотворных строк посвятил он поэтому раздумьям о далекой России, и эти раздумья были для него тяжелы, как камни, время собирать которые ему пришлось:

*Гой ты, царство балагана!
Ты, сплошная карусель!
Злою волей хулигана
Кровь хлебаешь, как кисель...
Цельный мир тебе дивится,
Все не может разгадать:
Ты – гулящая девица
Или Божья благодать?
[Там же: Кто же ты?]*

Здесь царство балагана (п2б), т. е. «цирк да и только», значимо как «форма государства» (того самого, которым управляет паяц). Воскликание *сплошная карусель* (п2б) ассоциируется с бесконечно повторяемым, беспорядочным, лишеным смысла и логики, хождением по замкнутому кругу (п2а) новейшей российской истории. Но также – с механизмом кружения на одном месте и вызыванием головокружения, с искусственным праздником для наивного человека (п2а). И даже, в современном ассоциативном контексте России, – с лексикой тюремно-лагерного жаргона (п2а). См.: *Динамо, динама* – 1. Мошенничество. 2. Ложь, обман. *Динамо крутить, двигать* – 1. Лгать, обманыв-

вать. 2. Утаивать от сообщников часть краденного. 3. Не платить, не отдавать долги. 4. Действия проститутки, вводящей мужчину в расход и затем внезапно скрывшейся, улизнувшей.

А это уже о кровавых сталинских репрессиях (п2а + п2б): *Злою волей хулигана // Кровь хлебаешь, как кисель...* Но, в надежде на царскую милость и прощение того же самого хулигана (п1), в августе 1940-го года в Нарве, в газете «Советская деревня», Игорь Северянин опубликует самое нелепое в своей жизни стихотворение, «Наш праздник», в честь того, что СССР присоединил к себе прибалтийские страны (п2б + п2а):

*Взвивается красное знамя
Душою свободных времен.
Ведь все, во что верилось нами,
Свершилось, как сбывшийся сон.
Мы слышим в восторженном гуле
Трех новых взволнованных стран:
- Мы к стану рабочих примкнули,
Примкнули мы к стану крестьян.
Наши дух навсегда овесенен.
Мы верим в любви торжество.
Бессмертный да здравствует Ленин
И Сталин – преемник его!*

Желанного «прощения» старик-изгнанник из Кремля так и не дождался (п2б). И потому голос умирающего как будто бы замер на пронзительной ноте 1925-го года (п2а):

*Была у тебя страна,
И был у тебя свой дом,
Где ты со своей семьей/
Лелеял побеги роз...*

[*Отечества лишенный*. Из сб. *Классические розы*. Север. 1922-1930 гг.]

Наверное, и сейчас немало найдется таких, кто хотел бы оспорить справедливую и мудрую мысль (п1) Игоря Северянина, большого русского поэта и «дачника», волей рокового стечения исторических обстоятельств, с 1918-го года:

*Москва вчера не понимала,
Но завтра, верь, поймет Москва:
Родиться Русским - слишком мало,
Чтоб русские иметь права...
[Предгневье. Там же]*

ЛИТЕРАТУРА

Северянин И. Ананасы в шампанском. Поэзы. – М., 1915.

Северянин И. Избранное. – М., 1999.

Северянин И. Стихотворения. – М., 1988.

Северянин И. Стихотворения. – М., 1990.

Северянин И. Стихотворения. – Таллин, 1988.

Северянин И. Тост безответный: Стихотворения. Поэмы. Проза – М., 1999.

© Надель-Червиньска М., 2009

РАЗДЕЛ 3. КЛАССИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Лассвелл Г. Д.
Нью-Хейвен, США

Перевод С. С. Чистовой

СТРАТЕГИЯ СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ

УДК 81'371

ГСНТИ 16.21.27

Аннотация. В данной статье представлен анализ советской пропаганды, ее стратегий, целей и этапов реализации. Многочисленные несоответствия, которые наблюдаются в истории советской пропаганды, объясняются с точки зрения стратегических целей, поставленных советскими лидерами.

Ключевые слова: советская пропаганда, стратегия.

Сведения об авторе: Лассвелл Гарольд Д., доктор философии, профессор.

Сведения о переводчице: Чистова Софья Сергеевна, преподаватель кафедры английской филологии.

Место работы: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия.

Контактная информация: 622004, Свердловская обл., г. Нижний Тагил, ул. Киевская, д. 179, кв. 162.

E-mail: loir@mail.ru

Lasswell H. D.
New Haven, the USA

Translated by S. S. Chistova

THE STRATEGY OF SOVIET PROPAGANDA

Код ВАК 10.02.19

Abstract. This article deals with the subject of Soviet propaganda, its strategies, aims and stages of realization. The inconsistencies which are abundant in the history of Soviet propaganda are explained from the point of view of the strategic aims set by the Soviet leaders.

Key words: soviet propaganda, strategy.

About the author: Lasswell Harold D., PhD, professor.

About the translator: Chistova Sophia Sergeevna, lecturer of the chair of English philology.

Place of employment: Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Academy.

Общеизвестно, что система советской пропаганды весьма непоследовательна как в синхронии, так и в диахронии. Сначала советские лидеры делали акцент на идее мировой революции и неизбежной победе коммунизма над капитализмом. Внезапно на Генуэзской конференции Чичерин объявил о «мирном сотрудничестве между двумя социальными системами в данном историческом периоде», и таким образом метания между взаимодействием и яростным противостоянием продолжают до сих пор. В течение длительного времени советские лидеры называли мировые социалистические и либеральные партии «социал-фашистскими» до тех пор, пока не появилась угроза в лице фашистской Германии. А затем на первый план вышла идея об «объединенном фронте против войны и фашизма», но это продолжалось недолго: когда был подписан пакт Молотова-Риббентропа, Сталин произнес тосты за здоровье Фюрера. Когда началась немецкие наступательные операции, антизападные лозунги утихли, а Сталин шокировал общественность, благосклонно упоминая Бога. Когда военные действия закончились, началась новая эпоха сепаратизма и ненависти. Сейчас Соединенные Штаты получили почетный титул мирового зла, заняв место, ранее принадлежавшее фашистам и «англо-французским плутократиям».

Однако в советской пропаганде существуют примеры последовательных действий. Многие

из ключевых символов и лозунгов наследия марксизма сохранились по сей день.

Существует ли какое-либо объяснение таких зигзагов советской пропаганды? По моему мнению, они объединены одной стратегической целью: максимизировать советскую власть в лице отдельных личностей и групп внутри страны и за ее пределами. Пропаганда является общеполитическим инструментом наряду с дипломатией, экономикой и армией. Политическая пропаганда – это средство управления массовой коммуникацией с целью получения власти. В конечном итоге ее целью является экономия материальных затрат власти, а более конкретно – экономия материальных затрат мирового господства.

Что же произойдет, если эта стратегическая цель будет достигнута в полной мере? Мировой войны не будет. Даже весьма сомнительно, что будут происходить локальные противостояния корейского типа. Нация за нацией будут попадать в советскую орбиту путем запугивания, раскола и усыпления внимания. США поведут политику, которая ослабит их политические, экономические и социальные структуры, и мирно опустятся на второе место на мировой арене. Полный успех советских пропагандистов снизит материальные затраты, которые бы повлекли за собой мировая война или серия локальных противостояний, а также массовая подготовка к военным действиям.

Даже частичное достижение такого успеха существенно снизит материальные затраты на

установление советского господства. То, что укорачивает войну, не препятствуя успеху, экономит ресурсы русских.

Излишне упоминать, что использование пропаганды как силового инструмента не является отличительной особенностью советского правящего класса. Все правящие классы крупномасштабных сообществ обращаются к пропаганде. Тем не менее, в случае с СССР существуют отдельные черты, которые выделяют его среди остальных. Контраст становится особенно разительным при сравнении с США. Советские лидеры управляют сплоченным, гиперцентрализованным, военно-полицейским государством, в то время как американские лидеры рассеяны по правительственным, деловым, образовательным и другим, относительно независимым, структурам. Советская элита ориентирована на власть и всегда просчитывает возможности для усиления власти в стране и за ее пределами. В США властные элементы в меньшей степени склонны рассматривать власть как доминирующую ценность, т.к. их более интересуют вопросы капитала, статуса и другие ценности.

Высшее руководство СССР управляет на основе теории и традиций, которыми обуславливается заметная роль пропаганды в проведении политики. Безусловно, все понимают, что захват власти в 1917 году был подготовлен годами деятельности, в которой каждый член революционной партии должен был все свои усилия направить на пропаганду.

Тем не менее, было бы ошибочным предполагать, что советская элита придавала огромное значение пропаганде из уважения к человеческому разуму или роли идей в истории (Анализ перспектив развития советской элиты проведен Натаном Лейтесом (в печати)). Правильнее было бы сказать, что это в традициях советского правящего класса – не принимать в расчет как идеи, так и человеческий разум, т.к. стратегия советской пропаганды весьма пессимистически смотрит на способность человечества к просвещению путем мирного убеждения.

Задумайтесь на мгновение над теоретическими рамками, в которых берет начало пропагандистская деятельность. Недоверие ко всему «идеологическому» можно легко объяснить акцентом на приоритете «материальных» факторов в истории. Этот момент из наследия марксизма был особым образом искажен главными лидерами русского социализма. Ленин прекрасно осознавал, что он в меньшинстве. Его понимание революционной деятельности отражало беспомощность, которую он чувствовал перед лицом задачи путем мирного убеждения склонить на свою сторону народные массы. В идеологии русских рабочих и крестьян он видел отпечаток материальной власти старого правящего класса. Медлительность, упрямство и тупость российских масс, на которые Ленин иногда сетовал, были идеологическими факто-

рами в истории. Но этим гигантским айсбергам придали форму «материальные» силы, находящиеся в распоряжении более старой элиты.

И каким же образом нужно было «разрушить и растопить» эти идеологические остатки? Не путем убеждения, пришел к заключению Ленин, а только путем стремительных и кардинальных материальных трансформаций. Однако какую роль в этом играет пропаганда? (О теории пропаганды, используемой советскими лидерами, см. Alex Inkeles, *Public Opinion in Soviet Russia* [Cambridge 1950]).

Нет необходимости предполагать, что Ленин решил проблему взаимодействия материальных и идеологических факторов без противоречий и согласно научным положениям. Революционные лидеры разработали стратегию и тактики, которые продолжают оказывать влияние на российских лидеров. Создание пропагандистской структуры является деятельностью по большей части материальной в том смысле, что она зависит от контроля над орудиями производства, такими как печатные прессы, способные печатать журналы, брошюры и книги; также она зависит от работы по обработке и распространению продукта. Она материальна также в том смысле, что дает возможность сконцентрироваться на массах, находящихся в неблагоприятном материальном положении и в силу этого весьма восприимчивых к программам, направленным на улучшение их положения. Количество таких «восприимчивых» людей зависит от напряженности противоречий, преобладающих в данное время и месте. При правильном использовании материальных средств коммуникации очень небольшая совокупность материальных факторов может изменить идеи все увеличивающегося множества. В конце концов, индивидуумы, контролируемые растущие материальные ресурсы, могут захватить власть и начать контролировать существенно расширившийся набор средств для трансформации массовой идеологии в широких масштабах.

Однажды увидев новые идеологические перспективы, рабочий класс может обеспечить сохранение их нетронутыми, используя доступные материальные средства коммуникации. Таково происхождение постановлений, появившихся в статье 125 Конституции 1936 года о свободе слова. В данной статье говорится, что право человека на свободу слова гарантировано передачей рабочим и рабочим организациям печатного оборудования, запасов бумаги, издательств, улиц, средств коммуникации и других материальных условий, необходимых для реализации этого права.

Неизменным обвинением в адрес капиталистического мира является тот факт, что массы вводятся в заблуждение посредством прессы, которая, как говорят, находится под контролем плутократии. Очевидно, предположение, что тот, кто контролирует материальные средства коммуникации, может вселить в умы пассивных

масс образы, защищающие материальные отношения, существующие или перспективные. Таким образом, пропаганда понимается как дешевая деятельность, с помощью которой восприимчивость, созданная материальными противоречиями, может стать политически эффективной.

Пренебрежение к методу убеждения со стороны советской элиты становится очевидным в той догматической окончательности, с которой она относилась к конечной цели политики. У элиты есть жесткое, не подлежащее обсуждению понятие о будущем, в котором люди объединены свободой, а не необходимостью (Ф. Энгельс). Советская интерпретация этой теории заключается в том, что те люди, которые стремятся к этой цели, могут препятствовать свободе других людей до тех пор, пока не останется никаких материальных противоречий, способных породить идеи, враждебные такому свободному обществу. Вся угроза, которая может исходить по каналам коммуникации от иностранных элит к советской аудитории, уничтожается. Советская «верхушка» без колебаний использует любые материальные средства, которые у них есть, чтобы оградить советских людей от такого «подрывного» влияния.

Руководители советской пропаганды не игнорируют настроения и надежды их настоящей или будущей аудитории. Но это происходит не ради сотрудничества с целью через свободный спор прийти к согласию о целях, основных направлениях политики и высшем руководстве государства. Наоборот, наблюдение за народом является односторонним процессом, где отклонение от намеченного курса представляет собой только тактическую проблему нахождения экономических средств для предотвращения подобных отклонений. Иногда Ленин был резко откровенен, выражая свое презрение по отношению к мыслям и чувствам масс, когда они отличались от задуманных им. Как и в случае с другими тираниями нашего времени, сегодняшние лидеры русского военно-полицейского государства понимают, что такая откровенность – источник слабости. Поэтому последователи Сталина сейчас поздравляют себя с созданием «самой идеальной демократии» на земле, в которой воля людей выражается полнее, чем где бы то ни было. Таким образом, возрождается мистическая концепция демократии, при которой тирания притворяется, что она «интуитивно чувствует», без помощи представительных органов, глубочайшие народные настроения.

Все вопросы создания государства, основанного на принципах свободы, сводятся к тактической целесообразности. Элементарное внимание к мнениям и чувствам других является излишним или, что еще хуже, представляет собой акт пособничества совокупным ошибкам, запечатленным в человеческом разуме предыдущим правящим классом. Честность не обладает ценностью в качестве выражения нравст-

венности: в том, что способствует достижению конечной цели, есть нравственность более высокого порядка.

Главной задачей пропагандистской стратегии является правильная синхронизация своих действий с возникновением тех или иных опасностей и возможностей в определенных обстоятельствах с целью укрепления властной позиции советской элиты. Представляется возможным проследить преобладающие стратегии нападения и защиты в советской пропаганде, многие из наиболее важных особенностей которых можно увидеть в подготовке Ленина к захвату власти в России. Если мы вернемся к годам глубочайшего кризиса революционного движения (после краха в 1905 году), мы увидим, что первоочередной задачей Ленина было сформировать первичные революционные центры, способные к дальнейшему расширению. Ленин и его последователи выделяли человеко-часы на пропагандистскую работу. Часто им удавалось найти новых членов путем прямой личной пропаганды, которой часто предшествовал выпуск печатной пропагандистской продукции.

Когда количество первичных революционных центров стало достаточным для того, чтобы существенно влиять на властные процессы в профсоюзах, политических партиях и Государственной Думе, перед Лениным встала вторая задача. Необходимо было найти союзников, не утратив при этой своей независимости. Хотя союзники вне или внутри социалистического движения представляли опасность для растущих амбиций Ленина (или его сторонников), при их отсутствии существовала угроза полного уничтожения вражескими элементами, чья сила была потенциально огромной. Пропагандистская стратегия Ленина заключалась в поддержании недоверия к союзникам, в то же время либо усыпляя внимание последних, либо направляя их внимание на общего врага, либо разжигая внутренние разногласия. У пропаганды есть много средств для усыпления внимания союзника. Например, прямое заявление о взаимной дружбе и сведение к минимуму количества проявлений враждебности и совершения действий, способных обеспокоить союзника. Пропагандистская цель направить внимание на общего врага вполне понятна, но тактика провоцирования внутренних разногласий весьма сложна. Очевидно, что союзника нельзя ослаблять до такой степени, чтобы он стал бесполезен в борьбе против общего врага. Но направление внутри рядов союзника может ослабить его внимание и таким образом отвлечь его от внушающих опасение действий группы сторонников Ленина. Стратегия раскола подготавливает почву для сотрудничества с мелкими группировками в разрушении или установлении контроля над союзником в будущем.

Третья стадия – это захват власти, и на этой стадии возникает несколько иная задача

для пропаганды, которая заключается в деморализации потенциальной оппозиции и получении поддержки путем внушения, что дальнейшее сопротивление или отказ от сотрудничества бесполезны и безнравственны.

В любой момент группы сторонников Ленина могут посчитать необходимым занять оборонительную позицию, которая по большей части состоит в маскировке всех враждебных намерений по отношению к союзнику и удвоении количества попыток предотвратить появление или разрушить враждебные объединения путем усыпления внимания, внушения страха перед общим врагом и провоцирования внутренних разногласий.

Таким образом, стратегическая роль пропаганды как средства снижения материальных затрат на расширение власти и ее защиту (как это сделали последователи Ленина, а затем и последователи Сталина) реализуется в следующих стадиях:

Первая стадия: создание первичных революционных центров, в которых целиком преданные коммунистическим идеям люди формируют сплоченный постоянный коллектив для выполнения общего дела.

Вторая стадия: сотрудничество с союзниками в отраслях власти, доступных революционным центрам, которые к тому времени становятся достаточно сильными, чтобы выступать как «партии», «союзы» и т.п. Пропагандистской целью на данной стадии является поддержание ощущения выполнения особого задания (внутри партии или «своей» группы) и в то же время поощрение определенных отношений среди потенциальных врагов (включая союзников). Эти отношения включают чувство спокойствия по отношению к партии; отвлечение враждебного внимания и направление его в сторону общего врага; распространение внутренних разногласий.

Третья стадия: захват власти, на которой происходит пропагандистская деморализация оппозиции и тех, кто отказался от сотрудничества; распространение страха или уверенности в неизбежной победе партии и в безнадежности и безнравственности дальнейшего сопротивления или отказа от сотрудничества (Захват власти в России был только первым шагом в распространении коммунистического движения, хотя и самым решающим. По отношению к мировой ситуации советская элита находится на первом или втором этапе. Третий этап был осуществлен постепенно в соседних государствах. О внутренних изменениях в России после 1917 года [см. Cambridge 1950]).

Задумайтесь на мгновение над применением этих стратегических принципов захвата власти в странах-соседях России (современные страны-спутники). Первой задачей пропаганды в Венгрии и Чехословакии было получить достаточную поддержку, чтобы начать играть весомую роль в повседневном управлении страной как на мест-

ном, так и на национальном уровне. Эта задача была выполнена путем внедрения в профсоюзы и частные объединения. Вторая задача возникла, когда партия стала достаточно сильной, чтобы присоединяться к коалициям и работать совместно с союзниками на каждом уровне государственной структуры (включая попытки проникнуть в министерства, занимающиеся общественным порядком и связями с общественностью). Третья стадия наступила с захватом и консолидацией власти в результате государственного переворота (в «рамках закона»). Именно на второй стадии потребовалось наибольшее разнообразие в работе советской пропаганды, так как было необходимо удерживать в равновесии часто противоречащие друг другу задачи поддержания ощущения выполнения особого задания, спокойствия со стороны потенциальных врагов (включая союзников), отвлечение и направление внимания на общего врага и разжигание внутренних разногласий. Это был период, в котором были полезны такие иллюзии, что политика Советов наконец «успокоилась» до мирного сосуществования и возвращения к искреннему сотрудничеству. Третья стадия характеризуется меньшей утонченностью политики и большей безжалостностью, т.к. включает в себя террор, часто тесно связанный с актами насилия [См. Duchacek 1950: 345-72; The February Coup in Czechoslovakia 1950: 511-32; Stephen 1950: 20-54].

Рассматривая картину мира в целом, можно сказать, что советской пропаганде на первой стадии (проникновение в новое государство) наиболее полезна высокая степень теоретизации. На этой стадии функцией пропаганды является создание ядра профессиональных революционеров для умелого направления последующей деятельности. Зададимся вопросом, почему кремлевские пропагандисты продолжают повторять так много старых теоретических положений марксизма? Очевидно, ответ заключается в том, что большинство теоретических положений доказали свою эффективность при обращениях к недовольным в разных странах, как в центрах современного индустриализма, так и среди народов, долгое время подверженных экономической экспансии Запада. Давно известно, что распад древних союзов, религиозных верований и философских традиций был признаком, а затем и фактором, способствующим обширным трансформациям, которые человечество переживает в данный исторический период. Давно известно, что марксистская теория предоставила мирскую замену универсальности цели, вселенскому мировоззрению и безграничной вере в судьбу, что было частью более ранних систем. Без сомнения, давно известно, что марксизм и либерализм были идеологиями, близкими в своих нападках на структуры классового общества и утверждении необходимости общественного обновления

для реализации принципа уважения человеческого достоинства в теории и на практике.

Некоторые теоретические положения, вынесенные российской элитой из исторического марксизма, кажутся вполне правдоподобными миллионам современных людей, испытывающим материальные и идеологические трудности (заметьте, что сейчас я говорю о правдоподобии, а не о правильности или неправильности).

Вспомните известный тезис о том, что в экономике капиталистического типа существует тенденция к монополизму. Можно ли отрицать правдоподобие этого, скажем, в США, где монополизм является предметом недовольства уже много лет?

Вспомните тезис о том, что капитализм периодически создает кризисы массовой безработицы. В свете «паники», «кризисов» и «депрессий» можем ли мы отвести это в сторону как нечто неправдоподобное?

Далее задумайтесь над тем фактом, что движения протеста в капиталистическом обществе возникают среди людей, не являющихся крупными собственниками. Это вполне правдоподобно в свете той жизнеспособности, которую проявляют движения за «рабочий класс», «социализм» и другие политические символы.

Также подумайте о том, что в парламентаристских государствах крупные собственники часто переходят на недемократический путь действий, если они чувствуют серьезную угрозу со стороны движений протеста. Является ли это неправдоподобным в свете оказания помощи режимам Муссолини, Гитлера и Франко со стороны крупных промышленников и землевладельцев?

Также подумайте о том, что империализм является результатом борьбы капитализма за контроль над сырьем и рынками. Очевидно, это становится правдоподобным, если принять во внимание борьбу за колонии, которая расширила территории таких имперских стран как Англия, Франция, Германия и Бельгия, и поставила США на место Испании в Карибском море и на Филиппинах.

Также вспомните о том, что империалистические распри провоцируют войны между империями. В этом случае примером являются распри между Англией и Германией до 1914 года и борьба Германии за «новые территории» в недалеком прошлом.

Наконец, подумайте о недавнем пересмотре тезиса об «империализме и войне». Я имею в виду концепцию капиталистического окружения «родины социализма», наращивание вооружения и военного присутствия как средств подготовки нападения на СССР, особенно в надежде направить недовольство безработных на внешнего врага в условиях рушащегося капитализма. Разве не правда, что капиталистические страны увеличивали свои расходы на вооружение?

Эти теоретические положения занимают важное место в стратегическом балансе советских пропагандистских призывов. Новых членов партии продолжают набирать путем проведения семинаров по изучению трудов Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина и других приемлемых фигур в каноническом списке. Было не раз доказано, что эти семинары являются весьма эффективными инструментами советской власти. Позволю себе напомнить, что когда правительство Канады раскрыло шпионскую организацию, след привел к семинарам, организованным как пункты вербовки интеллигентных людей с высоким интеллектом. Когда учение Маркса-Ленина-Сталина игнорируется продвинутой образовательной системой какой-либо страны или с заметным предубеждением отбрасывается учителями, которые очевидно ничего не смыслят в этом предмете, оно начинает вызывать любопытство, которое может быть удовлетворено частным образом и на, в той или иной степени, нелегальных семинарах. На этих интеллектуальных «незаконных вечеринках» в ханжеской атмосфере, свободной от критической оценки и сравнения, детально излагается учение. Семинары представляют собой важный пример того тактического принципа, что наращивать эффективное влияние в безразличном или враждебном обществе возможно путем увеличения количества литературы и человеко-часов в пропагандистской работе (шаг от частного изучения запрещенной теории до шпионажа и саботажа для многих сделать достаточно легко).

Необходимо отметить, что наибольшего успеха советская пропаганда достигла в развивающихся странах. Это хороший пример того, что нужно выбирать аудиторию там, где материальные или идеологические факторы создают напряжение. Эти действия чрезвычайно важны на всех стадиях процесса захвата власти, но наибольший резонанс они имеют на первой и второй стадиях. Советская элита быстро осознала потенциальную роль «бывших колониальных жертв империализма», в особенности потому, что многие из бывших колониальных государств находятся в Азии, в непосредственной близости от России. Новая некоммунистическая элита в этих странах сравнительно слаба, в то время как старая элита по большей части себя дискредитировала. Националистические настроения могут быть обращены против бывших «угнетателей» и прямо в сторону мирного сотрудничества с СССР. Далее обида бывших колоний разжигается путем обращения к мучительным воспоминаниям об унижениях, которым они были подвергнуты со стороны «белых империалистов». В традиционной социалистической литературе давно была сфабрикована связь между расовыми предрассудками и капитализмом, которая заключается в стремлении капиталистов разделить рабочих по расовому признаку на белых и черных,

белых и желтых и т.д. и соответственно дифференцировать зарплаты. «Ухватившись» за эти расколы в социальной структуре не русского мира, стратегией советской пропаганды стало отождествление империализма и расовой дискриминации с капитализмом. В этой связи основной целью стало самое сильное капиталистическое государство – США, и отсюда возник искаженный образ Америки – с неграми, повешенными на фонарных столбах, линчеванные жалкими бандами издолщиков и безработных, спровоцированных безжалостными агентами плутократии, целью которых является удержание рабочих в состоянии ненависти и вражды (Для получения полной картины [см. Frederick 1950]).

Конспиративные традиции дореволюционных времен оставили отпечаток на каналах, содержании и тактически-стратегическом соотношении пропаганды и общей политики. Посмотрите с этой точки зрения на метод двойной организации, который заключается наряду с существованием открытого канала пропаганды, тайного, закрытого канала. Эта технология может быть использована по-разному, как когда один канал называется «государственным», а другой – «партийным». Если работа верхушки останавливается из соображений рациональности, основа поддерживается в рабочем состоянии (как, например, когда Коминтерн был публично распущен в 1943 году). Тайный канал может представлять собой группировку, заданием которой является контроль за организациями, формально независимыми от партии. Так возникает огромная сеть «организаций-приманок», которые используются партией с целью проникновения в каждое сообщество – армию, полицию, дипломатическую службу, деловую сферу, профсоюзы, кооперативы, школы, издательства, телевидение и радио, кинематограф и т.д. Здесь найдется место для домохозяек, которые ненавидят высокие цены, для матерей, которые ненавидят войну, и для гуманитариев всех мастей. Через эти сети организаций создается огромное количество специальных условий для «промывания мозгов» и для расширения базы материальных средств пропаганды, доступных СССР. Эта технология любопытным образом походит на те средства, при помощи которых в капиталистической экономике ряд мелких акционерных обществ осуществляет контроль над гигантскими сетями частных корпораций. Это сходство заключается в использовании подставных лиц «марионеток» – название, редко использующееся в языке советской пропаганды, хотя и распространенное на Западе.

Двойной контроль был подходящим методом для Ленина-конспиратора, который использовал небольшую группу своих последователей для продолжения своего дела, не обращая внимания на формальные запреты своей партии. Поразительным примером этой деятельности является создание тайной организации,

чьей задачей был сбор денег путем грабежей, подделки денег, обмана богатых дам и так далее. Даже сегодня российская пропаганда продолжает использовать эту двойную конспиративную схему, что позволяет осуществлять деятельность самого беспринципного характера.

Подводя итог анализу стратегии советской пропаганды, необходимо еще раз отметить, что ее основной стратегической целью является экономия материальных затрат на защиту и расширение советской власти внутри и за пределами государства. Эта пропаганда с точки зрения советской власти является борьбой за умы людей, в том смысле, что это борьба за контроль над материальными средствами, с помощью которых, как считается, происходит формирование умов людей. Следовательно, целью советской пропаганды является не убеждение большинства людей в данной стране мирными средствами как прелюдия к захвату власти. Скорее, задача стоит в отношении меньшинства, которое должно оставаться идеологическим меньшинством до тех пор, пока ему не удастся получить материальные средства для достижения консенсуса. На ранней стадии проникновения в новое сообщество основной задачей пропаганды является помощь в формировании первичных центров, которые на следующих стадиях возьмут на себя руководящую роль. Когда они набираются достаточно сил, чтобы воспользоваться коалиционной стратегией, задачей становится поддержание сепаратизма, усиленного пропагандой, чтобы предотвратить формирование или уничтожить потенциально более сильные объединения. Стимулирование спокойствия, отвлечение внимания на общего врага, провоцирование раскола между потенциальными врагами (включая и временных союзников) являются направлениями стратегии, подлежащей выполнению. На стадии захвата власти стратегией пропаганды становится деморализация, которая осуществляется совместно с тактикой террора, как средства внушения всем «неизбежной» победы советской власти и безнадежности, даже безнравственности сопротивления или отказа от сотрудничества. Ставя перед собой цель мирового господства, которое рассматривается как нечто само собой разумеющееся, Кремлевская верхушка не ограничивает себя какими-либо моральными принципами относительно выбора сообщения, канала или аудитории. Советские пропагандисты и их агенты могут без стеснения лгать и искажать факты, поскольку нечувствительны к призывам к сохранению человеческого достоинства. Для них не существует понятия человеческого достоинства в другом смысле, нежели достоинства вклада в победу государства свободной личности путем служения настоящей и будущей власти кремлевской элиты.

© Чистова С. С. (перевод), 2009

**И. де Сола Пул
(1917-1984)**

Стэнфорд, США

Перевод А.А.Аникина

СЛОВО «ДЕМОКРАТИЯ»

УДК 81'371

ГСНТИ 16.21.27

**I. de Sola Pool
(1917-1984)**

Stanford, USA

Translated by E. E. Anikin

WORD DEMOCRACY

Код ВАК 10.02.04

Аннотация. Перевод на русский язык главы из книги И. де Сола Пула «Символы демократии», опубликованной в США в 1952 г. В исследовании представлен анализ частотности употребления слова «демократия» в России, Европе и США в пер. пол. XX в.

Ключевые слова: демократия, символ, корпусный анализ, тоталитарный дискурс, политический дискурс.

Сведения об авторе: И. де Сола Пул, доктор философии, профессор.

Место работы: Стэнфордский университет.

Сведения о переводчике: Аникин Евгений Евгеньевич, кандидат филологических наук, докторант.

Место работы: Университет Париж–13.

Контактная информация: 7, rue de l'Ermitage, la Chapelle-en-Serval, 60520, France.

E-mail: ewganik_chel@mail.ru

Abstract. This is the first Russian translation of a chapter from "Symbols of Democracy" by Ihtiel de Sola Pool published in the USA in 1952. The article is devoted to the analysis of frequency of word «democracy» used in Russia, Europe and the USA in the first half of XX century.

Key words: democracy, symbol, corpus analysis, totalitarian discourse, political discourse

About the author: I. de Sola Pool, PhD, professor.

Place of employment: Stanford University.

About the translator: Anikin Evgeny Evgenievich, candidate of philology, doctoral student.

Place of employment: Université Paris–13.

Общий обзор. Можно считать неоспоримым тот факт, что за последние шестьдесят лет слово «ДЕМОКРАТИЯ» стало одним из ключевых терминов политических споров. До первой мировой войны лишь в одной из тридцати пяти статей нашей выборки встречалось данное слово. После второй мировой войны оно присутствует в каждой седьмой статье. Иначе говоря, до первой мировой войны символ ДЕМОКРАТИИ встречался лишь в 1,5% из 210 случаев употребления идеологических символов. После второй Мировой Войны он встречается уже в 4% случаев символических словоупотреблений. Резкий скачок в частотности употреблений произошел в период между двумя войнами.

Во время первой мировой войны это слово встречается примерно в каждой двадцатой статье и составляет 2% случаев символических словоупотреблений. С течением войны отмечена тенденция к росту данного показателя, однако по-настоящему значительное внимание к ДЕМОКРАТИИ появляется лишь в последние два года войны. Так, четырнадцать пунктов Вильсона будут сформулированы 20 декабря 1916 г., русский царь отрекся 15 марта 1917 г., а Америка вступила в войну 6 апреля 1917 г. И лишь после этих событий война начала обсуждаться в терминах ДЕМОКРАТИИ. Данный факт может быть отчетливо продемонстрирован изменением с течением времени процента статей, в которых встречается символ:

1914	2 %
1915	2 %
1916	4 %
1917	7 %
1918	12 %

Пробужденный интерес к ДЕМОКРАТИИ не сильно пошел на убыль и после окончания войны. Безусловно, после пика в 1918 г., наблюдался спад, а затем и незначительное ослабление интереса в конце 20-х – начале 30-х гг. Но если посмотреть на тенденции тех лет в более широком плане, то можно заметить, что в послевоенные годы и вплоть до 1936 г. внимание к термину «ДЕМОКРАТИЯ» оставалось на стабильно высоком уровне, стимул к достижению которого дала война. Примерно в каждой семнадцатой статье содержится ссылка на ДЕМОКРАТИЮ.

Сгушавшиеся облака второй мировой войны спровоцировали очередной всемирный всплеск внимания к ДЕМОКРАТИИ. Истинный смысл подъема Гитлера стал понятным всем, имевшим глаза. Даже Коминтерн, который в 1933 г. не видел большой разницы между фашизмом и «социал-фашизмом» (т.е. социал-демократией), на VII Всемирном Конгрессе резко изменил свой курс и призвал к созданию «Народного Фронта» для борьбы за ДЕМОКРАТИЮ против фашизма. После принятия нового курса статьи *Известий* запестрили словом «ДЕМОКРАТИЯ».

При этом символика Народного Фронта характерна не только для коммунистической прессы. Она пронизывала либеральную мысль всех стран. Престижные газеты, анализируемые здесь, обычно не являются либеральными газетами. По своей природе они защищают интересы привилегированных групп и статус-кво. Кроме *Известий*, ни одну из них нельзя обвинить в слепом следовании курсу партии. Тем не менее, слоган «ДЕМОКРАТИЯ против фашизма», появившийся на политической сцене благодаря левым, нашел свое отражение также и в

этих газетах. Частично это связано с тем, что в данных газетах рассказывалось о новостях, которые создавались не собственниками этих газет, а теми, кто стремился популяризовать слово «ДЕМОКРАТИЯ». Это также связано с тем, что большинство тех газет были за ДЕМОКРАТИЮ в том значении, в котором она ими понималась, а также с тем, что они не были готовы уступить данный слоган без борьбы конкурирующим политическим идеологиям. Более того, даже если бы не существовало курса на Народный Фронт, суть конфликта между нацистами и миром все равно привела бы к серьезным спорам о ДЕМОКРАТИИ (хотя без влияния пропаганды движения Народного Фронта в качестве доминантных могли бы быть выбраны другие способы обсуждения данной дихотомии (напр., «СВОБОДА против тирании» или «РЕСПУБЛИКАНИЗМ против автократии»), отличные от модели «ДЕМОКРАТИЯ против фашизма», которая в конечном итоге стала доминантной). В результате же реального развития событий уровень внимания к ДЕМОКРАТИИ в 1935–38 гг. вырос в два раза в сравнении с уровнем 1930 – 1935 гг. Показатель частотности данного слова достиг уровня 3%, и в каждой девятой статье его теперь можно было встретить.

Не нужно забывать, что сейчас каждая седьмая статья содержит ссылку на ДЕМОКРАТИЮ; таким образом, можно отметить, что с 1939 г. произошло лишь незначительное увеличение частотности. На самом деле, данный рост внимания произошел не за годы самой войны, но уже после ее окончания. В военные годы может быть отмечен резкий рост частотности употребления таких слов, как ФАШИЗМ или НАЦИЗМ, но не слова ДЕМОКРАТИЯ. Как уже нами было отмечено, вторая мировая война была концептуализована скорее в понятиях борьбы против фашизма, нежели в понятиях борьбы за ДЕМОКРАТИЮ. Тем не менее, если мы посмотрим на все кризисное десятилетие с 1936 по 1946 г., то – как и во время первой мировой войны – мы сможем констатировать резкое увеличение внимания к слову «ДЕМОКРАТИЯ».

Тот факт, что две мировые войны, как представляется, сыграли значительную роль в придании ДЕМОКРАТИИ статуса одной из центральных ценностей, к которым стремится современный мир, порождает интересные проблемы. До Перл-Харбора и пацифисты, и изоляционисты часто заявляли, что демократия не переживет еще одной войны. Они утверждали, что первая мировая война, в которой сражались за то, чтобы расчистить мир для демократии, принесла лишь фашизм; вторая же мировая война – даже если ее выиграют демократии – сделает весь мир фашистским. Какая бы судьба ни была нам уготована будущим, мы видим в ретроспективе, что мрачные предсказания этих кассандр не в полной мере сбылись – во всяком случае, в отношении демокра-

тических практик. Что же касается символов, то интересно отметить, что символ ДЕМОКРАТИИ становится более популярным, чем когда-либо.

Популярность символа ДЕМОКРАТИИ, тем не менее, не гарантирует соблюдения демократических практик. Понятно, что в результате первой и второй мировых войн демократия могла быть уничтожена (не говоря уже о том, что могло произойти в результате третьей мировой войны). Эти войны настолько усилили напряженность и ослабили безопасность, что только слепец мог бы отвергнуть возможность тоталитаризма. При этом мы также обязаны признать, что эти конфликты одновременно привели к популяризации символа ДЕМОКРАТИИ. Данный факт предполагает вероятность того, что в современном мире война и опасность войны – какое бы воздействие они не оказали на материальное состояние демократии – могут в определенной мере укреплять демократическую идеологию (И хотя мы здесь говорим о современном мире, тот же самый феномен понимали и классики политических исследований. Они видели, что Римская республика постепенно демократизировалась, и самые значительные шаги по демократизации предпринимались в периоды войн, когда уступки плебейм становились условием их поддержки. В то же время, республика погибла и на ее место пришла империя как результат милитаризма и завоеваний. Тогда возникли те же самые противоречия, что возникли в современном мире). Прежде всего, современные войны оказывают такое воздействие на ресурсы вовлеченных стран, что критически важным становится запредельное усилие всех сразу. Массы могут потребовать плату за это усилие. Этой платой может быть более справедливое деление власти. Данное более справедливое деление власти под давлением фактора войны может быть проиллюстрировано британским подоходным налогом или американским Комитетом по обеспечению справедливого найма. Во вторых, присутствие внешнего врага заставляет большинство людей оставить преследование узко личных интересов в пользу целей, которые – по крайней мере, символически – могут быть представлены в виде общего блага. Этот факт был ярко проиллюстрирован мощным воздействием потенциалом символа «ЕДИНСТВО против фашизма» Народного Фронта и других подобных движений. Данные движения стремились к максимально всеобъемлющему представительству и общим целям, которые становились все более и более общенациональными. Эти общие цели не обязательно должны быть демократическими, но демократия в данном случае является типичным представителем класса.

Короче говоря, мы полагаем, что интерес к ДЕМОКРАТИИ в современном мире значительно возрос. Далее мы отмечаем, что данный рост был особенно очевиден во время международных конфликтов. Мы полагаем, что широ-

кое распространение демократической идеологии частично является следствием тех самых кризисных явлений, угрожающих ее существованию. Однако даже в целях предварительной верификации необходимо посмотреть не столько на общемировые тенденции, сколько на национальные вариации.

Национальные тенденции подробно. Лишь статистика по отдельным странам может иметь научную достоверность, поскольку неразумно сложить данные по, скажем, пяти странам и сделать выводы по всему миру. Проще говоря: представим, что издания *New York Times* и *Le Temps* демонстрируют противоположные тенденции. Что надо сделать, чтобы сделать вывод о ситуации во всем мире? Просто вывести средний показатель из двух значений, взяв за основание имплицитное заключение о суверенном равенстве государств? Каковым бы ни было политическое использование данного заключения, очевидно, что оно не отвечает потребностям объективного исследования. Можно ли придать им различный вес? Если да, каким образом? Однозначного принципа не видно. Может, стоит по умолчанию – как это нами было сделано выше – считать каждую статью за одну, не учитывая тот факт, что газета *New York Times* имеет больше статей, чем газета *Le Temps*. Ни одно из этих решений не выглядит убедительным. Очевидно, что следует взглянуть на ситуацию в различных странах по отдельности, нежели пытаться вывести общемировую тенденцию. Выше мы привели комбинированные цифры для того, чтобы в простой форме продемонстрировать те тенденции, которые выглядят однозначно и единообразно повсеместно, и таким образом сводная информация представляет собой удобный способ сказать один раз то, что иначе пришлось бы повторить несколько раз. Мы привели выше приблизительные результаты, так как цифры сами по себе не имеют четкого значения. Таким образом, мы предлагаем обратиться к результатам по отдельным странам. Ранг в зависимости от использования слова «ДЕМОКРАТИЯ» приведен в Таблице 1. За весь период с 1890 г. наибольшее внимание к слову «ДЕМОКРАТИЯ» наблюдалось в германских газетах.

Можно заподозрить, что данный удивительный факт связан с погрешностью. Не стоит забывать, что серии германских газет начинаются в 1910 г. Поскольку термин «ДЕМОКРАТИЯ» становился все более и более употребляемым, отсутствие первых двух десятилетий в серии может являться причиной более высокого среднего показателя. Тем не менее, если мы сопоставим указанные пять стран в период после первой Мировой Войны, результаты останутся практически теми же. Положение стран в обеих колонках останется тем же, как и лидерство Германии.

ТАБЛИЦА 1. ВНИМАНИЕ К ДЕМОКРАТИИ

	Процент статей, упоминающих ДЕМОКРАТИЮ	ДЕМОКРАТИЯ – Процент от общего числа символов*
Соединенные Штаты	4,6	2,9
Великобритания	4,7	2,2
Россия	5,8	1,2
Франция	9,5	2,2
Германия	14,0	4,1

* Во второй монографии настоящей серии мы напоминаем, что под термином «общие символы» нами понимаются перечисленные символы кроме названий государств.

Причины активного использования Германией символа ДЕМОКРАТИИ становятся понятны, если мы обратимся к Таблице 2, которая иллюстрирует тенденции данного использования. Пристальное внимание к ДЕМОКРАТИИ было обращено в Германии в 1918 г. С этого момента и вплоть до 1929 г. это внимание оставалось на стабильно высоком уровне. Действительно, в эти послевоенные годы престижные газеты в Германии обсуждали все остальные темы в связи с ДЕМОКРАТИЕЙ. Поражение заставило Германию обратиться к демократии. Она в муках пыталась создать новое демократическое правительство. Как и в последние годы, демократия была новым и важным вопросом, поэтому интерес к символу ДЕМОКРАТИИ был вполне естественным.

Последовавший провал демократического режима, становление правления на основе чрезвычайных полномочий и опасность фашизма привели к резкому спаду интереса к ДЕМОКРАТИИ в газете *Frankfurter Zeitung*. Опасность фашизма активно обсуждалась, но проблема не рассматривалась в виде дихотомии ДЕМОКРАТИЯ против фашизма. ДЕМОКРАТИЯ потеряла свой статус ключевого символа.

Тем не менее, Гитлер вернул этот символ в новом качестве – в качестве объекта нападок. Издание *Völkischer Beobachter* в период правления нацистов, занимает одно из верхних мест по вниманию, уделяемому ДЕМОКРАТИИ. Особенно много нацисты говорили о плутоДЕМОКРАТИЯХ во второй половине второй мировой войны. Далее мы увидим, что все «дьявольские» слова стали очень часто встречаться, как только удача стала отворачиваться от Германии. ДЕМОКРАТИЯ была одним из этих слов. Таким образом, ДЕМОКРАТИЯ была важным символом в германской прессе на двух отрезках: после первой мировой войны при демократическом режиме Веймарской Республики и во время второй мировой войны, когда Гитлер атаковал ее.

ТАБЛИЦА 2. ВНИМАНИЕ К ДЕМОКРАТИИ
В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПЕРИОДА

	До войны	МВ I	20-е	нач 30-х	кон 30-х	МВ		После войны
						Фаза I	Фаза II	
а) Процент передовиц, в которых встречается символ								
Соединенные Штаты	2,1	3,8	2,8	2,9	4,9	9,9	8,1	13,0
Великобритания	3,4	7,5	4,2	4,0	7,2	10,1	4,6	7,0
Россия	0,4	6,4	9,1	5,3	32,0	16,7	7,2	23,7
Франция	5,7	5,0	9,3	11,1	13,6	22,5	8,0	24,8
Германия	3,8	3,2	23,1	6,7	11,3	13,6	24,0	...
б) Процент от общих символов								
Соединенные Штаты	2,1	2,0	1,6	2,2	3,6	4,7	4,0	6,1
Великобритания	1,7	3,4	2,1	2,1	2,9	3,3	1,8	2,7
Россия	0,0	1,5	1,2	0,7	3,4	1,8	0,8	2,5
Франция	1,9	1,5	1,8	2,0	1,9	3,5	2,3	5,1
Германия	2,1	2,7	4,9	1,4	3,6	4,4	7,0	...

С годами другие изменения, связанные с особенностями использования термина ДЕМОКРАТИЯ произошли в разных странах. Самая большая перемена произошла в России. Газета *Новое Время* – престижная газета в России времен царского режима – не уделяла чрезмерного внимания данному символу. Так, он встречается только четыре раза в 1 066 статьях. Однако в 1917 г., данный символ появляется уже в каждой третьей статье *Нового Времени*, и с тех пор этот символ играет неизменно важную роль. С 1918 г. по 1935 г. употребление термина в газете *Известия* можно назвать умеренным. Данный символ встречается в меньшем количестве статей, чем в Германии и во Франции, но в большем количестве, чем в Соединенных Штатах и Великобритании. В период с 1935 г по 1938 г. – период Народного Фронта – слово ДЕМОКРАТИЯ встречается в каждой третьей статье *Известий*, и этот показатель частотности более чем в два раза превышает аналогичный показатель по другим странам. Затем внимание резко пошло на спад. Во время действия сталинско-гитлеровского пакта, уровень внимания к ДЕМОКРАТИИ сократился вдвое. Тем не менее, каждая шестая статья по-прежнему содержала ссылку на ДЕМОКРАТИЮ (этот показатель по частотности уступает лишь показателю газеты *Le Temps*). Со вступлением России в войну интерес к ДЕМОКРАТИИ практически пропадает. Лишь 3% передовиц ссылаются на этот символ в период с 1941 г. по 1944 г. Война, которая задумывалась как война за ДЕМОКРАТИЮ против фашизма, превратилась в ОТЕЧЕСТВЕННУЮ войну. Тем не менее, ближе к окончанию войны интерес к ДЕМОКРАТИИ вновь возрастает. Каждая пятая статья, начиная с 1945 г., обращается к этому символу – это больше, чем в каком-либо ином издании, за исключением газеты *Le Monde*. После второй Мировой Войны – особенно в 1948–1949 гг. – интерес к ДЕМОКРАТИИ возрастает, поскольку Россия становится союзником так на-

зываемых Народных ДЕМОКРАТИЙ. За весь период правления большевиков слово «ДЕМОКРАТИЯ» встречается в 10,7% статей *Известий*, тогда как при царизме для газеты *Новое Время* данный показатель составляет лишь долю процента. Таким образом, благодаря *Известиям*, интерес к ДЕМОКРАТИИ из ничтожного превращается в умеренный.

Та же самая тенденция прослеживается для России, даже если мы проанализируем данные по частотному соотношению символа ДЕМОКРАТИИ в сравнении с другими отмеченными символами. Так, можно отметить умеренное использование после 1917 г., затем – резкий скачок в 1936–1938 г. Тем не менее, соотношение между *Известиями* и другими газетами резко изменяется при изменении базы процентных расчетов. Так, советские передовицы в 4–5 раз богаче на различные идеологические символы, чем *New York Times* и *London Times*.

Это касалось не только ДЕМОКРАТИИ, но и других идеологических символов. Если сопоставить ДЕМОКРАТИЮ с общим потоком встречающихся символов, то становится очевидным, что данный символ не занимает особого положения даже на пике внимания в 1936–1938 гг. В период с 1918 г. по 1935 г. частотность символа ДЕМОКРАТИИ составляет 1% от всех символов, отмеченных в газете *Известия*, что является самым низким показателем из всех проанализированных печатных изданий. На самом деле, показатель 1% в два раза уступает следующему наиболее низкому показателю. После 1939 г. показатель для России вновь ниже, чем для какой-либо другой страны. Во время войны показатель частотности символа ДЕМОКРАТИИ в сопоставлении с другими политическими символами вновь в два раза ниже, чем в других странах, а после войны – хоть данный символ и становится более распространенным – все равно показатель его частотности в сопоставлении с другими политическими символами в два раза ниже, чем во Франции и в США. Тем не менее, в период с 1936 г. по 1938 г. символ ДЕМОКРАТИИ в *Известиях* занимает настолько же важное место в сравнении с другими символами, что и в остальных проанализированных газетах. Так, в газетах *New York Times*, *Völkischer Beobachter* и *Известия* показатель ДЕМОКРАТИИ равен 3,5% от всех отмеченных символов, хотя в последних двух его значение ниже в сравнении с общим количеством символов. Таким образом, мы рассчитали количество статей, в которых встречается термин «ДЕМОКРАТИЯ» (по этому показателю *Известия* занимают высокое место) и процент от общего числа символов (по этому показателю *Известия* занимают невысокое место). Мы полагаем, что символ «ДЕМОКРАТИЯ» был взят на вооружение в 1936 г., его ресурс был полностью выработан за те годы, что Россия пыталась создать союз с демократическими странами, а затем оставлен, когда Россия поменяла свою международную ориентацию.

Французские, британские и американские газеты отличаются большим постоянством в их отношении к символу ДЕМОКРАТИИ, хотя во время войн и случались резкие перепады. Относительная плавность тенденций во Франции, Великобритании и США характерна для свободной прессы. Мы увидим, что характерной чертой контролируемой прессы являются резкие перепады их композиционных моделей. Как результат следования курсу, тоталитарный символизм имеет склонность к большему единообразию в определенный период, нежели демократический символизм, но подвластен резким перепадам от одного периода к другому. Демократический символизм, хотя и более многогранен в определенный период, меняется менее резко с течением времени.

Тем не менее, несколько отчетливых тенденций можно различить в свободных газетах. В *New York Times* интерес к ДЕМОКРАТИИ значительно возрастает после Нового курса Рузвельта, а особенно после второй мировой войны. Во Франции также в последнее время наблюдается значительный подъем интереса к ДЕМОКРАТИИ. Акцент на ДЕМОКРАТИЮ был сделан в самом начале второй Мировой Войны, однако при правительстве Виши интерес к ней резко упал.

Для газеты *London Times* тенденция роста проявилась не столь отчетливо. В Великобритании наблюдался скачок интереса к ДЕМОКРАТИИ во время первой мировой войны, и с тех пор этот интерес не вышел за пределы достигнутого в те времена уровня. Уровень внимания к ДЕМОКРАТИИ в газете *London Times* (и, в меньшей степени, *New York Times*) остается низким, особенно если судить по количеству статей, в которых встречается данный термин. Французские газеты настолько богаче на идеологические символы, что символ ДЕМОКРАТИИ, хотя и встречается во французских газетах чаще, чем в английских, не играет более значимой роли, в сравнении с другими символами. Тем не менее, с точки зрения французских стандартов, внимание британцев к ДЕМОКРАТИИ остается на низком уровне. В любом случае, следует отметить, что обнаруженный нами спад внимания к символу ДЕМОКРАТИИ в газете *London Times* соответствует результатам опросов общественного мнения в Великобритании. В 1947 г. респондентам в США, Франции, Швеции, Норвегии, Нидерландах, Канаде и Великобритании был задан вопрос о том, считают ли они свою страну демократической. Ответ «да» был зарегистрирован в 95% случаев в Швеции, 88% – в США, 65% – во Франции, 57% – в Канаде и лишь в 50% случаев в Великобритании.

Выше нами уже была отмечена взаимозависимость между военной напряженностью и вниманием к ДЕМОКРАТИИ. Во время и непосредственно после окончания первой Мировой Войны явный рост интереса к ДЕМОКРАТИИ имел место в Великобритании, Германии и России. В

кризисные годы перед второй мировой войной, когда нацизм угрожал демократическим странам, интерес к ДЕМОКРАТИИ резко пошел в рост в США, Германии и России, а во время самой войны – и в Великобритании и во Франции.

У нас не имеется статистических данных по Германии после окончания второй мировой войны. Пресса в остальных странах, как представляется, следует тенденциям предыдущих десятилетий. В США и во Франции внимание к ДЕМОКРАТИИ никогда не было на столь высоком уровне. В России этот уровень так же высок, но все же ниже, чем в 30-е гг. В Великобритании термин ДЕМОКРАТИЯ пользуется меньшей популярностью, чем где-либо.

Оставим эти данные по интересу к ДЕМОКРАТИИ и постараемся указать на некоторые ограничения. Кажется естественным объяснить увеличение интереса к ДЕМОКРАТИИ усилением демократических позиций. Подобное объяснение является ошибочным. Оно не принимает в расчет возможность искажения значения слова, а также несоответствие между теорией и практикой. Оно также не принимает в расчет выдаваемые оценки. По меньшей мере

один всплеск интереса к ДЕМОКРАТИИ из приведенных выше данных может быть объяснен нападками на нее. Сарказм нацистов по поводу «плуто-демократий» являлся причиной того, что в последние годы войны данный термин используется в два раза большем количестве германских, чем американских статей. В лучшем случае можно предположить, что увеличение внимания к ДЕМОКРАТИИ может быть связано с увеличением озабоченности по ее поводу, но не с увеличением заботы о ней.

Поверхностный взгляд на приведенные выше данные может навести на мысль, что интерес к ДЕМОКРАТИИ представляет собой обратную функцию демократическим практикам. Скорее всего, это не так, но если бы это и было так, этому не стоило бы удивляться. Демократия представляет собой настолько важную и универсальную ценность для современного человека, что те люди, которые на самом деле не являются ее сторонниками, порой чрезмерно активно пытаются доказать свою лояльность ей. Это может являться важным фактором увеличения употребления термина «ДЕМОКРАТИЯ» в России, но по поводу данных в целом мы не можем сказать, что периоды усиления внимания к ДЕМОКРАТИИ совпадали с ограничением демократии в реальности. В Германии, например, частотность достигла высшего уровня, когда Германия вступила в самый демократический период своей истории – период Веймарской республики.

Что действительно предполагают изложенные выше рассуждения, так это то, что интерес к проблеме демократии может принимать различные формы. Это может быть форма заботы сторонника, стремящегося популяризовать ее, или же озабоченность противника, желающего осу-

дить ее. Это может быть забота тех, кто думает, что она в опасности, или же озабоченность тех, кто считает ее саму опасностью. Это может быть интерес тех людей, которым плевать на демократию как таковую, но которые считают ее удобным средством, поскольку их аудитория подвластна ее влиянию. Наши данные не позволяют выделить все эти типы внимания к ДЕМОКРАТИИ. Единственно, мы можем отметить, что под влиянием двух мировых войн, символ ДЕМОКРАТИИ занял центральное место в качестве объекта политического внимания в современном мире. В целях углубления нашего исследования нам необходимо ввести некоторые дополнительные критерии – в частности, рассмотреть проблему оценки термина «ДЕМОКРАТИЯ».

Оценка. В течение проанализированного периода – т.е. с 1890 г. – ДЕМОКРАТИЯ была термином с положительной семантикой. Из более чем одиннадцати тысячах проанализированных статей в более чем двух сотнях ему дается эксплицитная оценка. Из них две трети статей дают положительную оценку, а треть – отрицательную. По данному соотношению оценок нельзя проследить ярко выраженных общемировых тенденций. Оценки 1890-х гг. – рассматриваемые целиком – не отличаются кардинально от оценок наших дней.

Тем не менее, можно отметить значительные отличия между газетами и разными странами. В Великобритании, Франции и США ДЕМОКРАТИИ почти всегда дается положительная оценка. Процент положительных оценок от всех оценок (как положительных, так и отрицательных) составляет 88% в Великобритании, 85% во Франции, 82% в США.

Другими словами, по мере консолидации диктатуры нападки на ДЕМОКРАТИЮ прекращались, и о ней вообще переставали много говорить. Чуть позже – в период полного становления сталинской диктатуры – происходит нечто весьма примечательное. Слово «ДЕМОКРАТИЯ» внезапно стало активно употребляться, причем в самом положительном значении. 18% статей после 1935 г. содержат данный термин, при этом 97% оценок – положительные.

Понятно, что большевистская традиция сочетает положительное отношение к демократии с отрицательным. Маркс и Энгельс говорили о результатах революции как в терминах демократии, так и диктатуры пролетариата. Из Российской социал-демократической рабочей партии вышли как большевики, так и меньшевики. И хотя термин «социал-демократическая» на определенном этапе имел положительное значение, после первой мировой войны Ленин специально заменил его на термин «Коммунистическая» и принялся атаковать европейскую социал-демократию. Всю свою жизнь Ленин называл себя «последовательным демократом», в то же время он подвергал острой критике незавер-

шенность выводов чистых «демократов». Диктатура пролетариата описывалась как «демократическая диктатура рабочих и крестьян». Из этих примеров понятна историческая неоднозначность отношения большевиков к демократии. Интересным результатом можно назвать то, что в ленинский период в государственной прессе преобладало употребление слова ДЕМОКРАТИЯ в негативном значении, тогда как в еще более авторитарный период правления Сталина стало преобладать использование в позитивном значении.

Это повторяющаяся модель. В ранних трудах большевиков многие из отвратительных и шокирующих подробностей большевистской теории представлены открыто и без стеснения. В более поздних работах большевиков имеет место процесс сглаживания острых углов в целях устранения противоречий между большевистскими тезисами и утопическими ожиданиями аудитории.

Пресса при Сталине имела склонность представлять картину в черно-белых тонах, когда свой никогда не может ошибиться, а враг никогда не может быть прав, и когда любая характеристика либо положительна, либо отрицательна, и лишена неопределенности. Так, партия не вдается более в диалектические рассуждения о характеристиках, делающих эту партию ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ, и, в то же время, популярная пресса осуждает обычную ДЕМОКРАТИЮ или социал-демократию. Данные антикоммунистические формы демократии лишаются каких-либо прав называться демократиями. Их сторонники объявляются совсем не демократами, а теми, кто лишь притворяется демократами в целях демагогии. Их называют «социал-фашистами» или «лакеями американского империализма». Термины «ДЕМОКРАТ» и «ДЕМОКРАТИЯ», которые сначала чаще интерпретировались отрицательно, нежели положительно, таким образом, приобретают однозначно позитивное значение после определенного периода затишья, в течение которого они почти не употреблялись. Позднее мы увидим другие примеры из этой модели.

В Германии изменения в оценке термина «ДЕМОКРАТИЯ» в газетах гораздо более очевидны. При режиме Веймарской республики термин имел положительное значение, при нацистах – отрицательное. В период с 1919 г. по 1929 г. 83% оценок благоволили ДЕМОКРАТИИ. При нацистах 100% суждений не благоволили. Что касается остальных периодов, мы не располагаем достаточным количеством оценок, чтобы вывести точное заключение. Таким образом, значительные изменения в отношении к термину «ДЕМОКРАТИЯ» произошли в Германии и в России, но не других проанализированных странах, в которых данный термин имел стабильно положительное значение.

© Аникин А.А. (перевод), 2009

**ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ
В ЖУРНАЛ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»**

«Политическая лингвистика» издается как узко специализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах. Рукописи принимаются на русском, английском, немецком, французском, испанском языках, по согласованию с редакцией возможно представления рукописей и на иных языках. Публикация статей производится на русском языке. Перевод осуществляется сотрудниками журнала за счет средств редакции.

Авторы, предлагающие статьи для публикации должны учитывать проблематику журнала, который включает следующие разделы.

1. Политическая коммуникация. Включает статьи, посвященные институциональной и личностной политической коммуникации. Политическая коммуникация понимается широко, то есть и как коммуникация, в которых политики выступают как адресанты или адресаты, и как коммуникация, связанная с политическими проблемами в рамках политического медийного, научного или иного дискурса.
2. Язык – общество – политика – культура. В этом разделе представлены статьи, в которых исследуются проблемы взаимодействия языка, общества, культуры и политики, в том числе имеющие важное социальное значение вопросы медиалингвистики и рекламной коммуникации. Подобные исследования, разумеется, связаны с социальной жизнью и политической культурой общества, но уже не настолько непосредственно, как публикации, включенные в первый раздел.
3. Классика политической лингвистики. В данном разделе представлены исследования, созданные на предшествующих этапах развития политической лингвистики и сохраняющие свою научную значимость в современных условиях.
4. Хроника. Рецензии. Письма в редакцию.

Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам. Ежегодно мы ждем от потенциальных авторов статьи объемом от 6 до 30 страниц (двенадцатый кегль, до 40 строк на странице) до 1 февраля, 1 мая, 1 сентября и 1 декабря. Единственное ограничение – статьи должны полностью соответствовать проблематике сборника. Наиболее интересные статьи печатаются вне очереди.

Все статьи, представленные в журнал, направляются на рецензирование. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензента. В случае отрицательного решения автору направляется копия рецензии.

Мы не платим гонораров, но и не берем с авторов деньги за подготовку статьи к публикации и тиражирование сборника. Это относится ко всем авторам, в том числе к начинающим исследователям (аспирантам и др.).

Журнал выходит ежеквартально. Срок выпуска каждого номера – не более двух месяцев. Наш журнал своевременно рассылается всем отечественным и зарубежным авторам.

Статьи печатаются именно в том варианте, в каком они присланы автором, который несет полную ответственность за содержание статьи и ее оформление. Редакция не считает нужным оплачивать работу литературного редактора и корректора. Поэтому вся ответственность за содержание и оформление статьи лежит на авторе.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Контакты. Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Телефоны (343) 2357612 (кафедра); (343) 3361592 (проректор по научной и инновационной деятельности А.П. Чудинов).

Факс (343) 3361592.

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru.

Наш журнал включен в Каталог Роспечати и можно оформить подписку на него в любом почтовом отделении России (индекс 81955).

Наш журнал включен также в международную систему научных журналов (ISSN), где имеет индекс ISSN 1999-2629.

Для публикации статья должна соответствовать требованиям РИНЦ, то есть, помимо основного текста, содержать следующие сведения, представленные на РУССКОМ и АНГЛИЙСКОМ языках.

1. СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

- фамилия, имя, отчество автора полностью (если авторов больше чем один, указываются все авторы);
- должность, звание, ученая степень
- полное и точное место работы каждого автора в именительном падеже. Важно четко, не допуская иной трактовки, указать место работы каждого автора. (Если все авторы статьи работают или учатся в одном учреждении, можно не указывать место работы каждого автора отдельно);
- подразделение организации
- контактная информация (e-mail, город, корреспондентская контактная информация) для каждого автора

2. НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

3. АННОТАЦИЯ

4. КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

5. НАЛИЧИЕ ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ ТЕМАТИЧЕСКОЙ РУБРИКИ (КОД)

- УДК и/или ГРНТИ, код ВАК по разделам номенклатуры научных специальностей
- либо другие библиотечно-библиографические классификационные и предметные индексы;

Списки литературы следует оформлять по ГОСТ 7.0.5.-2008.... Образцы оформления:

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ:

Адорно Т. В. К логике социальных наук // Вопр. философии. – 1992. – № 10. – С. 76–86.

Crawford, P. J. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works / P. J. Crawford, T. P. Barrett // Ref. Libr. – 1997. – Vol. 3, № 58. – P. 75-85.

Заголовок записи в ссылке может содержать имена одного, двух или трех авторов документа. Имена авторов, указанные в заголовке, могут не повторяться в сведениях об ответственности.

Crawford P. J., Barrett T. P. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works // Ref. Libr. 1997. Vol. 3. № 58. P. 75-85.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000).

Корнилов В. И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве/отсосе // Теплофизика и аэромеханика. – 2006. – Т. 13, №. 3. – С. 369-385.

Кузнецов, А. Ю. Консорциум – механизм организации подписки на электронные ресурсы // Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке. – М.: Науч. мир, 2003. – С. 340-342.

МОНОГРАФИИ:

Тарасова В. И. Политическая история Латинской Америки : учеб. для вузов. – 2-е изд. – М. : Проспект, 2006. – С. 305–412.

Допускается предписанный знак точку и тире, разделяющий области библиографического описания, заменять точкой.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы : межвуз. сб. науч. тр. / Сарат. гос. ун-т; [под ред. С. Ф. Мартыновича]. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1999. - 199 с.

Допускается не использовать квадратные скобки для сведений, заимствованных не из предписанного источника информации

Раздел 3. Классика политической лингвистики

Райзберг, Б. А. Современный экономический словарь / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 494 с.

Заголовок записи в ссылке может содержать имена одного, двух или трех авторов документа. Имена авторов, указанные в заголовке, не повторяются в сведениях об ответственности. Поэтому:

Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2006. 494 с.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000)

АВТОРЕФЕРАТЫ

Глухов В. А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: Автореф. дис. канд. техн. наук. – Новосибирск, 2000. – 18 с.

ДИССЕРТАЦИИ

Фенухин В. И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: Дис. ... канд. полит. наук. – М., 2002. – С. 54–55.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ:

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья : аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. – М. : ИМЭМО, 2007. – 39 с.

ПАТЕНТЫ:

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д. Н., Бонштедт Б. Э., Корешев С. Н., Лебедева Г. И., Серегин А. Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745. 1998. Бюл. № 33.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегион. конф., Ярославль, 2003. 350 с.

Марьянских Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11-12 сент. 2000 г.). – Новосибирск, 2000. – С. 125-128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ:

Официальные периодические издания : электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 2005–2007. URL: <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

Логинова Л. Г. Сущность результата дополнительного образования детей // Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. интернет-журн. 21.10.03. URL: <http://www.oim.ru/reader.asp?nomer=366> (дата обращения: 17.04.07).

<http://www.nlr.ru/index.html> (дата обращения: 20.02.2007).

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nsk.adme.ru/news/2006/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.08).

Литчфорд Е. У. С Белой Армией по Сибири [Электронный ресурс] // Восточный фронт Армии Генерала А. В. Колчака: сайт. - URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения 23.08.2007).

